

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2014. № 32 (2)
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

А. А. Черкасов (г. Сочи, Россия)
гл. редактор – д-р ист. наук

Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук

С. И. Дегтярев (г. Сумы, Украина)
канд. пед. наук

А. Н. Сорокин (г. Томск, Россия)
канд. ист. наук

В. Г. Иванцов (г. Сочи, Россия)
канд. ист. наук

Журнал включен в базу Scopus, Directory of Open Access Journals, Российского индекса научного цитирования.

ИФ ОАИ 2012 – 0,691

Журнал зарегистрирован в федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ №ФС77-47157** от 03.11.2011

Учредитель

СОЧИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Адрес для писем:

354003, г. Сочи, ул. Макаренко, 8а, каб. 219.
Тел.: 8(8622)298-27-37.
E-mail: Bylyegody@sutr.ru
Сайт журнала: www.bg.sutr.ru
Англоязыч. сайт журнала: www.en.bg.sutr.ru

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редакционный совет:

Е. П. Бажанов (г. Москва, Россия)

Й. Бекман (г. Хельсинки, Финляндия)

В. А. Исупов (г. Новосибирск, Россия)

И. И. Колесник (г. Киев, Украина)

Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)

В. И. Меньковский (г. Минск, Белоруссия)

А. Ю. Рожков (г. Краснодар, Россия)

Г. М. Романова (г. Сочи, Россия)

Е. С. Сенявская (г. Москва, Россия)

М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

С. В. Януш (г. Ставрополь, Россия)

Подписано в печать 01.06.2014 г.
Формат 21 × 29,7/4.

Уч.-изд.л. 8. Усл. печ. л. 6,3.
Тираж 500 экз. Заказ № 36.

Редактор, корректор
Н.Ш. Сайфутдинова
Редактор-переводчик А. В. Рожкова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Великий князь Ярослав Мудрый, Император Николай II, Великая княгиня Ольга.
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и картина «Поединок на Куликовом поле»

BYLYE GODY (FORETIME). 2014. № 32 (2)
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

A. A. CHERKASOV (SOCHI, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
Deputy Editor in Chief – Dr. (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
PhD (History)

A. N. SOROKIN (TOMSK, RUSSIA)
PhD (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

This magazine is listed in Scopus, Directory of Open
Access Journals, Russian Index of Scientific
Quotations Copyright reserved.
Impact factor of OAJI 2012 – 0,691

This magazine is registered in the Federal
Supervision Agency for Information Technologies
and Communications. Magazine Certificate of
Registration ПИ №ФС77-47157 03 November
2011.

Editorial Board:

E. P. BAZHANOV (MOSCOW, RUSSIA)

J. BÄCKMAN (HELSINKI, FINLAND)

V. A. ISUPOV (NOVOSIBIRSK, RUSSIA)

I. I. KOLESNIK (KIEV, UKRAINE)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

V. I. MENJKOVSKY (MINSK, BELARUS)

G. M. ROMANOVA (SOCHI, RUSSIA)

A. U. ROZHKOVA (KRASNODAR, RUSSIA)

E. S. SENYAVSKAYA (MOSCOW, RUSSIA)

M. ŠMIGEL (BANSKÁ BYSTRICA, SLOVAKIA)

S. V. YANYSH (STAVROPOL, RUSSIA)

Founder
SOCHI STATE UNIVERSITY

Postal Address:

354003, Sochi city, Makarenko st., 8a, cab. 219.

Tel.: 8(8622)298-27-37.
E-mail: Bylyegody@sutr.ru
Website: www.bg.sutr.ru
English version of the magazine site:
www.en.bg.sutr.ru

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Approved for printing 1.06.2014
Format 21 × 29, 7/4.
Ych. Izd. l. 8. Ysl. pech. l. 6, 3.
Circulation 500 copies. Order № 35.

Editor, Proofreader
N. SH. SIFUTDINOVA
Editor-translator A. V. ROZHKOVA

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:
Grand Prince Yaroslav the Wise, Emperor Nicholas II, Great Princess Olga.
At the bottom of the cover page: Chernomorskay Gubernia (Black Sea Province) emblem
and a picture "Duel in the field of Kulikovo"

C O N T E N T S

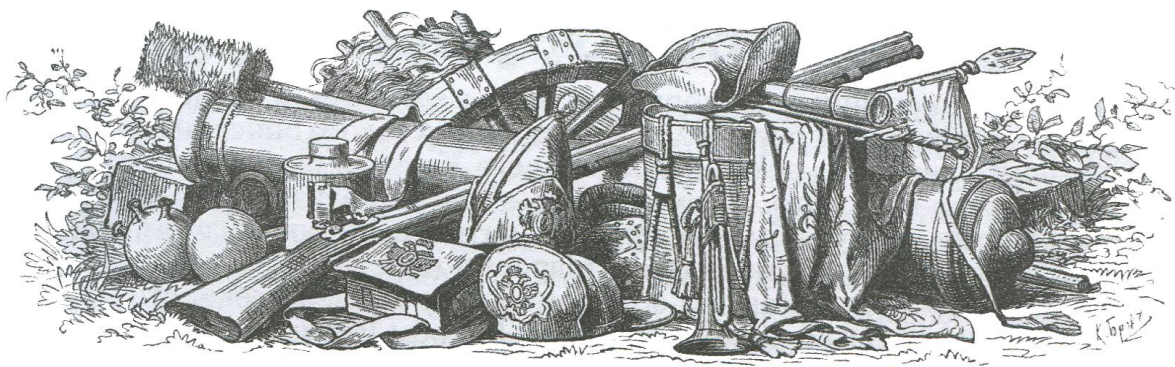
RELEVANT TOPIC

Russian North Caucasus: Historical Memory vs Historical Policy Asiet Yu. Shadzhe, Ludmila R. Khut, Elena S. Kukva	132
--	-----

ARTICLES AND STATEMENTS

Cadet Education in the Imperial Russia: Genesis, Dialectics and the Role in Social Structure of the Society Alexander P. Abramov	140
Wrongful Actions of the German Armed Forces Against the Civilian Population of Germany in the Final Stages of World War II Sergej I. Belov	145
Hillmen of the Black Sea Province (Early XIX Century): Geography, Demography, Antropology Aleksandr A. Cherkasov, Michal Šmigel, Vladimir G. Ivantsov, Aleksandr A. Ryabtsev, Violetta S. Molchanova	150
Violations of Law in the Bureaucrats Community and Their Perception by the Ukrainian and Russian People in the Late XVIII – First Half of XIX Centuries Sergey I. Degtyarev	155
Murman Coast of the Barents Sea at the Second Half of the 19th and the Beginning 20th Century. Russian or European Colonization? Pavel V. Fedorov	162
‘Distillation is the East Indies of Our Nobility’: Organization of Distilling by the Nobility Before and After the Wine Reform of 1863 Natalia Ye. Goryushkina	168
Operation and Activity of Moneyed Corporations in Baku and Tiflis Provinces (Last Quarter of XIX – Late XX Centuries) Almaz M. Ismailova	174
Structure and Resources of Professional Economic Education in Siberia of the Early 1920s Tatiana A. Kattcina, Lyudmila E. Marinenko	178
The History of Personal Insurance in 1920s (Kursk Province Case Study) Natalya V. Kartamysheva	182
Agitation and Propagandistic Work in Soviet POW Camps Gulzhaukhar K. Kokebayeva	186
The Russian Orthodox and Catholic Church in 1980 – the 1990th Years: to History of Relationship Larisa A. Koroleva, Oleg V. Melnichenko, Victor V. Zinchenko, Natalya V. Miku	194
Vladimir Mikhaylovich Bubekin and Penza Region Larisa A. Koroleva, Alexey A. Korolev, Victor V. Zinchenko	200
Historical Way of Sochi Development: From Resort to Olympic Games Host City Irina N. Markaryan	206

Innovations of Spanish Shipbuilding of the Regency's period Nicholas W. Mitiukov	215
Measuring the Famine: Consumption Level in 1933 Sergey A. Nefedov	226
Community Organization of Siberian Coachmen in Late XVI – XVII Centuries Oleg V. Semenov	233
Jews and Their Social Status in the Society of Siberia in XIX Century Vladimir N. Shaidurov	239
Siberian Polonius as a Result of National Policy of the First Half of the XIX Century Vladimir N. Shaidurov	245
Adats and Their Influence on the Social Structure and Legal Relations in the Community of Highland Peoples in Late XIX Century Elena S. Shavlokhova	252
The Integration of Science, Higher Education and Economy as a Factor of Recovery and Modernization of Soviet National Economy During the First Post-WWII Decades (Case Study of the Activity of the Siberian Physical-Technical Institute (1945-1954)) Alexander N. Sorokin	257
Civil and Patriotic Education of Students by Means of Excursion Activities in Russia in the Second Half of XIX – Early XX Centuries Nadezhda V. Tarasova, Elena A. Nikitina, Olga V. Chernishova, Tatiana V. Letapurs, Svetlana V. Dumina	262
Population Censuses in Slovakia between 1919–1940 Pavol Tisliar	266
Foundation of the Colonization Institute in the USSR Irina V. Voloshinova	271
Japanese in the Russian Far East (1900s – early 1930s): Manpower problem on Kamchatka and Northern Sakhalin Taisija V. Yudina, Vladimir V. Bulatov, Ekaterina L. Furman	276
Differentiation of Siberian Miners' Salaries in Late XIX – Early XX Centuries Vasiliy P. Zinovyev	282

RELEVANT TOPIC

UDC 930.1(470.6)

Russian North Caucasus: Historical Memory vs Historical Policy

¹ Asiet Yu. Shadzhe

² Ludmila R. Khut

³ Elena S. Kukva

¹⁻³ Adyghe State University, Russian Federation
Pervomayskaya st., 208, Maikop, Republic of Adyghea, 385000

¹ Dr (Philosophy), Professor
E-mail: shadzhe@maykop.ru

² Dr (History), Professor
E-mail: ludmila1302@mail.ru

³ PhD (Sociology)
E-mail: kukva@rambler.ru

Abstract. This article analyzes the content of such terms as «historical memory» and «historical policy»; and carries out their projection on current realities of the Russian Northern Caucasus. We offer possible answers to the question “what to do with the attempts of various actors of historic policy to exploit historical past of the Northern Caucasian peoples, Circassians in the particular. We justify the position that culture is the basis not only for the relationship of memory and identity, but also for mutual understanding among nations. We conclude that the policy, based on dialogue, should be focused on inter-ethnic harmony and preservation of each cultural/ethnic unity in the poliethnic region. In order to strengthen the unity of the nation’s civil and Russian national identity, we raise the problem of combining components to identify all Russian ethnic groups.

Keywords: Historical memory; identity; historical policy; culture; Russian Northern Caucasus; Russian civil nation.

Введение. Одной из болевых точек современной России является Северный Кавказ. Диапазон умонастроений россиян, формируемых СМИ, на уровне массового общественного сознания чрезвычайно широк. От «нет Северного Кавказа – есть южная Россия!» до «хватит кормить Кавказ!» и вообще «Кавказ, goodbye!» Внимание к этому региону актуализировали также XXII Зимние Олимпийские игры 2014 г. в Сочи.

Цель данной статьи – показать, в каком соотношении на северокавказском рубеже России находятся сегодня историческая память этносов и разнообразные практики исторической политики, предложить возможные варианты ответа на вопрос, что делать с предпринимаемыми различными акторами исторической политики попытками эксплуатации исторического прошлого.

Материалы и методы. При написании данной статьи были использованы историографические источники – исследования отечественных и зарубежных историков, социологов, философов по проблемам исторической памяти и исторической политики, привлечены материалы исторической блогосферы Рунета по северокавказской регионалистике. Исследование носит междисциплинарный характер, оно осуществлялось на основе комплексного подхода, принципа историзма, историко-логического и историко-сравнительного методов.

Обсуждение. Проблемой памяти интересовались многие мыслители прошлого, начиная с эпохи античности. Обращение к этой проблеме мы находим в текстах древнегреческих философов и средневековых мыслителей, которые рассматривали память как внутреннее, сущностное свойство человека, способное отразить, сохранить и передать последующим поколениям многообразие окружающего мира.

Понятия «память» и «воспоминание» часто употребляются как синонимы, однако понятие памяти следует воспринимать как собирательное для свойственного определенной культуре, нации, эпохе набора образов, текстов и ритуалов, благодаря культивированию которых стабилизируется ее (культуры) автопортрет, с тем, чтобы отмежеваться от другой культуры. Под воспоминанием понимаются индивидуальные или коллективные акты доступа к прошлому [1].

Однако нас интересует воспоминание прошлого не только в сознании индивида, но и этноса. Американский исследователь А. Мегилл совершенно справедливо отмечает, что «коллективная память возникает в том случае, когда множество людей участвует в одних и тех же исторических событиях. Тогда можно говорить о том, что эти люди имеют коллективную память о данных событиях, но не в смысле некой надиндивидуальной памяти – поскольку нет «памяти» вне индивидов, – но в том смысле, что каждый человек имеет (в границах своего собственного сознания) образ, опыт или гештальт, который пережили также и другие люди. Кроме того, эти образы или гештальты в большой степени совпадают, иначе память не была бы «коллективной» [2].

Из множества современных исследований о том, как общество конструирует свое прошлое, классикой жанра стал пятитомный мегапроект коллектива французских историков под руководством академика П. Нора «Места памяти» (1986–1993), в котором была предпринята амбициозная попытка изучения коллективной памяти французов. Формирующей национальной идентичность французов основой здесь выступают т.н. «места памяти», к которым прикрепляется память памяти», как известно, была предложена еще в начале XX в. одним из основателей теории исторической памяти французским социологом М. Хальбваксом [3], а позже продолжена П. Нора. «Места памяти» («территория памяти»), по П. Нора, представляют собой «всякое значимое единство материального или идеального порядка, которые воля людей или работа времени превратила в символический элемент наследия памяти некоторой общности» [4].

Современные российские "memory studies" вслед за западными направлениями рассматривают историческую память как сложный социокультурный феномен. По словам Л.П. Репиной, историческая память представляет собой «одно из измерений индивидуальной и коллективной/социальной памяти – как память об историческом прошлом или, вернее, как символическая репрезентация прошлого. Историческая память - не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конструирования социальных групп в настоящем» [5]. Авторский коллектив Российского института культурологии в своем коллективном труде «Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке» определяет и связывает между собой «политику памяти» (манипуляции памятью в чьих-либо интересах) и «политику идентичности» (возможность создавать, уничтожать или корректировать те или иные образы прошлого, изменяя тем самым у социальной общности образ себя и окружающих) [6]. С подобными интерпретациями созвучна теория и практика «исторической политики», интерес к которой наблюдается вслед за всплеском интереса по отношению к феномену исторической памяти, переживаемого российской социогуманитаристикой за последние десятилетия.

Происхождение термина «историческая политика» исследователи связывают с событиями начала 1980-х гг. в Германии, когда ответом на попытку тогдашнего канцлера ФРГ Г. Коля добиться «морально-политического поворота» и более позитивного характера немецкого патриотизма стал знаменитый «спор историков» («historikerstreit») о причинах возникновения нацизма и о Второй мировой войне. В ходе этих дискуссий и возник термин «историческая политика» («geschichtspolitik»), который использовали оппоненты предлагавшейся политики, вследствие чего сам термин приобрел отчетливо критический характер. Позднее, в середине 2000 гг., термин получил широкое распространение в Польше и в Украине, прежде всего в процессе «отталкивания» от России и отказа от «наследства» социалистической эпохи. В 2004 г. группа польских историков выступила с инициативой разработки и проведения активной исторической политики («polityka historyczna»). При этом, в отличие от Германии, в Польше термин «историческая политика» был использован самими инициаторами и сторонниками такой политики, т.е. применялся как самоназвание. К концу первого десятилетия XXI в. этот термин стал активно применяться исследователями для описания процессов и практик в политике посткоммунистических государств Восточной Европы [7].

Что касается актуализации термина «историческая политика» в отечественном историографическом пространстве, то одной из первых публикаций на страницах российской периодики была статья польского общественного деятеля, историка, журналиста А. Михника «Историческая политика: российский вариант», опубликованная в 2006 г. в журнале «Родина» [8]. В 2009 г. журнал «Pro et Contra» полностью посвятил один из своих номеров исторической политике

[9]. В 2012 г. под редакцией А.И. Миллера и М. Липман вышел фундаментальный сборник «Историческая политика в XXI веке» [10]. В мае 2013 г. в Москве состоялась международная научная конференция «Историческая политика: российский и польский варианты», организованная факультетом «Artes Liberales» Варшавского университета, Институтом гуманитарных историко-теоретических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Международным историко-просветительским, благотворительным и правозащитным обществом «Мемориал» [11].

Историческая политика, по мнению одного из ее российских исследователей А.И. Миллера, — это набор практик, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие [12]. «Моделирование исторического сознания и исторической памяти подданных и манипулирование ими и есть историческая политика государства» [13], — утверждает В.Э. Молодяков. В свою очередь, Я.В. Шимов понимает под исторической политикой «попытку моделирования исторической памяти общества, расставление в отношении явлений, событий и деятелей прошлого оценок и акцентов, которым придается статус общепринятых» [14]. На вопрос, зачем и кому это нужно, И. А. Калинин отвечает, что «определенным образом присвоенное и проинтерпретированное прошлое позволяет политической элите обосновывать свое право на власть не только через обращение к результатам выборов и полученному в конкурентной борьбе праву на представительство, но и через обращение к праву наследования, к фигуре исторического выбора, укорененного в традиции» [15].

Неотъемлемый элемент исторической политики — разрушение пространства для диалога [16]. В публикациях активистов исторической политики диалог «последовательно заменяется спорами «патриотов и предателей», в котором в идеале «предатели» должны быть лишены права голоса» [17].

Историческая политика, проводимая российскими властями сегодня, направлена на выработку и внедрение в общественное сознание концепции национальной истории, в которой государство предстает как средоточие и основной смысл русской исторической традиции. Именно на такой «государственнической» основе происходит попытка создания «синтетической» версии истории, в рамках которой СССР служит естественным продолжением прежней России, а государство рассматривается как высшая социальная ценность. В изложении исторического материала упор делается на государственные и военно-политические факторы, исходя из которых и оценивается роль тех или иных деятелей или событий [18].

В основе каждой исторической политики лежит базовый сюжет, зачастую приобретающий характер мифа. Для исторической политики постсоветской России базовым сюжетом является Великая отечественная война с акцентом на Победу. «Уберите у существующего сейчас в России строя память о Второй мировой войне, — отмечает чл.-корр. РАН П.Ю. Уваров, — все, больше ничего нет, все рухнуло, это последнее, что может его цементировать. Больше нет ни одного объединяющего элемента для исторического сознания» [19].

Что касается северокавказских народов, то здесь базовым сюжетом является Кавказская война XIX в. Как символическими объектами памяти у французов выступают Жанна д'Арк и Триумфальная арка, так символическими объектами памяти у адыгов, одного из коренных этносов Северо-Западного Кавказа, выступают Красная поляна — последний очаг черкесского сопротивления на завершающем этапе этой войны, и тесно связанная с войной трагедия махаджирства — массового исхода представителей коренных северокавказских этносов за пределы исторической родины.

Бряд ли историк-профессионал будет спорить с мыслью о том, что «правда представляет ценность сама по себе. Независимо от того, во что мы хотели бы верить в отношении того или иного предмета, мы обязаны раскрывать правду» [20]. Однако кто, как не те же историки, знает, что одно и то же событие, один и тот же процесс можно интерпретировать совершенно по-разному, не только в зависимости от степени своей профессиональной добросовестности или недобросовестности, но и политических взглядов, идеологических предпочтений, гендерной и национальной идентичности и т.д. «Интерпретация прошлого всегда несет определенный риск, особенно проявляющийся в условиях политически и социально разделенного общества, т.к. это равным образом и интерпретация настоящего» [21].

Учебники отечественной истории сегодня, особенно если сравнивать между собой федеральный комплект и многочисленные региональные версии, не устают удивлять противоположностью избранных интерпретационных стратегий. Это ярко видно на примере такого "трудного" места памяти, как Кавказская война: от фигуры умолчания или характеристики событий этой войны, что называется, «телеграфной строкой» до подробного многостраничного рассказа о перипетиях этой войны, связанных с ней бедствиях, в том числе трагедии выселения, и т.д.). Одни и те же исторические персоналии — это в одном случае герои национальной истории, российской или кавказской, в другом — соответственно завоеватели или бандиты [22].

Как же возможно преодоление или хотя бы минимизация неизбежных рисков разнообразных практик исторической политики? В поисках ответа на этот вопрос представляется оправданным помещение проблемы «историческая память vs историческая политика» в контекст культуры. В каждой культуре как сложной саморазвивающейся системе формируются особые информационные

структуры-коды, фиксирующие важные для целостности системы особенности ее взаимодействия со средой («опыт» предшествующих взаимодействий). Эти информационные структуры-коды определяют способы воспроизводимости системы как целого (В.С. Степин). Такими информационными структурами в культуре являются ее базисные ценности и смыслы, которые значимы для каждого человека и народа, поскольку они определяют отношение человека к миру/происходящим событиям, а также являются ориентирами и регуляторами его поведения. Более того, ценности и смыслы, являясь наиболее устойчивыми элементами культуры, являются скрепой «мы»/ «свои» на разных уровнях идентичности.

Как отмечает О.Н. Астафьева, «культура посредством ценностей, языка, ментальности, традиций памяти придает осмысленность прошлому существованию и опыту совместного бытия людей, выступая основанием для идентификации коллективного субъекта. В свою очередь, границы идентификационных матриц коллективных идентичностей в той или иной степени подвижны, идет ли речь о гражданской, политической, этнокультурной, национально-культурной, транснациональной идентичности и др.» [23].

Пространство культуры представляет собой некоторое пространство памяти. С одной стороны, культура помогает понять смысл памяти. Память, в свою очередь, формирует ценностно-мировоззренческие ориентации человека/группы. С другой стороны, память выступает основой культуры. Совершенно справедливо отмечал Д.С. Лихачев в своей работе «Искусство памяти и память искусства», что «одна из величайших основ, на которых зиждется культура, – память». В созидании культуры участвуют многие поколения людей. Культура передается из поколения в поколение, накапливается. При этом память вовсе не механична. Это важнейший творческий процесс: именно процесс и именно творческий [24].

С культурой связана и идентичность. Например, этническая идентичность формируется в определенной культурной среде. В северокавказском обществе характерологическими особенностями идентификационных процессов выступают этнокультурные маркеры. В определении своей идентичности важная роль принадлежит, безусловно, коллективной памяти северокавказских народов.

Культура формирует личность, помогает идентифицировать себя с определенной социальной общностью. Это положение может быть перенесено и в плоскость этноса. Личность, идентифицируя себя со своим этносом, этнической группой, народом, может реализовать память в этнической культуре. Знание этнических культур и межкультурный диалог способствуют взаимопониманию друг друга.

Профессор Калифорнийского университета С. Бенхабиб определяет моральные, этические и оценочные составляющие культуры и подчеркивает, что «культуры представляют смысловые сети, вновь и вновь переопределяемые через слова и дела носителей». Бенхабиб пишет: «По мере накопления наших знаний о других культурах и о нас самих растет и наше ощущение относительности... Чем больше мы понимаем, тем больше способны простить, [и поэтому] в изучении человеческой культуры и общества [действует принцип: все понять – значит все простить]» [25].

Важно стремление к пониманию другой культуры. С одной стороны, усвоение и понимание той или иной культуры требуют самоидентификации с ней. Определяя свою идентичность, личность вживается в другую культуру, познает ее ценности. С другой – культура является основой взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего; идентичности и исторической памяти.

В современных условиях, в условиях кризиса, во всех сферах нашего бытия вновь актуализирована проблема формирования историко-культурной памяти. Говоря словами крупнейшего социолога Европы З. Баумана, «мы должны помнить – но что?» И для чего помнить? Чтобы понять, какое общество возникло из истории, и каковы мы, составляющие это общество? Научили ли нас уроки истории сохранять человеческое в себе, живя в условиях кардинальной переоценки отношения ко многим вопросам человеческого бытия? Каков наш ценностный мир? Каким мы видим свое будущее? Какова связь будущего с памятью? Что может стать основой этого будущего общества?

Отметим, что в поисках «ответов» на «вызовы» современности обращение только к нормам и законам этносов, к исторически сформировавшимся этнокультурным ценностям не решит проблемы. Мы все прекрасно понимаем, что эти социокультурные институты в том виде, в каком они исторически формировались, не могут быть возрождены.

Трагические события и страницы запечатлены остро в памяти каждого этноса и каждой нации. Это наше прошлое, из которого мы вышли. Однако, памятуя о прошлом, исторических корнях своего этноса, проявляя уважение к исторической памяти, важно соотносить с современностью, преодолевая крайности, вызванные либо политической конъюнктурой, либо чрезмерной идеологизацией – по отношению к памяти. Время сведения счетов друг с другом и со временем прошло. Необходимо вступить с прошлым в диалог, в новый диалог, подчинив историческую память формированию гражданина-патриота, знающего историю своей страны, своей земли, своего народа. Такая работа возможна в сфере культуры. Только в рамках культуры и культурной традиции может быть рассмотрен и выявлен смысл памяти.

Один из возможных способов снижения рисков практик исторической политики - помещение остродискуссионных проблем во всемирно-исторический контекст и рассмотрение их с позиций исторической компаративистики. Например, в контексте анализа взаимосвязей и взаимозависимостей мира XIX столетия можно провести параллели между процессами, происходившими, допустим, на Балканском полуострове в 1860–1870-е гг., и той же Кавказской войной и последовавшим за ней махаджирством. Ведь, как известно, черкесы были расселены по территории всей Османской империи, включая и ее европейские владения, т.е. на Балканском полуострове. Исследователям известно, как трансформировался образ черкеса-махаджира в иноэтничной и иноконфессиональной среде, как суждено было черкесам сыграть в истории православных народов Балканского полуострова ту же роль, какую казаки сыграли в их собственной трагической судьбе [26].

Помимо исторической компаративистики, еще один перспективный подход – историко-антропологический, в контексте которого не придется выбирать между «русскими завоевателями» и «дикими горцами». Речь идет об обращении к проблеме «человек в истории», но не с целью ее идеологизации и создания списков «врагов» нации, ибо патриотизм определяется не количеством произнесенных мантр о том, что «нация – это высшая ценность», а, как справедливо заметил А. Михник, «мерой стыда, который человек испытывает за преступления, совершенные от имени его народа» [27].

Наконец, перспективной областью исторических исследований можно рассматривать, и об этом уже пишут исследователи [28], изучение интегративных факторов в истории отношений между народами Кавказа и Россией. «Конечно, на самом деле любая национальная история пишется «реверсивным» методом: из настоящего в прошлое, ситуация настоящего проецируется на прошлое» [29]. Проецируя, в свою очередь, это теоретическое рассуждение на контекст интересующей нас исторической реальности, мы не погрешим против профессионального этикета историка, если будем объяснять методами своей науки, почему мы, русские и кавказцы, в конце концов оказались в одной лодке. А это значит, что сюжетам мирного сосуществования надо уделять больше внимания, чем истории вражды.

Отдельно хотелось бы сказать о том, что в состоянии сделать каждый из нас, отечественных гуманитариев, в плане просветительства, своего рода «хождения в народ». В качестве иллюстрации к сказанному приведем пример из блогосферы Рунета. В ней сегодня немало блогов с исторической тематикой. Их ведут как профессиональные историки, так и люди, интересующиеся историей. К историческим блогам Рунета относится и блог «Северный Кавказ сквозь столетия», который ведет на платформе сайта «Кавказский узел» московский историк-кавказовед кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН Наима Аминовна Нефляшева [30]. В первом же своем посте автор объясняет причины, побудившие ее обратиться к жанру интернет-дневника: «...сейчас, как и 150 лет назад, Кавказ остается особым и самым проблемным регионом России, здесь по-прежнему сталкиваются интересы ведущих мировых держав, а в российской политике, как всегда, существуют свои «голуби» и «ястребы», свои Воронцовы и Ермоловы. Читающая публика в средней полосе России, как уже было в XIX веке, содрогается от зловещих мифов о коварных горцах, не способных якобы вписаться в цивилизованное общество и воспринимает Кавказ как параллельный неведомый мир, а современные интеллектуалы пророчат Кавказу будущий самоуправляющийся Хаос». Главный посыл здесь – помочь согражданам «понять Кавказ», т.е. развеять те многочисленные мифы о Кавказе и кавказцах, которые присутствуют в массовом общественном сознании россиян сегодня через обсуждение сюжетов кавказской истории, «которые явно, а может быть, и не столь прямолинейно, можно спроецировать на современность» [31]. Н.А. Нефляшева – профессиональный историк, выпускница Санкт-Петербургского государственного университета. Являясь представительницей адыгского народа, родившись и прожив здесь немалое количество лет, сегодня она живет и работает в Москве, но хорошо знает реалии жизни региона. Автор не отвлекается на очередные «актуальные проблемы», постоянно появляющиеся в беспокойном политическом поле России сегодня, но прямо не связанные с историческим прошлым и современным состоянием Северного Кавказа. Четко и методично она «следует своим курсом» и в каждом новом посте предлагает читателям частичку нового знания о своей малой родине. Так, серия интересных, информационно насыщенных постов была предложена читателям блога в связи с Олимпиадой-2014. В них любой желающий мог найти сведения о топонимах черноморского побережья (Адлер, Хоста, Мацеста, Дагомыс, Сочи и др.), о происхождении названия главного олимпийского стадиона Фишт и о мифологии гор у черкесов, о героях нартского эпоса, в частности о легендарном Сосруко – адыгском Прометее, подарившем огонь людям, но так и не ставшем символом Олимпийских Игр в Сочи.

Заключение. Память связывает прошлое, настоящее и будущее. Прошлое зафиксировано в разных формах памяти. Безусловно, прошлое в современной жизни приобретает новое содержание. При оценке прошлого из настоящего мы соотносим его с современностью, а это позволяет выявить новые смыслы прошлого, что изменяет контекст существования прошлого. Поэтому мы находим в прошлом новое содержание, новый смысл и новое понимание.

Память ценна тем, что она соединяет человека с прошлым, формирует представление родины и чувство самосознания. Пренебрежение к прошлому, этнокультурным ценностям нарушает естественный процесс саморазвития этноса.

Память и идентичность формируются в определенной социокультурной среде. Что касается северокавказского региона, то в целом социокультурная основа памяти и идентичности здесь связана с выявлением и оценкой значимости этничности и прошлого в сознании и поведении индивида/этноса. Поэтому в качестве показателя социокультурных перемен здесь выступают изменения в этнических системах, в которых формируются разные виды/уровни идентичности и поддерживается культурно-историческая память, на основе которых рождаются новые решения.

Несмотря на то, что не существует простых и готовых рецептов достижения гармонии в полиэтничном регионе, формирования гражданского сознания в обществе, целый ряд факторов - и политических, и экономических, социальных, и т.д. - играют в этом процессе большую роль. Однако проблема поддержания культурной памяти и коллективной идентичности может и должна решаться на федеральном и региональном уровнях.

В современных условиях, в условиях формирования и укрепления российской национальной идентичности, следует выявлять общие корни страны, общие/опорные компоненты, которые «работают» на единство гражданской нации, на сохранение гражданского мира и единства России. Это – наша общая история, российская культура, наша природа, спортивные достижения нашей страны и т.д. Вопрос памяти и идентичности – это вопрос сотрудничества и взаимопонимания. Именно поэтому в современных условиях мы должны подчинить свою диалогичность, свою культуру мышления, слово и дело сохранению гражданского мира и нашего «единства в многообразии». И только тогда каждый из нас может считать себя человеком современной цивилизации.

Культурная политика в стране и регионах должна быть направлена на сохранение каждой культурной/этнической единицы и укрепление нашего «единства в многообразии». При этом правящая элита не должна руководствоваться крайними принципами «назад к традиции» или «долой традиции». Стратегические задачи в этой сфере определены Правительством РФ в Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». Документ подготовлен в соответствии со «Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Программа призвана обеспечить координацию государственной национальной политики, выработку региональных стратегий этнокультурного развития, поддержку диалога между органами государственной власти и общественными национальными и религиозными объединениями.

Примечания:

1. Файхтингер Й. По ту сторону методичного национализма. Перспективы культуры, исторической памяти и идентичности в Европе // Вопросы философии. 2007. № 9. С. 37.
2. Мегилл А. Историческая эпистемология / пер. М. Кукарцевой, В. Кашаева, В. Тимонина. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2007. С. 113.
3. См. переводы на русский язык: Хальбвакс М. Коллективная и историческая память [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2005. №2-3 (40-41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 18.04.2014); Его же. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкин. М.: Новое издательство, 2007. 346 с.
4. Нора П. Как писать историю Франции? // Франция – память. СПб., 1999. С. 78-79.
5. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. С. 414.
6. Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: / отв.ред. Н.А. Кочеляева. М.: Совпадение, 2012. 176 с.
7. Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. М., 2012. С. 8.
8. Михник А. Историческая политика: российский вариант // Родина. 2006. № 6. С. 9.
9. Pro et Contra. 2009. № 3-4. Историческая политика.
10. Историческая политика в XXI веке: сб. ст. / науч. ред. А.И. Миллер, М. А. Липман. М., 2012.
11. URL:<http://www.hse.ru/data/2013/05/09/1299306096/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%Bo%D0%BC%D0%BC%D0%Bo%20%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%Bo%D1%82%D1%8B.pdf> (дата обращения: 18.04.2014)
12. Миллер А.И. Россия: Власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3-4. Историческая политика. С. 10.
13. Молодяков В.Э. Историческая политика и политика памяти // Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / под редакцией Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 16.
14. Шимов Я.В. Борьба за русскую историю и монополия государства // Русский вопрос. 2013. №2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruskiivopros.com/?pag=one&id=510&kat=6&cs1=62> (дата обращения: 19.04.2014)
15. Калинин И.А. Прошлое как ограниченный ресурс: историческая политика и экономика ренты // Неприкосновенный запас. 2013. № 2(88) [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/2/ki8.html> (дата обращения: 19.04.2014).

16. Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. М., 2012. С.23.
17. Миллер А.И. Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. М., 2012. С. 339.
18. Шимов Я. В. Указ. соч.
19. «Нужна совместная кропотливая работа ученых, а не чиновные приказы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2009/08/10/istorija/> (дата обращения: 18.04.2014).
20. Химка Дж. П. Дружественные вмешательства: борьба с мифами в украинской истории XX в. // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. М., 2012. С.427.
21. Шеуджен Э.А. Историческая память и проблемы Кавказской войны // Кавказская война: уроки истории и современность. (Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19-22 мая 2004 г.). Майкоп, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://arigi.adygnet.ru/hist/work.htm> (дата обращения: 28.04.2014).
22. Подробный анализ учебной литературы см.: Кринко Е. Ф. События и герои Кавказской войны в учебной литературе // Кавказская война: уроки истории и современность (Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19-22 мая 2004 г.). Майкоп, 2006. С. 290-301.
23. Астафьева О.Н. Историческая память как ресурс культурной политики и формирование коллективной идентичности // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: / отв. ред. Н.А. Кочеляева. М.: Совпадение, 2012. С. 98.
24. Лихачев Д.С. Искусство памяти и память искусства // Критика и время: литературно-критический сборник / сост. Н.П. Утехин. Л.: Лениздат, 1984. С. 68.
25. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. С. 47, 36.
26. См. подробнее: Кудяева С.Г., Хут Л.Р. Адыгские махаджеры на Балканах // Культура и быт адыгов (Этнографические исследования). Вып. VIII. Майкоп, 1991. С.187-209.
27. URL: <http://www.polit-portret.ru/russia/patriotism/> (дата обращения: 18.04.2014).
28. Матвеев О.В. Политика России на Северо-Западном Кавказе 1830–1864 гг. в научной деятельности современных отечественных исследовательских центров и высших учебных заведений [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. 2012. №12. URL: <http://www.teoriapractica.ru/-12-2012/history/matveev.pdf> (дата обращения: 22.04.2014)
29. Касьянов Г.В. Национализация истории в Украине // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. М., 2012. С. 248.
30. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927> (дата обращения: 21.04.2014).
31. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927/posts/6370> (дата обращения: 21.04.2014).

References:

1. Fajhtinger J. Po tu storonu metodichnogo nacionalizma. Perspektivy kul'tury, istoricheskoy pamjati i identichnosti v Evrope // Voprosy filosofii. 2007. №9. S. 37.
2. Megill A. Istoricheskaja ehpistemologija / per. M. Kukarcevoj, V. Kashaeva, V. Timonina. М.: «Kanon +» ROOI «Reabilitacija», 2007. S. 113.
3. См. perevody na russkij jazyk: Hal'bvaks M. Kollektivnaja i istoricheskaja pamjat' [Ehlektronnyj resurs] // Neprikosnovennyj zapas. 2005. №2-3 (40-41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (data obrasheniya: 18.04.2014); Ego zhe. Social'nye ramki pamjati / per. s fr. i vstup. st. S.N. Zenkin. М.: Novoe izdatel'stvo, 2007. 346 s.
4. Nora P. Kak pisat' istoriju Francii? // Francija – pamjat'. SPb., 1999. S. 78-79.
5. Repina L.P. Istoricheskaja nauka na rubezhe XX-XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaja praktika. М.: Krug, 2011. S. 414.
6. Kulturnaya pamyat v kontekste formirovaniya natsionalnoy identichnosti Rossii v XXI veke: / отв. red. N.A. Kochelyaeva. М.: Sovpadenie, 2012. 176 s.
7. Miller A.I. Istoricheskaja politika v Vostochnoj Evrope nachala XXI v. // Istoricheskaja politika v XXI veke: sb. st. М., 2012. S.8.
8. Mihnik A. Istoricheskaja politika: rossijskij variant // Rodina.2006. №6. S.9.
9. Pro et Contra. 2009. #3-4. Istoricheskaja politika.
10. Istoricheskaja politika v XXI veke: sb. st. / nauch. red. A.I. Miller, M. A. Lipman. М., 2012.
11. URL: <http://www.hse.ru/data/2013/05/09/1299306096/%D0%BF%D1%80% D0%BE%D0%B3%D1%80%D0% B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0%20%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%B0%D1%82%D1%8B.pdf> (data obrasheniya: 18.04.2014)
12. Miller A.I. Rossija: Vlast' i istorija // Pro et Contra. 2009. №3-4. Istoricheskaja politika. S. 10.
13. Molodjakov V.Eh. Istoricheskaja politika i politika pamjati // Istoricheskie issledovaniya v Rossii – III. Pjtnadcat' let spustja / pod redakciej G.A. Bordjugova. М.: AIRO-XXI, 2011. S. 16.
14. Shimov Ja.V. Bor'ba za russkuju istoriju i monopolija gosudarstva // Russkij vopros. 2013. №2. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.russkiivopros.com/? pag=one&id=510&kat=6&csl=62> (data obrasheniya: 19.04.2014)
15. Kalinin I.A. Proshloe kak ogranichennyj resurs: istoricheskaja politika i ehkonomika renty // Neprikosnovennyj zapas. 2013. №2(88) [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/2/k18.html> (data obrasheniya: 19.04.2014).

16. Miller A.I. Istoricheskaja politika v Vostochnoj Evrope nachala XXI v. // Istoricheskaja politika v XXI veke: sb. st. M., 2012. S. 23.
17. Miller A.I. Istoricheskaja politika v Rossii: novyj povorot? // Istoricheskaja politika v XXI veke: sb. st. M., 2012. S. 339.
18. Shimov Ja. V. Ukaz. soch.
19. «Nuzhna sovместnaja kropotlivaja rabota uchenyh, a ne chinovnye prikazy» [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.polit.ru/article/2009/08/10/istorija/> (data obrasheniya: 18.04.2014).
20. Himka Dzh. P. Druzhestvennye vmeshatel'stva: bor'ba s mifami v ukrainskoj istorii XX v. // Istoricheskaja politika v XXI veke: sb. st. M., 2012. S. 427.
21. Sheudzhen Eh.A. Istoricheskaja pamjat' i problemy Kavkazskoj vojny // Kavkazskaja vojna: uroki istorii i sovremennost'. (Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, sostojavshejsja 19-22 maja 2004 g.). Majkop, 2006. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://arigi.adygnet.ru/hist/work.htm> (data obrasheniya: 28.04.2014).
22. Podrobnij analiz uchebnoj literatury sm.: Krinko E. F. Sobytiya i geroi Kavkazskoj vojny v uchebnoj literature // Kavkazskaja vojna: uroki istorii i sovremennost' (Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, sostojavshejsja 19-22 maja 2004 g.). Majkop, 2006. S. 290-301.
23. Astaf'eva O.N. Istoricheskaja pamjat' kak resurs kul'turnoj politiki i formirovanie kollektivnoj identichnosti // Kul'turnaja pamjat' v kontekste formirovanija nacional'noj identichnosti Rossii v XXI veke: / otv.red. N.A. Kocheljaeva. M.: Sovpadenie, 2012. S. 98.
24. Lihachev D.S. Iskusstvo pamjati i pamjat' iskusstva // Kritika i vremja: literaturno-kriticheskij sbornik / sost. N.P. Utehin. L.: Lenizdat, 1984. S. 68.
25. Benhabib S. Pritjazanija kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nuju ehru / per. s angl.; pod red. V.L. Inozemceva. M.: Logos, 2005. S. 47, 36.
26. Sm. podrobnее: Kudaeva S.G., Hut L.R. Adygskie mahadzhiiry na Balkanah // Kul'tura i byt adygov (Ehtnograficheskie issledovanija). Vyp. VIII. Majkop, 1991. S. 187-209.
27. URL: <http://www.polit-portret.ru/russia/patriotism/> (data obrasheniya: 18.04.2014).
28. Matveev O.V. Politika Rossii na Severo-Zapadnom Kavkaze 1830-1864 gg. v nauchnoj dejatel'nosti sovremennyh otechestvennyh issledovatel'skih centrov i vysshih uchebnyh zavedenij [Elektronnyj resurs] // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2012. #12. URL: <http://www.teoria-practica.ru/-12-2012/history/matveev.pdf> (data obrasheniya: 22.04.2014)
29. Kas'janov G.V. Nacionalizacija istorii v Ukraine // Istoricheskaja politika v XXI veke: sb. st. M., 2012. S. 248.
30. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927> (data obrasheniya: 21.04.2014).
31. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927/posts/6370> (data obrasheniya: 21.04.2014).

УДК 930.1(470.6)

Российский Северный Кавказ: историческая память vs историческая политика

¹ Асиет Юсуфовна Шадже

² Людмила Рашидовна Хут

³ Елена Сергеевна Куква

¹⁻³ Адыгейский государственный университет, Россия
385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 208

¹ Доктор философских наук, профессор

E-mail: Shadzhe@maykop.ru

² Доктор исторических наук, доцент

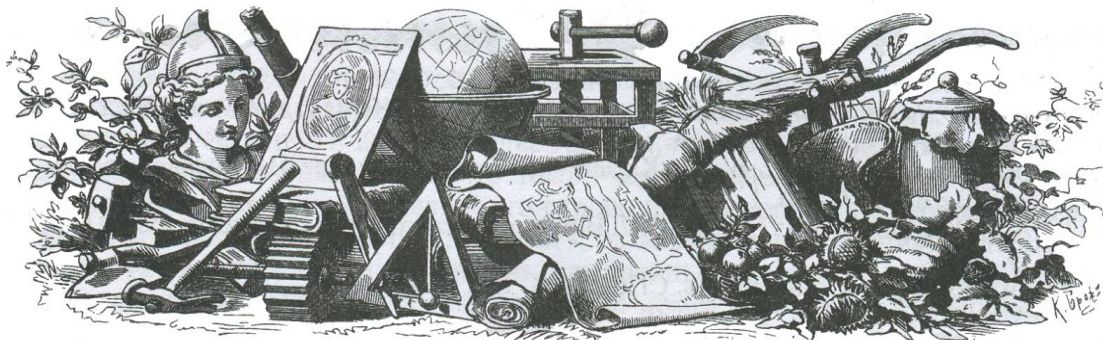
E-mail: ludmila1302@mail.ru

³ Кандидат социологических наук

E-mail: kukva@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируется содержание терминов «историческая память» и «историческая политика», осуществлена их проекция на современные реалии российского Северного Кавказа. Предлагаются возможные варианты ответа на вопрос, что делать с предпринимаемыми различными акторами исторической политики попытками эксплуатации исторического прошлого северокавказских народов, адыгов в частности. Обосновано положение о том, что культура является основой не только взаимосвязи памяти и идентичности, но и взаимопонимания народов. Сделан вывод о том, что в полиэтничном регионе политика, основываясь на диалоге, должна быть нацелена на межэтническое согласие и сохранение каждой культурной/этнической единицы. В целях укрепления единства гражданской нации и российской национальной идентичности ставится проблема выявления объединяющих компонентов для всех российских этносов.

Ключевые слова. Историческая память; идентичность; историческая политика; культура; российский Северный Кавказ; российская гражданская нация.

ARTICLES AND STATEMENTS

UDC 316.354:355.1

Cadet Education in the Imperial Russia: Genesis, Dialectics and the Role in Social Structure of the Society

Alexander P. Abramov

South-West State University, Russian Federation
October 50 street, 94, Kursk city, 305040
PhD (Sociology), Assistant Professor
E-mail: abramov_ap@inbox.ru

Abstract. The article, using historic and sociological material, presents genesis, dialectics and the role of cadet education of the imperial Russia in the social structure of the society, its weak and strong aspects, determines major stratified features of its graduates. The author notes that the realization of the practice of professional socialization in cadet corps in certain historical period is determined by the social conditions and the factors of the development of the society, its structure and environment, reproducing the modal personality of the future officer. The professional environment of the cadet education in the imperial Russia is defined as closed, line, self-organizing system. Such environment provided the graduates with high social status and prestige in different fields, defined by generic characteristics (affiliation to nobility). Along with high educational and cultural level, modal personality of the graduate is characterized by aloofness from the juniors and subordinates, individualism and careerism, certain closedness towards one's nation and other social groups.

Keywords: cadet education; imperial Russia; genesis; dialectic model; personality; structure; society.

Введение. В отечественной и постсоветской историографии имеется немало работ, раскрывающих специфику подготовки офицеров в кадетских корпусах императорской России. Но изыскания авторов не дают целостного представления о кадетском образовании как социокультурной системе по формированию модальной личности будущего офицера в типичном наборе сильных и слабых сторон, что не позволяет выстроить целостную картину воспроизводимых практик в качественных параметральных формах, которые могут быть востребованы и заимствованы в современных военных образовательных моделях.

Материалы и методы. Основным источником для написания статьи стали научные публикации, биографические воспоминания выпускников кадетских корпусов императорской России.

Использование качественных социологических методов позволило воспроизвести оценки социокультурных практик подготовки будущих офицеров. и определить слабые и сильные стороны кадетской образовательной модели. Авторские рассуждения выстраиваются на идее основателя общей теории систем Л. Фон Бергаланфи – сделать достижения различных дисциплин (в данном контексте истории) доступными и сравнимыми, поскольку настоящее определяется прошлым, а будущее – настоящим и прошлым.

Обсуждение. Идея создания отечественных военных школ пришла Петру I в 1698 году, который в развитии отечественного военного образования взял за основу зарубежный опыт. Многие страны с древнейших времен имели особые учреждения, в которых с малолетства люди готовились к военной службе. Например, в 1653 году в Пруссии были образованы три кадетских академии [1].

В 1732 году в Санкт-Петербурге открылся шляхетский кадетский корпус (шляхетство – общее название дворянства в XVII–XIX вв.). Тем самым будущая офицерская служба была определена как удел высшего сословия. Место офицерского сословия в социальной структуре общества должно было подкрепиться помимо дохода и престижа, качественным образованием, полученным в кадетском корпусе. Основным документом, регламентирующим вопросы обучения и воспитания, стал Устав корпуса. Как единственная награда за успехи и хорошее поведение, Уставом было определено получение по выпуску из корпуса первых офицерских чинов: от унтер-офицера и прапорщика до чина поручика [2]. Вместе с тем поступление в корпус не влекло за собой обязанности продолжать военную службу. Шляхетский кадетский корпус может служить образцом образовательных учреждений XVIII века, поскольку готовил не только офицеров, но и гражданских чиновников, дипломатов, судей и даже актеров.

В годы правления Екатерины II. военное образование стало школой, заменяющей обучаемым семью. Вслед за педагогами и философами запада Екатерина мечтала создать «новую породу людей», предполагая, что с достижением такой цели будет достигнута и другая, более важная: устранение невежества, исправление нравов и устранение пороков, которые разъедали русское общество [3]. Кроме образования специально-военного, корпус, как училище «знатных граждан», по-прежнему, должен был давать и общее. Любовь, ласка и кротость должны быть руководящими принципами в системе воспитания, поскольку в корпус принимались дети с 4–5-летнего возраста, а пребывание в нем длилось 15 лет [4].

Обширность территории, отсутствие средств у большинства дворян давать детям соответствующее образование и постепенно возрастающие потребности армии в хорошо подготовленных офицерах приводили правительство к заключению, что количество соответствующих военно-учебных заведений недостаточно. Поэтому в конце XVIII – начале XIX веков были открыты около 20 кадетских корпусов. Замысел был таков: удалив дворянских детей от разлагающей, сибаритской среды и заперев их в специальную казарму, подготовить с малых лет к перенесению трудов и лишений военного времени, воспитывать, прежде всего, чувство преданности престолу и, таким образом, создать из высшего сословия первоклассные офицерские кадры [5].

В 1830–1840-е годы во всех кадетских корпусах был введен единый учебный план и установлен общий порядок организации и устройства. Полный курс обучения был рассчитан на 8 лет и состоял из трех последовательных отделов: пригготовительного курса (2 года), общего (4 года) и специального (2 года). По окончании курса в 3-м специальном классе выстраивалась следующая распределительная иерархия: отличники – на службу в гвардию прапорщиками или в армию поручиками, а остальные – в артиллерию или инженерные войска прапорщиками или в армию подпоручиками. Воспитанники, успешно окончившие курс 2-го специального класса, выпускались прапорщиками в армию или линейные батальоны.

Главной целью физического воспитания было поставлено «сбережение и подкрепление здоровья, развитие и усовершенствование телесных сил воспитанников, дабы сделать их способными к перенесению трудов военной жизни». Особое внимание уделялось тому, чтобы кадеты вели постоянно деятельную жизнь, получали доброкачественную пищу, удобную одежду и по возможности пользовались свежим воздухом и всегда содержались в строгой опрятности [6].

Во время обучения кадеты изучали Закон Божий, право, математику, географию, русский, французский и немецкий языки, географию, физику, механику, логику, статистику, красноречие, рисование. На завершающем этапе кадетами преподавались военные дисциплины: артиллерия, военная топография, тактика, фортификация, верховая езда, правила караульной службы. Во внеклассное время проводились занятия по гимнастике, пению, музыке, танцам, фехтованию, подвижным играм. Музыкально способные дети учились в специальном классе, где их обучали игре на духовых и ударных инструментах. К выпуску практически каждый кадет свободно владел двумя иностранными языками, умел танцевать вальс, мазурку, полонез, неплохо разбирался в живописи и в литературе, был хорошим спортсменом, при всем этом оставаясь глубоко верующим человеком [7].

Для оценки «нравственного достоинства» была установлена 12-балльная шкала, которая характеризовала поведение кадетов. К дурному поведению относились ложь, воровство, неохотное повиновение начальству, грубое и дурное обращение с товарищами, лень, злобность, мстительность. Кроме обычных школьных наказаний, в корпусах допускалось снятие погон, помещение имени на черную доску, надевание серой куртки и, в крайнем случае, розги, но не иначе как с разрешения директора корпуса.

За успехи в освоении наук со второй половины XVIII века стали использоваться разнообразные поощрения, например прибавка к жалованью, повышение кадет в чинах (за особые успехи), награждение золотыми и серебряными медалями также были весьма существенной мерой поощрения. С 1880–1890-х годов лучшие 18 кадетов со всех корпусов награждались по выпуску золотыми медалями различного достоинства: шесть – большой, шесть – средней и шесть – малой величины. Аналогичным способом отмечались успехи воспитанников при переводе из класса в класс, для чего было учреждено 18 серебряных медалей. В то же время считалось, что поощрения должны быть справедливыми, соответствовать заслугам кадет, чтобы не вызывать зависть других

воспитанников, не нарушать дружеских отношений между ними [8]. Кроме того, с 1897 г. предусматривалось и назначение именных стипендий кадетам-отличникам [9].

Большое стимулирующее воздействие на воспитанников оказывала система старшинства выпускников. Определение старшинства велось в соответствии с достижениями кадет в учебе. По выпуску из корпусов воспитанники получали воинские звания в соответствии с иерархией списка старшинства. Так из 399 кадетов Сухопутного кадетского корпуса, вышедших в военную службу с 1732 по 1741 год, были произведены в офицеры 310 человек, или 77,1 % от общего числа выпускников. Среди них лишь 29 человек (9 %) получили по выпуску звание поручика, 51 человек (12,8 %) произведены в подпоручики и 230 человек (57,6 %) – в прапорщики. Среди воспитанников, не удостоенных офицерских званий, 17 человек (4,3 %) вышли из корпуса унтер-офицерами, 20 человек (5 %) – сержантами, 19 человек (4,8 %) – капралами и 26 человек (6,5 %) – рядовыми [10]. Отдельные кадеты по выпуску получали даже капитанский чин. Например, в 1797 году его удостоились по выпуску Карл Услар и Петр Смиттен [11].

При явной же безрезультатности всех воспитательных мер к слабо успевающим и недисциплинированным кадетам применялись весьма жесткие меры воздействия. Например, отстающие кадеты переводились в батальоны кантонистов или по достижению 16–17 лет назначались на службу нижними чинами в армейские полки.

В исследованиях, посвященных проблематике изучения различных сторон жизни воспитанников специализированных военно-учебных заведений, одно из главных мест занимает личность воспитателя, как главного субъекта профессиональной социализации. Для подготовки таких наставников в 1900 году учреждение при Главном управлении военно-учебных заведений особых курсов для подготовки офицеров к воспитательной деятельности в кадетских корпусах [12]. На курсы отбирались лица, окончившие высшие учебные заведения гражданского ведомства или военную академию. Срок обучения составлял 2 года и делился на общепедагогическую и специальную подготовку. В первый год изучались основы анатомии и физиологии человека, начала логики и психологии, школьная гигиена, проводились практические занятия по предметам обучения, изучалась литература того предмета, к преподаванию которого готовился кандидат. На втором году обучения кандидаты посещали уроки своих товарищей, изучали методику преподавания предмета, давали пробные уроки, участвовали в специальных конференциях, на которых обсуждались результаты преподавания и пробные уроки. Завершалась учеба сдачей экзаменов и те, кто их не сдавал с курсов отчислялись.

Со второй половины XIX века в отношении офицеров-воспитателей устанавливались определенные социальные гарантии. Так находясь на службе в кадетских корпусах, они продолжали числиться в списках своих полков, что давало им возможность вовремя получать воинские звания. Покидая кадетский корпус, воспитатель мог по желанию продолжить службу в гвардейской части или уехать на периферию со званием на ступень выше занимаемой должности. Офицерам-воспитателям разрешалось поступать в военные академии [13].

Г. Ишевский в биографической повести «Честь» называет воспитателей скульпторами, замечая по этому поводу: «В корпус привозили сырой материал детских тел, душ и мозга. Скульпторы приступили к работе. Исключительно тяжелая задача – в семь лет из детских неповинующихся душ, часто таящих в себе пагубную наследственность к дурным наклонностям, из разного мозга, несущего гениальность и порок, талантливость и бездарность, разум и глупость, порядочность и преступность, создать статуи чести... Создать статуи, уходящие их жизни с честным лицом... Через семь лет творческой работы, охваченный грустью скульптор, расставался с созданными им статуями. Они разлетались по всей России, и их смелый полет в жизнь дышал чувством долга перед Родиной. Скоро они сами становились скульпторами русского солдата, вдыхая в его честную крестьянскую душу начала воинской доблести и чести...» [14].

В 1913 году Главное управление военно-учебных заведений закрепило во всех кадетских корпусах «Двенадцать заповедей товарищества», которые фиксировали характер межличностных и межгрупповых отношений. Кадетская спайка, дух товарищества и корпоративности всегда основывались на чувстве абсолютного равенства между кадетами, сын армейского капитана и сын начальника дивизии, кадет, носящий громкую историческую фамилию и носящий самую ординарную, богатый и бедный, русский и грузин, черкес, армянин или болгарин, – все в стенах корпуса чувствовали себя абсолютно равными. Воспитанник Полтавского кадетского корпуса П. Волошин отмечает: «Между носящими одни и те же погоны не было “ни эллина, ни иудея”, а были одни кадеты. Всякий снобизм был чужд» [15].

О сплоченности кадетов говорит и та быстрота, с которой впоследствии, уже в эмиграции, стали возникать общества бывших воспитанников различных корпусов, слившихся в Общекадетское объединение. Пример в этом плане – Фонд содействия кадетским корпусам имени Алексея Йордана, созданный в 1999 году Борисом Йорданом [16].

К 1912 году число кадетских корпусов в России достигло 29, не считая Пажеского и Морского, а общий численность кадет составила 11070 человек. К этому времени был четко определен статус кадетских корпусов и условия их комплектования. Так, например, Омский кадетский корпус комплектовался сыновьями офицеров и чиновников, служивших в Сибири; 2-й Оренбургский и

Ташкентский – сыновьями офицеров и чиновников, служивших в Туркестанском крае и Закаспийской области. На особом положении находился Пажеский корпус, предназначенный исключительно для воспитания детей дворян. Обучающимися за свой счет принимались дети всех офицеров без различия происхождения и лица всех сословий, кроме детей и внуков, рожденных в иудействе (Приказ по военному ведомству, 1912 г. № 62) [17].

Таким образом, условия приема в кадетские корпуса в основном обеспечивали дворянский состав воспитанников. По данным 1884 г., среди кадетов всех корпусов потомственные и личные дворяне составляли 82,3 %, в 1901 году – 89,5 %, а в 1908 году – 92 % [18].

Февральская революция 1917 года открыла перед радикально настроенными педагогами возможность преобразования кадетских корпусов в направлении их демократизации. Суть реформ сводилась к следующему:

- во-первых, об изменении предназначения корпусов как средних учебных заведений и контингенте их воспитанников;
- во-вторых, об образовательном уровне преподавателей и воспитателей;
- в-третьих, об ученических и преподавательских организациях внутри корпусов и их взаимоотношениях.

Новая система комплектования не стала намного демократичнее старой, поскольку дети солдат могли быть зачислены в любой разряд, но особых преимуществ не получали [19].

В связи с событиями Октября 1917 года кадетские корпуса на территории России были распущены. С началом Гражданской войны, тысячи кадет тайком пробирались в белую армию, чтобы сражаться и умирать за те идеалы, которые им прививали с детства. «Кадеты пробирались к нам со всей России, – писал генерал Туркул в своей книге “Дроздовцы в огне”. – Русское юношество, без сомнения, отдало белой армии всю свою любовь... Сотни тысяч взрослых, здоровых больших людей не отозвались, не пошли... а русский мальчуган пошел в огонь за всех» [20].

В годы Гражданской войны часть кадетских корпусов была эвакуирована за границу. Уже в Югославии из кадет Полоцкого, Владимиро-Киевского, Одесского кадетских корпусов был образован 1-й Русский кадетский корпус в Сараево. В состав Донского кадетского корпуса в Югославии вошли кадеты 1-го Сибирского (Омского) и Ярославского кадетских корпусов. Основу Крымского кадетского корпуса составили Владикавказский, Петровско-Полтавский, Иркутский, Сумской и Хабаровский кадетские корпуса [21].

Заключение. Анализ истории возникновения и развития феномена кадетского образования позволяет сформулировать некоторые выводы о его генезисе, диалектике и роли в социальной структуре общества. Процесс трансляции и воспроизводства культурных норм и ценностей военной службы совпадал по времени с периодами проведения крупных реформ русской армии. Внешняя социальная среда обеспечивала выпускникам кадетских корпусов элитарность профессии, социальный лифт по военной и гражданской службе, что нашло отражение в профессиональных маршрутах выпускников. Кадетское образование императорской России до 1917 года представляло собой самоорганизующуюся систему, поскольку имело собственный образовательный стандарт, собственную вертикаль управления, свои нормативные и этические коды, свою систему обучения, воспитания и подготовки (переподготовки) преподавателей и воспитателей. Вместе с тем, профессиональная среда кадетского образования определяется как закрытая, линейная. Закрытость проявляется в отсутствии элементов социального контроля со стороны внешней среды; в недоступности получения образования большей частью общества (более 80% - из дворян). Кадетская модель определяется как линейная система, поскольку вся система взаимодействий выстроена на приказном принципе. Эта модель не способна к гибкости как внутри своей системы, так и по отношению к внешней среде, ее трансформация инициировалась сверху только Царем. Такая среда по законам синергетики не способствует всестороннему развитию личности.

Кадетская модель профессиональной социализации закрепляла в структуре личности будущего офицера как сильные (ранняя военная специализация; патриотизм; преданность руководству, умение беспристрастно уважать чужое превосходство; высокий уровень общеобразовательной подготовки; приверженность традициям, корпоративность; терпение и самообладание; товарищество и взаимовыручка; высокий уровень физической подготовки, выносливость), так и слабые (отчужденность в отношениях с младшими и подчиненными; индивидуализм и карьеризм; определенная закрытость по отношению к своему народу и другим социальным группам) социально-типичные характеристики.

Примечания:

1. Греков Ф. В. Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. 1700–1910. М.: Пресс, 1990. 190 с.
2. Галенковский П. А. Воспитание юношества в прошлом. Исторический очерк педагогических средств при воспитании в военно-учебных заведениях (в период 1700–1856 гг.). СПб. Изд. 2-е, 1904. 124 с.
3. Петров П. В. Военно-учебные заведения в царствование императора Николая I. СПб.: ГУВУЗ, 1902. т. X, ч. II. 22 с.

4. Милоков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. М.: Издательская группа «Прогресс-Культура», 1994. Т.2, ч. 2. 491 с.
5. Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. Молотов: Молотовское обл. гос. изд-во, 1951. 592 с.
6. Воробьева А. Ю. Кадетские корпуса в России 1732-1917. М: ООО «Изд-во АСТ», 2003. 62 с.
7. Ключев Н. Наше военное образование. // Вестник воспитания. 1916. № 8. С. 73-98.
8. Харламов В. И. Чему и как учили русских офицеров в XVIII веке // Военно-исторический журнал. 1999. № 3. С. 12-18.
9. Даровский В. И. Сборник сведений о стипендиях, учрежденных в кадетских корпусах (по 1 января 1905 года). СПб. Изд. 2-е, 1905. 140 с.
10. РГВИА. Ф. 314. Оп.1. Д. 1770. Л. 1-192; Д. 1790. Л. 1-138; Д. 36. Л. 3-4; Д. 8042. Л. 14-29; Д. 8043. Л. 1-126.
11. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года: в 24 т. Т. 22. СПб, 1830.
12. Каменев А. Военная школа России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rus.cadet.ru/kamenev>. (дата обращения 5.08.2014).
13. Макаров А. Н. Педагогические курсы для подготовки офицеров к воспитательной деятельности в кадетских корпусах. СПб.: Пед. музей военно-учебных заведений, 1902. С. 24-26.
14. Ишевский Г. Кадеты и юнкера: Честь: повесть. М.: Вече, 2007. 384 с.
15. Волошин П. Три времени года в четырех стенах // Военная быль. Париж, 1959. № 37. С. 11-13.
16. Маркушин В. Ушаковы и Державины для новой России // Красная звезда. 2003. 8 февраля.
17. Воробьева А. Ю. Кадетские корпуса в России 1732-1917. М: ООО «Изд-во АСТ», 2003. 62 с.
18. Статистика кадетских корпусов // Педагогический сборник. СПб. 1891. (Вып. 11).
19. Обьедков И. В. Военно-учебные заведения России в 1914-1917 гг. М.: Воениздат, 1994. 526 с.
20. Туркул И. Дроздовцы в огне. М.: Вече, 2013. 304 с.
21. Абрамов А. П. Отечественный и зарубежный опыт формирования личности в условиях военного образования: монография. Курск: Курск. гос. техн. ун-т, 2010. 186 с.

УДК 316.354:355.1

Кадетское образование императорской России: генезис, диалектика и роль в социальной структуре общества

Александр Петрович Абрамов

Юго-Западный государственный университет, Россия
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
Кандидат социологических наук, доцент
E-mail: abramov_ap@inbox.ru

Аннотация. В статье на основе историко-социологического материала представлен генезис, диалектика и роль кадетского образования императорской России в социальной структуре общества, его слабые и сильные стороны; определены основные стратификационные признаки его выпускников. Автором отмечается, что реализация практик профессиональной социализации в кадетских корпусах на каждом конкретном историческом этапе детерминирована социальными условиями и факторами развития общества, его структурой и средой, воспроизводящей модальную личность будущего офицера. Профессиональная среда кадетского образования императорской России определяется как закрытая, линейная, самоорганизующаяся система. Такая среда обеспечивала выпускникам высокий социальный статус и престиж в различных сферах деятельности по родовому признаку (принадлежность к дворянскому сословию). Наряду с высоким образовательным и культурным уровнем модальная личность выпускника характеризуется отчужденностью в отношениях с младшими и подчиненными, индивидуализмом и карьеризмом, определенной закрытостью по отношению к своему народу и другим социальным группам.

Ключевые слова: кадетское образование; императорская Россия; генезис; диалектика; модель; личность; структура; общество.

UDC 93/94

Wrongful Actions of the German Armed Forces Against the Civilian Population of Germany in the Final Stages of World War II

Sergej I. Belov

Sholokhov Moscow State University for Humanities, Russian Federation
Verhnjaja Radishhevskaja street 16-18, Moscow, 109240
Ph.D. (History), Senior Lecturer
E-mail: belov2006s@yandex.ru

Abstract. The aim of this study is to examine the issue of crimes against civilians committed by soldiers of the Wehrmacht and Waffen-SS in Germany in 1945. Disclosed the causes, background and nature of illegal actions by officers and soldiers against civilians. Discussed topic offenses by military command structures and the NSDAP. Studied the issue of representativeness eyewitness illegal actions of German soldiers. Introduced into science not previously involved researchers archival materials – reports, information bulletins and reports of political offices of the 1st Ukrainian and 2nd Belorussian Fronts on the mood of the population of the occupied territories and enemy troops for February – June 1945.

Keywords: looting; the Wehrmacht; the Waffen-SS; Nazi Germany; the political mood; 1945.

Введение. Последние несколько десятилетий российской истории, несомненно, войдет в мировые анналы как эпоха глобальных перемен, затронувших даже не столько материальную сферу, сколько сознание жителей постсоветского пространства. При этом необходимо отметить, что в роли основного инструмента изменения ментальности бывших граждан советской империи выступает в первую очередь трансформация их исторической памяти. Посредством манипуляций с базовыми символами прошлого, лежавшими некогда в основе самосознания жителей СССР, политики, публицисты и специалисты в области PR добились кардинальных перемен в модели мировосприятия гражданами государств, образовавшихся на развалинах «красной империи».

Однако далеко не всегда подобные изменения, равно как и методы их достижения, носят позитивный характер. Зачастую недобросовестные историки и публицисты, выполняя социальный заказ со стороны представителей разного рода экстремистских движений, прибегают к откровенной фальсификации событий прошлого, уничтожая главные символы исторической памяти российского народа и тем самым содействуя размыванию основ национально-гражданской идентичности, подрывая социокультурную преемственность поколений [1; 2; 3; 4; 5].

В качестве объекта своих атак профессиональные фальсификаторы чаще всего выбирают один из наиболее значимых периодов в новейшей истории России, события которого формируют большую часть элементов национального пантеона – Великую Отечественную войну. Опираясь на традиции, заложенные отдельными западными авторами во времена «холодной войны», современные публицисты выделили внутри темы войны ряд проблемных аспектов, в отношении которых с разной степенью успешности предпринимаются кампании по «демифологизации» и «разоблачению». В качестве одной из излюбленных тем фальсификаторов выступает поведение солдат и офицеров Красной Армии на территории стран Восточной и Центральной Европы в 1944–1945 гг. На страницах выпущенных недобросовестными исследователями работ советские войска подвергаются откровенной демонизации, в то время как части вермахта и СС, включая подразделения, запятнавшие себя военными преступлениями, предстают в облике защитников европейских ценностей от «орд большевистских варваров». Иными словами, косвенным образом осуществляется реабилитация нацизма и пересмотр итогов Второй мировой войны [6; 7].

При этом авторы-фальсификаторы умалчивают о том, что население самой Германии значительно пострадало от рук солдат собственной армии. Эта тема фактически подверглась табуированию в среде авторов-ревизионистов, так как мало соответствовало пропагандируемой ими концепции «чистого вермахта» и усиленным попыткам обелить по политическим мотивам войска Ваффен-СС.

Однако факты свидетельствуют о том, что к концу войны немецкие войска, пройдя сквозь «школу насилия» на Востоке, начали активно применять полученный опыт по отношению к жителям самого рейха.

Материалы и методы. Источниковую базу данного исследования сформировали ранее не введенные в научный оборот материалы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. Помимо того, часть привлеченной в процессе написания работы информации была почерпнута на страницах научной периодики, в публикациях, увидевших свет в течение последнего десятилетия.

Методологическая база исследования была сформирована за счет сочетания общенаучных и специальных методов, таких как анализ и синтез, обобщение, индукция и дедукция, системный и историко-сравнительный методы.

Обсуждение. Уже в сентябре 1944 г. проблема мародерства в отношении немецкого населения со стороны бойцов вермахта обрела столь значимые масштабы, что ее решение потребовало издания официального приказа Верховного командования вооруженными силами Германии (ОКВ) о предотвращении грабежей, проводимых немецкими солдатами на территории рейха. В данном документе отдельно подчеркивалось, что офицеры зачастую не только не пресекают подобные действия, но даже принимают в них активное участие. Командирам частей было приказано еженедельно проводить со своими подчиненными инструктаж по данному вопросу. При малейшем подозрении в мародерстве офицеров обязывали проводить дознания в ускоренной форме, не прибегая к форме военно-полевого суда. В приказе подчеркивалось, что при выборе наказания от высшей меры следует отходить лишь при особых обстоятельствах. Командирам также рекомендовалось максимально широко использовать имеющиеся полномочия и даже перешагивать за рамки действующего законодательства в соответствии с пунктом № 5а «Положения о наказаниях в военное время» [8, д. 31, л. 297, 307, 308].

Однако даже подобные меры не позволили навести порядок в войсках. Причина этого заключалась в первую очередь в интенсификации процесса морального разложения армии третьего рейха. По мере приближения войск союзников к сердцу Германии дисциплина в рядах немецких вооруженных сил продолжала падать, в том числе во многом за счет призыва малопригодного для службы контингента, сокращения сроков подготовки новобранцев и практики использования отрядов, сформированных по принципу ополчения (фольксштурм).

23 марта 1945 г. в распоряжение советского командования попала директива командующего группы армий «Центр» Ф. Шернера, озаглавленная «О новых признаках разложения» и предназначенная руководству 17-й армии. В данном документе был упомянут следующий эпизод: боец фольксштурма дезертировал во время боя и застрелил офицера, который попытался встать у него на пути. Также в тексте директиве был указан случай, когда солдат, якобы отставший от части, открыл огонь по попытавшемуся остановить его патрулю [Там же, л. 293].

Фельдмаршал В. Кейтель в приказе Ставки Главного командования сухопутных сил (ОКХ) «О мерах борьбы с самоуничтожением» отмечал, что в войсках значительно увеличилось число случаев осознанного членовредительства с целью покинуть передовую. В ответ на это ОКХ резко ужесточило наказание за подобные проступки, дав санкцию на применение смертной казни немедленно по вынесению судебного приговора [8, д. 31, л. 293, 294].

За период с января по март 1945 г. было зарегистрировано 288 эпизодов добровольной групповой сдачи в плен немецких солдат и офицеров в количестве 13 500 человек. В полосе действий войск 1-го Украинского фронта гарнизон г. Бриг впервые за время войны (на данном участке фронта) сдался сразу же после предъявления ультиматума [Там же, л. 295].

Масштабы случаев сдачи в плен частей вермахта вынудили немецкое командование издать специальный приказ «О репрессиях против сдавшихся в плен», поступивший в войска в начале марта 1945 г. Согласно данному документу, в том случае, если военнослужащий сдавался в плен, не будучи раненым или не сопротивляясь до последнего патрона, его родственники лишались всех пособий и выплат [Там же].

В условиях столь ярко выраженного упадка морального состояния войск закономерно участились случаи произвола немецких солдат и офицеров по отношению к собственному населению [Там же, л. 296].

В информационном сводке № 370 7-го отдела Политуправления 1-го Украинского фронта от 16.02.1945 г. нами были обнаружены показания обер-ефрейтора Ф. Крайнера, служившего в штабной роте 1-го батальона 2-го полка первой пехотной дивизии вермахта и взятого в плен 9 февраля 1945 г. Последний сообщал, что во время передислокации частей дивизии с территории Венгрии, в период пребывания в г. Рыбник, солдатам его соединения был зачитан приказ, направленный против грабежей местного населения. В соответствии с данным приказом, вскоре было расстреляно 6 солдат из 1-го батальона. Ефрейтор А. Пратц также показал, что многие жители Германии проявляют недовольство в связи с ростом числа грабежей, производимых солдатами вермахта [Там же, д. 32, л. 112].

Солдат Р. Фердербер, проходивший службу во 2-м батальоне 1-го полка полицейской бригады Вирт, сообщил на допросе после попадания в плен 15 февраля 1945 г., что бойцы фронтовых частей все чаще участвуют в грабежах домов эвакуированных жителей. Особую активность при этом проявляли члены фольксштурма, не обладавшие даже остатками армейской дисциплины [8, д. 31, л. 296].

Католический священник из г. Наумбург Э. Гампель сообщил советским офицерам, что располагавшиеся в городе не задолго до прихода войск Красной Армии полицейские части СС столь откровенно грабили местных жителей, что среди последних начались разговоры в духе «если наши так грабят, то чего мы можем требовать от русских» [Там же].

Жители г. Форст сообщали, что солдаты вермахта, занимавшиеся эвакуацией городского населения, грабили склады и частные дома (включая жилища, в которых еще оставались их хозяева), пересылая затем свои трофеи домой по железной дороге или автотранспортом. Имели место случаи эпизоды разбойных нападений и изнасилований. Военнослужащие пьянствовали и поджигали дома, не обращая внимания на развешанные по городу плакаты с приказом коменданта о прекращении бесчинств. В результате немецкому командованию и местному руководству НСДАП пришлось применить крайне жестокие меры, чтобы навести в городе порядок. Ежедневно у водонапорной башни жители Форста могли видеть трупы повешенных за насилия и грабежи солдат [Там же, д. 36, л. 33].

Косвенным образом масштабность проблемы мародерства со стороны армии и фольксштурма подтверждает также обнаружение советскими войсками при захвате немецких городов и сел в Верхней Силезии агитационных, листовок и газет соответствующего содержания. Что примечательно, в них достаточно часто встречалась фраза «Мы сейчас не в России и не в Польше» [Там же, д. 31, л. 297].

Последнее позволяет предположить, что за пределами Германии командование зачастую сознательно закрывало глаза на случаи противоправных действий со стороны немецких военнослужащих по отношению к местным жителям. Весьма вероятно, что подобное попустительство должно было в итоге сформировать у солдат и офицеров вермахта и частей Ваффен-СС вполне определенную модель мышления и соответствующие нормы поведения, жертвами которых в итоге стали и рядовые жители Германии.

Отдельно следует коснуться вопроса о репрезентативности источников информации, упомянутых нами выше. Обстоятельства происхождения показаний военнопленных вызывают закономерный вопрос: не могли ли немецкие солдаты в ходе допросов выдавать желаемое советской стороной за действительное, стараясь тем самым заслужить благожелательное отношение со стороны командования Красной Армии? Аналогичные сомнения возникают и в отношении показаний местных жителей, выступающих в роли косвенного подтверждения искренности пленных военнослужащих.

Начальник политотдела 21-й армии сообщал в обзоре настроений жителей городов и сел Германии, оказавшихся в полосе наступления бойцов В. И. Швецова на 14 марта 1945 г., что немецкое население всячески старается продемонстрировать дружелюбное отношение к Красной Армии, в силу чего со стороны многих обитателей оккупированных территорий наблюдаются «чрезмерная лесть и заискивание» [8, д. 31, л. 27]. В тексте донесения политотдела 5-й гвардейской танковой армии от 21 мая 1945 г. также отмечалось, что многие «излияния дружбы» со стороны немецкого населения носят явно неискренний характер [9, д. 112, л. 179].

Однако зафиксированные в документах факты проявления жителями оккупированных областей своих политических воззрений позволяют утверждать, что приведенные выше свидетельства гражданских лиц вероятнее всего являются достоверными, равно как и тождественные им показания военнопленных.

Согласно донесению Военного Совета 5-й гвардейской армии о политической обстановке на занятой территории Германии от 25 марта 1945 г., большая часть жителей оккупированных территорий сохранили положительное отношение к А. Гитлеру и нацистскому режиму [8, д. 31, л. 154].

Крестьянин Г. Дришер из с. Цизервитц заявил представителям Красной Армии: «Гитлер был хорош, но его партия скверная. Что не скажи, то забирали. Гитлер же народный вождь». Ему вторил земляк Р. Брандель: «Гитлер хотел лучшего немцам, но ему это не удалось». Эвакуированная из с. Добтендорф жена мясника М. Менцел, как следует из текста источника, «говорила о Гитлере со слезами на глазах». Она публично заявляла: «Бедный Адольф! Он столько выстрадал из-за спасения германского народа. Как мне его жаль!» [Там же].

Важно подчеркнуть, что подобные настроения были характерны и для интеллигенции. Л. Шписс, в прошлом 20 лет преподававшая немецкий и французский языки в Казанском университете, оценила события последних лет следующим образом: «Война для Германии, в том числе и эта война, является исторической необходимостью. Ницше в этом отношении гениален, а фюрер – велик» [Там же].

В политдонесении, составленном работниками политотдела 65-й армии 29 мая 1945 г. на основании бесед с жителями г. Барта, прописывалось, что большинство горожан признавало, что приветствовало приход к власти нацистов, так как их политика привела к ликвидации безработицы и оживлению торговли. Недовольство режимом А. Гитлера среди обитателей Барта, как открыто подчеркивали последние, начало проявляться только после начала войны [9, д. 112, л. 211].

В донесении от 1 июня 1945 г. политотдел 65-й армии также сообщал в Политуправление 2-го Белорусского фронта, что среди значительной части населения господствует следующая точка зрения: Гитлер был хорошим руководителем государства, его экономическая политика и внешнеполитический курс до нападения на СССР заслуживают одобрения [9, д. 112, л. 245].

В отчет политотдела 70-й армии от 3 июня 1945 г. указывалось, что даже отрицательно относящиеся к нацистам жители оккупированных территорий признают за А. Гитлером наличие

больших заслуг в деле подъема уровня жизни населения Германии. Также в документе подчеркивалось, что во время показа в кинофильме «Швейк» сцены наказания А. Гитлера многие немки плакали, а когда в одной из хлебных очередей в г. Гюстров местные жители стали критиковать диктатора, одна из женщин заявила: «Я не позволю, чтобы в моем присутствии оскорбляли фюрера» [Там же, л. 265, 266].

В информационной сводке № 433 7-го отдела 1-го Украинского фронта от 18 июня 1945 г. было отмечено: «Немцы ругают Гитлера и нацистов за то, что они проиграли войну, но почти не осуждают их политику до 1943 года. “До войны и в первые годы войны мы жили лучше, чем до Гитлера” – так говорят многие немцы, вызванные на откровенный разговор» [8, д. 36, л. 91].

Соответственно, основная масса жителей оккупированных территорий даже после прихода советских войск продолжала достаточно лояльно относиться к нацистскому режиму и не скрывала этого, несмотря на возможные последствия. Последнее дает нам основания утверждать, что немецкое население в рассматриваемый период не испытывало настолько сильного страха перед репрессиями, чтобы в угоду советской администрации осознанно исказить факты относительно мародерства со стороны солдат вермахта и Ваффен-СС. Кроме того, следует помнить об обнаруженных советскими частями немецких агитационными материалами, содержащих призывы к отказу от грабежей собственного населения, и соответствующем приказе ОКВ, которые косвенным образом подтверждают достоверность показаний военнопленных и представителей гражданского населения.

Заключение. Таким образом, можно заключить, что на завершающем этапе войны подразделения вермахта и Ваффен-СС превратились в источник бедствий для населения самой Германии. Мародерство, разбои и грабежи, случаи изнасилования – все это в массовом порядке начало происходить на территориях рейха, куда ступала нога отходящего под натиском сил союзников немецкого солдата. Вероятнее всего, причиной подобных действий, с одной стороны, выступало резкое падение дисциплины в войсках, остановить которое не могли даже радикальные меры, предпринимаемые командованием, а с другой – модель поведения по отношению к гражданскому населению, выработавшаяся у многих германских военнослужащих за годы пребывания на территории Польши и СССР. За счет этого продвижение частей Красной Армии по территории Германии зачастую способствовало прекращению противоправных действий германских войск по отношению к собственному населению. Последнее убедительно свидетельствует в пользу недопустимости однозначно негативных трактовок истории взаимодействия советских войск с жителями оккупированных областей третьего рейха.

Примечания:

1. Никифоров Ю.А. Война и миф / Ю.А. Никифоров // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2006. № 38. С. 14.
2. Никифоров Ю.А. О современных приемах искажения прошлого / Ю.А. Никифоров // Преподавание истории в школе. 2010. № 9. С. 4–11.
3. Никифоров Ю.А., Субханкулов Р.Ф. Миф о превентивности германского нападения на СССР / Ю.А. Никифоров, Р.Ф. Субханкулов // Преподавание истории в школе. 2011. № 3. С. 3–7.
4. Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая память о войнах XX в. как область идейно-политического и психологического противостояния / А.С. Сенявский, Е.С. Сенявская // Российская история. 2007. № 2. С. 139–151.
5. Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики / А.С. Сенявский, Е.С. Сенявская // Вестник МГИМО Университета. 2009. № 4. С. 299–310.
6. Сенявская Е.С. Освободительная миссия СССР во Второй мировой войне как объект искажения исторической реальности и исторической памяти / Е.С. Сенявская // СССР, его союзники и противники во Второй мировой войне: сборник материалов научно-практической конференции, приуроченной к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне, 1941-1945 гг. 21-22 апреля 2010 г. М., 2010. С. 40 – 42.
7. Бивор Э. Падение Берлина. 1945. М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. 622 с.
8. Центральный архив министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 236. Оп. 2727.
9. ЦАМО. Ф. 46. Оп. 2414.

References:

1. Nikiforov Yu.A. Voina i mif / Yu.A. Nikiforov // Poisk: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiya. Kul'tura. 2006. № 38. S. 14.
2. Nikiforov Yu.A. O sovremennykh priemakh iskazheniya proshlogo / Yu.A. Nikiforov // Prepodavanie istorii v shkole. 2010. № 9. S. 4–11.
3. Nikiforov Yu.A., Subkhankulov R.F. Mif o preventivnosti germanskogo napadeniya na SSSR / Yu.A. Nikiforov, R.F. Subkhankulov // Prepodavanie istorii v shkole. 2011. № 3. S. 3–7.
4. Senyavskii A.S., Senyavskaya E.S. Istoricheskaya pamyat' o voynakh XX v. kak oblast' ideino-politicheskogo i psikhologicheskogo protivostoyaniya / A.S. Senyavskii, E.S. Senyavskaya // Rossiiskaya istoriya. 2007. № 2. S. 139–151.

5. Senyavskii A.S., Senyavskaya E.S. Vtoraya mirovaya voina i istoricheskaya pamyat': obraz proshlogo v kontekste sovremennoi geopolitiki / A.S. Senyavskii, E.S. Senyavskaya // Vestnik MGIMO Universiteta. 2009. № 4. S. 299–310.

6. Senyavskaya E.S. Osvoboditel'naya missiya SSSR vo Vtoroi mirovoi voine kak ob"ekt iskazheniya istoricheskoi real'nosti i istoricheskoi pamyati / E.S. Senyavskaya // SSSR, ego soyuzniki i protivniki vo Vtoroi mirovoi voine: sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii, priurochennoi k 65-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine, 1941-1945 gg. 21-22 aprelya 2010 g. M., 2010. S. 40 – 42.

7. Bivor E. Padenie Berlina. 1945. M.: AST, Tranzitkniga, 2004. 622 s.

8. Tsentral'nyi arkhiv ministerstva oborony RF (TsAMO). F. 236. Op. 2727.

9. TsAMO. F. 46. Op. 2414.

УДК 93/94

Противоправные действия немецких вооруженных сил по отношению к гражданскому населению Германии на завершающем этапе Второй мировой войны

Сергей Игоревич Белов

Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, Российская Федерация
109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, дом 16 – 18
Кандидат исторических наук, старший преподаватель
E-mail: belov2006s@yandex.ru

Аннотация. Целью представленного исследования является изучение вопроса о преступлениях против гражданского населения, совершенных военнослужащими вермахта и Ваффен-СС на территории Германии в 1945 г. Раскрыты вопросы причин, предпосылок и характера противоправных действий солдат и офицеров по отношению к мирным жителям. Рассмотрены тема противодействия преступлениям со стороны военного командования и структур НСДАП. Изучен вопрос о репрезентативности свидетельств очевидцев противоправных действий немецких военнослужащих. Введены в научный оборот ранее не задействованные исследователями архивные материалы – донесения, информационные сводки и отчеты политических управлений 1-го Украинского и 2-го Белорусского фронтов о настроениях населения оккупированных территорий и войск противника за февраль – июнь 1945 г.

Ключевые слова: мародерство; вермахт; Ваффен-СС; нацистская Германия; политические настроения; 1945 г.

Hillmen of the Black Sea Province (Early XIX Century): Geography, Demography, Antropology *

¹ Aleksandr A. Cherkasov

² Michal Šmigel'

³ Vladimir G. Ivantsov

⁴ Aleksandr A. Ryabtsev

⁵ Violetta S. Molchanova

^{1, 3, 4, 5} Sochi State University, Russian Federation

¹ Dr. (History), Professor

² Matej Bel University, Slovakia

Dr. (History), Professor

³ PhD, Assistant Professor

⁴ PhD, Assistant Professor

⁵ PhD student

Abstract. The article, using the materials by the travellers, considers geographical and demographical aspects of the lives of hillmen of the Black Sea Region in early XIX century. The notion hillmen includes the tribes of the Ubykhi, Shapsugi, Natukhaevtsy, Abazin, Dzhigets, Medoveevtsy and Sadzy. Special attention is attached to the antropologic image of a hillman of the Black Sea Region.

Keywords: hillmen of the Black Sea Region; Ubykhi; Shapsugi; antropologic image.

Введение. Под территорией горцев Черноморья подразумевается прибрежная территория, на которой проживали адыги (натухаевцы, шапсуги), убыхи и абазины (медовеевцы, садзы, джигеты и др.). Географически эта территория простиралась от Анапы до реки Бзыбь (современная Абхазия).

Материалы. В качестве материалов использованы записки, отчеты и мемуары российских и зарубежных путешественников и разведчиков. Среди них особую ценность представляют мемуары Джеймса Белла, Э. Спенсера и Ф.Ф. Торнау. Уделено внимание и современным исследованиям, проводимыми краеведами и историками [1-6].

Результаты. Территория. В исследуемую нами юго-западную часть Главного Кавказского хребта входят следующие территории: на западе от горы Туба (2467 м) хребта Нагой-Чук до Умпырского перевала (2528 м) на востоке и соответственно от предгорных районов Черноморского побережья Большого Сочи на юге и Плато-Лагонакского нагорья на севере.

Самыми западными вершинами данной части Главного Кавказского хребта являются горы Аутль (1856 м), Хуко (1906 м) — они едва выбиваются из лесного пояса и имеют небольшие субальпийские луга. Начиная от Фишт-Оштенского массива, с вершинами Фишт (2867 м), Оштен (2808 м), Пшеха-Су (2744 м), развит типичный ландшафт высокогорья, сохраняющийся далее до восточной границы территории.

К Фишт-Оштенскому массиву с севера вплотную примыкает плато Лагонаки, представляющее систему среднегорных выровненных хребтов с обширными субальпийскими и альпийскими лугами, развитыми на закарстованном известняковом массиве. После небольшого понижения, так называемыми Колхидскими Воротами (высота около 1700 м), Главный Кавказский хребет начинает повышаться от первого трехтысячника — гора Чугуш (3238 м) и далее несет вершины Псеашхо (3256 м), Аишха (3015 м), Акарагварта (3141 м) и др. Самая высокая из них — гора Цахвоа, достигающая 3345 м.

На южном склоне, параллельно Главному хребту, расположен Южный Передовой хребет с вершинами Каменный Столб (2509 м), Агепста (3256 м), Ацетука (2769 м). Южная граница исследуемой территории проходит по отрогам Главного хребта, разделенным реками, горам Бзыч (1503 м), Амуко (1918 м), Иегош (1790 м), Ачишхо (2451 м) и др.

Некоторые районы юго-западной части Главного Кавказского хребта (Лагонакское нагорье, горы Фишт, Оштен, Пшеха-Су, Ачешбок, Трю и др.) представляют собой карстовые ландшафты с очень большим количеством пещер. Так, только на Лагонакском нагорье их насчитывается свыше 130.

Необходимо также описать водные ресурсы данной территории. С южного склона Главного Кавказского хребта стекают и впадают в Черное море реки Мзымта (с притоками Чвежипсе, Лаура, Ачипсе, Пслух, Тихая и др.), Хоста, Сочи, Шахе (с притоками Бзыч, Ажу, Буший и др.), с северного макросклона — Белая (с притоками Чес-Су, Киша, Пшеха и др.), Малая Лаба (с притоками Цахвоа, Уруштен), а также речки Закан и Дамхурц, относящиеся к бассейну Большой Лабы. В свою очередь реки северного макросклона — притоки реки Кубань. Реки представляют собой типичные горные потоки с часто встречающимися водопадами, узкими скальными ущельями, теснинами и каньонами.

Особую неповторимость придают горному ландшафту юго-западной части Главного Кавказского хребта многочисленные озера. Они небольшие по площади и часто полностью освобождаются ото льда только к середине лета. Особой красотой и популярностью отличаются озера Хуко (1843 м) на Главном хребте, Кардывач (1850 м) в верховье реки Мзымты, Инпси в верховье реки Цахвоа, Голубое и Ацетукские озера на Южном Передовом хребте.

Юго-западная часть Главного Кавказского хребта расположена на границе умеренного и субтропического климатических поясов. Теплый и влажный климат в низкогорье имеет субтропический характер с положительными средними температурами января (+4,2 °С) и высокими средними температурами июля и августа (20—21 °С).

В горах снежный покров держится пять и более месяцев. Лето умеренно теплое (средние температуры июля от 16 до 22 °С), годовая сумма осадков 700—1200 мм, максимум приходится на раннее лето.

Горный рельеф вызывает высотную поясность климата, обуславливающую поясное распределение ландшафтов и их неотъемлемых компонентов — почв и растительности. На каждые 100 м поднятия над уровнем моря температура падает на 0,5 °С. Почвы меняются от субтропических желтоземов в предгорьях до примитивных горных в высокогорье. Основные почвы исследуемой территории — бурые горно-лесные и горно-луговые.

Орография и рельеф. Нагорье Лагонаки представляет собой сочетание горных хребтов, высокогорных массивов и отдельных небольших плато, обособленных крутыми скальными стенами на западе, востоке (хребет Каменное море) и юге (южные стены Фишта и Пшеха-Су). Нагорье полого наклонено на север и находится на стыке природных границ (геологических, геоморфологических, климатических и др.). Массив гор Фишт, Пшеха-Су (2743 м), Оштен (2804 м) (в дальнейшем массив Фишта) венчает на юге нагорье и возвышается почти на 1000 м над близлежащими более западными вершинами Главного Кавказского хребта. В хорошую погоду Фишт можно видеть из Майкопа, Сочи и даже Краснодара, до которого по прямой 135 км.

Фишт, Оштен и Пшеха-Су подковообразно охватывают верховья реки Белой, образуя огромный цирк, на плоском дне которого расположен Фиштинский приют. Массив Фишта отделен от остальной части нагорья широкой межгорной котловиной, которая расположена в верховьях реки Цице. Севернее ее поднимается массив горы Нагой-Чук (2467 м), восточнее — массив Абадзеш-Мурзикао (2360 м).

Севернее Фишта находится гора Пшеха-Су. Эти две, имеющие общий цоколь вершины разделены висячей долиной, которая протягивается с запада на восток и открывается своими окончаниями на несколько сот метров выше долин рек Пшеха и Белая. Южнее главной вершины Фишта расположена еще одна небольшая вершина. Она лежит между Фиштинским и Белореченским перевалами, образуя отдельный массив, соединенный с Фиштом юго-восточным гребнем. Между этим массивом и Фиштом расположен Малый Фиштинский ледник.

На востоке и севере склоны Фишта и Пшеха-Су осложнены многочисленными ледниковыми кресловинами (карами). Юго-западная стена общая у Фишта и Пшеха-Су и прерывается только висячей долиной, разделяющей эти две горы, и врезом, отчленяющим массив Малого Фишта от главной вершины. Стена эта почти прямолинейна и тянется примерно на 7 км.

Все горные массивы занимают юг и центр нагорья, а по его западным и восточным окраинам находятся наклонные плато. На западе это плато Черногорье, наклонная поверхность которого спускается на север от отметки 1756 до 1000 м. Вдоль верхней кромки западных склонов Черногорья протягивается скалистая стена Спящий Черкес. Наклонные плато восточной окраины лежат от массива Абадзеш на юге до северо-востока нагорья. Все они очерчены крутыми скальными стенами различной высоты (от 35 м), а на север и северо-запад опускаются полого. То есть это типичные асимметричные хребты — куэсты, которые в Крыму получили название яйлы.

Ледники. Современные ледники нагорья представляют собой остатки древнего оледенения и сосредоточены на массиве Фишта. Всего здесь обнаружено четыре ледника общей площадью 1 км². Два из них располагаются на Фиште и два — на Пшеха-Су. Самый крупный — Большой Фиштинский ледник — расположен на северном склоне Фишта. Его длина 1,2 км, ширина около 1 км, а площадь 0,7 км². Высшая точка ледника имеет высоту 2720 м. Это переметный ледник с двумя языками. Один из них уходит на северо-запад к бассейну Пшехи, другой — на северо-восток в долину Белой. Оба конца заканчиваются на высоте 2450 м. Характер ледника определяет расположение ледниковых трещин, пересекающих ледниковое тело поперек. Поверхность ледника лишена морены. Фирновая область ледника занимает боковое положение и отделена от ледника бергшрудом, который большую часть года замаскирован снегом. Малый Фиштинский ледник опускается аномально низко — до 1980 м. Он относится к ледникам теснинного типа и из-за своей экспозиции тает в верхней части, которая чаще освещается солнцем (так называемая инверсионная деградация ледника). Два других ледника относятся к каровому типу и, как предыдущие, не имеют поверхностного стока. Вся талая ледниковая вода поглощается карстовыми каналами массива. Ледники массива, как и большинство кавказских, деградируют. Скорость отступления Большого Фиштинского ледника достигает 20 м в год. При этом площадь оледенения уменьшается, а количество ледников увеличивается. Поэтому можно ожидать обнаружения мелких ледников в бассейне более крупных.

Следы бывшего оледенения широко представлены конечными и боковыми моренами, протянувшимися в виде валов высотой до нескольких десятков метров.

На юго-восточном склоне в истоках реки Чистой залегает карово-долинный ледник Псеашхо — самый крупный ледник в Краснодарском крае. Его длина 3,1 км, площадь 1,8 км². А общая площадь оледенения массива составляет 5,2 км². К северу и западу от ледника Псеашхо расположились еще четыре ледника. Самый крупный из них, ледник Мраморный, имеет площадь 1 км², длину 1,1 км. У подножия грандиозной северной стены Псеашхо лежит карово-долинный ледник Холодный, дающий жизнь одноименному ручью. Вид на ледник Холодный запечатлен на фотографиях, календарях, альбомах.

Расселение, демография. Достоверных сведений о численности горского населения нет, так как по понятиям горцев считать людей было не только совершенно бесполезно, но и грешно [7]. В результате все сведения, которые на этот счет имеются, носят весьма приблизительный характер и порой существенно отличаются. Так, Фредерик Дюбуа де Монперэ оценивал численность населения шапсугов (проживали от Анапы до р. Шахе) в 200 тыс. чел., убыхов — в 19 тыс. чел. [8] Ф.Ф. Торнау полагал, что численность шапсугов составляла до 150 тыс. чел., а убыхов вместе с садзами (садзы — абазинское племя, проживавшее от Сочи до Гагры) до 12 тыс. мужского пола, из них убыхов — 5–6 тыс. чел. [9] Современный исследователь В.И. Ворошилов полагал, что численность убыхов достигала 50 тыс. чел., с другими оценками численности народонаселения он согласен [10]. Таким образом, мы наблюдаем значительный разброс цифр по численности племени убыхов.

Тем не менее, на основе представленных данных можно сделать вывод о приблизительной численности населения на территории Большого Сочи. Если предположить, что численность шапсугов к 1830 г. составляла 175 тыс. чел., которые равномерно расселились до Анапы, то на территории Лазаревского района можно насчитать до 50 тыс. шапсугов.

Антропологический облик горца Черноморья. Антропологический облик горца Черноморья не был единообразен. Очевидцы отмечали различия между адыгами, убыхами и абазинами.

Так, в 1836 г. английский путешественник Эдмунд Спенсер посетивший Убыхию, обратил внимание на антропологический облик убыхов. Так, Спенсер отмечал, что «черные волосы (имеется ввиду убыхского крестьянина — Авт.), рельефный нос, узкое лицо, уши как у еврея и голова, более сжатая, чем мы обычно видим у черкесов; последние в этой, как и в любой иной характерной особенности их внешнего физического облика, напоминают скорее наилучшие типы европейского населения» [11].

Исследователь В.И. Ворошилов, обращая внимания на антропологический облик убыхов, указывал, что они «в общем, сходны с другими кавказскими горцами, но отличались более высоким ростом, плотным телосложением и выразительными чертами лица. По этим антропологическим особенностям среди северокавказских народов выделяются, пожалуй, только осетины — народ смешанного происхождения» [12].

Не лишним будет отметить и еще одно обстоятельство, упомянутое в записях русского разведчика Ф.Ф. Торнау: «...они (имеются в виду убыхи — Авт.) составились из абазин, черкесов и европейцев, выброшенных, как говорит предание, на черкесский берег еще во время первого крестового похода» [13]. Первый крестовый поход состоялся в период с 1096 по 1099 гг. [14] и, вне всякого сомнения, оказал влияние на регион, так как войска собирались в районе Константинополя. Если верить преданию, то европейцы сумели ассимилировать часть местных и создать свое общество — общество убыхов.

Каковы же причины сохранения антропологической идентификации убыхов? Э. Спенсер отмечал, что на протяжении многих веков каждое племя роднится лишь с собственными членами и исключений из этого правила ничтожное количество [15]. В случае если кровосмешение между племенами было более активным, то убыхи утратили бы свой антропологический облик. Помимо этого нельзя забывать, что географическое положение территории убыхов, в смысле обороны, было лучшим по сравнению с другими племенами. Последнее обстоятельство защищало убыхов от силового внешнего воздействия. Было и еще одно обстоятельство, косвенно влияющее на сохранение антропологического облика. Каждое племя, каждый род проживал в состоянии перманентной конкуренции, если вдруг, кто-то начинал имущественно возвышаться над остальными, то следовал ответ в виде набега. Различались горцы и по репутации. По мнению горцев, репутацией отъявленных разбойников пользовались медовеевцы из абазинского общества [16]. По свидетельству Ф.Ф. Торнау все племена абазинского общества враждовали между собой [17]. Кстати, повышенной воинственностью отличались все горные племена, а причиной этой воинственности была безнаказанность. Адекватно ответить горцам, находящимся под защитой ущелий или скальной местности было делом практически безнадежным. Вражда часто перерастала в кровную месть, а это, в свою очередь, не могло положительно сказываться на кровосмешении родов.

У абазин Э. Спенсер находил еврейские корни. В качестве доказательства он приводил примеры нахождения в Грузии, Мингрелии и Армении древних манускриптов из которых следовало, что некоторые рода проживающие сегодня (XIX в.) в Абазии (у абазин), произошли от ранних иудеев,

обращенных в христианство. Иудеи, будучи преследуемы своими соплеменниками и правителями Римской империи, бежали на Кавказ, где и поселились. Свою точку зрения Э. Спенсер подкреплял личными наблюдениями, отмечая, что «черты лиц некоторых родов и сегодня еще несут на себе печать их еврейского происхождения; а их религия по сей день является смешением иудаизма с христианством» [18].

Не может не вызывать интереса и еще одно весьма важное обстоятельство, которое указывает на южное происхождение абазин. Известно, что горцы Черноморья испытывали весьма трепетные чувства к своим священной рощам, родникам и т.д. Природу этого явления и раскрыл английский путешественник Эдмунд Спенсер, который на данный вопрос у абазин получил ответ: «Наши отцы, прибыв из опаленной пустыни, обнаружили благое пристанище под их освященной веками тенью» [19].

Срубить дерево в священных рощах или лишить их висящих на них приношениях считалось богохульством и по закону человек, совершивший подобную кражу, наказывался смертью [20]. Если учесть, что за убийство, у горцев Черноморья, полагался штраф [21], то можно сравнить отношение судопроизводства в светских и духовных вопросах.

Пожалуй, чистыми, в антропологическом смысле, черкесами (кавказцами) были только причерноморские адыги. Причинами их ассимиляции стал географический фактор – сравнительно с убыхами равнинные земли, а, следовательно, и бойкие торговые пути.

Заключение. Завершая, хочется отметить, что социально-экономическое разобщение горского общества, на территории Черноморья, было значительным, а причины этого крылись в предшествующей эпохе – эпохе XVIII века.

Примечания:

1. Суханова И.З. К вопросу о государственно-политическом устройстве «демократических племен» адыгов начала XIX века // Русская старина. 2010. № 2 (2). С. 9-11.
2. Найденышев М.Ю., Найденышева И.Ю. Убыхи – народ, которого нет... // Русская старина. 2011. № 1 (3). С. 10-13.
3. Рябцев А.А., Черкасов А.А. Христианство как основная религия горцев Черноморья (первая половина XIX в.) // Вестник СГУТиКД. 2011. № 1. С. 154–161.
4. Cherkasov A.A. Black Sea region Ubykhs (first half of the XIX century) and first crusade consequences // International journal of academic research. Vol. 3. No. 4. July, 2011, I Part. P. 277-280.
5. Novikov E.V. Political, social and economic situation in north Caucasus during Russian empire consolidation // European researcher. 2011. № 7 (10). P. 1032–1054.
6. Черкасов А.А., Меньковский В.И. Этнодемографические процессы в северо-восточном Причерноморье в XIX-XX вв. (в районе Большого Сочи) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4-2. С. 184-186.
7. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. В двух частях. Майкоп, 2008. С. 57.
8. Фредерик Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа. Т. 1. У черкесов и абхазов. Майкоп, 2010. С. 34.
9. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. В двух частях. Майкоп, 2008. С. 327.
10. Ворошилов В.И. История убыхов. Майкоп, 2008. С. 47.
11. Спенсер Э. Описание поездок по западному Кавказу, включая путешествие через Имеретию, Мингрелию, Турцию, Молдавию, Галицию, Силезию и Моравию в 1836 г. Нальчик, 2008. С. 164.
12. Ворошилов В.И. История убыхов. Майкоп, 2008. С. 68.
13. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. В двух частях. Майкоп, 2008. С. 164.
14. Большая энциклопедия / Под ред. С.Н. Южакова. В 22 т. Т. 11. СПб., 1902. С. 514.
15. Спенсер Э. Описание поездок по западному Кавказу, включая путешествие через Имеретию, Мингрелию, Турцию, Молдавию, Галицию, Силезию и Моравию в 1836 г. Нальчик, 2008. С. 166.
16. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. В двух частях. Майкоп, 2008. С. 157.
17. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. В двух частях. Майкоп, 2008. С. 162.
18. Спенсер Э. Описание поездок по западному Кавказу, включая путешествие через Имеретию, Мингрелию, Турцию, Молдавию, Галицию, Силезию и Моравию в 1836 г. Нальчик, 2008. С. 159.
19. Спенсер Э. Описание поездок по западному Кавказу, включая путешествие через Имеретию, Мингрелию, Турцию, Молдавию, Галицию, Силезию и Моравию в 1836 г. Нальчик, 2008. С. 180.
20. Спенсер Э. Описание поездок по западному Кавказу, включая путешествие через Имеретию, Мингрелию, Турцию, Молдавию, Галицию, Силезию и Моравию в 1836 г. Нальчик, 2008. С. 179.
21. Джеймс Бэлл. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов. Том 1. Нальчик, 2007. С. 85–86.

References:

1. Sukhanova I.Z. K voprosu o gosudarstvenno-politicheskom ustroistve «demokraticeskikh plemen» adygov nachala XIX veka // Russkaya starina. 2010. № 2 (2). S. 9-11.

2. Naidenyshev M.Yu., Naidenysheva I.Yu. Ubykhi – narod, kotorogo net... // Russkaya starina. 2011. № 1 (3). S. 10-13.
3. Ryabtsev A.A., Cherkasov A.A. Khristianstvo kak osnovnaya religiya gortsev Chernomor'ya (pervaya polovina XIX v.) // Vestnik SGUTiKD. 2011. № 1. S. 154–161.
4. Cherkasov A.A. Black Sea region Ubykhs (first half of the XIX century) and first crusade consequences // International journal of academic research. Vol. 3. No. 4. July, 2011, I Part. R. 277-280.
5. Novikov E.V. Political, social and economic situation in north Caucasus during Russian empire consolidation // European researcher. 2011. № 7 (10). R. 1032–1054.
6. Cherkasov A.A., Men'kovskii V.I. Etnodemograficheskie protsessy v severo-vostochnom Prichernomor'e v XIX-XX vv. (v raione Bol'shogo Sochi) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2011. № 4-2. S. 184-186.
7. Tornau F.F. Vospominaniya kavkazskogo ofitsera. V dvukh chastyakh. Maikop, 2008. S. 57.
8. Frederik Dyubua de Monpere. Puteshestvie vokrug Kavkaza. T. 1. U cherkesov i abkhazov. Maikop, 2010. S. 34.
9. Tornau F.F. Vospominaniya kavkazskogo ofitsera. V dvukh chastyakh. Maikop, 2008. S. 327.
10. Voroshilov V.I. Istoriya ubykhov. Maikop, 2008. S. 47.
11. Spenser E. Opisanie poezdok po zapadnomu Kavkazu, vklyuchaya puteshestvie cherez Imeretiyu, Mingreliyu, Turtsiyu, Moldaviyu, Galitsiyu, Sileziyu i Moraviyu v 1836 g. Nal'chik, 2008. S. 164.
12. Voroshilov V.I. Istoriya ubykhov. Maikop, 2008. S. 68.
13. Tornau F.F. Vospominaniya kavkazskogo ofitsera. V dvukh chastyakh. Maikop, 2008. S. 164.
14. Bol'shaya entsiklopediya / Pod red. S.N. Yuzhakova. V 22 t. T. 11. SPb., 1902. S. 514.
15. Spenser E. Opisanie poezdok po zapadnomu Kavkazu, vklyuchaya puteshestvie cherez Imeretiyu, Mingreliyu, Turtsiyu, Moldaviyu, Galitsiyu, Sileziyu i Moraviyu v 1836 g. Nal'chik, 2008. S. 166.
16. Tornau F.F. Vospominaniya kavkazskogo ofitsera. V dvukh chastyakh. Maikop, 2008. S. 157.
17. Tornau F.F. Vospominaniya kavkazskogo ofitsera. V dvukh chastyakh. Maikop, 2008. S. 162.
18. Spenser E. Opisanie poezdok po zapadnomu Kavkazu, vklyuchaya puteshestvie cherez Imeretiyu, Mingreliyu, Turtsiyu, Moldaviyu, Galitsiyu, Sileziyu i Moraviyu v 1836 g. Nal'chik, 2008. S. 159.
19. Spenser E. Opisanie poezdok po zapadnomu Kavkazu, vklyuchaya puteshestvie cherez Imeretiyu, Mingreliyu, Turtsiyu, Moldaviyu, Galitsiyu, Sileziyu i Moraviyu v 1836 g. Nal'chik, 2008. S. 180.
20. Spenser E. Opisanie poezdok po zapadnomu Kavkazu, vklyuchaya puteshestvie cherez Imeretiyu, Mingreliyu, Turtsiyu, Moldaviyu, Galitsiyu, Sileziyu i Moraviyu v 1836 g. Nal'chik, 2008. S. 179.
21. Dzheims Bell. Dnevnik prebyvaniya v Cherkesii v techenie 1837–1839 godov. Tom 1. Nal'chik, 2007. S. 85–86.

УДК 93/94

Горцы Черноморья (начало XIX века): география, демография, антропология

¹ Александр Арвелодович Черкасов

² Михал Шмигель

³ Владимир Гаврилович Иванцов

⁴ Александр Александрович Рябцев

⁵ Виолетта Сергеевна Молчанова

^{1, 3, 4, 5} Сочинский государственный университет, Российская Федерация

¹ Доктор исторических наук, профессор

² Университет Матей Бела, Словакия

Доктор истории, профессор

³ Кандидат исторических наук, доцент

⁴ Кандидат экономических наук, доцент

⁵ Аспирант

Аннотация. В статье на основе материалов путешественников рассматриваются географические и демографические аспекты жизни горцев Черноморья в начале XIX века. Под горцами Черноморья понимаются племена убыхов, шапсугов, натухаевцев, абазин, джигетов, медовеевцев и садзев. Уделено внимание антропологическому облику горца Черноморья.

Ключевые слова: горцы Черноморья; убыхы; шапсуги; антропологический облик.

UDC 323.37(477)«17-18»

Violations of Law in the Bureaucrats Community and Their Perception by the Ukrainian and Russian People in the Late XVIII – First Half of XIX Centuries

Sergey I. Degtyarev

Sumy State University, Ukraine
17 Kominterna St., Sumy, 40009
PhD (History), Assistant Professor

Abstract. Studies the problem of service violations and abuses, which were extremely common in the bureaucratic environment of the Russian Empire in the late XVIII – early XIX centuries. The author attempts to answer the question of how these negative phenomena were perceived various population groups in different regions of the empire?

It was concluded, that range of offenses, which were committed officials, was extremely broad. In doing so they affected the interests of society regardless of ethnic, social or professional affiliation of its members. This contributed to occurrence of a negative image of officials at all levels of society and in all regions of the empire. Inability and unwillingness of the government fight the offense in the environment of bureaucracy during many decades has led to the creation a negative image of the official. It was display in numerous literary works and poetry of Ukrainian and Russian authors, the memoirs of contemporaries, official documents.

Keywords: bureaucracy; official; offense; abuse; Russian Empire; Ukraine; the public.

Введение. Определить эффективность бюрократической системы невозможно, изучая только ее структуру, количественные показатели и нормативную базу, которой регулировалась ее деятельность. Следует изучать также проблему служебных нарушений и злоупотреблений, которые были чрезвычайно распространенными явлениями в российской имперской бюрократической среде в конце XVIII – первой половине XIX вв. Как влияла существующая в тогдашнем обществе система ценностей на факты злоупотреблений? Каким образом личная жизнь чиновников и их материальное обеспечение были связаны с этими злоупотреблениями? Как эти негативные явления воспринимались различными слоями населения в разных регионах империи, государственной управленческой верхушкой и лично монархом? Ответы на эти и ряд других вопросов дадут возможность максимально объективно оценить позитивные и негативные стороны чиновничества исследуемого периода; понять, насколько эффективными (или не эффективными) были правительственные мероприятия касательно усовершенствования бюрократической системы и т.п. К тому же решение указанных вопросов имеет чрезвычайно важное значение и для разрешения ряда проблем современного отечественного государственного управления (хотя бы на теоретическом уровне).

Материалы и методы. На нарушения в среде чиновничества указывали многие исследователи управленческого аппарата Российской империи, начиная еще с конца XVIII в. Они указывают, что население всей империи страдало от лихоимства, взяточничества лиц, которые занимали те или иные должности в аппарате местного управления. Это, конечно, подрывало авторитет власти. В частности В.Гольцев, ссылаясь на князя Щербатова, критиковал период правления Екатерины II, говоря, что при ней "чины все продажны, должности не достойнейшим стали даваться, но кто более за них заплатит, а и те, платя, на народе взятками стали сие вымещать" [5, с.64-65]. О чиновниках земских судов писал Е.Анучин, что "порядочные бежали оттуда при первой возможности. Оставшиеся пополняли недостатки скудного жалованья поборами с кого только можно было" [1, с.116].

В XIX в. исследователи права не только фиксировали и отображали в своих работах негативные явления в функционировании бюрократического аппарата. Они также привлекались к поиску методов борьбы с ними. В частности, указывая на тотальное взяточничество и лихоимство в Российской империи, автор работы "О взятках судей" предлагает варианты решения этой проблемы: "... о делах, решенных в Присутственных Местах, печатать краткие, но достаточные или истинные, истории дел, с прописанием приговора и законов, на которых оный был основан", чтобы каждый мог сделать выводы о правильности и законности принятого решения, объективности судей и других судебных чиновников. По его мнению, "самая публичность должна удерживать судящих в надлежащих пределах справедливости..." [21, с.173].

Эволюцию отношения ко взяткам в Российской империи проследил советский ученый М.Покровский, который связывал это явление с промышленным прогрессом [24, с.131].

В целом проблемы «преступления и наказания» в бюрократической среде Российской империи касались многие исследователи прошлого и современности. При этом они иногда поверхностно касались и вопроса восприятия чиновника-нарушителя современниками: широкой общественностью или отдельными ее представителями. Особенно следует отметить работы А.Градовского, Н.Лазаревского, О.Моряковой, Л.Писарьковой, Ю.Тота, В.Молчанова, Н.Бармака и др. [2; 3; 6; 15; 19; 20; 23; 27;].

Обсуждение. Количество нарушений и злоупотреблений в бюрократической среде Российской империи всегда было велико. Одними из «лидеров» в этом отношении были служащие судебных и правоохранительных учреждений. При том, что удельный вес чиновников суда и полиции был довольно значительным, это не создавало никакого сдерживающего влияния на массовое взяточничество и воровство [12, с.67]. Для дореформенного суда были характерны такие негативные черты, как безгласность, закрытый судебный процесс, отсутствие соревновательности, сословность, усложненный канцелярский порядок и бюрократическая волокита. Все это способствовало существованию всяческих злоупотреблений со стороны чиновников судебной сферы. Фактически сами реалии, в которых существовал и функционировал суд, предусматривали субъективное отношение ко всем участникам процесса.

Злоупотребления в полицейских учреждениях часто шли даже дальше взяточничества или фальсификаций документов. Некоторые чиновники осмеливались на уголовные преступления, чтобы получить материальную выгоду: кража ценностей во время обысков; сфабрикованные обвинения, которые уничтожались за взятки и т.п. Известны даже случаи, когда чиновники полиции занимались изготовлением фальшивых денег. Так, в 1836 г. надзиратель Балтской тюрьмы (Подольская губерния) и балтский полицмейстер содействовали нескольким арестантам в изготовлении фальшивых монет. Надзиратель тюремного замка в Киеве делал то же самое с помощью нескольких заключенных [19, с. 38-39].

Вообще спектр нарушений, которые мог совершить чиновник (любого ведомства) был достаточно широким. Некоторые из них совершались неосознанно (проступки, связанные с неосторожностью или неправильным ведением документации и т.п.), но многие нарушения были сознательными, с определенной целью. Это, безусловно влияло на качество всей бюрократической системы исследуемого периода, а также вызывало соответствующую реакцию со стороны населения, правительства или отдельных представителей общества. Служебные нарушения в государственных учреждениях стали явлением настолько распространенным, что повлияли на формирование определенного морального облика среднестатистического чиновника Российской империи. Восприятие современниками чиновника/бюрократа/управленца ярко отображено в их воспоминаниях, тогдашней художественной и учебной литературе и даже научных исследованиях.

Своеобразным «лакмусом» общественного восприятия чиновника являлся образ последнего в литературе. Гражданский чиновник имел низкий общественный престиж. И в российской, и в украинской культуре XVIII – первой половины XIX вв. так и не был создан образ беспристрастного судьи или справедливого администратора. В общественном сознании чиновник ассоциировался с крючкотворством и взяточничеством [17, с.26].

В публицистической и художественной литературе авторства кн. Щербатова, Радищева, Капниста и многих других жестко критиковалось состояние государства, управления, суда второй половины правления Екатерины II. И это при том, что одним из первых указов Екатерины II был указ «Об удержании судей и чиновников от лихоимства». Скорее всего этот документ был разработан с целью завоевания популярности императрицы среди населения [28, с.143]. Он носил декларативный характер и в реальности фактически не действовал.

И российские, и украинские писатели и поэты высмеивали, критиковали чиновников конца XVIII – первой половины XIX вв. Описывая государственную службу и отношение к ней как к способу для незаконного обогащения большинства чиновников во второй половине XVIII в., российский писатель Д.Фонвизин писал: "Головы занимаются одним примышлением к обогащению. Кто может - грабит, кто не может - крадет, и когда государь без непреложных государственных законов жиждет на песке свои здания и, выдавая непрестанно частные уставы, думает истреблять вредные государству откупы, тогда не знает он того, что в государстве его ненаказанность всякого преступления давно на откупу" [30, с.208]. Известный украинский поэт, драматург И.Котляревский в оде, посвященной князю Куракину – тогдашнему малороссийскому генерал-губернатору, указывал на произвол судей, которые «за цукор та за гроші» («за сахар и за деньги») вершили несправедливый суд в угоду помещикам; отмечал поэт и запутанность делопроизводства, в которое была вовлечена целая армия писарей и других канцелярских служащих [14, с.279].

Распространенным явлением в бюрократической среде было чинопоклонение. Государственный служащий того или иного ранга имел право на соответствующее титулование при обращении к нему (например, "ваше высококордие", "ваше превосходительство" и т.п.). Неправильное титулование подчиненным своего руководителя могло стать причиной выговора или более тяжкого наказания и считалось служебным нарушением. Хотя неправильное титулование с завышением чина имело целью польстить собеседнику, угодить ему. Это средство широко использовали литераторы в своих произведениях для высмеивания преклонения и угодничества перед высшим чиновничеством. Чинопоклонение остро высмеивал выдающийся украинский писатель первой половины XIX в. Н.Гоголь. Так, в его произведении "Мертвые души" главный герой Чичиков назвал вице-губернатора и председателя палаты "ваше превосходительство", хотя они были статскими советниками и обращаться к ним следовало "ваше высококордие". Такая вроде бы ошибка повышала чиновников до чина тайных советников или, как их тогда еще называли, "штатных генералов".

Подобных примеров в украинской и российской литературе конца XVIII – первой половины XIX вв. можно найти огромное количество. Все они, с одной стороны, в художественной форме отображали реальное положение в чиновной среде и отношение к ней общества, а, с другой – влияли на закрепление сложившегося образа чиновника в общественном восприятии.

Общество не всегда мирилось с негативными проявлениями в среде государственных служащих. Примерами такого недовольства могут быть различные пасквили и небольшие драматические произведения, где высмеивались и критиковались действия чиновников (они не печатались, а распространялись в рукописном виде). В глазах власти такие произведения имели несколько политический оттенок. Но они не воспринимались как повод для усовершенствования бюрократической системы или наведения порядка в конкретных учреждениях того или иного региона. В 1837 г. у архивариуса Степулковского (Подольская губерния) была найдена рукопись комедии "Московский заседатель", которая по мнению жандармов была "самым злобным пасквилом на русских чиновников" [29, с.83].

В 1844 г. по Проскуровскому уезду также Подольской губернии распространялся небольшой (1 страница) пасквиль «Результат выборов», написанный на польском языке и посвященный дворянским выборам в этом уезде. В сочинении содержится сатирическая характеристика целого ряда местных чиновников-дворян. Приведем его текст в переводе проскуровского земского исправника:

«Вопреки правде, для большого дива, -
 Кайцио (сделан) презесом ума, а Ижицкий совести;
 Рожановский (был) подставкою; а по милости магнатов,
 Избран Маршалом облесный Пошлавский.
 Лысый дяденька Ржишевич как то узнал,
 Что наш дяденька Маршал на двух стулах (местах) сидел
 Один Тит открыто держал сторону прежнего,
 И за то получил несколько плоских выговоров.
 Даже и Стас хотел показать ему свое недовольствие,
 И кончил тем, что лишился и бороды и усов.
 Господин Адам из Макова откликнулся не кстати,
 И как непуганный кот ворчал, не сказав ни слова.
 Магнаты силою вели туза в начальники нам,
 Подставили – а шляхта дала им арбуза.
 Дверницкий сбил Гейсмара, - после помирились;
 Пшездецкий сбил обоих, содействуемый шляхтою» [31, л.3].

Этот пасквиль попал от исправника к Киевскому военному, Подольскому и Волынскому генерал-губернатору и к Каменецкому военному и Подольскому гражданскому губернатору. Правда в этом случае власть решила, что это произведение не содержит опасности для правительства (возможно, потому что высмеивалось не российское чиновничество, а исключительно польская шляхта, хотя и служилая). Подольскому губернатору даже было предложено (генерал-губернатором), что «как пасквиль этот особенно глуп, то я покорнейше прошу приказать не делать по нему никакого разыскания» [31, л.4].

О беззакониях и непрофессионализме в чиновнической среде много сказано в многочисленных воспоминаниях современников, многие из которых и сами занимали государственные должности, поэтому знали всю бюрократическую «кухню» непонаслышке. Причем они могли передавать как свое личное восприятие подобных явлений, так и отношение к ним представителей различных слоев общества.

По отзывам современников, взяточничество и казнокрадство с позиции чиновнической морали были обычным явлением и даже не всегда осуждались в обществе. В декабре 1782 г. глуховский (Черниговская губерния) адвокат И.Бахтин, который представлял в суде интересы местного дворянина А.Сулимы по нескольким делам, сам советовал последнему, чтобы тот для максимально успешного решения дел "преградил мздовоздаянием трудные и неприятные могущие быть пути". При этом он даже указывал конкретные суммы денег, которыми следовало "отблагодарить" чиновников, от которых зависели результаты дел. Так, четверем чиновникам генерального суда и коллегии (по видимому заседателям) рекомендовалось подарить 200 руб.; секретарю суда - 100 руб. (при этом секретарь характеризовался адвокатом как умный, честный и справедливый); еще четверем чиновникам - 200 руб.; прокурору - 100 руб. Все указанные И.Бахтиным служащие имели довольно высокие табельные или старые украинские старшинские чины: коллежские асессоры, надворные советники, бунчуковые товарищи и т.д. Указанные деньги следовало переслать адвокату, который должен был решить "смотря по усердию судящих... кому сколько поднести" [26, с.129-131].

Высшее руководство также часто было не лучшим примером для подчиненных. Г.Державин вспоминал о генерал-прокуроре Вяземском, который "управлял государственным казначейством в противность законам, самовольно раздавал жалованье и пенсии по своему произволу и устраивал доходы..." [16, с.5]. Историк Н.Карамзин характеризовал губернаторов эпохи Александра I как людей без способностей, которые дают «всякою неправдою наживаться секретарям своим», или же сами злоупотребляют взятками. Он же отмечал, что очень тяжело наказать «искусного вора - судью» по

российским законам, согласно с которыми и тот, кто дает взятку, и тот, кто его получает, наказываются одинаково [13, с.67-68].

Тотальное взяточничество было одной из главных проблем судов. В нем принимали участие все, "от мелкой приказной сошки до сильных высокопоставленных чиновников министерства юстиции". Дела разбирались не по очереди, а по выбору судей, в зависимости от прибыльности. Тотальное взяточничество существовало не только в низших судах, но и в высших административных и судебных инстанциях. Слободско-Украинский (Харьковское наместничество) губернский предводитель дворянства Д.Хорват (1793-1799) в своем обращении к дворянам жаловался на тяжбу и взяточничество в судебных учреждениях. Но это не было особенностью только Харьковского наместничества. Это явление было характерным для всей Российской империи. Рылеев писал в 1821 г., что "копиисты имеют постоянные доходы от своего грабежа" [8, с.71-72]. И.Аксаков в 1851 г. отмечал: "Вы не знаете, что такое провинция, когда в ином уездном городе от первого до последнего буквально все взяточники". Он даже считал, что ликвидировать взяточничество невозможно. Современники часто отмечали, что "сильный мог безнаказанно издеваться над слабым" или что "законы пишутся только для низших сословий, а не для нас" (слова одного высокого сановника поэту барону Дельвигу) [4, с.205-207, 214].

К середине XIX в., по словам Н.Греча, злоупотребления "срослись с общественным бытом, сделались необходимым его элементом. Может ли существовать порядок и благоденствие в стране, где из 60 миллионов нельзя набрать 8 умных министров и 50 честных губернаторов, где воровство, грабеж и взятки являются на каждом шагу, где нет правды в управлении?" [Цит. по Н.Ерошкину] [9, с.56]. Еще один представитель чиновничества периода правления Николая I О.Васильев оставил даже специальную записку "Изложение нравственного состояния всех сословий России". В документе автор подчеркнул низкий моральный и умственный уровень служащих уездных, губернских и даже центральных государственных учреждений. Он отметил мизерное жалование служащих, которое стимулировало взяточничество и другие злоупотребления. Указывал Васильев на слабую профессиональную подготовку чиновников. Особое неудовольствие вызывала судебная система. В канцеляриях брали деньги не только для ускорения решения дела, но часто для прямого подкупа или затягивания дела. Была создана целая система вымогательства и градация взятки в зависимости от сложности дела [7, с.111].

Высшее руководство, бесспорно, владело информацией о злоупотреблениях чиновников на местах. Правительство черпало эти данные из слухов, которые всегда быстро расходились в обществе; из жалоб подданных; результатов сенатских ревизий; отчетов губернаторов, которые проверяли состояние бюрократического аппарата во вверенных им губерниях или поручали это чиновникам по особым поручениям.

В 1816 г. много злоупотреблений было раскрыто в Волынской губернии, куда для их ликвидации был командирован тайный советник Сиверс. Император даже называл эту губернию «примерной по злу, в ней гнездившемуся» [22, с.198]. Александр I всегда был хорошо информирован о состоянии местного управления. Часто цитируется его письмо В.Кочубею от 10 мая 1796 г., где будущий император критически характеризовал систему государственного управления, сформированную еще во времена Екатерины II. «В наших делах, – отмечал он, – господствует неимоверный беспорядок; грабеж со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду...» [32, с.150].

При этом большое количество служебных нарушений чиновниками утаивалось. Например, перед губернаторскими или сенаторскими ревизиями все служащие были заняты "наведением порядка" в канцеляриях и присутствиях, то есть уничтожением тех вещей, которые посторонние не должны были видеть. Дела, которые долгое время так и не были решены, прятались (иногда даже в архивах среди уже решенных) [20, с.32].

Да и само правительство не всегда находило силы или желание исправлять существующий порядок (или скорее беспорядок).

В 1802 г. на уровне Сената поднимался вопрос о контроле законодательной базы касательно искоренения лихоимства [22, с.172]. М.Сперанский в своем плане государственных преобразований предлагал ввести ответственность министров, а на местах позволить участие населения в управлении. Это должно было повлиять на сокращение злоупотреблений в государственных учреждениях. Но его предложения не были взяты во внимание императором. В 1826 г. при Общем Собрании Санкт-Петербургских Департаментов Сената создан особый комитет для разработки законов, направленных на ликвидацию лихоимства и лихоимательства. Но рекомендации комитета на практике также не были реализованы [10, с.52; 18, с.155].

Контролировать чиновников на местах при существующей структуре бюрократического аппарата и законодательной базы правительство практически не могло. Даже Д.Трошинский в записке о министерствах писал, что министры, не взирая на очень широкие полномочия, сами находятся в зависимости от своих подчиненных, а особенно во второстепенных делах они "суть только слепые орудия своих чиновников всякого звания, которые все пользуются равною привилегией обманывать их, не подвергаясь никакому законному взысканию" [25]. Чиновники не были послушными исполнителями воли высшего руководства, они пользовались определенной самостоятельностью и широкими правами. Чиновничество владело даже способами для борьбы с указами высших органов. Это делалось с помощью канцелярской волокиты, которая могла надолго отложить исполнение закона.

Очень распространенным явлением также было простое нежелание высших чиновников уездных или губернских учреждений, крупных сановников и даже императоров бороться с негативными проявлениями в бюрократической среде. Причины этого могли быть разными, начиная от желания сохранить «честь чиновничьего мундира», отрицая многие факты служебных нарушений (а чаще попросту закрывая на них глаза), и заканчивая низменными личными интересами – многие руководящие чины имели прямую материальную выгоду от своих подчиненных-взяточников, прикрывали их, иногда сами промышляли незаконными делами и т.п. Например, много нарушений происходило в правобережных украинских губерниях в период управления этим регионом генерал-губернатором Д.Бибикова, который со временем стал министром внутренних дел. Даже ближайшие к нему должностные лица брали взятки в огромных размерах. В частности начальник канцелярии генерал-губернатора Н.Писарев обкладывал ежегодной данью даже губернаторов. Этот чиновник в 1840 г. только от польских дворян, которые были замешаны в деле Конарского, получил 46 тыс. руб. При этом об этих преступлениях было известно даже самому Николаю I, но никаких мер по отношению к этому чиновнику применено не было [11, с.36]. И таких примеров можно приводить очень много, ссылаясь на ситуации из различных регионов Российской империи.

Заключение. Таким образом, спектр правонарушений, которые могли совершаться (и совершались) чиновниками во время исполнения ними служебных обязанностей был чрезвычайно широким. При этом они касались непосредственно интересов общества не зависимо от национальной, социальной или профессиональной принадлежности его членов. Все это содействовало появлению определенного образа чиновника (в основном негативного) на всех уровнях общественной жизни и во всех регионах империи.

Неспособность правительства, а иногда даже нежелание, вести эффективную борьбу с правонарушениями в среде бюрократии в течение многих десятилетий приводило фактически к "консервации" негативного образа чиновника, что отображалось в многочисленных художественных произведениях и поэзии украинских и российских авторов, воспоминаниях современников, официальных документах и проч.

Примечания

1. Анучин Е. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России, с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени / Е.Анучин. СПб.: Типография Министерства Внутренних Дел, 1872. 238 с.
2. Бармак М.В. Державна служба в Російській імперії: правові основи формування та функціонування корпусу цивільних службовців (XVIII - перша половина XIX ст.). Тернопіль: АСТОН, 2006. 288 с.
3. Бармак М.В. Формування владних інституцій Російської імперії на Правобережній Україні (кінець XVIII – перша половина XIX ст.). Тернопіль: АСТОН, 2007. 512 с.
4. Бочкарев В. Дореформенный суд / В.Бочкарев // Судебная реформа / Под ред. Н.В.Давыдова и Н.Н.Полянского. М.: Книгоиздательство "Объединение", 1915. С. 205-241.
5. Гольцев В.А. Законодательство и нравы в России XVIII века / В.А. Гольцев. Изд.2-е. СПб.: Типография А.Якобсона Насл., 1896. - 164+XXXII с. С.64-65.
6. Градовский А.Д. Существо государственных должностей и учение о службе гражданской / А.Д.Градовский // Собрание сочинений А.Д.Градовского. Т.8. Начала русского государственного права. - Часть II. Органы управления. СПб.: Типография М.М.Стасюлевича, 1903. С.1-185.
7. Деревнина Т.Г. Записка о внутреннем положении дореформенной России / Т.Г.Деревнина // Вопросы истории. №3. 1973. С.108-116.
8. Дубрович Н. Русская жизнь в начале XIX в. / Н.Дубрович // Русская старина. 1899. Кн.4. С.71-72.
9. Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты: (Первая половина XIX века). М.: "Мысль", 1981. 252 с.
10. Ефремова Н.Н. Министерство юстиции Российской империи 1802-1917 гг. Историко-правовое исследование. М.: Издательство "Наука", 1983. 149 с.
11. Зайончковский П.А. Губернская администрация накануне Крымской войны / П.А.Зайончковский // Вопросы истории. №9. 1975. С.33-51.
12. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П.А.Зайончковский. М.: "Мысль", 1978. 288 с.
13. Катаев И.М. Дореформенная бюрократия по запискам, мемуарам и литературе / И.М.Катаев. – СПб.: Книгоиздательство типо-литографии «Энергия», б/г. 180 с.
14. Котляревський І.П. Пісня на новий 1805 год князю Куракіну // Котляревський І.П. Твори. Передм. Є.С.Шаблювського, Б.А.Деркача. К.: Дніпро, 1980. С. 277-282.
15. Лазаревский Н. Бюрократия и общество / Н.Лазаревский // Право. 1905. №4. 30 января. С.205-214.
16. Левенштейн О.Г. Г.Р.Державин на государственной службе (к 250-летию со дня рождения) / О.Г.Левенштейн // Вестник Московского университета. - Серия 8. История. №6. 1993. С. 3-10.
17. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю.М.Лотман. СПб.: Искусство-СПб, 1996. 399 с.
18. Метушевская Т.И. Правовой статус государственного служащего в России XVIII – первой половине XIX вв.: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Т.И.Метушевская. М., 2007. 198 с.
19. Молчанов В.Б. Життєвий рівень чиновників правоохоронних установ в Україні у XIX – на початку XX ст. / В.Б.Молчанов / Інститут історії України НАН України. К., 2007. 113 с.

20. Морякова О.В. Местное управление в России во второй четверти XIX в. (по материалам сенаторских ревизий) / О.В.Морякова // Вестник Московского университета. Серия 8. История. №6. 1994. С. 28-38.
21. О взятках судей // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1858. Апрель-июнь. Книга вторая. Смесь. М.: В Университетской Типографии, 1858. С. 172-174.
22. Парусов А.И. К истории местного управления в России первой четверти XIX столетия / А.И.Парусов // Ученые записки Горьковского государственного университета. – Серия историко-филологическая. Вып. 72. 1964. С.155-226.
23. Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века / Л.Ф.Писарькова // Человек. 1995. №4. С.147-158.
24. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке // Покровский М.Н. Избранные произведения. Книга 3. М.: Издательство «Мысль», 1967. 671 с.
25. Соловьев Я.В. Бюрократический аппарат Министерства финансов в пореформенную эпоху / Я.В.Соловьев // Вопросы истории. №7. 2006. С.9-25.
26. Сулимовский архив. Фамильные бумаги Сулим, Скоруп и Войцеховичей XVII-XVIII в. К.: Типография К.Н.Милевского, 1884. 316 с.
27. Тот Ю.В. Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке: дисс. ... докт. истор. наук: 07.00.02 / Ю.В.Тот. СПб., 2003. 490 с.
28. Троицкий С.М. Комиссия о вольности дворянства 1763 г. (К вопросу о борьбе дворянства с абсолютизмом за свои сословные права) // Троицкий С.М. Россия в XVIII веке. Сборник статей и публикаций. М.: Издательство «Наука», 1982. С.140-192.
29. Федосов И.А. Из истории общественного движения в России в конце 30-х годов XIX столетия / И.А.Федосов // Вопросы истории. №12. 1956. С.80-91.
30. Фонвизин Д. Рассуждение о непременных государственных законах / Д.И.Фонвизин // Фонвизин Д. Сочинения / Сост. Н.Н.Акопова; Предисл. Г.П.Макогоненко; Примеч. М.В.Иванова. - М.: Правда, 1981. 320 с.
31. Центральный государственный исторический архив Украины в г.Киев, ф. 442, оп. 794, д. 247 – Дело по рапорту Проскуровского исправника с представлением пасквильного сочинения о дворянских выборах. 1844 г., 4 л.
32. Шильдер Н.К. Александр I / Н.К.Шильдер // Русский биографический словарь. Т.1. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1896. 892 с.

References:

1. Anuchin E. Istoricheskiy obzor razvitiya administrativno-politseyskikh uchrezhdeniy v Rossii, s Uchrezhdeniya o guberniyakh 1775 g. do poslednego vremeni / E.Anuchin. SPb.: Tipografiya Ministerstva Vnutrennikh Del, 1872. 238 s.
2. Barmak M.V. Derzhavna sluzhba v Rosijs`kij imperiyi: pravovi osnovy` formuvannya ta funkcionuvannya korpusu sy`vil`ny`x sluzhbovciv (XVIII - persha polovy`na XIX st.). Ternopil` : ASTON, 2006. 288 s.
3. Barmak M.V. Formuvannya vladny`x insty`tucij Rosijs`koyi imperiyi na Pravoberezhnij Ukrayini (kinecz` XVIII - persha polovy`na XIX st.) - Ternopil` : ASTON, 2007. 512 s.
4. Bochkarev V. Doreformenny sud / V.Bochkarev // Sudebnaya reforma / Pod red. N.V.Davydova i N.N.Polyanskogo. M.: Knigoizdatel'stvo "Ob`edinenie", 1915. S. 205-241.
5. Gol'tsev V.A. Zakonodatel'stvo i nrvy v Rossii XVIII veka / V.A. Gol'tsev. Izd. 2-e. SPb.: Tipografiya A.Yakobsona Nasl., 1896. - 164+XXXII s. S.64-65.
6. Gradovskiy A.D. Sushchestvo gosudarstvennykh dolzhnostey i uchenie o sluzhbe grazhdanskoj / A.D.Gradovskiy // Sobranie sochineniy A.D.Gradovskogo. T.8. Nachala russkogo gosudarstvennogo prava. - Chast' II. Organy upravleniya. SPb.: Tipografiya M.M.Stasyulevicha, 1903. S. 1-185.
7. Derevnina T.G. Zapiska o vnutrennem polozhenii doreformennoy Rossii / T.G.Derevnina // Voprosy istorii. №3. 1973. S.108-116.
8. Dubrovich N. Russkaya zhizn' v nachale XIX v. / N.Dubrovich // Russkaya starina. 1899. Kn.4. S.71-72.
9. Eroshkin N.P. Krepostnicheskoe samoderzhavie i ego politicheskie instituty: (Pervaya polovina KhIKh veka). M.: "Mysl", 1981. 252 s.
10. Efremova N.N. Ministerstvo yustitsii Rossiyskoj imperii 1802–1917 gg. Istoriko-pravovoe issledovanie. M.: Izdatel'stvo "Nauka", 1983. 149 s.
11. Zayonchkovskiy P.A. Gubernskaya administratsiya nakanune Krymskoj vojny / P.A.Zayonchkovskiy // Voprosy istorii. №9. 1975. S. 33-51.
12. Zayonchkovskiy P.A. Pravitel'stvennyy apparat samoderzhavnoy Rossii v XIX v. / P.A.Zayonchkovskiy. M.: "Mysl", 1978. 288 s.
13. Kataev I.M. Doreformennaya byurokratiya po zapiskam, memuarom i literature / I.M.Kataev. – SPb.: Knigoizdatel'stvo tipo-litografii «Energiya», b/g. 180 s.
14. Kotlyarevs`ky`j I.P. Pisnya na novy`j 1805 god knyazyu Kuraky`nu // Kotlyarevs`ky`j I.P. Tvory`. Peredm. Ye.S.Shabliovs`kogo, B.A.Derkacha. K.: Dnipro, 1980. S.277-282.
15. Lazarevskiy N. Byurokratiya i obshchestvo / N.Lazarevskiy // Pravo. 1905. №4. 30 yanvarya. S.205-214.
16. Levenshteyn O.G. G.R.Derzhavin na gosudarstvennoy sluzhbe (k 250-letiyu so dnya rozhdeniya) / O.G.Levenshteyn // Vestnik Moskovskogo universiteta. - Seriya 8. Istoriya. №6. 1993. S.3-10.
17. Lotman Yu.M. Besedy o russkoy kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo KhIKh veka) / Yu.M.Lotman. SPb.: Iskusstvo-SPb, 1996. 399 s.
18. Metushevskaya T.I. Pravovoy status gosudarstvennogo sluzhashchego v Rossii XVIII - pervoy polovine KhIKH vv.: diss. ...kand. jurid. nauk: 12.00.01 / T.I.Metushevskaya. M., 2007. 198 s.

19. Molchanov V.B. Zhy`t`yevy`j riven` chy`novny`kiv pravooxorony`x ustanov v Ukrayini u XIX – na pochatku XX st. / V.B.Molchanov / Insty`tut istoriyi Ukrayiny` NAN Ukrayiny`. K., 2007. 113 s.
20. Moryakova O.V. Mestnoe upravlenie v Rossii vo vtoroy chetverti XIX v. (po materialam senatorskikh reviziy) / O.V.Moryakova // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya. №6. 1994. – S.28-38.
21. O vzyatkakh sudey // Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete. 1858. April'-iyun'. Kniga vtoraya. Smes'. M.: V Universitetskoj Tipografii, 1858. S.172-174.
22. Parusov A.I. K istorii mestnogo upravleniya v Rossii pervoy chetverti XIX stoletiya / A.I.Parusov // Uchenye zapiski Gor'kovskogo gosudarstvennogo universiteta. – Seriya istoriko-filologicheskaya. Vyp.72. 1964. – S.155-226.
23. Pissar'kova L.F. Rossiyskiy chinovnik na sluzhbe v kontse KhVIII – pervoy polovine KhIX veka / L.F.Pissar'kova // Chelovek. 1995. №4. S.147-158.
24. Pokrovskiy M.N. Russkaya istoriya v samom szhatom ocherke // Pokrovskiy M.N. Izbrannye proizvedeniya. Kniga 3. M.: Izdatel'stvo «Mysl'», 1967. 671 s.
25. Solov'ev Ya.V. Byurokraticheskij apparat Ministerstva finansov v poreformennuyu epokhu / Ya.V.Solov'ev // Voprosy istorii. №7. 2006. S.9-25.
26. Sulimovskiy arkhiv. Famil'nye bumagi Sulim, Skorup i Voytsekhovichey XVII-XVIII v. K.: Tipografiya K.N.Milevskogo, 1884. 316 s.
27. Tot Yu.V. Reforma uezdnoy politsii v pravitel'stvennoy politike Rossii v XIX veke: diss. ... dokt. istor. nauk: 07.00.02 / Yu.V.Tot. SPb., 2003. 490 s.
28. Troitskiy S.M. Komissiya o vol'nosti dvoryanstva 1763 g. (K voprosu o bor'be dvoryanstva s absolyutizmom za svoi soslovnye prava) // Troitskiy S.M. Rossiya v XVIII veke. Sbornik statey i publikatsiy. – M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1982. – S.140-192.
29. Fedosov I.A. Iz istorii obshchestvennogo dvizheniya v Rossii v kontse 30-kh godov XIX stoletiya / I.A.Fedosov // Voprosy istorii. №12. 1956. S.80-91.
30. Fonvizin D. Rassuzhdenie o nepremennykh gosudarstvennykh zakonakh / D.I.Fonvizin // Fonvizin D. Sochineniya / Sost. N.N.Akopova; Predisl. G.P.Makogonenko; Primech. M.V.Ivanova. M.: Pravda, 1981. - 320 s.
31. Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g.Kiev, f.442, op.794, d.247 – Delo po raportu Proskurovskogo ispravnika s predstavleniem paskvil'nogo sochineniya o dvoryanskikh vyborakh. 1844 g., 4 l.
32. Shil'der N.K. Aleksandr I / N.K.Shil'der // Russkiy biograficheskij slovar'. T.1. SPb.: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1896. 892 s.

УДК 323.37(477)«17-18»

Правонарушения в среде чиновников и их восприятие украинской и российской общественностью в конце XVIII – первой половине XIX вв.

Сергей Иванович Дегтярев

Сумский государственный университет, Украина
40009, г. Сумы, ул. Коминтерна, д. 17
Кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. Изучается проблема служебных нарушений и злоупотреблений, которые были чрезвычайно распространенными явлениями в бюрократической среде Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX вв. Неспособность и нежелание правительства вести борьбу с правонарушениями в среде бюрократии в течение многих десятилетий приводило фактически к "консервации" негативного образа чиновника. Это отобразилось в многочисленных художественных произведениях и поэзии украинских и российских авторов, воспоминаниях современников, официальных документах.

Ключевые слова: бюрократия; чиновник; правонарушение; злоупотребление; Российская империя; Украина; общественность.

UDC 392 (470.21)

Murman Coast of the Barents Sea at the Second Half of the 19th and the Beginning 20th Century. Russian or European Colonization?

Pavel V. Fedorov

International Banking Institute, Russian Federation
60, Nevsky av. Saint-Petersburg, 191011
Dr. (History), Professor
E-mail: Sever-Nordica@yandex.ru

Abstract. This article is dedicated to analysing the historical background of the process of colonization Murman coast of the Barents Sea at the second half of the 19th and the beginning 20th century. It considers two different interpretations of the history of colonization. One of them is the process of checking the Murman coast as a result of Russia imposed Western European initiatives. Another interpretation associates colonization with traditional process of the Russian presence on Murman.

Keywords: colonization; Russia and the West Europe; the Arctic; geopolitics; border; fishing; Finland; Norway; the Kola Peninsula.

Введение. Вопрос о самобытности исторического пути России, соотношение и взаимоотношение собственных и заимствованных ресурсов имеет давнюю традицию в отечественной и зарубежной гуманитарной мысли. Для исследователей истории этот вопрос приобретает не только абстрактный характер, но и вполне конкретные очертания при рассмотрении тех или иных исторических сюжетов. Причем, приграничные российские территории дают поистине уникальную, по своей насыщенности, возможность оценить потенциал русской «почвы» в толще столетий.

Как показывает современная историографическая ситуация, проблема «русского пути» продолжает волновать зарубежное историческое сообщество. К числу недавних примеров можно отнести публикацию норвежского историка Й.П. Нильсена [1], в которой вполне четко прослеживается стремление представить российскую колонизацию Крайнего Севера в качестве если не полностью обусловленной, то, по крайней мере, отражающей историческое развитие Норвегии. Проанализировать данный подход представляется важной задачей современной российской историографии.

Материалы и методы. В данной статье применялись историко-генетический подход, позволяющий анализировать исторический процесс с точки зрения последовательности появления и преемственности составляющих его исторических явлений, а также историко-сравнительный подход, предполагающий сравнение однородных исторических явлений. Работа построена на использовании разработок семиотики, в рамках которой сам процесс колонизации или освоения территории рассматривается в отражениях изменчивого «ландшафтного текста».

Обсуждение. Во второй половине XIX века российская власть решила побороть культурную отсталость одного из традиционных русских рыбопромысловых районов в Баренцевом море путем создания на Мурманском берегу вместо сезонных становищ постоянных поселений, получивших название «колоний».

К рождению данной идеи были причастны генеральный консул в Христиании А. Мехелин и архангельский губернатор Н.И. Арандаренко. Этому же отчасти помогала происходившая в соседнем норвежском Финмарке реструктуризация социально-экономических отношений, которая выталкивала не сумевших вписаться в новые возникающие структуры норвежцев. Последние, воспользовавшись относительной прозрачностью российской границы в этом районе, устремились в более разряженное пространство Мурмана. К концу 1850-х гг. этот процесс стал заметным, заставив архангельские губернские власти направить запрос в центр о возможности переселения норвежцев на Мурманский берег. Центр ответил согласием, с условием принятия переселяющимися норвежцами российского гражданства [2]. Это решение послужило импульсом к началу норвежской колонизации Мурмана, которая тем не менее происходила стихийно и крайне вяло.

В дальнейшем архангельские власти под началом нового губернатора С.П. Гагарина стали разрабатывать более широкий проект заселения Мурманского берега, которые предусматривал предоставление льгот и привилегий лицам, пожелавшим переехать в прибрежную полосу Баренцева моря не только из Норвегии, но и из Финляндии, а также из внутренних российских областей [3].

Началом его реализации стало утверждение Александром II 22 ноября 1868 г. Положения Комитета Министров «О льготах для поселенцев Мурманского берега в Архангельской губернии» [4]. В соответствии с ним, русские и иностранные переселенцы на Мурманский берег получали права, которые имели жители поморских районов Архангельской губернии в отношении торговли с Норвегией. Им же предоставлялась привилегия занятия торговлей и промыслами без получения установленных свидетельств в течение 6 лет, а также беспрошленного привоза для собственного

употребления и для продажи в колониях «мануфактурных и других товаров». Каждая поселившаяся на Мурмане семья могла получить государственную ссуду в размере от 50 до 150 руб. с рассрочкой платежа на 6 лет «под круговое ручательство или под обеспечение имуществом». Разработчики Положения считали важным переселение на Мурман финляндцев и норвежцев, имея в виду их приспособленность к жизни в северных условиях. Для облегчения адаптации иностранцев к российским условиям им было предоставлено право подавать на родных языках все прошения и объявления.

Действие Положения 1868 г. фактически было продлено принятым 14 мая 1876 г. Высочайшим Положением «О льготах, предоставляемых переселенцам на Мурманском берегу» [5]. Новый закон сохранял старые и вводил новые привилегии переселенцам. На неопределенное время для мужчин приостанавливалась воинская повинность; колонисты освобождались от платежа государственных податей и отбывания денежных и натуральных повинностей сроком на 10 лет; на 6 лет продлевалось их право заниматься торговлей и промыслами без свидетельств и билетов. Однако несколько ужесточался режим пребывания иностранцев. Положение обязывало всех иностранных переселенцев принимать подданство России; на общественные должности (волостного, сельского старосты и др.) отныне иностранец мог избираться в случае проживания в пределах России в течение не менее 3-х лет в качестве российского подданного и при условии хорошего знания им русского языка.

Положение 1868 г. вводило термин «колония», а Положение 1876 г. впервые закрепляло за переселенцами статус «колонист».

Появление этих социально-правовых категорий впоследствии предопределило возникновение представления о том, что колонизация Мурманского берега якобы началась в 1860-е гг. и означала процесс заселения береговой полосы посредством введения государственных стимулирующих мер. Такое понимание закрепилось в публицистической и научно-публицистической литературе к началу XX века, а впоследствии переключалось и в историографию [6].

Следует признать данную терминологию не точной. Традиционно «колонизация» означает заселение *пустынного* пространства, тогда как колонии образуются из числа *новопоселенцев*. Для Мурмана и то, и другое не соответствовало действительности. Многие поселения появились на месте уже существовавших тень и становищ. Возникновение этих сезонных мест русской жизни восходит к XVI веку и связано с зарождением мурманских тресковых промыслов как основы местной экономики в течение всех последующих столетий. К этому же времени, по-видимому, нужно относить и начало колонизации Мурманского берега.

С другой стороны, в так называемые «колонии» влились не только пришлые, но и местные жители: из числа приходивших на Мурман сезонных рыбопромышленников, жителей города Колы, российских саамов, которых некорректно считать *новопоселенцами* края.

Таким образом, с принятием Положений 1868 и 1876 гг. колонизация Мурмана не началась, а продолжилась: она перешла от стихийной к управляемой фазе.

Неточность терминологии тем не менее способствует появлению искаженных исторических образов. Так, норвежский историк Й.П. Нильсен считает, что «соседство с развитым Финмарком было одной из причин, по которой Мурманское побережье считалось отсталым районом, требовавшим особого внимания со стороны правительства. Тому факту, что время, как казалось, застыло в этом отдаленном прибрежном районе Российской империи, еще долго не придавалось бы внимания (это можно было наблюдать во многих частях России), если бы область по другую сторону границы через 25 лет после разграничения не вступила в фазу бурного экономического развития и демографического роста» [7].

Эта концепция «западного образца» нашла своего последователя и в российской историографии. Во всяком случае слова российской исследовательницы Е.А. Ореховой о том, что «бурное экономическое развитие в соседнем Финмарке» спровоцировало колонизацию Мурмана, а начали этот процесс выходцы из Норвегии и Финляндии [8], показывают, что круг замкнулся.

Оценка той политики, которую российское правительство проводило по заселению этого района, несомненно, формирует более глубинное отношение к историческому возрасту и результатам деятельности российской цивилизации на Мурмане. Или эта политика принадлежала к числу инновативных инструментов и выражалась в «культурной прививке» Запада (в частности, скандинавского Севера), или она стала результатом внутреннего самобытного многовекового процесса, в ходе которого на Мурмане зарождались различные формы деятельности русского населения.

За «внутреннюю» мотивацию выступает тот факт, что правительственная поддержка заселения Мурмана не была уникальным явлением в истории Российского государства. В XIX в. центр, пытаясь решать проблему аграрного перенаселения центрально-европейской России, безопасности своих границ и окраин, преодоления экономического застоя, содействовал заселению губерний и областей Сибири, Дальнего Востока, Закавказья, Причерноморья, калмыцких степей [9]. Огромные пространства страны не давали возможности сфокусироваться на каком-то одном направлении; нехватка ресурсов вынуждала государство проводить колонизационные мероприятия на усеченной финансовой базе. Правительство зачастую не имело возможности внедрения глобальных инфраструктурных новаций на местах переселения, что ограничивало возможности промышленно-колонизационной политики и снижало ее эффективность.

Допуская, что внешний образ успешно развивающегося норвежского Финмарка мог стать раздражителем для тех государственных чиновников и общественных деятелей России, кто отстаивал проект заселения Мурмана, нельзя принять данный фактор более значимым в сравнении с тем влиянием, которое оказал на выбор «северных» ориентиров традиционный ландшафт Кольского и шире – Русского – Севера. Уже своей многовековой инерцией он неослабно сигнализировало центру о наличии ресурсных перспектив на Севере, благодаря чему в российском общественном сознании полярные территории всегда воспринимались, хотя и экстремальными, но крайне заманчивыми в ресурсном отношении. Возникшие во второй половине XIX века ручейки переселения потекли на Мурман не только благодаря обещанным государственным льготам, но и в виду относительной обжитости здешнего места, где уже несколько столетий уверенно ступала нога русского человека.

Становища, возникнув на Мурманском берегу в XVI в., оживали весной, наполняясь выходцами из различных поселений и монастырей Русского Севера, а пустели поздней осенью, в окончание промыслового сезона. Среди наиболее крупных становищ, по учету 1608 г., на полуострове Рыбачьем были Типуново, Лавышево, Лок-Наволоок, Кегор. На Восточном Мурмане находились Териберка, Олень, Дальние Зеленцы, Гаврилово. Подавляющую часть населения становищ составляли мужчины. Помогать им могли женщины и дети. Стресс и усталость рыбопромышленников, вынужденных рисковать жизнью в нередко бушующем океане, снимались употреблением алкогольных напитков.

Характер построек – *ста`нов* – свидетельствовал о временности пребывания людей в становищах. Жилые строения были без бытовых удобств, с нарами вместо обычных кроватей.

Амбары, бани, жиротопни, сети, всевозможные приспособления на территории становища были обусловлены необходимостью ведения рыбного промысла или последующей обработкой рыбы. При всей специфичности построек и сооружений, путешественники чувствовали родственную связанность становища с сельским ландшафтом. «Становища – те же села, с тем только различием, что избы здесь разбросаны то одиночками, то группами по небольшим выступам и площадкам утесов», – писал В.И. Немирович-Данченко [10].

Об этой связи напоминало и сакральное пространство. Притом, что храмостроительство в становищах было редким явлением, очевидно, в виду дороговизны, необходимая потребность в Божьем заступничестве перед неистовой силой океана приводила к частой установке поклонных крестов и каменных груд (кеккуров или гурий), которые одновременно служили рыбопромышленникам ориентирами для судоходства [11].

Несмотря на временный состав населения, в становищах так же, как и в постоянных селениях, встречались кладбища («кучки высоких деревянных крестов» [12]), где хоронились промышленники, погибшие во время промысла или умершие от болезней.

Вот эти становища с православным сезонным населением и стали предшественниками колоний, первичным субстратом, на котором во второй половине XIX в. стали вырастать поселения с постоянными жителями.

Численность постоянного населения Мурманского берега росла медленно. Если в 1897 г. она составляла 1897 чел. [13], то в 1911 г. – 3020 чел. [14] Преобладало рассредоточенное заселение, к 1914 г. общее количество «колоний» на Мурмане достигло 57-ми [15].

По данным за 1893-1913 гг., среди официально зарегистрированных переселенцев удельная доля православных (русские, корелы, лопари) была около 56-57 %, лютеран (финны и норвежцы) – соответственно, 43-44 % [16]. В действительности русское присутствие на Мурманском берегу было значительно шире: к числу православных колонистов ежегодно примешивались по-прежнему приходившие на Мурман рыбаки-сезонники из беломорских селений и города Колы, кольские лопари. Значимость сезонного православного населения для культурного ландшафта Мурмана «эпохи заселения» подтверждается, в частности, тем, что возникающие здесь «колонии» не сразу затмили собой становища. Согласно источникам, образующиеся гибриды постоянного и сезонного населения устойчиво разделялись на «становище» и «колонию» [17]. Причем, следы этой дифференциации сохраняются в народной памяти до сих пор [18].

Лютеранский и православный ландшафты на Мурмане в основном не смешивались между собой. Заимствования лучших форм хозяйствования, на что надеялись приверженцы вестернизации, не получилось. Норвежцы и финны предпочитали селиться изолированно от русских и жить своими общинами. Большинство колонистов Западного Мурмана были лютеранами, тогда как колонисты Восточного Мурмана – православными [19]. Напряженность в отношениях русских и иностранцев исконно существовала на Мурмане. С началом заселения она получила новый импульс. Причинами конфликтов становились спорные вопросы при пользовании ресурсами, бытовые ссоры, кражи. За период с 1866 по 1881 год только в судебном порядке рассматривалось 13 фактов столкновений между русскими и иностранцами на Мурмане [20]. Например, в 1875 г. произошла драка между русскими и норвежскими рыбаками на Айновых островах [21]. А в 1878 г. столкнулись интересы норвежской яхты «Превень» с командами русских судов «Св. Сергей» и «Общее счастье» [22].

Норвежцы торговали на Мурмане ромом, чем вольно или невольно способствовали деморализации местного населения. Русским властям пришлось принимать меры для решения этой непростой проблемы [23].

Система расселения на Западном Мурмане, где среди поселенцев преобладали лютеране, отличалась от православного Восточного Мурмана. На Западном Мурмане жилые постройки колонистов, отвечая духу индивидуализма и логике расположения лучших покосов, находились на значительном расстоянии друг от друга. На Восточном Мурмане дома выстраивались кучно, «в улицу» – в соответствии с традицией русского «мира» [24].

Центрами русского присутствия на Мурмане стали «колонии», в которых преобладало православное население: Базарная, Восточная Лица, Гаврилово, Гагарка, Голицыно, Гусиный ручей, Дворы, Екатерининская гавань, Еретики, Зарубиха, Захребетная, Золотая, Зубовка, Ивановка, Кильдин, Кислый ручей, Китовка, Китовский остров, Княжуха, Кулоньга, Малооленье, Минькино, Монастырская, Оленья гора, Оленка, Печенга, Платоновка, Подпахта, Порчниха, Рында, Териберка, Трифонов ручей, Трящино, Харловка [25]. Во многих образованных русских поселениях были построены церкви и часовни.

Внешний облик православных поселений формировался постепенно, от неказистых жилищ ко вполне уже сельскому виду. В качестве примера можно рассмотреть становище и «колония» Териберку, где традиционно преобладало православное население. Писатель В.И. Немирович-Данченко в 1873 г. увидел здесь становище, а позади него всего три избы и две землянки, принадлежащие колонистам [26]. Спустя четверть века в Териберской «колонии» уже имелись 30 дворов с 200 поселенцами, а также два храма с причтом [27].

Статистический отряд под руководством Н.В. Романова, обследовавший Териберку в 1899 г., зафиксировал, что жилищные и бытовые условия в становище были заметно хуже, чем в «колонии». Жилые постройки териберских колонистов делились на комнаты. В домах имелась мебель, на столах – скатерти. Рядом с домами возводили туалеты. Действовал колодец с пресной водой.

Другая картина была в становищах. В жилищах сезонных рыбаков, состоявших из одного помещения, было тесно. Туалетов в становище не строили, за пресной водой приходилось ходить в «колонию» или за реку, к горным ручьям [28].

Визуализация становища с более низким бытовым уровнем не мешала населению «колонии» в создании нового порядка жизнеустройства, поскольку и в приходивших из беломорских селений сезонных рыбопромышленниках, и в колонистах-поселенцах, несмотря на разную мотивацию пребывания на Мурмане, жили общие представления о традиционном стандарте русской сельской культуры.

В отсутствие населения становища жители «колонии» брались за определенную плату присматривать за имуществом промысловых станом [29].

Вместе с бытовой устроенностью на Мурмане появлялась семейная культура. Согласно метрическим книгам, в Териберском православном приходе за 1886-1900 гг. было зарегистрировано 44 брака, а за последующие два десятилетия – уже 82. Росло и число рождений: в 1901-1920 гг. в Териберском приходе их было зарегистрировано 364, что больше, чем за период 1886-1900 гг., в 2,4 раза [30]. С появлением поколенческой структуры населения отсутствие укорененности – то единственное, что отличало «колонии» от традиционных сельских образований в Беломорье, – переставало бросаться в глаза.

Согласно опубликованным М. Йентофтом выпискам из финских церковных книг, укрепление семейной структуры происходило и среди лютеранского населения Мурмана [31].

Мурманский берег стремительно менял свой облик. С 1870-х гг. населенные побережья Белого и Баренцева морей связало пароходное сообщение [32]. В 1895 г. на Кольском Севере началось сооружение телеграфа. Контактные провода были протянуты из внутренних районов России до Колы и далее по Мурманскому берегу [33]. В начале XX века в крае появился телефон. Переговорные телефонные пункты «для общего пользования» открылись при почтовых учреждениях во многих населенных пунктах Мурманского берега [34].

В самом северном центре православия – Трифоно-Печенгском монастыре, известном своей охранительной и просветительской ролью на приграничных землях Западного Мурмана, где жило много лютеран, появились электричество, телефон, лесопилка и столярные станки с водяным двигателем, моторные лодки, подземный водопровод с водокачкой, кирпичный завод, 16-километровая дорога с мостами и водоводами. Правда, посетивший Печенгу в 1911 г. журналист Е.В. Гешин, аллегорично сравнивая монастырь с «прекрасным аэропланом, в блеске и с силой красиво проносающимся над головами каких-нибудь папуасов», считал, что население Мурманского берега, хотя и видело в нем те или иные «высшие формы хозяйствования», заимствовать их в силу традиционного уклада жизни не могло [35].

Результаты. Таким образом, комплекс мероприятий, проводивший царским правительством на Мурманском берегу Баренцева моря во второй половине XIX – начале XX в., способствовал постепенному окультуриванию дальней северной окраины. Но что особенно важно подчеркнуть, данный процесс был вызван не только и не столько «западным образом», сколько опирался на вполне самобытную многовековую традицию русского присутствия на побережье Баренцева моря.

Примечания:

1. Нильсен Й.П. Мурман и Финмарк: одного ли поля ягоды? (сравнительный методов в изучении политики царской администрации по освоению Мурманского побережья) // Меняющаяся Россия в изменяющемся мире: Сб. статей. М.-Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2001. С.33-45.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. (ПСЗ-II). Т.XLII. № 36122а.
3. Шрадер Т.А. Колонисты на Мурманском побережье // Вестник «Баренц-центра» МГПУ. 2005. № 5. С.116.
4. ПСЗ-II. Т.XLIII. № 46467.
5. ПСЗ-II. Т.LI. № 55934.
6. См.: Ушаков И.Ф. Кольская земля: Очерки истории края в дооктябрьский период. Мурманск: Кн. изд-во, 1972. С.310; Попов Г.П., Давыдов Р.А. Мурман: Очерки история края XIX – начала XX в. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. С.3; Орехова Е.А. Колонизация Мурманского берега Кольского полуострова во второй половине XIX - первой трети XX вв.: дисс... канд.ист.наук. СПб., 2009. С.252.
7. Нильсен Й.П. Ук. соч. С.36-37.
8. Орехова Е.А. Ук. соч. С. 44, 46.
9. См.: Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации. М.: МГУ, 1996. С.392-488.
10. Немирович-Данченко В.И. Страна холода. В 2-х т. Изд. 2-е. СПб.: П.П. Сойкин, [1903]. Т.1. С.66-67.
11. Ушаков И.Ф. Кольский крест // Наука и бизнес на Мурмане. 1997. № 2. С.60.
12. Немирович-Данченко В.И. Ук.соч. С.67.
13. Ушаков И.Ф. Избранные произведения. Мурманск: Кн. изд-во, 1997. Т.1. С.408-409.
14. Там же.
15. Там же. С.435.
16. Попов Г.П., Давыдов Р.А. Ук. соч. С.52; Ушаков И.Ф. История Кольского Севера в досоветское время: Историко-краеведческий словарь. Мурманск: Кн. изд-во, 2001. С.112.
17. См.: Материалы по статистическому исследованию Мурманна. СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1902. Т.П. Вып.I. С.1, 1, 28, 42, 96, 129 ; Сиденснер А. Описание Мурманского побережья. СПб.: Глав. Гидр. Управл. Морского мин-ва, 1909. С.36-38.
18. Человек – место – память: Мемориальная культура старожильского населения северных районов Кольского полуострова в условиях социальных трансформаций / Под ред. П.В. Федорова и А.А. Малашенкова. Мурманск: МГТУ, 2013. С.388.
19. Попов Г.П., Давыдов Р.А. Ук. соч. С.49.
20. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф.1. Оп.8. Т.1. Д.1626. Л.65-82.
21. Там же. Л.64.
22. Там же. Л.65-82.
23. ПСЗ-III. Т.VI. № 3442; Там же. Т.XVIII. № 15688; Попов Г.П., Давыдов Р.А. Ук. соч. С.58-73.
24. Статистические исследования Мурманна. СПб., 1904. Т.I. Вып.II. С.112-113.
25. Орехова Е.А. Ук. соч. С.290-305.
26. Немирович-Данченко В.И. Ук.соч. С.157.
27. Сиденснер А. Ук. соч. С.38.
28. Материалы по статистическому исследованию Мурманна. СПб. Тип. Исидора Гольдберга,, 1902. Т.П. Вып.I. С.140.
29. Там же. С.22.
30. Подсчитано по: Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф.136-И. Оп.1. Д.22-27, 29, 31, 34-38, 38-40, 43, 45, 46, 50, 53, 56-58, 60, 64, 65, 67, 68, 72, 76, 79, 84, 87, 90, 92, 94.
31. Йентофт М. Оставшиеся без родины: История кольских норвежцев. Мурманск: Рекламная полиграфия, 2002. С.227-234.
32. Ушаков И.Ф. Избранные произведения. В 3 т. Мурманск: Кн. изд-во, 1997. Т.1. С.312-317, 400-402.
33. Там же. С.405.
34. Там же; Попов Г.П., Давыдов Р.А. Ук. соч. С.185.
35. Гешин Е.В. Трифоно-Печенгский монастырь. Из путевых впечатлений // Русская мысль. 1913. Кн. V. С. 69.

References:

1. Nil'sen I.P. Murman i Finmark: odnogo li polya yagody? (sравnitel'nyi metodov v izuchenii politiki tsarskoi administratsii po osvoeniyu Murmanskogo poberezh'ya) // Menyayushchayasya Rossiya v izmenyayushchemsya mire: Sb. statei. M.-Arkhangel'sk: Pomorskii gos. un-t, 2001. S.33-45.
2. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe. (PSZ-II). T.XLII. № 36122а.
3. Shrader T.A. Kolonisty na Murmanskom poberezh'e // Vestnik «Barents-tsentra» MGPU. 2005. № 5. S.116.
4. PSZ-II. T.XLIII. № 46467.
5. PSZ-II. T.LI. № 55934.
6. Sm.: Ushakov I.F. Kol'skaya zemlya: Ocherki istorii kraya v dooktyabr'skii period. Murmansk: Kn. izd-vo, 1972. S.310; Popov G.P., Davydov R.A. Murman: Ocherki istoriya kraya XIX – nachala XX v. Ekaterinburg: UrO RAN, 1999. S.3; Orekhova E.A. Kolonizatsiya Murmanskogo berega Kol'skogo poluostrova vo vtoroi polovine XIX - pervoi tretii XX vv.: diss... kand.ist.nauk. SPb., 2009. S.252.
7. Nil'sen I.P. Uk. soch. S.36-37.

8. Orekhova E.A. Uk. soch. S. 44, 46.
9. Sm.: Lyubavskii M.K. Obzor istorii russkoi kolonizatsii. M.: MGU, 1996. S.392-488.
10. Nemirovich-Danchenko V.I. Strana kholoda. V 2-kh t. Izd. 2-e. SPb.: P.P. Soikin, [1903]. T.1. S.66-67.
11. Ushakov I.F. Kol'skii krest // Nauka i biznes na Murmane. 1997. № 2. S.60.
12. Nemirovich-Danchenko V.I. Uk. soch. S.67.
13. Ushakov I.F. Izbrannye proizvedeniya. Murmansk: Kn. izd-vo, 1997. T.1. S.408-409.
14. Tam zhe.
15. Tam zhe. S.435.
16. Popov G.P., Davydov R.A. Uk. soch. S.52; Ushakov I.F. Istoriya Kol'skogo Severa v dosovetskoe vremya: Istoriko-kraevedcheskii slovar'. Murmansk: Kn. izd-vo, 2001. S.112.
17. Sm.: Materialy po statisticheskomu issledovaniyu Murmana. SPb.: Tip. Isidora Gol'dberga, 1902. T.II. Vyp.I. S.1, 1, 28, 42, 96, 129 ; Sidensner A. Opisanie Murmanskogo poberezh'ya. SPb.: Glav. Gidr. Upravl. Morskogo min-va, 1909. S.36-38.
18. Chelovek – mesto – pamyat': Memorial'naya kul'tura starozhil'cheskogo naseleniya severnykh raionov Kol'skogo poluostrova v usloviyakh sotsial'nykh transformatsii / Pod red. P.V. Fedorova i A.A. Malashenkova. Murmansk: MGGU, 2013. S.388.
19. Popov G.P., Davydov R.A. Uk. soch. S.49.
20. Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti (GAAO). F.1. Op.8. T.1. D.1626. L.65-82.
21. Tam zhe. L.64.
22. Tam zhe. L.65-82.
23. PSZ-III. T.VI. № 3442; Tam zhe. T.XVIII. № 15688; Popov G.P., Davydov R.A. Uk. soch. S.58-73.
24. Statisticheskie issledovaniya Murmana. SPb., 1904. T.I. Vyp.II. S.112-113.
25. Orekhova E.A. Uk. soch. S.290-305.
26. Nemirovich-Danchenko V.I. Uk. soch. S.157.
27. Sidensner A. Uk. soch. S.38.
28. Materialy po statisticheskomu issledovaniyu Murmana. SPb. Tip. Isidora Gol'dberga,, 1902. T.II. Vyp.I. S.140.
29. Tam zhe. S.22.
30. Podschitano po: Gosudarstvennyi arkhiv Murmanskoi oblasti (GAMO). F.136-I. Op.1. D.22-27, 29, 31, 34-38, 38-40, 43, 45, 46, 50, 53, 56-58, 60, 64, 65, 67, 68, 72, 76, 79, 84, 87, 90, 92, 94.
31. Ientoft M. Ostavshiesya bez rodiny: Istoriya kol'skikh norvezhtsev. Murmansk: Reklamnaya poligrafiya, 2002. S.227-234.
32. Ushakov I.F. Izbrannye proizvedeniya. V 3 t. Murmansk: Kn. izd-vo, 1997. T.1. S.312-317, 400-402.
33. Tam zhe. S.405.
34. Tam zhe; Popov G.P., Davydov R.A. Uk. soch. S.185.
35. Geshin E.V. Trifono-Pechengskii monastyr'. Iz putevykh vpechatlenii // Russkaya mysl'. 1913. Kn. V. S.69.

УДК 392 (470.21)

**Мурманский берег Баренцева моря
во второй половине XIX – начале XX века.
Российская или европейская колонизация?**

Павел Викторович Федоров

Международный банковский институт, Россия
Невский пр., 60, Санкт-Петербург, 191011
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: Sever-Nordica@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу исторических предпосылок процесса колонизации Мурманского берега Баренцева моря во второй половине XIX – начале XX в. Рассматриваются две трактовки колонизационной истории. Одна из них представляет процесс заселения Мурманского берега как результат навязанной России западноевропейской инициативы. Другая трактовка связывает колонизацию с многовековым самобытным процессом расширения российского присутствия на Мурмане.

Ключевые слова: колонизация; Россия и Запад; Арктика; геополитика; граница; рыболовство; Финляндия; Норвегия; Кольский полуостров.

UDC 94 (321)

‘Distillation is the East Indies of Our Nobility’: Organization of Distilling by the Nobility Before and After the Wine Reform of 1863

Natalia Ye. Goryushkina

Southwest State University, Russian Federation
305040 Kursk, 50 Liet Oktyabrya St., 94
PhD (History), Associate Professor
E-mail: goro46@yandex.ru

Abstract. The article discusses the state of the nobility’s distilling on the basis of the sources from the Russian state historical archive which have not been previously analyzed. In the paper there have been defined more exactly fundamental legal principles of distilling production. The article states that the obtained monopoly privilege to distil in the middle of the XVIII century provided the nobles with the opportunity of getting very large income. The author concludes that the alcohol reform of 1863 was a turning point in the development of the nobility’s distilling. The exclusive right of the nobility for this type of business has been lost, distilling standards have transformed the manufacture of distilled spirits into the high-tech industry. Few noble distilleries have survived the fierce competition; even with the help of government they could not meet the needs of growing Russian market.

Understanding the influence of alcohol reform on the course of the nobility’s distilling we are able to extend the historical view of this business activity and are also able to conceive the reasons for the ‘impoverishment’ of the upper class in the second half of the XIX century.

Keywords: nobility; landowners’ farm; entrepreneurship of nobility; distilling industry; alcohol reform; agrarian plant.

Введение. Российское дворянство – важный элемент социально-классовой структуры дореволюционного российского общества. Особенность его положения определялась исключительными правами и привилегиями, которыми не обладала ни одна другая общественная группа. В последние годы история дворянства стала предметом широкого научного анализа. Несомненную ценность в освещении экономической истории сословия представляет вопрос о традиционном занятии дворян винокурением.

Материалы и методы. В основу предлагаемой статьи легли непечатные и печатные архивные источники, среди которых: 1) законодательные и нормативные акты, регламентирующие винокуренное производство в России; 2) материалы делопроизводственного характера; 3) заводские и подвальные книги винокуренных заводов; 4) статистические материалы; 5) источники личного происхождения. Привлеченный круг источников отличается необходимым разнообразием информации и обеспечивает получение достоверных данных об организации дворянского винокурения в до- и пореформенный период.

Статья основана на важнейших методологических принципах объективности и историзма, предусматривающих беспристрастный анализ собранной информации в контексте конкретной исторической обстановки, которые дополняют сравнительно-исторический, проблемно-хронологический и статистический методы.

Обсуждение. При очевидной значимости тему дворянского винокурения назвать изученной нельзя. В большей мере интерес исследователей был обращен к дворянскому винокурению в дореформенное время [1; 2; 3]. Научной литературы о винокурении в пореформенный период немного [4].

Результат. Источники подтверждают, что производство спирта из зернового сырья было изобретено в России в середине XV в. С 1474 г. выпуск крепких напитков стал государственной регалией. Курением хлебного вина по поручению казны занялись кабацкие головы и их помощники (целовальники). Гнали вино в винокурнях и кружечных дворах, этаких «городках», обнесенных со всех сторон частоколом, откуда вино развозилось по ярмаркам и торжкам. Винокурение велось «первобытным образом»: заводы были огневые, в производство пускали исключительно ржаную муку. За тайное производство было велено «сечь руки и ссылат в Сибирь» [5].

Уложение царя Алексея Михайловича подтвердило исключительное право государства на выделку крепких спиртных напитков, но в 1681–1682 гг. к курению вина были допущены помещики и вотчинники, «представившие соответствующие поручные записи» [6, с. 346]. Петровский указ 28 января 1716 г. разрешил курить вино «как высшим, так и нижним всяких чинов людям <...> про себя и на подряд свободно», с условием уплаты небольшого налога, рассчитанного по вместимости кубов и казанов [7]. О малом размере винокуренного производства в первой половине XVIII в. можно судить по тому, что на всех заводах России выкуривалось не более 3962 тыс. ведер вина в год [8, с. 26].

Рост численности купцов, соединивших в своих руках винокуренное производство и винный откуп, шел вразрез с интересами дворян, которые за первую половину XVIII в. прошли стадию консолидации и выступили с требованием ввести запрет на купеческое винокурение [9, с. 86]. Поддавшись мощному давлению, 19 июля 1754 г. Сенат категорически заявил, что «винное курение <...> следует для пользы одного дворянства». Купцам и «нижним всяких чинов людям» предлагалось либо сломать винокурни, либо продать их дворянам. Право курить вино сохранилось только у купцов северных и восточных уездов и то временно, «доколе помещики и вотчинники винокуренные свои заводы размножат» [10].

Утвержденный 9 августа 1765 г. «Устав о винокурении» подтвердил исключительное право дворян на винокурение: «Вино курить дозволяется всем дворянам и их фамилиям, а прочим никому» [11]. Это право, присвоенное одному сословию, было гораздо шире своего прямого назначения. Оно отделяло дворянство от остального общества и предоставляло ему широкие возможности для получения сверхвысоких доходов. Помимо устройства усадеб, театров и оркестров, псовой охоты, дворянство, получившее монополию, занялось курением вина.

Примерившись к местным условиям и средствам, дворяне строили винокуренные заводы. К концу XVIII в. в великороссийских губерниях вино производилось на 864 заводах, что в 3,5 раза превышало их численность в середине века. Кто-то, располагавший средствами, возводил строение из кирпича, у кого-то винокурней назывался сарай, «заплетенный хворостом и покрытый соломой [12, с. 202-203]. По воспоминаниям современников, многие «заводы походили на избышки на куриных ножках» [13, с. 3]. Строились заводы у реки, откуда в чаны поступала вода и куда ниже по течению сливались отходы производства. Винокуренное оборудование было простым, а потому дешевым. «Один заторный чан, 6 квасильных, старый аппарат Сиверса или просто перегонный куб с ректификатором времен Крестовых походов, для отделения сивушного масла» – вот и вся винокуренная утварь [13, с. 6]. Припасы затирали при помощи ручных весел или простых деревянных мешалок, приводимых в движение конными приводами, перегонка велась в перегонных кубах, требовавших массу пара [8, с. 30].

Дворяне пользовались правом производить вино «для домашнего обихода», но не более 90 ведер в год. Рецептúra водок «для себя» хранилась в строжайшем секрете [14, с. 18]. В ход шел «самый лучший хлеб, который предварительно высушивался на особо устроенных сушильнях, обдирался, молотся и просеивался на самых тонких шелковых ситах» [15]. На рентабельность внимания никто не обращал. После первой выгонки из 1000 л затора получалось 40 л спирта в 37 – 39°. После добавления молока, яичных белков и повторной возгонки оставалось 12 л спирта 70 ° крепости. После третьей перегонки и фильтрации было 3 л 92–95 ° спирта. Он «оживлялся» родниковой водой, сдабривался настойками и отправлялся на четвертую перегонку. В итоге помещик имел 18–20 л превосходнейшего по качеству продукта. Анисовая, Березовая, Вишневая, Грушевая, Дынная, Ежевичная, Желудевая, Зверобойная, Ирисовая, Калиновая, Лимонная, Мятная – водки с названием на каждую букву алфавита имелись у каждого уважающего себя винокура [16, с. 180-181].

Вино для казенных нужд готовилось без усердия. Использовались винокуренные припасы (рожь, пшеница, овес, солод, картофель), которые производились в своем хозяйстве и по своим низким качествам не могли с выгодой для сельских хозяев продаваться местному населению или сбываться за границу. Получалось, что посредством винокурения «не нужные» продукты сельского хозяйства перерабатывались в предмет всеобщего употребления – водку» [13, с. 2]. Доставка сырья на завод, собственно винокурение и отпуск вина на казенный склад осуществлялись силами собственных крепостных крестьян, то есть бесплатно.

Государство освободило дворян-заводчиков и от необходимости искать покупателей готовой продукции. Казенные заказы распределялись между производителями в соответствии с «силой» завода. Всякий дворянин, желающий получить большой заказ, должен был увеличить размер своего завода. Так, в 1860 г. в 26 великороссийских губерниях на 763 заводах с силой в 112680 тыс. ведер полугара (Н.Е. – вино в 38 – 40 °) было выкурено всего 18940,7 тыс. ведер, то есть 17% от номинальной силы [13, с. 7].

Отходы винокурения помещики использовали в хозяйстве: барда (остатки солода) шла «для прокормления скоту», а зола служила основой для производства поташа, навоз использовался для удобрения полей под посев зерновых хлебов в поместье. Винокурение стало звеном особой сельскохозяйственной цепочки, необходимым «для поддержания результативности сельского производства» [13, с. 2-3].

Избавленное от конкуренции со стороны духовенства, купечества, мещанства и крестьянства, высшее сословие получало от винокурения доходы, многократно превышающие затраты. Стоимость производства одного ведра вина в 1858–1860 гг. в черноземной полосе составляла 35 – 38 коп. (пуд ржи стоил 33 – 33,5 коп.), заготовительная цена за ведро полугара (Н.Г. – вино 38 – 40°) колебалась от 65 коп. до 1 руб. 25 коп. [15]. «Винокурение – это Ост-Индия нашего дворянства», – не без оснований утверждал пензенский вице-губернатор И.М. Долгоруков [17, с. 395].

Дворянская монополия на винокурение просуществовала до 1863 г., когда приведенное в действие «Положение о питейном сборе» вместе с откупами ликвидировало и исключительное право дворян на данный вид производства [18]. Право курить вино было получено: «1) дворянами и

чиновниками; 2) войсковыми обывателями в губерниях Воронежской и Курской, на землях, называемых слободскими; 3) колонистами и другие переселенцами, имеющими на то особые грамоты; 4) всеми лицами, имеющими право на фабричную и заводскую промышленность» [19, с. 32]. Производитель должен был уплатить налог, взимаемый в виде акциза с 1^о или 0,01 части ведра безводного спирта и патентного сбора с заводов, «выделяющих напитки и изделия из спирта и вина» [20].

Дворянство еще раз после крестьянской реформы 1861 г. ощутило на себе капиталистические «заморозки». Производство алкоголя подверглось строжайшей регламентации. Помимо акциза, патента на винокурный завод и свидетельства на винокурение от заводчика требовалось соблюсти определенные нормы выходов спирта из разного рода припасов [19, с. 38-39]. Эта мера вынуждала производителя употреблять на винокурение материал отличного качества, дающий возможность произвести вино сверх нормы (перекур). Акциз с перекура отчислялся в пользу заводчика при курении по высшей норме и оплачивался половинным акцизом – по низшей норме. Заводчики, которые по небрежности и неумению получали выход спирта ниже нормы (недокур) обязаны были платить акциз как за нормальный выход.

Чтобы получить перекур, хорошо устроенные и владеющие оборотными капиталами, заводчики стали приобретать для курения «тяжелый хлеб» (*Н.Г.* – хлеб большего веса в четверти), причем покупали его в весьма отдаленных местах. Старые заводы переоборудовались, новые строились, как правило, в городской черте и непосредственной близости от железных дорог, что облегчало сбыт. Непрерывно действующие перегонные колонны пришли на смену кубам. Запарные чаны заменялись парниками высокого давления. Затор теперь замешивался с помощью паровых двигателей. Для завода, выпускавшего в среднем 250 тыс. ведер, каждое ведро обходилось на 25 – 30 коп. дешевле, чем заводу, производившему 10 тыс. ведер. Барда для «городских» заводов значения не имела и выливалась в овраги и реки.

Заводы промышленного типа стали монополистами в получении перекура, которого винокурные заводы в помещичьих имениях, ориентированные на материальные, сырьевые и трудовые ресурсы собственного хозяйства, в виду упадка помещичьего землевладения, роста цен на винокурные припасы, удорожания рабочей силы, получить не могли. Гарантированный канал сбыта готовой продукции после винной реформы был ими утрачен. Из-за недостатка путей сообщения вывоз спирта за пределы собственной местности был затруднен, что значительно удешевляло «дворянский» алкоголь.

Болезненный удар по сельскохозяйственным заводам нанесло и требование о взимании акциза за усушку и утечку произведенного вина. Винокурни повсюду, в особенности на юге России, не продавшие спирт в холодное время, летом теряли практически весь заработок, в то время как заводы «на промышленной основе» сохраняли произведенный спирт в металлических цистернах, где усушка и утечка были ничтожными, и получали сверхприбыль [13, с. 12 -13].

Требовались дополнительные усилия, лишние затраты. Но прекращение выдачи кредитов под залог крепостных и необходимость рассчитаться по старым долгам выкупными средствами лишали дворян последних надежд на успех в конкурентной борьбе. По причине «обид, огорчений, волнений и оскорблений помещики впали в отчаяние» [21, с. 211].

Ужесточение винокурных норм после реформы вело помещичье винокурение к упадку. Если в первое пятилетие акциза вино курили 5204 завода, то в 1866 – 1871 гг. действовало уже 4353, в 1871–1876 гг. – 3460, 1876–1881 гг. – 2596, 1881–1886 гг. – 2449, в 1886–1891 гг. – 2107 заводов. В великороссийских губерниях сокращение составило 35,5%, в бывших привилегированных 54,7%, в Царстве Польском – 75,1%, в прибалтийских губерниях – 36,4%. Сокращение дворянских винокурен (малых и средних) шло в одно время с ростом числа крупных заводов промышленного типа. В 1866/1867 гг. соотношение по размерам выкурки действующих заводов было таково: 18% малых (выкурка до 10 тыс. ведер), 73% средних (выкурка до 100 тыс. ведер), 9% крупных (выкурка свыше 100 тыс. ведер) заводов. В 1886/1887 гг. ситуация качественно изменилась: вино производили 15% – малых, 67% средних и 18% крупных заводов [22]. «Результат, – писал известный откупщик В.А. Кокорев, – вышел самый плачевный: тысячи помещичьих усадеб разрушились, полевые земли за неимением удобрения остались невспаханными, а владельцы имений, лишенные крова и пищи, пошли скитаться по белу свету» [23, с. 56].

Дворяне-винокуры слали в правительство «многочисленные жалобы на стеснение сельскохозяйственной выкурки. «Надеясь на правительство, – доносили в Министерство финансов, – заводчики-землевладельцы, при недостатке капиталов и при желании извлекать доход из своих полей, продолжают винокурение без надлежащего учета <...> заводчики благоразумные закрывают свои производства, сдают заводы в аренду» [24].

В 1865 г. съезд сельских хозяев, собравшийся по поводу 100-летнего юбилея Вольно-экономического общества, ходатайствовал перед правительством об изменении винокурных правил.

В 1872 г. под давлением сельских хозяев была учреждена комиссия под председательством П.А. Валуева, высказавшаяся за установление поощрительных мер для мелкого и среднего винокурения.

Однако действенных шагов со стороны государства не наблюдалось.

Развитие железнодорожного сообщения в России только усилило конкуренцию между винокурными заводами. Преимущество получили крупные заводы черноземного и приволжского районов, откуда сбыт вина был удобнее и где, вследствие плодородности почв, урожайность винокурных материалов была более высокой. Из-за конкуренции дешевого привозного спирта винокурение в некоторых губерниях было либо прекращено (Астраханская), либо велось едва-едва: в Архангельской, Таврической губернии, области Войска Донского работало по 1 заводу; в Олонецкой губернии – 2, Московской – 3, Оренбургской и Самарской – 8 [22].

Министерство финансов более не могло не замечать проблему. В 1884 г. при департаменте неокладных сборов было образовано особое совещание, в состав которого, кроме чиновников департамента и акцизного ведомства, вошли представители министерства государственных имуществ, сельскохозяйственных обществ, винокурных заводов. Предлагалось: а) представить право винокурения всем земледельцам без различия сословий размерами, сопоставимыми с количеством обрабатываемой ими земли; б) поощрить винокурение из свекловицы и свеклосахарных остатков, способствуя севообороту многопольных хозяйств; в) отменить нормы и взимать акциз с наличного количества спирта; г) обязать заводчиков проводить очистку (ректификацию) спирта; д) определить нормы крепости поступающей в продажу водки [25].

Выработанный проект был разослан на заключение во все губернии России. В 11 городах Европейской России при участии заводчиков, сельских хозяев и чинов акцизного управления, а затем на специальном совещании 1889 г. под председательством В.И. Вешнякова были определены меры «к поддержанию сельскохозяйственного винокурения».

4 июня 1890 г. получил свет новый закон, по которому винокурные заводы были разделены на коммерческие и сельскохозяйственные. Сельскохозяйственной была названа выкурка, производимая в течение 200 дней между 1 сентября и 1 июля и не превышающая 75 ведер вина на каждую десятину пахотной земли, при наличии в имении свыше 60 десятин земли. В целях «восстановления связи винокурения с сельским хозяйством» не разрешалось устройство винокурных заводов в городах. «Для устранения возможности чрезмерного давления крупных заводов на мелкие» было запрещено устраивать винокурные заводы акционерным компаниям. Закон 1 июля 1891 г. заменил перекур безакцизным отчислением в вознаграждение потерь, понесенных заводчиком из-за усушки и утечки спирта [26, с. 44-45].

«Дворянские» законы сократили до минимума выпуск на рынок дешевого, не обложенного акцизом спирта, который в основном из-за перекура получали крупные заводы, чем облегчали положение сельских производителей вина. Действие «дворянских» законов сократило убыль в числе винокурных заводов: в 1886/1887 г. действовало 2114 завода, в 1890/1891 г. – 2055, 1894/1895 г. – 2127. При сравнении периода 1897/1898 г. со средним показателем десятилетия 1887/1888 – 1896/1897 гг. выяснялось, что прекратили производство только 11 заводов (0,5%). Число заводов сельскохозяйственного типа выросло. В 1890/1891 гг. заводы названной категории составляли 64,1% от общего числа заводов, в 1896/1897 гг. этот показатель достиг 1111 (84,1%) заводов. В 1896/1897 г. мелкие заводы составляли 56%, средние – 37%, крупные – 7% в общей численности заводов. Процесс концентрации производства, который начался со дня введения в действие «Положения о питейном сборе» (за 25 лет средняя выкурка выросла с 6760 до 15261 ведра безводного спирта, т.е. на 225% при сокращении числа заводов на 59%) был приостановлен. [27, с. 2, 5, 7].

Несмотря на то, что дворянство обнаружило определенные способности адаптироваться к новым условиям, значительная часть высшего сословия не смогла интегрироваться в складывающуюся систему буржуазных отношений. Заводы, принадлежащие дворянам, весь образ жизни которых был основан на получении дани и оброка, не обеспечивали потребности спиртового рынка России.

Не отрицая известного значения «дворянских» законов, нельзя не признать, что мелкие и средние сельскохозяйственные заводы, расположенные в помещичьих имениях, были не в состоянии обеспечить рост валового объема алкогольной продукции. Принятые под давлением высшего сословия законодательные акты приостановили развитие промышленных заводов. Выпуск продукции на крупных производствах сократился в процентах к общей выкурке с 24,4% в 1891/1892 гг. до 18,3% в 1896/1897 гг. [27, с. 51] Но такое положение шло вразрез с интересами казны, которыми правительство тоже не могло пренебречь. Было принято решение о скорейшем переходе к казенной винной монополии.

Заключение. Начиная с середины XVIII в., винокурение было дворянской монополией и несло «благородному сословию» сверхприбыль. Винная реформа 1863 г. изменила ход дворянского винокурения. Исключительное право дворян на данный вид промысла был утрачен. «Положение о питейном сборе» и последовавшие в его развитие законы содействовали превращению винокурения из подсобного занятия в высокотехнологичную отрасль промышленности. Не располагая свободными капиталами, дворяне уступили в конкурентной борьбе. Большинство дворянских винокурных прекратило производство. Немногие дворянские винокурни выдержали жесткую конкурентную борьбу, даже при правительственной поддержке не могли обеспечить потребности растущего российского рынка. Было понятно, что лучшие годы дворянского винокурения остались в прошлом.

Примечания:

1. Юрчук, К.И. Помещичье винокурение в Ярославской губернии в XIX веке: учеб. пособие / К.И.Юрчук. Ярославль: [б. и.], 1997. 52 с.
2. Терехов Н.В. Российское правительство и дворянское винокурение в 1785–1863 гг.: дис. ... канд. ист. наук.07.00.02. СПб., 2007. 254 с.
3. Голицын Ю.П. Правительственная политика по отношению к дворянскому винокурению во второй половине XVIII века: дис. ... канд. ист. наук.07.00.02. Волгоград 2005. 212 с.
4. Богданов С.В. Винокуренное производство Тверской губернии во второй половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2000. 209 с.
5. О продаже вина в Перми, Чердыни и Соликамской по 3 рубли вино, и наказании за корчемство / Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ РИ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собр. I. Том I. №285. С.519.
6. Посошков, И.Т. Книга о скудости и богатстве / И.Т. Посошков. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 409 с.
7. Свободе винокурения для домашнего расхода и по подрядам, с уплатою пошлины с кубов / ПСЗ РИ. Собр. I. Т. V. №2990. С. 195.
8. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб.: Тип. И. А. Ефрона, 1893. 351 с.
9. Волков, М.Я. Очерки истории промыслов России (вторая половина XVII – первая половина XVIII в.): Винокуренное производство / М.Я. Волков. М.: Наука, 1979. 336 с.
10. О допущении к подрядам на поставку вина на одних помещиков, и о возбранении курить вино другим людям / ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XIV. №10261. С. 184 – 185.
11. Устав о винокурении / ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XVII. № 12448. С. 208.
12. Нейман, Э. Руководство к паровому винокурению, для винокуров и сельских хозяев, составленное Э.Г.Нейманом / Э. Нейман. СПб.: Тип. вдовы Байковой, 1832, 1832. 276 с.
13. Пахомов, С.А. Взгляд на прошедшее и настоящее состояние винокурения в России / С.А.Пахомов. Одесса: Тип. П. Францова, 1866. 52 с.
14. Глезер, Т. 1200 опытов по винокурению / Т. Глезер. СПб.: П. Акимов и К°, 1867. 43 с.
15. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 37. Оп. 1. Д. 15. Л. 2 об. – 4 об.
16. Русский опытный винокур, дистиллятор, пивовар, мастер домашних вин, медовар, квасник, уксусник, виноградарь, погребщик. СПб.: Тип. И.Иоаннесова; 1812. Ч. 1. (б/с).
17. Долгоруков, И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего / И.М. Долгоруков, СПб.: Тип. Сириус, 1916. 454 с.
18. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 574. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 – 4.
19. Положение о питейном сборе, высочайше утвержденное 4 июля 1861 года, с присовокуплением высочайше утвержденных 20 марта 1862 года правил о взысканиях за нарушение постановлений о питейном сборе и судопроизводстве по сим делам. М.: Тип. А.Семина, 1862. 162 с.
20. РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 30. Л. 21 – 22.
21. Терпигорев-Атава, С.Н. Оскудение. (Очерки, заметки и размышления тамбовского помещика) / С.Н. Терпигорев-Атава // Отечественные записки. 1880. № 3. С. 207–226.
22. РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 570. Л. 200.
23. Кокорев, В.А. Экономические провалы по воспоминаниям с 1837 года / В.А. Кокорев. М.: Общество купцов и промышленников России, 2005. 331с.
24. РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 256. Л. 19 – 20, 42.
25. РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 317. Л. 185 – 186 об.
26. Горюшкина, Н.Е. История государственного регулирования свободного оборота алкоголя в пореформенной России (по материалам Курской губернии) / Н.Е.Горюшкина. Курск: КГТУ, 2009. 259 с.
27. Статистика производств, облагаемых акцизом, и гербовых знаков за 1897 и 1898 гг. / СПб.: Тип. СПб. акционер. общ-ва печат. дела в России Е.Евдокимова, 1900. 1039 с.

References:

1. Yurchuk, K.I. Pomeshchich'e vinokurenien v Yaroslavskoi gubernii v XIX veke: ucheb. posobie / K.I.Yurchuk. Yaroslavl': [b. i.], 1997. 52 s.
2. Terekhov N.V. Rossiiskoe pravitel'stvo i dvoryanskoe vinokurenien v 1785–1863 gg.: dis. ... kand. ist. nauk.07.00.02. SPb., 2007. 254 s.
3. Golitsyn Yu.P. Pravitel'stvennaya politika po otnosheniyu k dvoryanskomu vinokureniiyu vo vtoroi polovine XVIII veka: dis. ... kand. ist. nauk.07.00.02. Volgograd 2005. 212 s.
4. Bogdanov S.V. Vinokurennoe proizvodstvo Tverskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX v.: dis. ... kand. ist. nauk. Tver', 2000. 209 s.
5. O prodazhe vina v Permi, Cherdyni i Solikamskoi po 3 rubli vino, i nakazanii za korchemstvo / Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii (PSZ RI). SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. Sobr. I. Tom I. №285. S.519.

6. Pososhkov, I.T. Kniga o skudosti i bogatstve / I.T. Pososhkov. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1951. 409 s.
7. Svobode vinokureniya dlya domashnego raskhoda i po podryadam, s uplatoyu poshliny s kubov /PSZ RI. Sobr. I. T. V. №2990. S. 195.
8. Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' i trgovlya Rossii. SPb.: Tip. I. A. Efrona, 1893. 351 s.
9. Volkov, M.Ya. Ocherki istorii promyslov Rossii (vtoraya polovina XVII – pervaya polovina XVIII v.): Vinokurennoe proizvodstvo / M.Ya. Volkov. M.: Nauka, 1979. 336 s.
10. O dopushchenii k podryadam na postavku vina na odnikh pomeshchikov, i o vozbraniinii kurit' vino drugim lyudyam /PSZ RI. Sobr. I. T. XIV. №10261. S. 184 – 185.
11. Ustav o vinokureniinii / PSZ RI. Sobr. I. T. XVII. № 12448. S. 208.
12. Neiman, E. Rukovodstvo k parovomu vinokureniyu, dlya vinokurov i sel'skikh khozyaev, sostavlennoe E.G.Neimanom / E. Neiman. SPb.: Tip. vdovy Baikovoi, 1832, 1832. 276 s.
13. Pakhomov, S.A. Vzgl'yad na proshedshee i nastoyashchee sostoyanie vinokureniya v Rossii / S.A.Pakhomov. Odessa: Tip. P. Frantsova, 1866. 52 s.
14. Glezer, T. 1200 opytov po vinokureniyu / T. Glezer. SPb.: P. Akimov i K°, 1867. 43 s.
15. Gosudarstvennyi arkhiv Kurskoi oblasti (GAKO). F. 37. Op. 1. D. 15. L. 2 ob. – 4 ob.
16. Russkii opytnyi vinokur, distillyator, pivovar, master domashnikh vin, medovar, kvasnik, uksusnik, vinogradar', pogrebshchik. SPb.: Tip. I.Ioannesova; 1812. Ch. 1. (b/s).
17. Dolgorukov, I. M. Povest' o rozhdanii moem, proiskhozhdenii i vsei zhizni, pisannaya mnoi samim i nachataya v Moskve 1788-go goda v avguste mesyatse, na 25-om godu ot rozhdeniya moego / I.M. Dolgorukov, SPb.: Tip. Sirius, 1916. 454 s.
18. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). F. 574. Op. 1. D. 2. L. 1 – 4.
19. Polozhenie o piteinom sbore, vysochaishe utverzhdennoe 4 iyulya 1861 goda, s prisovokupleniem vysochaishe utverzhdennykh 20 marta 1862 goda pravil o vzyskaniyakh za narushenie postanovlenii o piteinom sbore i sudoproizvodstve po sim delam. M.: Tip. A.Semina, 1862. 162 s.
20. RGIA. F. 574. Op. 1. D. 30. L. 21 – 22.
21. Terpigorev-Atava, S.N. Oskudenie. (Ocherki, zametki i razmyshleniya tambovskogo pomeshchika) / S.N. Terpigorev-Atava // Otechestvennye zapiski. 1880. № 3. S. 207–226.
22. RGIA. F. 574. Op. 1. D. 570. L. 200.
23. Kokorev, V.A. Ekonomicheskie provaly po vospominaniyam s 1837 goda / V.A. Kokorev. M.: Obshchestvo kuptsov i promyshlennikov Rossii, 2005. 331s.
24. RGIA. F. 574. Op. 2. D. 256. L. 19 – 20, 42.
25. RGIA. F. 91. Op. 1. D. 317. L. 185 – 186 ob.
26. Goryushkina, N.E. Istoriya gosudarstvennogo regulirovaniya svobodnogo oborota alkogolya v poreformennoi Rossii (po materialam Kurskoi gubernii) / N.E.Goryushkina. Kursk: KGTU, 2009. 259 s.
27. Statistika proizvodstv, oblagayemykh aktsizom, i gerbovykh znakov za 1897 i 1898 gg. / SPb.: Tip. SPb. aktsioner. obshch-va pechat. dela v Rossii E.Evdokimova, 1900. 1039 s.

УДК 94 (321)

«Винокурение – это Ост-Индия нашего дворянства»: организация дворянского винокурения до и после винной реформы 1863 г.

Наталья Евгеньевна Горюшкина

Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация
305040 г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: goro46@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе ранее не привлекавшихся к исследованию источников Российского государственного исторического архива освещена организация дворянского винокурения в XVIII–XIX вв. Автор указывает, что винная реформа 1863 г. оказалась переломным моментом в развитии дворянского винокурения. Монополия дворян на винокурение была утрачена, и немногие дворянские винокурни выдержали жесткую конкурентную борьбу, даже при правительственной поддержке они не могли обеспечить потребности растущего российского рынка.

Ключевые слова: дворянство; помещичье хозяйство; дворянское предпринимательство; винокуренная отрасль; винная реформа; завод сельскохозяйственного типа.

**Operation and Activity of Moneyed Corporations in Baku and Tiflis Provinces
(Last Quarter of XIX – Late XX Centuries)**

Almaz M. Ismailova

Dagestan State Institute of National Economy, Russian Federation
367000, Republic of Dagestan, Makhachkala, DGINH, st. Ataeva, 5
PhD (History), Professor
E-mail: almaz.ismailova @ mail.ru

Abstract. The article examines the emergence and development of the banking system and credit institutions in the south of the Russian Empire – Baku and Tiflis province. The purpose of these institutions - the further penetration of banking capital in a variety of industries, particularly in the oil industry. Banks were the most important institutions in which flowed all the economic, business and commercial life of the South Caucasus at the turn of the XIX-XX centuries.

Keywords: banks; credit institutions; State Bank; Russian - Asian bank; credit union Tbilisi; Tbilisi commercial bank; commercial and industrial centers; promissory notes; the shareholders; the oil; capital; profit; pawnshop.

Введение. Начало развития банковского дела в России можно отнести к первой половине XVIII столетия. Период с 1862 по 1872 гг. считается временем непрерывного исторического развития банковского дела в России. В этот период зародилось 33 акционерных банка, 11 акционерных земельных банков, а 1873 г. функционировало 222 городских общественных банка [1, с. 56].

В дореволюционной истории банковской системы России ключевую роль играл Государственный банк Российской Империи, основанный в 1860 г. в процессе реорганизации российской банковской системы. Его создание происходило в условиях вступления России в капитализм и было первой из “великих реформ”, проведенных в стране Императором Александром II. Значительное государственное вмешательство в развитие экономики, вызванное особенностями экономического развития России, обусловило генезис Государственного банка как органа экономической политики правительства [2].

Он выполнял две центральные функции: эмиссионную и кредитную. Банк оказывал поддержку банковским монополиям, занимался государственным кредитованием промышленности и торговли. Дворянский земельный и Крестьянский поземельный государственные банки способствовали укреплению капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Заметную роль играла система акционерных коммерческих банков, принимавших активное участие в развитии кредитной системы. В России шла концентрация и централизация капитала крупными акционерными банками (Русско-Азиатский, Петербургский международный). На их основе сложилась финансовая олигархия, тесно связанная с бюрократией и крупным дворянством. Развивались также общества взаимного кредита, сеть городских и региональных банковских учреждений, сберегательных касс и др. В конце XIX — начале XX в. государственная финансовая система находилась в тяжелом положении. На государственный бюджет ложились расходы на содержание бюрократического аппарата, огромной армии, ведение агрессивной внешней политики. Сильный удар по государственным финансам нанес кризис 1900–1903 гг. Правительственная казна была фактически опустошена попытками спасти убыточные промышленные предприятия. Государственный банк являлся банком краткосрочного коммерческого кредита и согласно уставу был учрежден «для оживления торговых оборотов и упрочения денежной кредитной системы».

В деятельности Государственного банка Российской империи можно выделить два периода. В течение первого (с 1860 г. по 1894 г.) он являлся в значительной степени вспомогательным учреждением Министерства финансов. Большую часть ресурсов Госбанка в это время поглощало прямое и косвенное финансирование казны. На него возлагались функции, относившиеся к аппарату Министерства финансов: проведение выкупной операции и все делопроизводство по ней, поддержание государственных ипотечных банков и так далее. До 1887 г. Госбанк осуществлял ликвидацию счетов дореформенных банков. Все ликвидационные операции должны были производиться за счет Государственного казначейства, которое являлось должником этих банков. Но поскольку в условиях бюджетного дефицита казначейство было не в состоянии предоставлять необходимые для этого средства, Госбанк ежегодно вплоть до 1872 г. направлял на эти цели значительную часть своей коммерческой прибыли. Ликвидация государственного долга Госбанку произошла уже во второй период его деятельности – в 1901 году [3]. На протяжении всего дореволюционного периода деятельности Госбанк в качестве органа экономической политики правительства участвовал в создании, а затем и в поддержании коммерческих банков, в том числе за счет неуставных ссуд. Банки-банкроты субсидировались им и финансировались, принимались в

собственность или управление для последующей продажи. Особенностью банковской системы было то, что современная капиталистическая промышленность и финансово-банковская система сочетались в экономике России с отсталым аграрным сектором, сохранившим полукрепостнические формы собственности и методы хозяйствования. К 1900 г. банковские отделения Российского государственного банка были созданы в Баку и в Тбилиси [4, с.229].

Материалы и методы. Основным источником для написания данной статьи послужили архивные материалы Российского Государственного исторического архива в Санкт-Петербурге, Государственного исторического архива Азербайджанской Республики (ГИА АР) и Центрального исторического архива Грузинской Республики (ЦИА ГР), статистические данные по исследуемой нами проблеме. В статье также использованы труды советских и российских историков, изучающих интересующую нас тему. **В работе** использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи.

Обсуждение. В Бакинской губернии наряду с промышленным развитием создавались и кредитно-банковские учреждения. В феврале 1874 г. в Баку открывается Общество взаимного кредита. Успешная деятельность Общества уже к концу 80-х годов способствовала появлению в нем 746 членов, а сумма кредита достигла 2 миллионов 132 тысяч рублей. Общество взаимного кредита обладало годовым оборотом в 85 миллионов рублей [5, с. 114]. В июне 1874 г. было учреждено Бакинское отделение Российского государственного банка. Это было одно из двенадцати отделений акционерных банков, существовавших в Баку до 1916 г. Основными активными операциями Бакинского отделения Государственного банка были учет и переучет векселей, выдача ссуд под ценные бумаги и товары (нефть и нефтепродукты). В течение десяти лет (с 1902 – по 1912 гг.) здесь было открыто 227 кредитов на сумму 8,5 миллионов рублей, только в одном 1916 г. - 398 кредитов на сумму 37,5 миллионов. Второе место в балансе крупнейшего отделения принадлежало операциям по ссудам под ценности (бумаги, товар). С 1901 по 1915 гг. они возросли с 10,5 до 83 миллионов рублей [6]. В начале XX века активную деятельность в Бакинском районе развернуло отделение Северного банка (следует отметить, что в процессах монополизации нефтяной промышленности Азербайджана ведущую роль играли российские банки). Объем учетных операций колебался в пределах от 5 до 9 миллионов рублей в год, ссуды по специальным текущим счетам увеличились к 1903 г. с 7 миллионов рублей до 905 миллионов. В 1910 г. после слияния Северного и Русско-Китайского банков был учрежден Русско-Азиатский банк, превратившийся в крупнейший банк страны. В 1915 г. затраты Бакинского отделения банка только на товарные операции составили около 11 миллионов рублей. Под контролем Русско-Азиатского банка к началу 1917 г. оказалось 18 крупнейших бакинских предприятий, что свидетельствовало о дальнейшем проникновении банковского капитала в нефтяную промышленность. В августе 1881 г., по решению Бакинской городской думы, в городе возник Общественный городской банк, а в 1886 г. в Баку начало действовать Отделение Тифлисского коммерческого банка. В 1890 г. оборот отделения банка составлял 136 миллионов 367 тысяч рублей.

В августе 1890 г. в Баку создается Отделение Волжско-Камского банка, операции которого уже 1891 г. исчислялись в сумме 42 миллионов рублей. С этого же года Председателем Совета банка становится Нобель. В предвоенные годы банк занимал ведущее положение по развитию операций в Бакинском районе. С 1905 г. оборот отделения составлял 456 миллионов, а в 1915 г. - около 12 миллиардов рублей [7]. В 1897 году им было создано «Кавказское акционерное общество по переработке волокнистых материалов». В 1914 году он основал Бакинский коммерческий банк с целью ведения торговых операций с другими местными предпринимателями и был избран представителем правления этого банка. В 1916 г. Тагиев основал «Тагиевское акционерное общество рыбной промышленности», действовавшее в Азербайджане и Дагестане [8]. В конце 1890-х годов в Баку учреждается Отделение С.-Петербургского – Азовского Коммерческого банка (1898 г.). В 1903 г. в Баку открылось отделение одного из самых солидных и крупных коммерческих банков России – С.-Петербургского международного коммерческого банка, переводы которого уже в первые годы его функционирования составляли 364 миллиона рублей, а через два года в 1905 г. – 2 миллиарда 620 миллионов рублей. В Баку существовали также Учетно-ссудный банк Персии, Торгово-промышленный банк, Русский банк для внешней торговли, Кавказский банк (Грузия). В 1901 г. было открыто и второе бакинское Общество взаимного кредита.

В Баку, где нефтяная промышленность оказалась охваченной разыгравшимся в начале XX в. мировым кризисом и тяжелыми последствиями его, вплоть до 1909 г. не было открыто ни одного нового кредитного учреждения за исключением городского частного ломбарда в 1907 г.

Новый этап в развитии кредитно-банковой системы г. Баку начался с 1909 г. С 1900 по 1913 гг. в Баку функционировали 9 банкирских контор, главными из которых были банки Алескерова Абдул Гамида, Дадашева Гаджи Ших Али, Г.З. Тагиева и др. [9].

В Баку действовали также кредитные учреждения, в т.ч. Общества взаимного кредита, городское кредитное общество, казначейство, государственные сберегательные кассы и городской частный ламбард. Кредитно-банковая система г. Баку стала самой крупной в Азербайджане и во всем Южном Кавказе. Кроме Баку, кредитно-банковая система развивалась и в других торгово-промышленных центрах – городах Елизаветполе, Шуше, Нухе, Ленкорани, Нахчывани и т. д.

В 1903 г. в Баку создает свое отделение один из самых крупнейших коммерческих банков России – «Санкт-Петербургский международный коммерческий банк». К исходу 1913 г. в Бакинской губернии было уже 48 кредитных и 4 ссудо-сберегательные компании [10, с. 78]. Банки контролировали торгово-промышленные предприятия. Происходило слияние банковского капитала с промышленным, образование финансового капитала. Владельцы банков часто подчиняли своему влиянию нефтяные компании. Высшая царская бюрократия была тесно связана с крупнейшими представителями финансово-промышленной буржуазии России.

В 1914 г. был учрежден Бакинский Купеческий Банк с основным капиталом в 5 миллионов рублей [11]. Учредителями банка были бакинские миллионеры Гаджи Зейналабдин Тагиев, Муса Нагиев, Шамси Абдуллаев. Банку было разрешено российским царским правительством выпускать акции по номинальной стоимости – цена акции составляла 250 рублей. Акционерами банка являлись главным образом купцы, нефтепромышленники и пароходоладельцы. На общем собрании акционеров избирались Совет и Правление банка, которые ведали всеми его делами, а для текущей работы Совет и Правление назначали директора-распорядителя. При Правлении находился Комитет по учету векселей, который в определенное время рассматривал кредитоспособность предъявителей и векселедателей и мог дать банку распоряжение на производство учета этих векселей. В 1916 г. в Баку открывает свое отделение и Азовско-Донской банк. Накануне первой мировой войны группа Азовско-Донского банка включала семь крупных нефтяных предприятий. Все перечисленные банки являлись отделениями - центры их находились в Петрограде – кроме двух: Тифлисского купеческого и Кавказского, правления, которых находились в Тифлисе. На концентрацию производства и централизацию нефтяной промышленности огромное влияние оказывало проникновение банковского капитала. Расширив и упорядочив связи с торгово-промышленными предприятиями, банки стали контролировать всю их деятельность. Владельцы банков подчиняли своему влиянию нефтяные компании. Так, председатель правления Русско-азиатского банка Путилов одновременно был директором нефтяной компании «Лианозов и Ко», а также членом правления «Товарищества братьев Нобель» и общества «Эмба-Каспий». Нефтепромышленники Нобель, Лианозов были в свою очередь тесно связаны с русскими и иностранными банками. Строительство банков в Баку – центре Кавказского монополистического капитала – получило большое распространение.

Наряду с ростом торговли в Тифлисе развивалась и кредитная система. В 1860–1870-х годах сеть региональных банков расширялась в основном за счет создания отделений в крупных губернских городах Европейской России. В Тифлисе отделение Госбанка было учреждено по просьбе заместителя в 1866 году [12].

Если в первой половине XIX века единственным кредитным учреждением в Грузии являлся так называемый Приказ общественного призрения, то в 1860–1870 гг. число кредитных учреждений достигло уже нескольких десятков. В эти годы открылись Тбилисская контора Российского государственного банка, затем Тбилиское общество взаимного кредита, Тбилисский коммерческий банк, дворянские банки в Тбилиси и Кутаиси, кредитные общества в Тбилиси и Поты, частные банки И. Читахова, И. Эминова, И. Мухран-Батони и др. Общий годовой оборот трех крупнейших кредитных учреждений гор. Тбилиси в 1880 году составил 668 млн. рублей [13].

Промышленники Батума после безуспешных попыток добиться открытия отделения в городе предложили директору Госбанка «оказать материальную помощь» и обязались ежегодно в течение двух лет выделять по три тысячи рублей на наем помещения для банковского отделения, а администрация города пообещала безвозмездно выделить один из лучших участков земли для постройки здания. Батумское отделение было открыто в 1886 году [14].

Заключение. Таким образом, в последней трети XIX века, особенно с 70-х гг. развитие капитализма в Бакинской и Тифлисской губерниях вызвало быстрое расширение внутреннего и внешнего рынка, рост товарооборота, а это в свою очередь привело к созданию кредитно-банковских учреждений. Расширив и упорядочив связи с торгово-промышленными предприятиями, банки стали контролировать всю их деятельность. Здесь происходило сращивание банковского капитала с промышленным и образование финансового капитала. Банки были важнейшими учреждениями, в которых протекала вся деловая и коммерческая жизнь города на рубеже XIX–XX веков.

Примечания:

1. Панаедова Г.И. Кредитная кооперация России: теория, практика, направления развития. Ставрополь, 2006.
2. Бугров А.В. Государственный Банк и российская провинция // Агентство «ВЭП»: История российских банков, <http://www.ver.ru/history/CBR2-i.html> (Дата обращения: 30 марта 2014 года).
3. РГИА. Ф. 656. Департамент государственного казначейства. Оп. 7, д. 27111.
4. Обзор отраслей промышленности в Закавказском крае за 1901 г.
5. Обзор Бакинской губернии за 1874. Баку. 1875.
6. ГИА АР. Ф. 798. Бакинский отдел товарищества нефтяного производства «бр. Нобель» Оп. 1, д. 183.
7. ГИА АР. Ф. 798. Бакинский отдел товарищества нефтяного производства «бр. Нобель» Оп. 1, д. 189.
8. ГИА АР. Ф. 372. Главная контора Г.З. Тагиева. Оп. 3, д. 242.
9. ГИА АР. Ф. 372. Главная контора Г.З. Тагиева. Оп. 3, д. 254.

10. Документы по истории Баку (1810-1917). Баку, 1978.
11. ГИА АР. Ф.46. Канцелярия Бакинского губернатора. Оп.2.Д.36.
12. ЦИА ГР. Ф.390. Тифлисская контора Государственного банка. Оп.1, д.83.
13. ЦИА ГР. Ф.390. Тифлисская контора Государственного банка. Оп.1, д.92.
14. РГИА. Ф. 587. Об открытии отделения Гос. банка в Батуме. Оп. 30, д. 522

References:

1. Panaedova G.I. Kreditnaya kooperatsiya Rossii: teoriya, praktika, napravleniya razvitiya. Stavropol', 2006.
2. Bugrov A.V. Gosudarstvennyi Bank i rossiiskaya provintsiya // Agentstvo «VEP»: Istoriya rossiiskikh bankov, <http://www.vep.ru/history/CBR2-i.html> (Data obrashcheniya: 30 marta 2014 goda).
3. RGIA. F. 656. Departament gosudarstvennogo kaznacheistva. Op. 7, d. 27111.
4. Obzor otraslei promyshlennosti v Zakavkazskom krae za 1901 g.
5. Obzor Bakinskoi gubernii za 1874. Baku. 1875.
6. GIA AR. F. 798. Bakinskii otdel tovarishchestva neftyanogo proizvodstva «br. Nobel'» Op. 1, d. 183.
7. GIA AR. F. 798. Bakinskii otdel tovarishchestva neftyanogo proizvodstva «br. Nobel'» Op. 1, d. 189.
8. GIA AR. F.372. Glavnaya kontora G.Z. Tagieva. Op.3, d.242.
9. GIA AR. F.372. Glavnaya kontora G.Z. Tagieva. Op.3, d.254.
10. Dokumenty po istorii Baku (1810-1917). Baku, 1978.
11. GIA AR. F.46. Kantselyariya Bakinskogo gubernatora. Op.2.D.36.
12. TsIA GR. F.390. Tiflisskaya kontora Gosudarstvennogo banka. Op.1, d.83.
13. TsIA GR. F.390. Tiflisskaya kontora Gosudarstvennogo banka. Op.1, d.92.
14. RGIA. F. 587. Ob otkrytii otdeleniya Gos. banka v Batume. Op. 30, d. 522

УДК 94(479.2) «18/19»:63

Организация и деятельность кредитно-банковских учреждений в Бакинской и Тифлисской губерниях (последняя четверть XIX – начало XX в.)

Алмаз Мусаевна Исмаилова

Дагестанский государственный институт народного хозяйства, Российская Федерация
367000, Республика Дагестан, г. Махачкала, ДГИНХ, ул. Атаева, 5
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: almaz.ismailova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается становление и развитие банковской системы и кредитных учреждений на юге Российской империи – в Бакинской и Тифлисской губерниях. Цель этих учреждений – дальнейшее проникновение банковского капитала в различные отрасли промышленности, в частности, в нефтяную промышленность. Банки были важнейшими учреждениями, в которых протекала вся экономическая, деловая и коммерческая жизнь Южного Кавказа на рубеже XIX–XX веков.

Ключевые слова: банки; кредитные учреждения; Государственный банк; Русско-Азиатский банк; Тбилиское общество взаимного кредита; Тбилисский коммерческий банк; торгово-промышленные центры; вексели; акционеры; нефтепромышленники; капитал; прибыль.

**Structure and Resources of Professional Economic Education
in Siberia of the Early 1920s**¹Tatiana A. Kattcina²Lyudmila E. Marinenko^{1, 2} Siberian Federal University, Russian Federation

79 Svobodny Avenue, Krasnoyarsk, 660041

¹PhD (History), Associate Professor

E-mail: katsina@list.ru

²PhD (History), Associate Professor

E-mail: velichinskaya.lyudmila@mail.ru

Abstract. The article assesses the performance materials Siberia ongoing work in the field of trade and economic training of personnel in the early 1920s. A model of the system of vocational trade and economic education; an assessment of the financial and human capacities of the education system. A conclusion that in 1920–1921, spontaneous process of opening a large number of educational institutions led to the dispersal and the unsustainable use of the few human and material resources. Proved that insufficient material support schools provoked staff shortages, reduced motivation and level of teaching staff, the quality of educational services, limited the conditions for education.

Keywords: professional trade and economic education; Siberia; educational resources; the structure of education.

Введение. Государственная политика в области образования всегда находится в прямой зависимости от политических, социально-экономических и культурных процессов развития страны. После гражданской войны восстановление звеньев и инструментов рыночно-денежной инфраструктуры, включая денежную систему, торговлю, кредит и банковское дело, налоги и страхование – актуализировали значимость торгово-экономического образования. Пропорция спроса экономики на профессии зависела от региона: преобладающих в нем секторов экономики, уровня урбанизации, принадлежности городов к культурно-рекреационному типу и встроенности их в системы обмена. Территория Сибири традиционно формировалась как поставщик ископаемых и сырья, продуктов животноводства и земледелия. Своеобразие ситуации в Сибирском крае было и в том, что он проходил свой этап «военного коммунизма», в то время как в Центре уже формировались направления и принимались соответствующие законодательные акты новой экономической политики (НЭП).

Материалы и методы. Используются документы Государственного архива Российской Федерации, региональных журналов «Жизнь Сибири», «Просвещение Сибири». Исследование базируется на принципах объективности, историзма, детерминизма, положениях интегрального междисциплинарного подхода к изучению общества, который позволяет обеспечить рассмотрение исторической реальности в ее целостности и многообразии, в непрерывном изменении и развитии. В работе применены общенаучные и сравнительно-исторический методы.

Обсуждение. Возросшее внимание к изучению истории профессионального торгово-экономического образования нашло свое выражение в появлении трудов педагогов [1; 2; 3] и историков [4; 5]. Достаточно полно в их работах раскрыто развитие образования и формируемая на его основе образовательная деятельность в условиях капиталистического развития; преимущественно на материалах европейской части территории страны представлена система профессионального образования, приведены оценочные суждения о ее количественных и качественных характеристиках. Между тем в указанных работах проблема смены концепций образовательной политики после Октября 1917 г. была только обозначена. Несмотря на широкий круг публикаций по истории образования в 1920-е гг., специальное коммерческое образование не получило в литературе достаточно полное освещение. Существуют также значительные территориальные диспропорции в изучении этой темы.

Целью данной статьи является анализ результативности проводимой работы в области подготовки торгово-экономических кадров в начале 1920-х гг. Ставятся задачи: 1) охарактеризовать структуру торгово-экономической системы образования; 2) раскрыть ее ресурсный потенциал (финансовый и кадровый), используя для этого материалы Сибири. Эти вопросы представляют интерес не только для науки, но и реальной практики функционирования системы образования в условиях модернизации образовательной парадигмы.

Результаты. В 1920–1921-е гг. система советского торгово-экономического образования только начала складываться. Она объединила следующие институциональные структуры (рис. 1):

Рис. 1. Модель системы профессионального торгово-экономического образования на начало 1920-х гг. [Составлено по: 6]

Формирующаяся система образования преодолевала трудности организационного и материального порядка. В Сибири, как и по стране в целом, отмечался стихийный процесс повсеместного открытия большого числа учебных заведений, ведущий к распылению и нерациональному использованию немногочисленных людских и материальных ресурсов. Техникумы и политехникумы открывались с четырьмя, а иногда и с пятью – шестью специальными отделениями. Чаще всего это были просто подготовительные отделения к тем, открыть которые планировалось через 2–3 года. Готовили региональных специалистов среднего звена Омский кооперативно-экономический и Иркутский практическо-экономический техникумы. Высшее профессиональное торгово-экономическое образование давали университеты (в Томске и Иркутске); институты: сельского хозяйства и лесоводства (в Омске), индустриальный (в Томске и Омске), медико-ветеринарный (в Омске) и народного образования (в Омске и Иркутске). В 1920–1921 гг. в них обучалось 9769 студентов [7].

При переходе к новой экономической политике стали сокращаться государственные ассигнования на народное образование. Перевод учебных заведений с осени 1921 г. на местные бюджеты, находившиеся на начальной стадии формирования, привели к массовому закрытию учебных заведений. Уже к концу 1922 г. прекратили свою деятельность институты народного образования и индустриальный институт в Омске [8], техникумы, потому, что они еще «в начале своего возникновения таили в себе зародыши близкой гибели (отсутствие оборудования, педагогического персонала и т. д.)» [9]. Сокращение сети учебных заведений при переходе Сибири к НЭПу с 1922 г. объективно способствовало некоторому улучшению качественного состава педагогов.

На Всероссийской конференции по среднему и низшему профессионально-экономическому образованию, проходившему в июле 1924 г. в Москве, подчеркивалось, что суммы, ассигнуемые государством учебным заведениям, совершенно не сопоставимы с потребностями. В 1923–1924 учебном году, на один техникум было затрачено в среднем 3163 рубля, а на одного учащегося – 18 рублей 25 копеек [10], тогда как ежемесячный прожиточный минимум преподавателя в Сибири составлял 112 рублей [11].

Государственное содержание учебных заведений обеспечивалось только на 15–20 %, а остальная сумма должна была формироваться из фондов местного бюджета и хозяйственных органов [12], которые не всегда выделяли нужные средства. Решением проблемы могло стать введение особой статьи налогообложения на вышеуказанную статью расходов. В мае 1922 г. Высший Совет Народного Хозяйства ввел обязательный процент налогообложения промышленности на содержание высших технических учебных заведений [13], но в Сибири такая практика не прижилась. Предполагалось, что

местные промышленные, кооперативные и торговые учреждения имеют интерес в получении квалифицированных кадров для дальнейшего развития своей отрасли, поэтому в их ведение переводились учебные заведения на условиях финансирования. В ряде случаев образовательные учреждения переходили на самоокупаемость.

Следует отметить, что материальная база народного образования в Сибири начала оформляться с 1923 г., опираясь на государственный и местный бюджеты. На государственном бюджете состояли высшие и средние профессионально-технические учебные заведения, специальные учреждения по социально-правовой охране несовершеннолетних и школы-интернаты северных народов. На местном бюджете находилась вся массовая сеть воспитательных учреждений (в основном школы I и II ступеней), учреждения Политпросвета и низшие профессионально-технические учебные заведения. Школы конторско-торгового ученичества (в 1926–1927 гг. в Сибири их было шесть [14]), содержались хозяйственными органами. За короткий срок происходила смена субъекта финансирования с государственного бюджета на местный. Для усиления материальной базы образовательных учреждений организовывались общественные работы, использовались добровольные денежные взносы родителей учащихся. Кооперативные, профсоюзные и иные общественные организации также отчисляли средства из своих бюджетов; к участию в содержании образовательных учреждений привлекали промышленные организации.

Проблемы с финансированием сказывались на уровне жизни и мотивации профессорско-преподавательского состава. Оплата труда научных сотрудников была ниже, чем неквалифицированных рабочих. Пример: по государственной ставке наивысший месячный оклад профессора сибирского вуза составлял 35 рублей (столичного – 100 рублей), сторожа – 37 рублей [15]. Чтобы улучшить материальное положение преподавателей, правительство в ноябре 1921 г. инициировало создание Центральной комиссии по улучшению быта ученых, которая в свою очередь ввела так называемые академические пайки. Однако, если для регионального руководителя ежемесячная норма пайка составляла 75–90 фунтов муки и 20–25 фунтов мяса, то для профессора – 55 фунтов муки и 4 фунта мяса, а для преподавателя – всего 25–30 фунтов муки и 4 фунта мяса [16]. Более того, пайки не всегда поступали вовремя и в нужном количестве. Так, за июль 1922 г. столичные города получили 12300 основных и семейных академических пайков, остальные регионы – 3395, в том числе Сибирь – 350 пайков [17]. Низкая заработная плата и систематические задержки ее выплат (на 3–4 недели) спровоцировали острый кадровый дефицит: в 1921–1922 учебном году только из Иркутского университета уволились 42 человека [18], большинство – с многолетним педагогическим стажем. Преподаватели, вынужденные искать дополнительные заработки, меньше участвовали в научной деятельности; снижалось качество преподаваемых дисциплин. В совокупности все это негативно сказывалось на профессиональных компетенциях выпускников учебных заведений.

Закключение. Социальные катаклизмы начала XX в. привели к системному кризису во всех сферах общественной жизни; в этих условиях восстановление народного хозяйства являлось приоритетной задачей. В Сибири – регионе традиционно считавшимся трудонедостаточным, повышение качественных характеристик трудовых ресурсов должно было компенсировать их количественный недостаток. На систему образования возлагалась задача ликвидации «кадрового голода». Но в условиях экономического кризиса этот процесс шел крайне противоречиво. Стихийное повсеместное открытие большого числа учебных заведений в 1920–1921 гг. привело к распылению и нерациональному использованию немногочисленных людских и материальных ресурсов.

Советское государство испытывало немалые трудности с финансированием системы образования. Недостаток материальных ресурсов ограничивал не только стимулы, но и условия для получения образования.

Примечания:

1. Шилов А. И. Коммерческое образование в Восточной Сибири начала XX в: монография / А.И. Шилов. Красноярск: Издательский центр КГУ, 2000. 176 с.
2. Калинина Н. Н. Становление и развитие коммерческого образования в России XVIII – начала XX веков : дис.... канд. пед. наук : 13.00.01 / Н. Н. Калинина. М. : [б. и.], 1998. 163 с.
3. Чернецов М. Б. Становление и развитие экономического образования в высшей школе России XIX – начала XX века : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / М. Б. Чернецов. Пенза: [б. и.], 2006. 257 с.
4. Костриков С. П. Становление и развитие коммерческого и управленческого образования в России : конец XVIII – начало XX в. : дис. ... доктора ист. наук : 07.00.02 / С. П. Костриков. М. : [б. и.], 2011. 436 с.
5. Соскин В. Л. Российская советская культура (1917–1927 гг.): Очерки социальной истории / В.Л. Соскин. Новосибирск: Изд. СО РАН, 2004. 455с.
6. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. А–1565. Оп. 5. Д. 38. Л. 18–19 об.
7. Сибирская советская энциклопедия: В 4 т. Т. 3 / гл. ред. Б. З. Шумяцкий. Новосибирск: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1932. С. 658.
8. Там же.
9. Самодаров И. Высшее образование в Сибири // Жизнь Сибири. 1923. № 4–5. С. 71.
10. ГАРФ. Ф. А–1565. Оп. 5. Д. 38. Л. 177.
11. Самодаров И. Указ. Соч. С. 67.
12. Там же. С. 76.

13. Там же. С. 77.
14. Мельников А. Советское культурное строительство в Сибирском крае / А. Мельников // Просвещение Сибири. 1927. № 3. С. 91.
15. Самодаров И. Указ. Соч. С. 68.
16. Катцина Т. А. Профессиональное торгово-экономическое образование в Сибири в 1920-е гг. / Т.А. Катцина, Л. Е. Мариненко, Ю. В. Левина // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. 2006. № 6. С. 66.
17. Самодаров И. Указ. Соч. С. 68.
18. Там же.

References:

1. Shilov A. I. Kommercheskoe obrazovanie v Vostochnoy Sibiri nachala XX v: monografiya / A. I. Shilov. Krasnoyarsk: Izdatel'skiy tsentr KGU, 2000. 176 s.
2. Kalinina N. N. Stanovlenie i razvitie kommercheskogo obrazovaniya v Rossii XVIII – nachala XX vekov : dis.... kand. ped. nauk : 13.00.01 / N. N. Kalinina. M. : [b. i.], 1998. 163 s.
3. Chernetsov M. B. Stanovlenie i razvitie ekonomicheskogo obrazovaniya v vysshey shkole Rossii XIX – nachala XX veka : dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.01 / M. B. Chernetsov. Penza: [b. i.], 2006. 257 s.
4. Kostrikov S. P. Stanovlenie i razvitie kommercheskogo i upravlencheskogo obrazovaniya v Rossii : konets XVIII – nachalo XX v. : dis. ... doktora ist. nauk : 07.00.02 / S. P. Kostrikov. M. : [b. i.], 2011. 436 s.
5. Soskin V. L. Rossiyskaya sovetskaya kul'tura (1917–1927 gg.): Ocherki sotsial'noy istorii / V. L. Soskin. Novosibirsk: Izd. SO RAN, 2004. 455s.
6. GARF (Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii). F. A–1565. Op. 5. D. 38. L. 18–19 ob.
7. Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya: V 4 t. T. 3 / gl. red. B. Z. Shumyatskiy. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe otделение OGIЗ, 1932. S. 658.
8. Там же.
9. Samodarov I. Vysshee obrazovanie v Sibiri / I. Samodarov // Zhizn' Sibiri. 1923. № 4–5. S. 71.
10. GARF. F. A–1565. Op. 5. D. 38. L. 177.
11. Samodarov I. Ukaz. Soch. S. 67.
12. Там же. S. 76.
13. Там же. S. 77.
14. Mel'nikov A. Sovetskoe kul'turnoe stroitel'stvo v Sibirskom krae / A. Mel'nikov // Prosveshchenie Sibiri. 1927. № 3. S. 91.
15. Samodarov I. Ukaz. Soch. S. 68.
16. Kattcina T. A. Professional'noe trgovno-ekonomicheskoe obrazovanie v Sibiri v 1920-e gg. / T.A. Kattcina, L. E. Marinenko, Yu. V. Levina // Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2006. № 6. S. 66.
17. Samodarov I. Ukaz. Soch. S. 68.
18. Там же.

УДК 377.031

Структура и ресурсы профессионального торгово-экономического образования в Сибири начала 1920-х гг.

¹Татьяна Анатольевна Катцина

²Людмила Евгеньевна Мариненко

^{1,2} Сибирский федеральный университет, Российская Федерация
660041, Россия, Красноярск, пр. Свободный, 79

¹ Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: katsina@list.ru

² Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: velichinskaya.lyudmila@mail.ru

Аннотация. В статье на материалах Сибири анализируется результативность проводимой работы в области подготовки торгово-экономических кадров в начале 1920-х гг. Приведена модель системы профессионального торгово-экономического образования; дана оценка финансового и кадрового потенциалов системы образования. Сформулирован вывод о том, что в 1920–1921 гг. стихийный процесс открытия большого числа учебных заведений привел к распылению и нерациональному использованию немногочисленных людских и материальных ресурсов. Доказано, что недостаточное материальное обеспечение учебных заведений спровоцировало кадровый дефицит, снизило мотивацию и уровень жизни преподавателей, качество образовательных услуг, ограничило условия для получения образования.

Ключевые слова: профессиональное торгово-экономическое образование; Сибирь; ресурсы образования; структура образования.

UDC 368.91

The History of Personal Insurance in 1920s (Kursk Province Case Study)

Natalya V. Kartamysheva

Southwestern State University, Russian Federation

305040, Kursk, October 50, 94

PhD (History), Associate Professor

E-mail: kartamysheva_1@mail.ru

Abstract. The article analyzes operation and activity of personal insurance in 1920s, which is significant for the improvement of organizational forms and types of personal insurance, search of ways and methods to improve the quality of insurance services, rendered in the market. This aspect of the problem is disclosed by the example of the operation of insurance officers, having established reputation both in the center and locally. In the modern context, when the country implements the strategy of insurance companies' reduction, the necessity to learn and use the previous experience increases.

Keywords: history; state; insurance; Gosstrakh; policyholders; life; medicine; money; doctor; insurance sum.

Введение. Опыт разработки и осуществления страховой политики в 1920-х гг. не утратил научно-практической значимости в современных условиях. События, аналогичные происшедшим в условиях НЭПа, можно наблюдать и в настоящее время. Некоторые виды страховых услуг приобретают не добровольную, а обязательную форму. Сегодня достаточно остро стоит проблема социальных гарантий, материальной защиты работающих со стороны государства и предпринимательских структур. В связи с этим, все чаще происходит обращение к истории страхования.

В переломные для России годы, когда встает вопрос выбора дальнейшего пути развития страхового дела, проблемы исторического предназначения и роли института страхования в общественно-политической жизни страны обретают свою актуальность. Экономика – это анатомия общества. Мы не используем свой опыт, а, между прочим, за рубежом наш опыт изучают. В последние годы идет тенденция к сокращению многочисленных страховых кампаний, на которые идут большие расходы, приводящие к неэффективному распределению в экономике со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Этот опыт надо знать и использовать.

Материалы и методы. Следуя принципу научной объективности, вопросы истории развития личного советского страхования будут рассматриваться без политической предвзятости и конъюнктуры.

Метод анализа и обработки документальных данных позволит выявить общее и особенное по изучаемой проблеме. Сравнительно-исторический подход даст возможность определить объективные закономерности в истории развития личного страхования. Проблемно-хронологический метод позволит проследить динамику исследуемых экономических явлений.

Последовательное комплексное применение этих методов в изучении исторического прошлого предусматривает анализ происшедших событий и явлений, с учетом динамики их развития в конкретно исторической обстановке [1].

Автором проанализированы официально опубликованные законодательные акты, которые позволили уяснить общую пропагандистскую направленность советского государства по рассматриваемой проблеме. Вместе с тем, многие документы не публиковались, рассылались на места инструкции, циркуляры, письма по разъяснению официально провозглашенных принципов. Подобные разъяснения определялись не только и не столько низкой грамотностью кадров, но и макиавеллизмом руководителей большевистской правящей партии.

Поэтому автором изучались Фонды Российского государственного архива экономики, а также фонды местного архива – Государственного архива Курской области.

Обсуждения. Принципы деятельности государства, закрепленные в действующей Конституции РФ 1993 г. не всегда отвечают реалиям жизни. Вопрос заключается не столько в их сложности достижения, сколько в заимствовании многих положений западноевропейского права без учета российской самобытности, хотя изучение собственного исторического опыта дало бы гораздо большую эффективность, нежели «перенимание опыта» в странах Европы и Америки.

Вопрос об открытии операций личного страхования в СССР возник в Госстрахе сразу же после его учреждения. Основанием к этому послужил последовавший в конце 1921 года отказ от установленной ранее в СССР системы «социального обеспечения», где государство являлось единственным страховщиком, и переход к системе «социального страхования», предназначенного исключительно для нужд работников, живущих продажей своего личного труда.

Таким образом, огромная масса людей, не живущих заработной платой, то есть крестьяне, ремесленники, кустари и лица так называемых «свободных профессий» остались вне действия обязательного социального страхования [2, с. 120]. Кроме того, для многих категорий трудящихся, вовлеченных в сферу социального страхования, нормы последнего оказались по своему размеру недостаточными.

Другим важным моментом к открытию операций личного страхования послужила их способность к накоплению и концентрации денежных средств, которая была характерна для долгосрочных операций по страхованию жизни. Таким образом, личное страхование сопровождалось непрерывным накоплением так называемых резервов премий, величина которых на протяжении ряда лет могла достигнуть больших размеров.

Практическое осуществление операций личного страхования тормозилось в течение первых лет деятельности Госстраха отсутствием в стране твердой, устойчивой денежной валюты, на основе которой могли быть построены долгосрочные операции личного страхования. В условиях быстро обесценивающихся совзнаков трудно было регулировать денежные взаимоотношения сторон, когда между началом и концом срока договора протекал значительный период времени. Только в конце 1923 г., когда в денежном обращении решающую роль стал играть червонец, Госстрах решил открыть операции по личному страхованию. В Москве они начали проводиться в январе 1924 г., спустя месяц – в Ленинграде, затем постепенно, по мере подготовки местных органов Госстраха, и в других городах страны [3, с. 66]. Итак, введение устойчивой валюты создавало практическую основу для начала операций по личному страхованию.

При Курском Губстрахе страхование жизни на случай смерти и дожитие до определенного возраста появилось в мае 1924 года. Вначале работа носила чисто организационный характер. Фактически к развитию страхования жизни в Курской губернии приступили в июне, когда были развернуты работы по агитации среди рабочих и служащих как в городе Курске, так и в других уездных городах.

Особый интерес представляют конкретные виды личного страхования. Страхование жизни делилось на 2 вида: краткосрочное и смешанное. Краткосрочное страхование жизни заключалось исключительно на случай смерти на определенный срок от 1 до 10 лет. Однако выявленные документы показывают, что этот вид страхования не был распространен в Курской губернии.

Важное значение имело то, что смешанное страхование содержало в себе обеспечение на случай дожития до определенного возраста (обеспечение старости) и на случай смерти застрахованного ранее достижения этого возраста (обеспечение близких) [4, л. 39-40]. Кроме того, учитывая интересы граждан, Госстрах включил в это страхование (при том же страховом взносе) еще один вид обеспечения – на случай постоянной утраты застрахованным трудоспособности (инвалидности) вследствие несчастного случая. При этом в случае не полной утраты трудоспособности, застрахованное лицо освобождалось от уплаты дальнейших платежей по окончании срока договора.

Смешанное страхование жизни могло быть как единоличным, так и групповым – не менее 10 человек. При подаче заявки о желании заключить страхование необходимо было внести задаток [6, л. 130], который оставался в органах Госстраха в случае, если лицо отказывалось от страховки. Групповое страхование жизни было ориентировано, главным образом, на служащих и рабочих. Это страхование допускало льготы, например, рассрочку уплаты премии ежемесячно без процентной надбавки. При групповых страхованиях страховая сумма без медицинского освидетельствования могла быть повышена до 1500 руб. и понижена до 100 рублей [7, с. 128]. При единоличных страхованиях страховая сумма устанавливалась от 200 до 1000 руб. без медицинского освидетельствования [8, л. 305 об.]. Необходимо отметить, что все преимущества коллективного страхования были направлены на создание предпосылок для дальнейшего объединения крестьян в колхозы.

Главное Правление Госстраха на условиях группового страхования жизни страховало и инвалидов, работающих на предприятиях и учреждениях. Но для этих лиц была установлена надбавка в размере 5 % страховой суммы в год, а на полисе содержалась оговорка о том, что Госстрах несет ответственность за утрату только той работоспособности застрахованного, которой он обладал в момент несчастного случая [6, л. 46].

При заключении личных страхований без медицинского заключения, сведения о состоянии здоровья записывали на основании ответов страхователей. Часто страхователи отвечали, что они «совершенно здоровы», а через 2–3 месяца оказывалось, что данное лицо больно целым рядом болезней, давно обращалось к врачам и знало об угрожающем состоянии своего здоровья. В связи с большим количеством таких случаев, Главное Правление Госстраха стало отказывать в выдаче вознаграждения, когда страхователь предоставлял недостоверную информацию о своем здоровье [8, л. 309].

В архиве имеются сведения по Курской губернии о случаях, когда органы профсоюзов проводили специальные кампании по страхованию жизни, издавали циркуляры, рекомендуемые этот вид страхования рабочим и служащим. Созывались общие собрания на предприятиях и учреждениях, где вопросы о личном страховании решались путем голосования. Тем самым, государственное страхование из лично-добровольного превращалось в принудительное, с механическим удержанием взносов через администрацию.

Анализируя Положение о Госстрахе СССР (1925 г.) можно констатировать, что операции личного страхования были признаны централизованными, то есть право ведения их предоставлялось непосредственно Главному правлению Госстраха [4, л. 24].

Кто же имел право страховать свою жизнь? Страхование жизни могли заключать как мужчины, так и женщины в возрасте от 18 лет на страховую сумму от 100 до 10.000 руб. [8, л. 299]. Размер страхового платежа зависел от возраста страхующихся и от срока страхования.

С августа 1924 года Главное Правление Госстраха отменило надбавку к премии за профессиональный риск работникам милиции, ГПУ и других учреждений общественного порядка исходя из общественно-полезного характера их деятельности [6, л. 22]. На самом же деле, государство отменило надбавку к страховым взносам в связи с переходом страны к мирным условиям существования, поэтому и риск страховых убытков работников общественного порядка был значительно снижен.

В архиве хранятся дела по некоторым страховым случаям. Емельянова, рассыльная в Промбанке, была застрахована на 100 р., заплатила только за 1 месяц страховую премию (50 к.). Умерла от разрыва сердца, страховое вознаграждение получил ее муж [5, л. 93.]. Котов, машинист Московско-Курской железной дороги, был застрахован в 1000 р. Он заплатил страховые платежи за 2 месяца (6 р. 84 к.), получил при крушении поезда нервное потрясение. Госстрах выплатил Котову 400 р., а на 600 р. он остался застрахованным. Характерно, что Котов был освобожден от страховой премии до конца срока страхования [5, л. 171.]. Все эти случаи были описаны в агитационной листовке по личному страхованию для привлечения страхователей.

Пропагандистская деятельность велась путем устной агитации, в виде выступления страховых работников на крестьянских сходах, конференциях и съездах советов с раздачей многочисленных брошюр и листовок. Часто размещали плакаты по госстрахованию на многолюдных общественных местах (в государственных учреждениях, театрах и т.д.).

Для осуществления страховых операций по личному страхованию помимо непосредственно страховых агентов, привлекались еще и аквизиторы – лица напрямую не занимающиеся страховой деятельностью, но выполняющие организационные и агитационные функции для привлечения большего количества страхователей.

Заслуживает внимания кадровая политика страховых работников, существенным недостатком которой было то, что критерии отбора сотрудников в страховые органы носили ярко выраженный классовый характер, что впрочем, было характерно для всей системы управления в целом.

Необходимо подчеркнуть, что сотрудникам Госстраха запрещалось общаться с эмигрировавшими страховыми деятелями, не допуская преемственности в идеологии.

Следует отметить, что общеобразовательный и тем более профессиональный уровень кадров был крайне низок. Для того чтобы решить проблему образованности кадров стали организовывать различные курсы и открывать среднепрофессиональные и высшие учебные заведения, изучающие страховое дело. Всем студентам техникумов и институтов платили стипендию из средств Госстраха. [9].

К делу государственного личного страхования были привлечены врачи. Доверенные врачи Госстраха при проведении операций по страхованию жизни кроме своих основных функций (медосмотр и составление проверочного свидетельства) предоставляли населению дополнительные коммерческие услуги. Например, клиент, желающий, чтобы врач осмотрел его дома, должен был внести в Контору Госстраха или агенту 4 рубля. Эта сумма выплачивалась врачу дополнительно [10, л. 2]. Главное Правление предоставляло льготы для доверенных врачей по их личным страхованиям, а именно: они не платили аквизиционной комиссии, а также получили право ежемесячной рассрочки премии без надбавки [6, л. 22]. Этот прием может только приветствоваться, так как он объективно позволяет понять историю не только как развитие неких процессов на мезо и макроуровне, но и через тех, кто в конечном счете был одновременно и объектом, и субъектом отечественной истории.

Результаты. Анализируя тенденцию к постоянному совершенствованию организационных форм деятельности страховых органов, можно прийти к выводу о росте охвата страховыми услугами различных слоев населения (и что особенно важно, основного – крестьян губернии) и, как следствие, удовлетворению запросов населения в страховых услугах, хотя и с известными поправками на классовый характер экономическо-правовой политики советского государственного аппарата. Таким образом, советское страховое дело являлось не только социально-значимым действием, но и классово-несправедливым. Резюмируя систему превентивных мероприятий, как в центре, так и на периферии, связанных с оказанием лечебной помощи застрахованным, а также с профилактическими осмотрами и отдыхе в санаториях можно говорить о том, страховые организации всячески пытались предупредить наступление страховых случаев в личном страховании, а значить и уменьшить риск своих убытков.

В рассматриваемый период в личном страховании прослеживается решительный настрой властей в плане насаждения новой идеологии, в связи с чем описывается привлечение к агитационной деятельности различных слоев населения, в том числе и врачей.

В настоящей статье автор упоминает о заидеологизированности работы страховых органов, что вряд ли можно считать ее достоинством. Хотя логика развития системы, в которой страхование было

лишь одним из вспомогательных экономических механизмов, неминуемо вела именно к подобному развитию событий.

Заключение. Советской историей накоплены уникальные методики страхования граждан. Все это необходимо сегодня реанимировать, изучить, как положительный, так и отрицательный опыт, и творчески его применить с учетом современных требований и особенностей времени. Наиболее яркое подтверждение тому – страхование предпринимательской деятельности от возможного риска убытков с целью защитить организации от растрат и хищений со стороны граждан (служащих). Проблема коррупции в современных условиях ставит под вопрос стабильность в целом всего государства.

С этой и других точек зрения, совершенствование правовой основы страховой деятельности в современных условиях невозможно без изучения богатейшего исторического опыта в области страхового рынка. Тем самым возможно избежать многих ошибок, заранее спрогнозировать общие тенденции развития.

Примечания:

1. Анухина Н.В. (Картамышева Н.В.) История развития советского страхового дела в период 1921–1928 гг. (на примере Курской губернии) Автореф. дис. на соиск. уч. степ. ... канд. ист. н. Курск, 2008.
2. Пять лет государственного страхования в СССР. М., 1927.
3. Тагиев Г.М. Развитие государственного страхования в СССР (1917-1977 гг.). М., 1978.
4. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 7733, оп. 1, д. 807, лл. 24, 39-40.
5. Государственный архив Курской области (ГАКО), ф. Р-870, оп. 8, д. 115, л. 171.
6. ГАКО, ф. Р-870, оп. 6, д. 121, лл. 22, 46.
7. Бурего Д.И. Губернская контора государственного страхования // Отчет Курского губернского исполнительного комитета. 1924. С. 128.
8. ГАКО, ф. Р-870, оп. 2, д. 94, лл. 299, 305 об., 309.
9. Беленцов С.И. Воспитать гражданина: осмысление исторического опыта русской педагогики и школы (конец XIX – начало XX вв.) // Проблемы современного образования. 2014. №1. С. 51-62.
10. РГАЭ, ф. 7625, оп. 23, д. 166, л. 2.

References:

1. Anuhina N.V. (Kartamysheva N.V.) the History of development of insurance business in the Soviet period, 1921-1928 (on the example of Kursk province) Avtoref. dis. uch. step. ... kand. hist. n. Kursk. 2008.
2. Five years of the state insurance of the USSR. M., 1927.
3. Tagiyev G.M. development of the state insurance of the USSR (1917-1977 years.). M., 1978.
4. Russian state archive of the economy (hereinafter RGAE), F. 7733, op. 1, D. 807, ll. 24, 39-40.
5. The state archive of the Kursk region (hereinafter GAKO), F. P-870, op. 8, D. 115, l.171.
6. GAKO, F. P-870, op. 6, D. 121, ll. 22, 46.
7. Burago D.I. the Provincial office of the state insurance // Report of the Kursk province Executive Committee. In 1924. С. 128.
8. GAKO, F. P-870, op. 2, D. 94, ll. 299, 305, 309.
9. Belentsov S.R. Raise a citizen: understanding the historical experience of the Russian pedagogics and school (the end of XIX - beginning of XX centuries) // Problems of modern education. 2014. №1. S. 51-62.
10. RGAE, F. 7625, op. 23, D. 166, l. 2.

УДК 368.91

**Из истории развития личного страхования в 1920-е годы
(на материалах Курской губернии)**

Наталья Викторовна Картамышева

Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация
305018, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
Кандидат исторических наук, доцент
E- mail: kartamysheva_1@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется организация и деятельность личного страхования в 1920-е годы, которое имеет большое значение для совершенствования организационных форм и видов страхования граждан, поиска путей и методов повышения качества оказываемых страховых услуг в рыночных условиях. Данный аспект проблемы раскрывается на примере деятельности страховых работников, зарекомендовавших себя как в центре, так и на местах. В современных условиях, когда в стране воплощается в жизнь стратегия по уменьшению количества страховых фирм, возрастает необходимость осмысления и использования предыдущего опыта.

Ключевые слова: история; государство; страхование; Госстрах; страхователь; жизнь; медицина; выплаты; врач; страховая сумма.

UDC 63.3(0)6

Agitation and Propagandistic Work in Soviet POW Camps

Gulzhaukhar K. Kokebayeva

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
71, al-Farabi avenue, Almaty 050038
Dr. (History), Professor
E-mail: kokebayeva@mail.ru

Abstract. The paper studies the problem of agitation work done among POWs in Soviet camps, the creation of military units and political organizations from POWs. Not only armed force was used during the Second World War, but also the power of words. The battles were accompanied by the information warfare. Opponents tried to use all possible means to manipulate people's minds. Main directions of agitation and propaganda were defined by the «Soviet bureau of military and political propaganda», as well as the 7th Division of Soviet army. In the propaganda work among German POWs, the priority was given on shaping the ideological and political views of former soldiers and officers of the Wehrmacht. As the result of the analysis of sources the author comes to conclusion that POWs of the Second World War period became the object of testing means and methods of ideological struggle of warring nations.

Keywords: prisoners of war; World War II; the camp; agitation; propaganda; ideological struggle; anti-fascist school; flyer.

Введение. XX век характеризуется ростом могущества информации. Она приобрела большие возможности для манипуляции сознанием людей. Вторая мировая война велась не только вооруженными силами, но и средствами массовой информации. Противники старались использовать все возможные средства для манипуляции сознанием людей. Пропагандистская война играла особую роль на советско-германском фронте. Советско-германская информационная война характеризуется масштабностью. Пропагандистские материалы выпускались в виде листовок, брошюр и плакатов, разбрасывались самолетами и специальными пушками над передовой линией фронта. В пропагандистской работе активно использовали военнопленных.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили листовки, брошюры и других пропагандистские материалы, использованные на фронтах и лагерях для военнопленных. При проведении исследований применялись известные философские методы, как предположение и опровержение; общие научные методы, как анализ, синтез, абстрагирование, также и специфические методы исторической науки, как принцип историзма, т.е. соотнесение исторических явлений и событий с категориями времени, места и причинности.

Обсуждение. В советской историографии истории военнопленных «разрешенной», «открытой» была проблема создания Национального комитета «Свободная Германия», но и эта проблема рассматривалась только в ракурсе возникновения и развития антифашистской деятельности немецких военнопленных [1, 2].

Наиболее интенсивно изучаемая в настоящее время в России проблема – положение немецких военнопленных в Советском Союзе. Не останавливаясь на отдельных статьях, обратимся к фундаментальным исследованиям, посвященным изучению проблемы об обращении с немецкими военнопленными в советских лагерях. Первыми крупными работами по истории немецких военнопленных, характеризующимися новым подходом к проблеме, были работы В.Б. Конасова [3] и В.А. Всеволодова [4]. В.Б. Конасов в своих монографических исследованиях всесторонне анализирует историю немецких военнопленных, включая и их правовое положение, осуждение их судебными органами СССР на большие сроки, оперативно-чекистскую работу среди военнопленных, также и проблему освобождения немецких военнопленных в 1955-1956 гг. Историографические проблемы истории Национального комитета «Свободная Германия» исследуются в работе Г.В. Ежовой [5]. Использование немецких военнопленных в создании агентурной сети, организации советскими органами безопасности постоянного контроля над военнопленными в лагерях отражено в работах А.С. Смыкалина [6]. В этих работах тоже прослеживается отказ от стереотипного мнения о «гуманном отношении» советской власти к немецким военнопленным, в них объективно освещена деятельность советских органов по вербовке военнопленных на агентурную работу. Среди зарубежных исследований необходимо выделить монографию П. Гоцтони, посвященную истории создания на территории СССР воинских частей и политических организаций из военнопленных [7].

Основные направления агитационно-пропагандистской работы. Подготовкой агитационных материалов против Германии и ее союзников занималось «Советское бюро военно-политической пропаганды», где работали старые эмигранты – коммунисты, а также 7-отдел Советской армии. Цели были определены в соответствии с Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 24 июня 1941 г.: скрытие собственных поражений, преувеличение потерь врага,

демонстрация собственного превосходства, разоблачение лжи фашистской пропаганды, склонение вражеских солдат к нанесению себе физических увечий и дезертирству. Еще в июле 1941 года в Москве начались трансляции по радио для оккупированных Германией стран и для ее союзников. До осени 1941 года появились радиостанции под названиями «Христо Ботев» для Болгарии, «Тадеуш Костюшко» для Польши, «Лайош Кошут» для Венгрии, «Свободная Югославия», «Немецкая народная радиопередача» [7, с. 96].

В течение всего периода войны на фронте было распространено 3 миллиарда советских листовок [8, с. 36]. Большинство из них служили цели разложения немецкой армии и внесения разлада между Германией и его союзниками. Солдатам и офицерам итальянской, румынской и венгерской армий обещали, что в отличие от немецких военнопленных у них будет самое лучшее содержание в плену и немедленное освобождение после окончания войны. Но такие же обещания были и в листовках, распространяемых среди немецких военнослужащих. Немецких солдат призывали к добровольной сдаче в плен, листовки содержали пропуск для перебежчиков с надписями на русском и немецком языках: «Я, немецкий солдат, отказываюсь воевать против русских рабочих и крестьян. Перехожу добровольно в плен к Красной Армии» [9, с. 720; 10, с. 3, 14; 11].

В листовках, призывающих военнослужащих противника к сдаче в плен, печатались переводы решений высших военных инстанций о содержании военнопленных, высказывания солдат о своей жизни в плену. Так, листовка «Читай и передай дальше» содержала перевод на немецкий язык Постановления СНК СССР от 1 июля 1941 г. «Положение о военнопленных» [9]. В этих листовках напечатана фотография военнопленных немцев с надписями: «После обеда приятно погулять по лагерю, расположенному в красивой, здоровой местности», «В русском лагере для военнопленных звучат мелодии немецких народных песен, любители музыки готовятся показать свое искусство товарищам». В немецкой листовке воспроизведена фотография с надписью: «Пленные у германской кухни с удовольствием кушают вкусную пищу» [12; 10, с. 12, 45].

В 1941 году под руководством Коминтерна с согласия советского правительства была создана так называемая V-бригада. Эта особая военная часть размещалась в Москве, в ее рядах находились живущие в Советском Союзе молодые коммунисты из стран Восточной и Центральной Европы, которые были уже обучены военной и политической работе. Целью обучения в V-бригаде была подготовка политических комиссаров из иностранных коммунистов, владеющих своим родным языком. Идея подготовки военных кадров из иностранных коммунистов была связана с наступательной военной доктриной Красной армии, суть которой состояла в том, что любой враг, решившийся напасть на страну социализма, будет сразу же отброшен назад, война переносится на территорию агрессора и непременно закончится победой СССР. Когда Советское правительство осознало, что положение на советско-германском фронте показало нереальность этой доктрины, V-бригада в октябре 1941 года была распущена [7, с. 97].

Для работы с военнопленными кроме органов государственной безопасности и военной разведки был учрежден также и так называемый «Научно-исследовательский институт № 99». Под таким названием действовала «Комиссия по политической работе среди военнопленных», которая вначале была органом Исполнительного комитета Коминтерна. После его роспуска эта комиссия организационно подчинялась Центральному Комитету КПСС, а ее деятельностью непосредственно руководило Международное отделение, возглавляемое Г. Димитровым [13, с. 8]. 7-отделение Политического управления Красной Армии занималось пропагандистской работой среди военнопленных. 8 октября 1941 г. в лагере № 58 была проведена конференция, в которой принимали участие немецкие, австрийские, румынские, венгерские и финские военнопленные. На конференции прозвучали призывы, с которыми военнопленные должны были обратиться к населению своей страны. Тексты этих обращений почти идентичны по содержанию и не соответствовали реальностям того времени. Целенаправленная антифашистская воспитательная работа среди военнопленных началась зимой 1941-1942 гг. Важным вспомогательным средством этой работы служили газеты для военнопленных. В ноябре 1941 г. начала издаваться первая газета для немецких военнопленных «Свободное слово». Редакцией этого информационного бюллетеня руководили немецкие политэмигранты-коммунисты и советские служащие 7-го отделения. В 1942 году появились газеты для военнопленных других национальностей: «Голос свободы» для румын, «Верное слово» для венгров, «Утренняя заря» для итальянцев. С ноября 1944 года издавался «Бюллетень» для австрийских солдат Вермахта. Для антифашистской воспитательной работы нужны были коммунисты-эмигранты из стран Восточной и Центральной Европы. Это должны были быть люди, которые имели определенный уровень образования для ведения идеологической работы, и прежде всего, безусловно преданные Советскому Союзу. 7-отделение эту работу возложило на немца Вальтера Ульбрихта, венгра Матиаса Ракоши и румынке Анну Паукер. Однако в этот период пропагандистская работа интенсивно проводилась только среди немецких военнопленных.

Немецкая армия, готовившая новое наступление на Кавказ и Сталинград, решила поберечь свои основные силы и в 1942 году на фронтах от Воронежа до Сталинграда широко использовала подразделения союзников. В результате зимой 1942-1943 гг. более 250 000 солдат – румын, итальянцев и венгров оказались в советском плену [7, с. 100]. Это новое положение дел давало возможность политическим органам Красной Армии в полном объеме организовать политико-

воспитательную работу среди военнопленных армий союзников Германии. Советские органы пропаганды с первых дней войны пытались вбить клин между немцами и их союзниками на восточном фронте и тем самым ослабить их военное сотрудничество. Вместе с тем агитаторы – румынские коммунисты были правильно проинструктированы о содержании пропагандистской работы: они уже не говорили о необходимости свержения диктатуры Антонеску, о восточных границах Румынии (о возвращении Бесарабии и Буковины), вся пропаганда среди румынских военнопленных строилась вокруг проблемы возвращения северной Трансильвании, которую в августе 1940 года Венгрия присоединила к себе при поддержке Германии и Италии. Военнопленных румын призывали присоединиться к Красной Армии, готовой помочь им в борьбе против немцев, препятствующих возвращению Трансильвании.

Весной 1943 года венгерские военнопленные размещались в различных лагерях между Москвой и Уралом, преобладающая часть находилась в лагерях у Красногорска. Так как остатки разгромленной 2-венгерской армии были вывезены на родину, венгерская особая команда Красной Армии, занимающаяся пропагандистской работой на фронте, практически оставалась без работы. Поэтому членов этой команды направили в лагеря для ведения антифашистской работы среди венгерских военнопленных. В мае 1943 года в Красногорске открылась первая венгерская антифашистская школа. Около 40 выбранных военнопленных проходили полугодовой учебный курс политического образования. Они слушали лекции о марксистском понимании венгерской истории, об основах марксистской философии, политэкономии, а также по истории КПСС. Учебным курсом руководил философ-марксист, один из руководителей венгерских коммунистов-эмигрантов Ласло Рудас. В 1944 году школы антифашистов открылись в лагерях № 165 и № 178, расположенных на Украине. В начале июня 1943 года руководство венгерской коммунистической партии начало подготовку к созданию центрального органа венгерского антифашистского движения – Венгерского национального комитета. За появлением Венгерского национального комитета должно было последовать формирование Венгерского легиона из добровольцев-военнопленных. Это подразделение должно было называться «Лайош Кошут», в честь венгерского государственного деятеля и предводителя освободительной борьбы Венгрии 1848-1849 гг. против Габсбургов. Самый высокий по рангу среди венгерских военнопленных в Советском Союзе был генерал-лейтенант граф Маркел Штомм. Коммунисты хотели выбрать его председателем национального комитета. Генерал, аристократ шотландского происхождения, еще до войны был настроен против национал-социализма, но он не был сторонником идеи большевизации Венгрии. Прежде чем дать согласие, генерал Штомм встречался с руководителями коммунистов, бывшим венгерским военным атташе в Москве генерал-майором Ласло Дезё. 20 июля 1943 г. в лагере № 74 по инициативе коммунистов был принят призыв к созданию Венгерского национального комитета. Призыв был направлен против Гитлера и национал-социалистов, против бесполезной для Венгрии «немецкой войны». [7, с. 112-113].

Привлечение японских военнопленных в борьбу против фашистского блока ограничилось подписанием нескольких писем антивоенного характера. 29 мая 1946 года 782 японских военнопленных из Семеновского лагеря подписали обращение ко всем японским солдатам и офицерам, находящимся в Советском Союзе и к японскому народу. Содержание обращения созвучно советской агитационной литературе послевоенного периода: Мы, военнопленные японские солдаты и офицеры, находясь в Советском Союзе, много передумали о судьбе нашей родины и убедились в том, что японское агрессивное правительство на всем протяжении своего существования ставило своей целью захват чужих земель и порабощение народов. Японское правительство вело длительную несправедливую войну с Китаем и проводило агрессивную политику в отношении Советского Союза. ...Японское агрессивное правительство вело несправедливые захватнические войны с целью наживы отдельной кучки буржуазии, капиталистов и милитаристов вопреки интересам народа и отечества. ...Мы, военнопленные солдаты и офицеры, убедились в том, что пока у власти будут стоять крупная буржуазия и верхушка военщины, японский народ не избежит длительного разорения, нищеты и голода. Мы, военнопленные солдаты и офицеры, порываем всякую связь с японским агрессивным правительством и требуем создания нового демократического правительства...» [14, с. 268-269]. 11 военнопленных японских офицеров из Тамбовского лагеря № 188 написали заявление в Международный Военный трибунал с требованием осуждения и строгого наказания бывших премьер-министров Японии Тодзио, Коисо, Хирота и бывшего министра внутренних дел Абе.

Идейно-политическая обработка бывших солдат и офицеров Вермахта. В пропагандистской работе среди немецких военнопленных приоритет отдавался именно идейно-политической обработке бывших солдат и офицеров Вермахта. Уже 28 сентября 1941 года Г. Димитров послал руководителю управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных майору П.К. Сопруненко письмо с приложением списка эмигрантов-коммунистов, рекомендуемых для политической работы среди немецких военнопленных. Кандидатуры немецких коммунистов были предварительно обсуждены и согласованы с руководителем Политического управления Красной Армии А. Щербаковым. 30 сентября 1941 г. заместитель народного комиссара внутренних дел СССР Иван Зеров утвердил список агитаторов [13, с. 8].

В ноябре 1941 года московское радио передало сообщение о конференции немецких военнопленных, состоявшейся 8 октября 1941 г. Участники конференции призывали своих

соотечественников и служащих Вермахта бороться против нацизма и содействовать скорейшему окончанию войны. 11 ноября заместитель народного комиссара иностранных дел С. Лозовский на пресс-конференции информировал иностранных журналистов о том, что немецкие военнопленные включились в антифашистскую борьбу, они на своем собрании приняли «Обращение немецкому народу». С. Лозовский показал оригинал этого документа с подписями 158 немецких военнопленных и раздал им фотокопии [15, с. 65].

С ноября 1941 года с целью усиления антифашистской воспитательной работы начала издаваться газета для немецких военнопленных «Свободное слово». Редакцией этого информационного бюллетеня руководили немецкие политические эмигранты-коммунисты и советские служащие 7-отделения. Весной 1942 года по московскому радио прозвучал призыв к немецкому народу, подписанный 765 военнопленными из лагеря № 78 и 805 военнопленными из лагеря № 74. С 30 июля по 5 сентября 1942 года Московское радио непрерывно передавало письма-обращения 1 037 военнопленных, где они призывали солдат и офицеров Вермахта сдаться в плен для того, чтобы остаться в живых и после войны вновь встретиться с семьей [16].

В начале лета 1943 года Коммунистический интернационал возродил политику создания единого антифашистского народного фронта, принятую в 1935 году на VII конгрессе, и под этим лозунгом в советских военных лагерях для пленных началась интенсивная кампания по вербовке немецких солдат. 27 мая 1943 г. руководители немецких коммунистов-эмигрантов внесли предложение в Политбюро ЦК КПГ об образовании немецкого комитета по борьбе против войны и нацистской тирании. В начале июля 1943 года Д. Мануильский передал немецким коммунистам намерение И.В. Сталина создать из всех настроенных против фашизма немцев национальный комитет, деятельность которого будет направлена на единство всех патриотических сил в борьбе с нацизмом. Изменились также стиль и формы пропагандистской работы. Вместо массовых митингов проводились личные беседы с каждым военнопленным. Сначала делегации коммунистов-эмигрантов и военнопленных солдат, которые собрались в начале июля 1943 года в Красногорске, чтобы создать национальный комитет «Свободная Германия», не могли договориться о содержании текста соответствующего манифеста. Национальные тезисы и коммунистические классовые лозунги противоречили друг другу. После долгого безрезультатного обсуждения вмешались советские сотрудники, которые предложили принять во внимание аргументы военнопленных; в итоге первоначальный текст, подготовленный Вальтером Ульбрихтом, полностью был изменен [17, с. 67].

После соответствующей подготовительной работы 12–13 июля 1943 г. в Красногорском лагере для военнопленных была организована конференция немецких военнопленных. Среди 208 участников конференции были делегаты от военнопленных из 18 лагерей и представители политэмигрантов. Конференция проходила в городском клубе, где присутствовал черно-белокрасный цвет – знак Германской империи, что означало единство всех слоев немецкого общества в борьбе против фашизма. На конференции обсуждались проблемы освобождения Германии от фашистского господства. Политэмигрант Э. Вайнерг рассказал о необходимости создания Национального комитета «Свободная Германия». Выступление капитана доктора Э. Хадерманна содержало анализ идеологии фашизма. В выступлениях других ораторов прозвучали обвинения против фашизма за трагическую судьбу Германии. Все ораторы единогласно поддерживали, как и следовало ожидать, предложение антифашистского актива Красногорского лагеря № 27 об образовании в СССР Национального комитета «Свободная Германия» (НКСТ). В состав Комитета вошли 25 военнопленных и 13 немецких политэмигрантов [18]. 13 июля НКСТ провозгласил Манифест «К вермахту и немецкому народу!». Комитет объявил своей целью свержение Гитлера, прекращение войны и сохранение независимости Германии: «События требуют от нас, немцев, немедленного решения. В этот час величайшей опасности для существования Германии и ее будущего создан Национальный комитет «Свободная Германия». В состав Национального комитета входят рабочие и писатели, солдаты и офицеры, профсоюзные деятели и политики, люди всех политических и мировоззренческих направлений, которые еще год назад считали такое объединение невозможным. Национальный комитет выражает мысли и волю миллионов немцев на фронте и в тылу, которым дорога судьба их отечества. Национальный комитет считает себя имеющим право и обязанность в этот судьбоносный час говорить от имени всего немецкого народа, ясно и беспощадно, как того требует положение. Гитлер ведет Германию к гибели.... Факты доказывают: война проиграна. Германия может только затягивать ее ценой неизмеримых жертв и лишений. Дальнейшее продолжение бесперспективной войны означало бы конец нации. Но Германия не должна погибнуть! Дело идет сейчас о том, быть или не быть нашему отечеству. Если немецкий народ и дальше будет безвольно и без сопротивления позволять вести себя в пучину гибели, то с каждым днем войны он будет становиться не только все слабее и бессильнее, но и все виновнее. Тогда Гитлер будет свергнут только оружием коалиции. Это означало бы конец нашей национальной свободы и нашего государства. И нам некого было бы тогда обвинять в этом, кроме самих себя. Но если немецкий народ одумается вовремя и своими делами докажет, что хочет быть свободным народом и полон решимости освободить Германию от Гитлера, он завоюет себе право самому определять свою будущую судьбу и быть выслушанным всем остальным миром. Это единственный путь к спасению существования, свободы и чести немецкой нации! Немецкий народ нуждается в мире и хочет его незамедлительно.

Но с Гитлером никто мира не заключит. Да никто и не пойдет на переговоры с ним. Поэтому образование истинно германского правительства неотложнейшая задача нашего народа. Только оно будет пользоваться доверием народа и его бывших противников. Только оно сможет принести мир. Такое правительство должно тотчас же прекратить войну, отвести германские войска к границе рейха и начать мирные переговоры, отказавшись от всех захваченных областей. Так будет достигнут мир, а Германия вернется в сообщество равноправных народов. Только оно даст немецкому народу возможность в условиях мира свободно провозгласить свою волю и суверенно установить свой государственный строй. Цель такова: свободная Германия». 19 июля была учреждена газета НКСГ «Neues Deutschland». В июле-августе 1943 года Министерство иностранных дел Германии, Верховное командование Вермахта и службы безопасности располагали обстоятельной информацией о составе НКСГ [19, с. 18].

Во всех лагерях для военнопленных (и в СССР, и в Германии) имелись информаторы, которые докладывали начальству лагерей о настроении пленных. 22 июля 1943 г. один из этих осведомителей сообщил о реакции пленных немецких офицеров на создание Национального комитета «Свободная Германия». Большинство офицеров сказали, что они не могут присоединиться к движению по следующим причинам: во-первых, это движение не является национальным фронтом борьбы против немецкого фашизма, оно служит прикрытием для Коммунистической партии Германии; во-вторых, приемлемы не все методы и пути для свержения гитлеровского правительства; в-третьих, во главе этого движения должны были стоять известные люди – генералы и влиятельные лица в вермахте.

Безуспешность летних наступлений Вермахта на Восточном фронте и удачные воздушные операции союзников в Сицилии создали благоприятные предпосылки для изменения взглядов генералов на антифашистское движение среди военнопленных. Однако они не хотели присоединяться к Национальному комитету «Свободная Германия», поэтому советское руководство решило создать новую организацию «Союз немецких офицеров» (СНО). 24 июля 1943 года 30 военнопленных офицеров, которые не присоединились к НКСГ, подписали призыв о создании отдельной организации немецких офицеров. В августе началась подготовка к основанию «Союза Немецких офицеров»; из числа офицеров, подписавших призыв, была создана инициативная группа. Члены инициативной группы проводили собрания в лагерях №№ 27, 48, 74, 97 и 160, где в основном были сосредоточены немецкие офицеры. 11-12 сентября 1943 г. в Лунево было созвано Учредительное собрание, на котором присутствовали более 100 делегатов и представители НКСГ во главе с Э. Вайнертом. Собрание приняло решение о создании антифашистской офицерской организации военнопленных – «Союза немецких офицеров» [20, с. 66-67]. Вскоре после образования «Союз немецких офицеров» тесно слился с НКСГ.

К концу 1943 года НКСГ и СНО под давлением советских представителей вынуждены были изменить направление своей работы. Теперь деятельность движения «Свободная Германия» была направлена на организацию агитационной работы на фронтах. При содействии советского командования НКСГ создавал свои группы в лагерях и в воинских частях, действующих на фронте. Начиная со второй половины 1943 года в политическом управлении фронтов появляется должность «доверенного лица НКСГ», а в дивизиях – «помощник доверенного лица НКСГ». В Германии очень болезненно реагировали на создание НКСГ и «Союза немецких офицеров». В письме Главного управления имперской безопасности в Министерство иностранных дел от 3 августа 1943 г. создание НКСГ охарактеризовалось как «инициированная эмигрантами, пропагандистская, ловко организованная театральная постановка» [21].

После окончания войны Вальтер Ульбрихт и другие известные политэмигранты, также и военнопленные-антифашисты вернулись в Восточную Германию, и советское руководство в конце сентября 1945 года решило распустить обе организации немецких военнопленных. 30 октября 1945 г. было принято решение Политбюро ЦК КПСС о ликвидации НКСГ и СНО. 2 ноября 1945 года НКСГ провел последнее заседание, на котором президент Эрих Вайнерт огласил предложение о самороспуске.

В политических дискуссиях в послевоенной Германии движение «Свободная Германия» вначале не играло никакой роли. Только когда в конце 1955 года последние военнопленные вернулись домой из советских лагерей, заговорили о НКСГ и СНО. В ФРГ движение «Свободная Германия» рассматривалось как предательство, заслуживающее решительного осуждения. Военнопленные офицеры и солдаты немецкой армии, вступая в НКСГ и СНО, стремились бороться против нацизма, спасти свою родину от «коричневой чумы», способствовать скорейшему окончанию войны и возвращению домой. Однако судьба многих из них и их семей была искалечена в условиях противоборства двух тоталитарных систем.

Параллельно с созданием воинских частей и политических организаций из военнопленных шла и организация антифашистских политических курсов для военнопленных. В апреле-мае 1943 года в лагерь был направлен секретный приказ НКВД СССР № 00805 «Об организации антифашистских политических курсов военнопленных» [14, с. 175-176]. Целью политических курсов явилась подготовка антифашистского актива из среды военнопленных. Курсы были включены в состав Южского лагеря № 165. Подготовку на курсах должны были проходить 1 000 военнопленных. Впоследствии сложилась система подготовки антифашистских кадров, состоящая из политической

школы и политических курсов. В политическую школу принимались антифашистский актив военнопленных, прошедших учебу на политических курсах. Политическая школа работала при лагере № 27, а политические курсы – при лагере № 165. Военнопленные, подготовленные в антифашистских школах и курсах, видимо, должны были играть определенную роль в политике советского правительства в Центральной и Юго-Восточной Европе в первые послевоенные годы. Так, 27 июня 1946 г. министры внутренних дел республик и начальники управлений МВД краев и областей получили от МВД СССР указание установить точное количество военнопленных, окончивших антифашистскую школу и курсы, подготовить на каждого из них подробную характеристику, и самое главное, никуда не направлять их без санкции министерства. Приказом МВД СССР от 9 декабря 1946 г. были расширены обязанности Политического отдела при Главном управлении по делам военнопленных и интернированных и политических отделов лагерей для военнопленных (эти отделы были созданы в октябре 1946 года). Политические отделы теперь должны были руководить политической работой среди военнопленных, учебно-воспитательной работой в антифашистских школах и курсах, изданием газет и бюллетеней для военнопленных. Для выполнения этих задач при Политическом отделе ГУПВИ МВД СССР был создан отдел по антифашистской работе среди военнопленных [14, с. 133, 930].

Советская власть намеревалась использовать военнопленных и после войны в качестве агентов. В секретной директиве НКВД СССР № 489 об агентурной работе среди военнопленных от 7 октября 1943 г. всем народным комиссарам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам управления НКВД краев и областей предписывалось при перестройке агентурной работы среди военнопленных разных национальностей учитывать перспективы использования этих агентов в будущем. Намечались конкретные направления вербовочной работы: «по немецким военнопленным – в связи с активизацией работы Национального комитета «Свободная Германия» и «Союза немецких офицеров» проводится усиленная вербовка агентуры для внедрения ее в государственные, общественно-политические, научные, религиозные, спортивные и другие организации на послевоенный период; по румынским военнопленным – в октябре-ноябре с.г. проводится большая работа по формированию румынской пехотной дивизии, одновременно с этим проводится вербовочная работа на послевоенный период; по итальянским и венгерским военнопленным – в связи с тем, что задачи по созданию агентурно-политических организаций еще не конкретизированы, работа должна быть направлена на вербовку агентуры на будущее; по военнопленным славянских национальностей – в октябре-ноябре с.г. проводится проверка этих военнопленных для отбора из них кадров в национальные части (польскую, чехословацкую). Наряду с этим проводится усиленная вербовка агентуры для использования ее в послевоенный период» [14, с. 731].

Политико-воспитательная работа среди военнопленных продолжалась вплоть до их возвращения на родину. В соответствии с директивами Главного политического управления Вооруженных сил СССР от 13 декабря 1946 г. и от 17 июля 1947 г. во всех лагерях, на сборных пунктах и в пути следования транспорта с военнопленными проводилась агитационная работа, среди них распространялись книги, в частности, «Краткий курс истории ВКП(б)», переведенный на иностранные языки. На лекциях, беседах, при показе кинофильмов пропагандировались экономические и культурные достижения Советского Союза, преимущество социалистической системы, классовое равенство и дружба народов в советской стране.

Заключение. Война как столкновение материальных и моральных сил осуществляется не только материальными средствами, но в ней используются также и людские ресурсы, поэтому в период войны становятся разные политические, идеологические и духовные ценности. Защита какого из них становится приоритетной целью государства-участника войны определяется содержанием его внутренней политики. Нацистская и сталинская власти превратили военнопленных в инструмент демонстрации превосходства своей идеологии, используя их в пропагандистских, политических и военных целях. Современное человечество переживает времена переосмысливания войны и мира. Разумеется, этот процесс будет долгим и сложным. Переосмысление будет касаться именно понимания соотношения глобальных политических целей, выдвинутых и реализованных идей воюющих сторон и человеческих судеб.

Примечания:

1. Бланк А.С., Левель Б. Наша цель – свободная Германия. Из истории антифашистского движения «Свободная Германия» 1943–1945 гг. М.: Мысль, 1969. 293 с.
2. Шевченко А.М. Национальный комитет «Свободная Германия» в действии // Ежегодник германской истории. Москва: Наука, 1974. С. 402-410.
3. Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда: Изд-во Вологодского ИПК, 1996. 318 с.; Конасов В.Б. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект проблемы. М.: Институт военной истории МО РФ, 1998. 163 с.; Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. Вологда: Вологодский ИРО, 2002. 231 с.
4. Всеволодов В.А. «Срок хранения – постоянно!» Краткая история лагеря военнопленных и

интернированных УПВИ НКВД-МВД СССР № 27. Москва: Мемориальный музей немецких антифашистов, 2003. 272 с.

5. Ежова Г.В. Великая Отечественная война и антифашистское движение «Свободная Германия»: историко-сравнительный анализ российской и немецкой литературы: автореф. дис. ... док. ист. наук. СПб., 1998. 40 с.

6. Смыкалин А.С. Создание агентурной сети среди военнопленных немцев в СССР // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 147-150.

7. Gosztony P. Stalins fremde Heere. Das Schicksal der nichtsovjetschen Truppen im Ramen der Roten Armee 1941-1945. Bonn: Bernard und Graefe, 1991. 307 S.

8. Buchbender O. Das tönende Erz. Deutsche Propaganda gegen die Rote Armee im Zweiten Weltkrieg. Stuttgart: Seewald, 1978. 378 s.

9. Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin). R 105186. Bd. 19.

10. Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708; Оп. 6/1. Д. 539.

11. Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin). R 105169. Bd. 5.

12. Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin). R 105167. Bd. 3.

13. Reschin L. General zwischen den Fronten: Walter von Seidlitz in sowjetischer Kriegsgefangenschaft und Haft 1943-1955. Berlin: Verlags-GmbH, 1995. 145 S.

14. Военнопленные в СССР. 1939-1956. Документы и материалы / под ред. М.М. Загорулько. М.: Логос, 2000. 1120 с.

15. Bundesarchiv – Militärarchiv (Freiburg). RW 5v/506.

16. Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin). Mikrofische 2095.

17. Fischer A. Vergebliches Ringen um das deutsche Ostheer. Nationalkomitee «Freies Deutschland» und Bund Deutscher Offiziere // Kriegsgefangene – Wojennoplennye: sowjetische Kriegsgefangene in Deutschland, deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. Düsseldorf: Droste Verlag, 1995. S. 66-71.

18. Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin). Mikrofische 1807.

19. Bundesarchiv – Militärarchiv (Freiburg). RW 5/464.

20. Kriegsgefangene / Wojennoplennye. Sowjetische Kriegsgefangene in Deutschland – Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. Hrsg. Haus der Geschichte BRD. Düsseldorf: Droste Verlag, 1995. 206 s.

21. Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin), Inland II Geheim, Akten Nr. 32.

References:

1. Blank A.S., Level B. Nacha szel – svobodnaja Germanja. Iz istorii antifachistskogo dvizhenja “Svobodnaja Germanja” 1943-1945 gg. Moskva: Mysl, 1969. 293 s.

2. Chefchenko A.M. Naszionalnyj komitet “Svobodnaja Germanja” v dejstvii // Ezhegodnik germanskoj istorii. Moskva: Nauka. S. 402-410.

3. Konasov V.B. Sudby nemeszkih voennoplennyh v SSSR: diplomateskie, pravovye I politicheskie aspekty problemy. Vologda: Izd-vo Vologodskogo IPK, 1996. 318 s. Konasov V.B., Kuzminyh A.L. Nemeszkie voennoplennye v SSSR: istoriografja, bibliografja, spravocno-ponjatiinyj apparat. Vologda: Vologodskij IRO, 2002. 231 s.

4. Vsevolodov B.A. “Srok hranenja – postojnno!”. Kratkaja istorja lagerja voennoplennyh I internirovannyh UPVI NKVD-MVD SSSR №27. Moskva: Memorjalnyj muzej nemeszkih antifachistov, 2003. 272 s.

5. Ezhova G.V. Velikaja Otechestvennaja vojna i antifachistskoe dvizhenje “Svobodnaja Germanja”: istoriko-sravnitelnyj analiz rossijskoj I nemeszkoj literatury: avtoref. dis. ... dok. ist. nauk. SPb., 1998. 40 s.

6. Smykalin R. Sozdanie agenturnoj seti sredi voennoplennyh nemeszev v SSSR // Voprosy istorii. 1997. № 4. S. 147-150.

7. Gosztony P. Stalins fremde Heere. Das Schicksal der nichtsovjetschen Truppen im Ramen der Roten Armee 1941-1945. Bonn: Bernard und Graefe, 1991. 307 S.

8. Buchbender O. Das tönende Erz. Deutsche Propaganda gegen die Rote Armee im Zweiten Weltkrieg. Stuttgart: Seewald, 1978. 378 s.

9. Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin). R 105186. Bd. 19.

10. Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708; Оп. 6/1. Д. 539.

11. Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin). R 105169. Bd. 5.

12. Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin). R 105167. Bd. 3.

13. Reschin L. General zwischen den Fronten: Walter von Seidlitz in sowjetischer Kriegsgefangenschaft und Haft 1943-1955. Berlin: Verlags-GmbH, 1995. 145 S.

14. Voennoplennye v SSSR. 1939-1956. Dokumenty imaterialy / pod red. M.M. Zagorulko. Moskva: Logos, 2000. 1120 s.

15. Bundesarchiv – Militärarchiv (Freiburg). RW 5v/506.

16. Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin). Mikrofische 2095.

17. Fischer A. Vergebliches Ringen um das deutsche Ostheer. Nationalkomitee «Freies Deutschland» und Bund Deutscher Offiziere // Kriegsgefangene – Wojennoplennye: sowjetische Kriegsgefangene in Deutschland, deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. Düsseldorf: Droste Verlag, 1995. S. 66-71.

18. Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin). Mikrofische 1807.

19. Bundesarchiv – Militärarchiv (Freiburg). RW 5/464.
20. Kriegsgefangene / Wojennoplennye. Sowjetische Kriegsgefangene in Deutschland – Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. Hrsg. Haus der Geschichte BRD. Düsseldorf: Droste Verlag, 1995. 206 S.
21. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (Berlin), Inland II Geheim, Akten Nr. 32.

УДК 63.3(0)6

**Агитационно-пропагандистская работа
в советских лагерях для военнопленных**

Гульжаухар Какеновна Кокебаева

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан
050038 Алматы, пр. аль-Фараби, 71
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: kokebayeva@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема проведения агитационной работы среди военнопленных в советских лагерях, создание из военнопленных воинских частей и политических организаций. В период второй мировой войны противники использовали не только силу оружия, но и силу слова. Вооруженная борьба сопровождалась и информационной войной. Противники старались использовать все возможные средства для манипуляции сознанием людей. Основные направления агитационно-пропагандистской работы определялись «Советским бюро военно-политической пропаганды», а также 7-отделом Советской армии. В пропагандистской работе среди немецких военнопленных приоритет отдавался именно идейно-политической обработке бывших солдат и офицеров Вермахта. В результате анализа источников автор приходит к выводу, что в период второй мировой войны военнопленные стали объектом испытания средств и методов идеологической борьбы между воюющими странами.

Ключевые слова: военнопленные; Вторая мировая война; лагерь; агитация; пропаганда; идеологическая борьба; антифашистская школа; листовка.

UDC 93/94

**The Russian Orthodox and Catholic Church in 1980 – the 1990th Years:
to History of Relationship**

¹Larisa A. Koroleva

²Oleg V. Melnichenko

³Victor V. Zinchenko

⁴Natalya V. Miku

¹Penza state university architecture and constructions, Russian Federation

440028, Penza, German Titov St., 28

Dr (History), Professor

E-mail: la-karo@yandex.ru

²Assistant to the plenipotentiary the president of the Russian Federation in Volga federal district, Russian Federation

PhD (History), Associate Professor

440028, Penza, German Titov St., 28

E-mail: la-karo@yandex.ru

³Institute of the higher education National academy pedagogical sciences of Ukraine, Ukraine

08300, Kiev region,

Borispol, Bankovskaya St., 4-a

Dr (Philosophy), Professor

E-mail: zinchenko-viktor-viktorovich@mail.ru

⁴Penza state university architecture and constructions, Russian Federation

440028, Penza, German Titov St., 28

PhD (History), associate professor

E-mail: mikunatalja@rambler.ru

Abstract. In article relationship of Russian Orthodox Church and Catholic in 1980 – the 1990th years is considered. Dialogue development between them had not only internal political, but also foreign policy value. One of the most painful questions in relationship of Russian Orthodox Church and the question of the uniatsky church earlier existing in the territory of Ukraine and Belarus and restored in the second half of the 1980th years was Catholic. Divergences in a number of theological questions remained. In particular, it belonged to the doctrine confirmed with the Second Vatican Cathedral about Papal infallibility and a primacy of the Roman High priest. Peacekeeping activity was that sphere where the Russian Orthodox and Catholic churches most successfully cooperated though rivalry was present and here.

Keywords: Russian Orthodox Church; Catholic church; uniatsky church; peacekeeping activity.

Введение. Взаимоотношения Римско-католической церкви и Русской Православной всегда отличалась сложностью и неоднозначностью. Период 1980 – 1990-х годов не является исключением. Учитывая сравнительно небольшое количество верующих, исповедующих католицизм в стране, можно утверждать, что влияние Римско-католической церкви было весьма незначительным. Однако, во второй половине 1980-х годов развитие этих отношений, происходившее на фоне усиления кризисных явлений в стране, обострения межнациональных отношений в ряде областей и республик Советского Союза, в том числе в Литве, Латвии, Западной Украине, где доля верующих, исповедующих католицизм была значительно выше, нежели по стране в целом, приобрело особое значение. Развитие диалога между Русской Православной церковью и Римско-католической имело не только внутривосточное, но и внешнеполитическое значение.

Материалы и методы. При подготовке статьи использованы материалы фондов Российского Государственного архива новейшей истории (РГАНИ). В частности, протоколы заседаний Секретариата ЦК КПСС (материалы Ф. 89), а также документы общего, административного и идеологического отдела аппарата ЦК КПСС (Ф. 5).

В качестве теоретико-методологической основы исследования были выбраны следующие принципы: историзма; объективности; системности, объективного учета социально-личностного в предмете изучения и максимально возможная нейтрализация субъективного отношения исследователя при оценке и освещении фактов.

Результаты. Необходимо отметить, что межнациональные проблемы в ряде республик и областей Советского Союза существенно осложняли развитие диалога между Русской Православной церковью и Римско-католической. Достигнутые договоренности не всегда удавалось в полном объеме реализовать на практике. Одним из самых болезненных вопросов во взаимоотношениях Римско-католической церкви Русской Православной был вопрос об униатской церкви. Существовавшая с

конца XVI века на территории Украины и Белоруссии, униатская церковь была ликвидирована после Второй мировой войны, в 1946 году на Львовском соборе. Во второй половине 1980-х годов началось восстановление униатской церкви. Оно сопровождалось целым рядом конфликтов между униатскими и православными общинами, в первую очередь на Западной Украине. Негативную реакцию в СССР вызвало и решение Ватикана, принятое в одностороннем порядке, о назначении епископа католической церкви в Белоруссии [1]. По инициативе Русской Православной церкви 12–17 января 1990 года в Москве состоялась встреча с представителями Ватикана, посвященная проблеме восстановления униатской церкви. Незадолго до этого, в августе 1989 года, во время визита в Ватикан делегации Русской Православной церкви во главе с митрополитом Киевским и Галицким Филаретом, с целью вручения папе Иоанну Павлу II личного послания патриарха Пимена, посвященного проблеме униатской церкви в СССР, руководство РПЦ продемонстрировало, что «негативное отношение со стороны ватиканского руководства к предложениям, выдвинутым РПЦ, может поставить под вопрос межцерковный диалог между католической и всеми православными церквями» [2]. Выработанные в ходе московских встреч совместные «Рекомендации по нормализации отношений между православными и католиками восточного обряда в Западной Украине» были утверждены папой Иоанном-Павлом II 25 января 1990 г. и Архиерейским собором РПЦ 30–31 января 1990 г. В частности, была достигнута договоренность о том, что вопрос о принадлежности храмов на территории Западной Украины должна решать четырехсторонняя комиссия. В ее состав должны были войти представитель Ватикана, представитель Московского патриархата и представители католиков восточного обряда и православных Западной Украины [3]. Однако, на практике это не привело к снижению напряженности в данном регионе. Конфликтов между православными и униатскими общинами по поводу принадлежности храмов, начавшихся еще во второй половине 1980-х годов, не стало меньше. Во многом это было результатом той позиции, которую заняли местные партийные и правоохранительные органы власти. Они активно вмешивались во взаимоотношения конфликтующих общин, как правило, оказывая поддержку униатам [4]. На встрече, состоявшейся 1 февраля 1990 года, между постоянными членами Священного синода и секретарем ЦК КПСС А.И. Лукьяновым, архиепископ Смоленский и Калининградский, председатель отдела внешних церковных сношений Кирилл высказал опасения, что подобное развитие событий, а также игнорирование выработанных рекомендаций приведут к тому, что «католики в Ватикане увидят, что это – клочок бумаги, а их верующие всего достигают и без русской церкви» [5].

Вопрос об униатах – не единственное, что осложняло отношения двух христианских церквей. Однако, несомненно, что он более всего осложнял их в 1980–1990-е годы. В 1987 году в Италии вышел сборник интервью патриарха Пимена, в котором немалое место было уделено отношениям между Русской Православной церковью и Римско-католической. Патриарх отметил, что начиная с понтификата Папы Римского Иоанна XXIII диалог между обеими церквями развивался благоприятно. Немаловажную роль в этом сыграл декрет Второго Ватиканского Собора «Об экуменизме», который включал признание отцами Собора значимости Православных церквей, «сохранивших силу апостольской преемственности и истинных Таинств». Однако, оставались и определенные противоречия, затрудняющие диалог. В частности, это относилось к подтвержденному Вторым Ватиканским Собором учению о Папской непогрешимости и примате Римского Первосвященника. При этом Пимен с одобрением отозвался о содержащемся в энциклике Папы Иоанна Павла II «*Slavorum Apostoli*» тезисе о необходимости взаимодействия и консолидации всей Европы в контексте мирного сосуществования, которое представляется как выход из недопонимания, предубеждения, мировоззренческих противостояний [6].

Можно утверждать, что миротворческая деятельность стала той сферой, где Русская Православная церковь и Римско-католическая достигли наибольшего взаимопонимания. Обе церкви были активными участниками движения за мир. По данным Совета по делам религий при Совете Министров СССР в 1984 году Русская Православная церковь внесла в фонд Мира и охраны памятников истории и культуры 33236 тысяч рублей [7].

11–13 февраля 1985 года в Москве состоялась конференция Круглого стола богословов и экспертов на тему «Новые опасности священному дару жизни и наши задачи». Это была не первая подобная конференция. В 1982 году в Москве состоялась конференция «Религиозные деятели за спасение священного дара жизни от ядерной катастрофы», в марте 1983 года – конференция Круглого стола «По вопросам экономических и нравственных последствий замораживания ядерных вооружений», а в апреле 1984 года – «Космос без оружия» [8].

На конференции «Новые опасности священному дару жизни и наши задачи», по приглашению Русской Православной церкви, присутствовали 60 религиозных деятелей и экспертов-ученых из 27 стран [9]. Митрополит Минский и Белорусский Филарет в своем выступлении подчеркнул: «Чтобы спасти жизнь разум должен перейти от ложного понимания национальной безопасности и узких национальных интересов к пониманию угрозы, нависшей сейчас над всем человечеством и самой жизнью». Он отметил, что перед религиозными деятелями стоит «задача пересмотра в принципе богословского отношения к войне, складывающегося на протяжении многих веков, ибо сегодня обстановка в мире изменилась» [10]. В рамках конференции были представлены четыре доклада о последних научных исследованиях. Доклад профессора Джорджа Сэрриера из Гарвардского

университета на тему «Ядерная зима: состояние науки» был зачитан профессором Брюсом Ригдоном из Чикаго. Доклад, основанный на данных советских исследований в данной области, был представлен академиком Борисом Раушенбахом. С докладами также выступили профессор Вилфред Бах из Мюнстерского университета, доктор Владимир Преображенский из Института Географии Академии Наук СССР [11] и другие. Доктор Хорхе Серрано из Центра экономических и социальных исследований Третьего Мира в Мехико также призвал к «тщательному изучению богословского, нравственного и философского содержания каждой религиозной традиции», чтобы прийти к общей основе нового международного нравственного порядка, основанного на преданности человечеству, а не узким национальным интересам [12].

После рассмотрения новых научных исследований о катастрофических последствиях ядерной войны участники конференции сделали совместное заявление. В нем говорилось, что все «желающие выжить, должны приложить все свои силы, чтобы сделать так, чтобы «ядерная зима» не наступила никогда» [13]. В ходе конференции обсуждалась тема «Пути, ведущие к миру, и нравственный порядок, требуемый для их укрепления». Участники конференции согласились с тем, что «мир – не просто политическая проблема, но в гораздо большей степени – нравственное требование, имеющее жизненно важное значение для всего человечества и всего живого». Они призвали США и Советский Союз «приложить все усилия для достижения долгосрочных соглашений, необходимых для прекращения гонки ядерных вооружений и движения к скорейшему уничтожению ядерного оружия» [14]. Участники конференции, как говорилось в заявлении, «с надеждой приветствовали переговоры между США и СССР по разработке действенных соглашений, направленных на предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве и на прекращение ее на земле, на ограничение и сокращение ядерных вооружений и на повышение стратегической стабильности» [15]. На конференции была особо отмечена роль неприсоединившихся стран в миротворческом процессе, а также подтверждена важность продолжения процесса, начавшегося десять лет назад подписанием Заключительного акта Хельсинки о безопасности в Европе.

Основной задачей на современном этапе, как было сказано в заявлении, должно было стать «воспитание в духе справедливого мира самих себя и наших верующих, а также общественности наших стран. Это воспитание должно вести к изменению мышления, от конфронтации и недоверия к дружбе, сотрудничеству, доверию и взаимному уважению» [16]. Участвующий в конференции главный муфтий Сирии, выступил с предложением «об учреждении специальной комиссии для поиска всемирной религиозно-философской доктрины мира, приемлемой для всех религий в качестве средства развития отношений братского сообщества между всеми народами, в качестве основы нового международного порядка». Это предложение получило поддержку на конференции. [17]. Помимо этого, участники конференции согласились с тем, что религиозные организации должны выражать свою поддержку возобновленному диалогу и переговорам между правительствами СССР и США; поддерживать усилия миротворческих движений; поддерживать существующие организации и процессы, способствующие диалогам и мирному разрешению конфликтов, такие как процесс Хельсинки и Организацию Объединенных Наций; организовывать визиты братьев по религии между странами, враждебно настроенными друг к другу и т.д. [18]. Участники конференции были приняты Патриархом Московским и всея Руси Пименом.

Однако, элемент соперничества присутствовал и здесь, в миротворческой деятельности. В январе 1986 года папа Иоанн Павел II выступил с инициативой провести молитвы за мир во всех национальных церквях и встречу руководителей всех церквей и некоторых религиозных международных организаций, посвященную вопросам сохранения мира (октябрь 1986 года, Италия). Ватикан обратился к главам церквей с просьбой высказать свои соображения по форме и содержанию проведения этой встречи. В связи с этим Совет по делам религий при Совете Министров СССР рекомендовал религиозным организациям высказать согласие с инициативой папы [19]. При этом в Совете по делам религий посчитали необходимым подчеркнуть, что в СССР практика проведения молитв за мир уже существует. Также было предложено «в ходе подготовки к международной встрече выдвинуть предложения о принятии ее участниками обращения ко всем религиозным организациям, к верующим всех стран с призывом активно выступать за полное прекращение испытаний ядерного оружия, ликвидацию ядерного и других видов оружия массового уничтожения, за мирный космос и другие». Предстоящую встречу планировалось использовать для развития широкого диалога церковных организаций СССР с зарубежными объединениями верующих, особенно католическими, «с целью вовлечения их в антивоенное движение, разъяснения мирной политики Советского государства» [20].

Участие Русской Православной церкви в миротворческом движении контролировалось Советом по делам религий при Совете Министров СССР. Председатель Совета по делам религий К.М. Харчев при этом заявил, что «римская курия стремится подчинить своему влиянию международные и национальные религиозные организации, возглавить миротворческую деятельность, направив ее в выгодное империалистическим кругам русло» [21]. Харчев также предложил рекомендовать «религиозным организациям Советского Союза высказать согласие с инициативой папы только в части проведения молитв за мир, отметив, что в нашей стране такая практика уже существует. Участие же религиозных представителей Советского Союза в названной встрече обусловить заранее

неприемлемыми для Ватикана контрпредложениями» [22]. Для этого Харчев считал необходимым «выдвинуть предложения о принятии обращения к главам государств и правительств с призывом взять на себя обязательства о неприменении первыми ядерного и других видов оружия массового уничтожения, прекратить их испытания, не допустить милитаризации космического пространства, добиваться полного и всеобщего разоружения к 2000 году» [23].

В 1987 году в советское посольство в Лондоне поступило письмо от одного из руководителей католической антивоенной организации «Пакс кристи интернэшнл» О. Мактернана, в котором он просил о приеме в ЦК КПСС на уровне члена Политбюро ЦК КПСС делегации этой организации во главе с ее президентом Ф. Кенигом. Зам. зав. международным отделом ЦК КПСС В. Загладин и зав. отделом пропаганды ЦК КПСС Ю.Скляров высказались за приглашение делегации. Однако, особо оговаривалось, что недельное пребывание делегации в Советском Союзе должно обойтись без посещения прибалтийских республик. Помимо этого, как было сказано, «принимая во внимание нынешнюю позицию Ватикана», была дана рекомендация о приеме членов делегации «на уровне заместителя заведующего одним из отделов ЦК КПСС» [24].

В 1991 году в Постановлении секретариата ЦК КПСС «О политике КПСС в религиозном вопросе в современных условиях» говорилось, что «КПСС поддерживает миротворческую деятельность религиозных организаций, их вклад в благотворительную, милосердную деятельность, утверждение общечеловеческих ценностей, предотвращение и прекращение межнациональных и межконфессиональных конфликтов» [25].

23 ноября 1988 года в АОН при ЦК КПСС состоялся «круглый стол» на тему «Проблемы свободы совести в условиях демократизации советского общества». Этому круглому столу придавалось важное значение для практической реализации идеи широкого общественного диалога, в том числе с представителями религиозных организаций. О необходимости подобного диалога заявил Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев во время встречи с патриархом и членами Синода Русской Православной церкви в апреле 1988 года [26].

Его участники обсуждали вопросы о статусе религиозных организаций в советском обществе, о характере советского государства, о долге и ответственности родителей, школы и церкви в формировании мировоззрения детей, а также об атеистической и религиозной пропаганде в условиях социалистического плюрализма мнений. В работе «круглого стола» приняли участие ученые, журналисты, а также представители Русской православной церкви, председатель литургической комиссии Римско-католических епархий Литвы ксендз Алюлис В.А., председатель Совета церкви адвентистов седьмого дня по РСФСР Кулаков М.П. и другие религиозные деятели. Кроме того, присутствовали представители Совета по делам религий при Совете Министров СССР, Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО при МИД СССР, Общественной комиссии международного сотрудничества по гуманитарным вопросам и правам человека Советского комитета за европейскую безопасность и сотрудничество и другие. Участники круглого стола подчеркивали, что местные органы власти далеко не всегда соблюдают положения закона о праве граждан отправлять религиозные культы. По мнению выступавших деятелей церкви, ограничения должны касаться вопросов невмешательства церкви в деятельность государства и сферу народного образования. Все «остальные области общественной жизни могут быть открыты для религиозных организаций» [27]. Однако, представители религиозных организаций единодушно высказались за обучение детей религии. При этом по вопросу «обучения детей религии» мнения религиозных деятелей разошлись. Если «иерархи РПЦ подчеркивали необходимость соблюдения принципа обучения детей религии частным образом, т.е. без материальной и организационной поддержки государства, то представитель католической церкви высказался против отделения школы от церкви» [28].

Участники также подчеркивали, что «будучи «светским» в теории, социалистическое государство является атеистическим по существу. Сохраняется и фактическое неравенство верующих и неверующих» [29]. Участвующие в «круглом столе» юристы заявили, что решение этой проблемы – «в развитии и расширении прав и свобод всех советских граждан. Укрепление гарантий свободного выражения религиозных взглядов, удовлетворения религиозных потребностей должно осуществляться в русле развития социалистического плюрализма мнений». В процессе обсуждения вопроса о свободе атеистической и религиозной пропаганды, деятели церкви высказались за расширение возможностей религиозной пропаганды [30]. В ректорате АОН при ЦК КПСС организацию, содержание и место проведения этого «круглого стола» посчитали недостаточно продуманными. В числе существенных недостатков указывались отсутствие среди участников «круглого стола» ведущих специалистов по указанной теме, а также случайный подбор священнослужителей. В результате, как сказано в записке, направленной в ЦК КПСС, выступления «свелись к общеизвестным, частным суждениям» [31].

Заключение. Во второй половине 1980–1990-х годов взаимоотношения Русской Православной церкви и Римско-католической были осложнены не столько наличием расхождений в богословских вопросах, сколько ситуацией, связанной с восстановлением униатской церкви. При этом следует отметить достаточно плодотворное сотрудничество Русской Православной и Римско-католической церкви в миротворческой деятельности, несмотря на имевшее место стремление к лидерству каждой из них в этой сфере.

Примечания:

1. РГАНИ. Ф.5. Оп.102. Д.258. Л.39.
2. РГАНИ. Ф.5. Оп.102. Д.256. Л.96.
3. РГАНИ. Ф.89. Пер.8. Д.41. Л.6.
4. РГАНИ. Ф.89. Пер.8. д.41. л.1 – 58.
5. РГАНИ. Ф.89. Пер.8. Д.41. Л.13.
6. Никитин В.А. Тысяча лет веры в России. Пимен, патриарх Московский и всея Руси, дает интервью Альчесте Сантини / В.А. Никитин // Журнал Московской патриархии. 1988. №5. С.7.
7. РГАНИ. Ф.89. Оп.18. Д.97. Л.2.
8. РГАНИ. Ф.5. Оп.94. Д.100. Л.18.
9. РГАНИ. Ф.5. Оп.94. Д.100. Л.10 – 17.
10. РГАНИ. Ф.5. Оп.94. Д.100. Л.19.
11. РГАНИ. Ф.5. Оп.94. Д.100. Л.20 – 22.
12. РГАНИ. Ф.5. Оп.94. Д.100. Л.24 – 25.
13. РГАНИ. Ф.5. Оп.94. Д.100. Л.12.
14. РГАНИ. Ф.5. Оп.94. Д.100. Л.12 – 13.
15. РГАНИ. Ф.5. Оп.94. Д.100. Л.13.
16. РГАНИ. Ф.5. Оп.94. Д.100. Л.15.
17. РГАНИ. Ф.5. Оп.94. Д.100. Л.15.
18. РГАНИ. Ф.5. Оп.94. Д.100. Л.16 – 17.
19. РГАНИ. Ф.89. Оп.11. Д.46. Л.1.
20. РГАНИ. Ф.89. Оп.11. Д.46. Л.1 – 2.
21. РГАНИ. Ф.89. Оп.11. Д.46. Л.4.
22. РГАНИ. Ф.89. Оп.11. Д.46. Л.4.
23. РГАНИ. Ф.89. Оп.11. Д.46. Л.4 – 5.
24. РГАНИ. Ф.89. Оп.11. Д.52. Л.1 – 2.
25. РГАНИ. Ф.89. Оп.20. Д.66. Л.8.
26. РГАНИ. Ф.5. Оп.102. Д.256. Л.8.
27. РГАНИ. Ф.5. Оп.102. Д.256. Л. 9.
28. РГАНИ. Ф.5. Оп.102. Д.256. Л.10.
29. РГАНИ. Ф.5. Оп.102. Д.256. Л.9.
30. РГАНИ. Ф.5. Оп.102. Д.256. Л.11.
31. РГАНИ. Ф.5. Оп.102. Д.256. Л.13.

References:

1. RGANI. F.5. Op.102. D.258. L.39.
2. RGANI. F.5. Op.102. D.256. L.96.
3. RGANI. F.89. Per.8. D.41. L.6.
4. RGANI. F.89. Per.8. d.41. l.1 – 58.
5. RGANI. F.89. Per.8. D.41. L.13.
6. Nikitin V.A. Tysyacha let very v Rossii. Pimen, patriarkh Moskovskii i vseya Rusi, daet interv'yu Al'cheste Santini / V.A. Nikitin // Zhurnal Moskovskoi patriarkhii. 1988. №5. S.7.
7. RGANI. F.89. Op.18. D.97. L.2.
8. RGANI. F.5. Op.94. D.100. L.18.
9. RGANI. F.5. Op.94. D.100. L.10 – 17.
10. RGANI. F.5. Op.94. D.100. L.19.
11. RGANI. F.5. Op.94. D.100. L.20 – 22.
12. RGANI. F.5. Op.94. D.100. L.24 – 25.
13. RGANI. F.5. Op.94. D.100. L.12.
14. RGANI. F.5. Op.94. D.100. L.12 – 13.
15. RGANI. F.5. Op.94. D.100. L.13.
16. RGANI. F.5. Op.94. D.100. L.15.
17. RGANI. F.5. Op.94. D.100. L.15.
18. RGANI. F.5. Op.94. D.100. L.16 – 17.
19. RGANI. F.89. Op.11. D.46. L.1.
20. RGANI. F.89. Op.11. D.46. L.1 – 2.
21. RGANI. F.89. Op.11. D.46. L.4.
22. RGANI. F.89. Op.11. D.46. L.4.
23. RGANI. F.89. Op.11. D.46. L.4 – 5.
24. RGANI. F.89. Op.11. D.52. L.1 – 2.
25. RGANI. F.89. Op.20. D.66. L.8.
26. RGANI. F.5. Op.102. D.256. L.8.
27. RGANI. F.5. Op.102. D.256. L. 9.

28. RGANI. F.5. Op.102. D.256. L.10.
29. RGANI. F.5. Op.102. D.256. L.9.
30. RGANI. F.5. Op.102. D.256. L.11.
31. RGANI. F.5. Op.102. D.256. L.13.

УДК 93/94

**Русская православная и Римско-католическая церковь в 1980–1990-е годы:
к истории взаимоотношений**

¹Лариса Александровна Королева

²Олег Владимирович Мельниченко

³Виктор Викторович Зинченко

⁴Наталья Валентиновна Мику

¹Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация
440028, г. Пенза, ул. Германа Титова, 28

Доктор исторических наук, профессор

E-mail: la-karo@yandex.ru

²Помощник полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе
кандидат исторических наук, доцент

440028, г. Пенза, ул. Германа Титова, 28

E-mail: la-karo@yandex.ru

³Институт высшего образования Национальной академии педагогических наук Украины, Украина
08300, Киевская область, г. Борисполь, ул. Банковская, 4-а

доктор философских наук, профессор

E-mail: zinchenko-viktor-viktorovich@mail.ru

⁴Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация
440028, г. Пенза, ул. Германа Титова, 28

Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: mikunatalja@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются взаимоотношения Русской Православной церкви и Римско-католической в 1980–1990-е годы. Развитие диалога между ними имело не только внутривосточное, но и внешнеполитическое значение. Одним из самых болезненных вопросов во взаимоотношениях Русской Православной церкви и Римско-католической был вопрос об униатской церкви. Сохранялись расхождения в ряде богословских вопросов. Миротворческая деятельность была той сферой, где Русская Православная и Римско-католическая церкви наиболее успешно сотрудничали, хотя соперничество присутствовало и здесь.

Ключевые слова: Русская Православная церковь; Римско-католическая церковь; униатская церковь; миротворческая деятельность.

Vladimir Mikhaylovich Bubekin and Penza Region

¹Larisa A. Koroleva

²Alexey A. Korolev

³Victor V. Zinchenko

¹ Penza state university of architecture and construction, Russian Federation
Dr (history), Professor
440028 Penza Titov St. 28 / 440060 Penza Rachmaninov St. 20-234
la-koro@yandex.ru

² Penza state university of architecture and construction, Russian Federation
Dr (History), Professor
440028 Penza Titov St. 28 / 440060 Penza Rachmaninov St. 20-234
la-koro@yandex.ru

³ Institute of the higher education of National academy of pedagogical sciences of Ukraine, Ukraine
Dr (Philosophy), Professor
04053 g Kiev Artem St. 52 / A

Abstract. In article the initial stage of life - in the Penza region of the editor-in-chief of the newspaper «Komsomolskaya Pravda» of Vladimir Mikhaylovich Bubekin (1904-1940), the typical representative of the Soviet era of the 30th years of the XX century is considered. V.M. Bubekin since 1920 worked in Spassky district committee of Komsomol - the managing military and sports department, the responsible secretary; I published materials in the district newspaper «Plug I Molot». Bubekin participated in carrying out «Komsomol Christmas-tide», naval week, conferences of Russian Communistic Union of Youth; organizations of propaganda collectives, etc. In 1923 Bubekin transferred to work in provincial committee of Penza. It carried out duties of the manager of political educational department of provincial committee of Komsomol of Penza, entered an editorial board of the youth newspaper «Znamya Lenintsa». In Penza Bubekin's friendship with A.V. Kosarev, future first secretary of the Central Committee of All-Union Leninist Young Communist League began. Since 1925 Bubekin works in Chelyabinsk, from where in 1930 it transfer to Moscow. In 1937 V.M. Bubekin was condemned for 10 years of imprisonment. In 1940 I died, being in prison.

Keywords: USSR; Penza province; Spassky district; Russian communistic union of youth; Vladimir Mikhaylovich Bubekin.

Введение. В российской истории практически нет ни одного крупного события, о котором нельзя было бы сказать: «Здесь мы поступили не совсем верно, следовало бы по-другому». Причем, теоретические разработки этих вопросов очень серьезные, на научной основе. Но как только дело доходит до реального воплощения, тут все и начинается, вернее, заканчивается. В таких случаях говорят: «Жизнь вносит свои коррективы». Но разве жизнь? Кто реализует эти теоретические выкладки? Люди. Конкретные живые люди.

Но это только сейчас начали называть отдельных людей, особенно, когда нужно найти «стрелочника», раньше предпочитали не вспоминать. И пятилетки сами выполнялись, заводы сами возводились, урожаи сами выращивались. История во многом была безликой.

В настоящее время мы пытаемся заполнить пробелы в истории, особенно связанные с личностями. И, наверно, имеет смысл рассказать об одном из тех, чьи имена были вычеркнуты из памяти в 1930-е годы.

Владимир Бубекин – типичный представитель советской эпохи 1930-х годов: от секретаря сельской комсомольской организации – до редактора центральной молодежной газеты, из провинции – в столицу. Именно такие, как он, одержимые идеей мировой социалистической революции, стремлением переделать все и вся, не имевшие достаточного образования, составляли тогда большинство молодежи. Они стали на какое-то время «хозяевами страны». Они поднимали молодое советское государство. Они верили Великому Сталину. Они вдруг стали врагами собственного народа.

Но в истории ничего не бывает вдруг, у всего есть свои причины и предпосылки.

Итак, как же все начиналось?

Материалы и методы. Материалами исследования явились архивные источники (Государственный архив Пензенской области, Центральный архив ВЛКСМ), материалы периодической печати («Молодой ленинец», «История и археология» и т.п.).

Методами исследования явились а) объективности; б) историзма; в) системности, г) полного учета социально-субъективного в предмете исследования и максимально возможная нейтрализация

предвзятого отношения ученого при интерпретации и оценке фактов. В силу возможностей, были использованы принципы социально-психологического подхода и принцип корректности и деликатности в оценке фактического материала, поскольку особенностью движения инакомыслящих была сильная нравственно-этическая компонента его участников. Помимо методологических принципов в исследовании были применены специально-исторические принципы: актуализации, диахронный, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический; а также общенаучные: классификации, статистический, структурно-системный.

Обсуждение результатов. Владимир Михайлович Бубекин родился в 1904 г. во Владимире. Отец его был чиновником, мать – домработницей. Затем отец умер, и мать вынуждена была идти работать. В Спасск (Беднодемьяновск) [1] В.М. Бубекин приехал вместе с матерью, братьями и сестрой.

В 16 лет он вступил в комсомол. Принимал активное участие в общественной жизни города. В 1920 г. был принят на работу в уездный комитет комсомола. Сначала работал заведующим военно-спортивного отдела: организовывал строительство спортивного клуба и стадиона, проводил спортивные соревнования. На его плечах, несмотря на молодой возраст, лежала вся военно-спортивная работа. При этом В.М. Бубекин успевал писать в уездную газету «Плуг и молот».

Зимой 1920 г. ответственного секретаря укома Николая Маркелова отозвали в Тамбовский губком (тогда Спасский уезд входил в Тамбовскую губернию). По его рекомендации Владимира Бубекина избирают ответсекретарем: «Это был исключительно живой и общительный парнишка... Хорошо пел, играл на рояле, устраивал массовые игры, - писал В.А. Митин, выпускник Беднодемьяновской школы II ступени [2].

В уком РКСМ Спасского уезда тогда входили Бубекин – ответственный секретарь, Артемов и Боруцкий – члены Бюро, Тихонов - инструктор, Медведев – технический работник и инструктор по работе с национальными меньшинствами (фамилия неизвестна) [3]. Деятельность Спасскома укома охватывала самые различные области, в его обязанности входило проведение «комсомольских святок», флотнедели, организация агитколлективов и т.д. Так, в декабре 1922 г. на заседании кружка активистов Спасской комсомольской городской организации рассматривался вопрос «О проведении флотнедели». Намечалось выпустить воззвания, подписные листы, расширить устную и письменную агитацию, устроить сбор пожертвований, поставить спектакли, организовать танцевальные вечера и прочие мероприятия. Ответственность за проведение и подготовку флотнедели возлагалась на тройку в составе Артемова, Саврасова и Бубекина [4].

В декабре того же года Бюро укома РКСМ Спасска приняло решение о создании агитколлектива под руководством Бубекина и Артемова. Помимо них в агитколлектив были включены Акулинин, Александровский, Богомазов, Боруцкий, Демидов, Дурманов, Зарин, Медведев, Михайловский, Пророков, Тихонов. Занятия должны были проводиться один раз в неделю [5]. Кроме того, В.М. Бубекин отвечал за работу пропагандистов, являлся председателем Совета физкультуры при укоме РКСМ.

Важнейшим событием в истории комсомольской организации Спасского уезда стала очередная XI конференция РКСМ, открывшаяся 16 сентября 1922 г. в 7 часов вечера. На ней присутствовало 39 делегатов, 45 членов РКСМ и 250 человек беспартийно молодежи. В.М. Бубекин принимал в конференции самое активное участие – неоднократно выступал, вносил различные предложения. Повестка включала 7 основных вопросов («О международном и внутреннем положении республики», «О системе политобразования в уезде», «О работе среди детей», «О методах политпросветработы», «Основные задачи экономработы в Спасском уезде». Он же говорил и вступительное слово, в котором отметил необходимость выработки новых аспектов комсомольской работы, выделив из них систему политобразования «как средство политико-культурного воспитания комсомольцев, способных в дальнейшем вести работу по намеченному пути к осуществлению заветной цели компартии – социализму» [6]. В своей речи В.М. Бубекин сказал, что завоевания Октябрьской революции отдали власть в руки рабочих и крестьян, и для закрепления этих завоеваний нужно быть технически и политически грамотными, разбираться в вопросах государственного строительства. Проводником знаний должна выступить трудящаяся молодежь, которая «после Великой Октябрьской революции получила право учиться, принадлежавшее раньше только буржуазии, и советская молодежь должна им воспользоваться в полной мере» [7]. С трибуны звучало: «Товарищ ЛЕНИН сказал: «Главная цель молодежи – учиться, учиться и учиться». Мы, собравшись здесь, должны в текущую зиму показать, что умеем проводить в жизнь слова наших «Вождей» [8]. В.М. Бубекин обращал особое внимание на то, что нельзя изучать историю без истории партии, через всю систему политического образования нужно проводить идеи интернационального воспитания молодежи, что было весьма важно для полинационального Поволжья. Другой важнейшей проблемой являлась «экономправовая» работа, как средства трудящейся молодежи в отстаивании своих прав, «добытых потом и кровью рабочих и крестьян».

В завершении работы конференции Бубекин предложил послать приветственную телеграмму В.И. Ленину, что было встречено бурными аплодисментами: «Москва – Кремль – т. Ленину. XI конференция РКСМ Спасского уезда Пензенской губернии приветствует тебя, дорогой Владимир

Ильич, и говорит: «Мы переживаем исторический момент: Ведь ты выздоравливаешь, ведь ты скоро станешь опять у руля мирового революционного движения. Мы же – твои ученики – идем по намеченному тобой пути, учимся. Да здравствует Ленинизм в Рабочем Движении и его соратник и вождь т. Ленин» [9].

На удивление актуально звучали слова В.М. Бубекина почти вековой давности: «Успех нашей работоспособности будет зависеть от деловых и осторожных подходов к каждому вопросу и от нашей спаянности и дисциплинированности. Знания должны быть системными и нужными, и вовсе не следует загружать комсомольцев непонятными для него вопросами. Итак, братва, за дело...» [10].

Отражением духовного настроения, поисков направлений воспитательной работы того времени является высказывание В.М. Бубекина в тезисах «О методах зимней политпросветработы» (1922 г.): «Совмещая два пути работы, влияние на разум и на чувство, последним увлекаться не нужно, и как цель таковую не ставить, преследовать нужно только одну цель – Коммунистическое воспитание» [11]. Следует сказать, что пороки, присущие молодежи в те далекие времена, сохранились и сейчас: «Из исключений (из комсомола) необходимо отметить исключение 3 членов за пьянство и 1 за уклонение от союзных обязанностей», упоминались случаи выхода ребят из Союза под давлением родителей [12].

Особым направлением работы укома являлся вопрос о НЭПе. В.М. Бубекин настойчиво подчеркивал: «Нужно постараться развить борьбу КСМ на идеологическом фронте, противопоставляя нэпманской и буржуазной идеологии свое коммунистическое мировоззрение, зная, какое большое значение имеет это в деле борьбы за освобождение трудящихся всего мира от власти капитала» (1922 г.) [13]. В 1923 г. он требовал проведения широкой подписной компании на «коммунистический журнал» - «Красные всходы», обосновывая это тем, что «влияние НЭПа легло на нас не только с практической, но и с экономической стороны. Развелось много разных изданий, имеющих целью захватить молодежь и завлечь в сторону мелкой буржуазной идеологии. С этим мы должны бороться – противопоставлять свою пролетарскую красную идеологию. Сами мы здесь не можем издавать литературы, но поддерживать красную существующую литературу мы можем и должны...» [14]. Правда, предложение не было принято.

Хотя в своих отчетах местная комсомольская организация подчеркивала удовлетворительное отношение молодежи к Союзу, ее интерес к комсомольской работе, тем не менее, В.М. Бубекин объективно замечал, что часть молодых людей относится скептически, на собрания ячейки и конференции ходит мало беспартийных, причем одни и те же. Спецификой местных комсомольских ячеек Пензенского региона являлось то, что некоторые из них в летний период прекращали свою деятельность в связи с занятостью членов на сельскохозяйственных работах. Спасская ячейка в этом смысле была весьма благополучной. В заслугу уездному комитету комсомола ставило, что он сумел предотвратить распад летом, более того, функционировали политкружки, драмкружки, литкружки, выпускались две устные газеты.

1920-м годам свойственны максимализм и категоричность. Так, 3 апреля 1923 г. на общем заседании членов и кандидатов РКСМ В.М. Бубекин предложил брать штраф с неявившихся без уважительной причины на собрание 5 рублей, с опоздавших с уважительной причиной – 3 рубля» [15].

И в 1920-х гг. сокращение аппарата чиновников вызывало у них стойкое противостояние. В.М. Бубекин по данному поводу направил письмо в столицу, в котором замечал, что «сокращение штатов отрицательно и пагубно сказывается на работе, так как объем работы не уменьшился, и работники, выполнявшие ранее лишь одно дело, теперь вынуждены заняться совершенно новой деятельностью» [16].

Крайне напряженный ритм жизни, изматывающая работа не могли бесследно пройти для человека. Здоровье Бубекина не выдержало. В мае 1923 г. он заболел сыпным тифом. Не успев окрепнуть, уже в июне В.М. Бубекин выходит на работу.

Но большое количество общественных нагрузок приводило к тому, что человек чисто физически не мог с ними справиться, тем более, после болезни, не говоря уже о качестве работы. Поэтому когда В.М. Бубекина прикрепили шефствовать за Зубовской ячейкой, он попросил снять с него обязанности предсовфизкультуры: «Ввиду перегруженности работы и в целях концентрации работы в одних руках» [17]. Просьба была удовлетворена.

Однако так и не удалось ему сосредоточить все свои силы на выполнении своей главной обязанности – ответственного секретаря укома. На общем собрании членов и кандидатов РКСМ Спасского городского Союза 17 июля 1923 г. ему было поручено организовать экскурсию в Зубово-Поляну, т.к. «плохой тот комсомолец, который не знает производства той страны, в которой он живет и не видит ничего дальше своего носа» [18]. И хотя были возражения: «Опыт прежних экскурсий ... показал, что от экскурсий кроме утомления и болезни ног, т.е. кроме плохого, ничего хорошего не остается», Бубекин активно агитировал за проведение мероприятия: «Экскурсия для многих является полезной прогулкой после повседневного сидения в учреждениях или дома за работой, а вместе с тем, из экскурсии можно почерпнуть много полезного для себя» [19].

Во все времена отказ от выполнения распоряжений вышестоящих организаций, пускай даже бессмысленных и абсурдных, грозил неприятностями. Бубекин также столкнулся с прессингом государственно-партийной машины. Бюро пензенского губкома издало приказ об откомандировании двух членов спасской комсомольской организации – Кириллова и Васильева – на подготовительные курсы по системе партобразования. Выполнить приказ не представлялось возможным, поскольку в то

время Васильев отсутствовал в Спасске, т.к. находился в отпуске, а Кириллов только что вернулся из совпартшколы. Об этом и было доложено, на что сразу же пришла телеграмма: «Лично. Секретно. Отв. Секретарю Спасского укоммола тов. Бубекину. Бюро Губкома в дополнение посланной ранее телеграмме предлагает с получением сего под Вашу личную ответственность выслать в распоряжение Губкома т.т. Васильева и Кириллова. В противном случае о Вас будет поставлен вопрос на Бюро Губкома как о секретаре Укома, не выполняющем директив Губернского комитета» [20].

Несмотря на все усилия комсомольцев и коммунистов, ситуация в Спасском районе складывалась неоднозначно. В сентябре 1923 г. Бубекин направил в Пензу закрытое письмо под грифом «Секретно»: «Настроение рабочей молодежи по отношению к Союзу по большей части пассивное и отчасти враждебное. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что чисто рабочей молодежи (пролетариата) в уезде нет, молодежь же, работающая на фабрике или железной дороге, с одной стороны, работает в предприятии, с другой стороны, занимается сельским хозяйством. Особо враждебных влияний на Союз не чувствовалось, за исключением родителей и родственников» [21].

Владимир Михайлович Бубекин зарекомендовал себя не только как активный и добросовестный работник, но и как хороший человек: «Душевный был человек. Его все любили», - вспоминал бывший секретарь комячейки с. Ширингуши С.Я. Тюньков [22].

И, пожалуй, никто не удивился, но, наверно, и не обрадовался, когда в уком поступил следующий документ:

«Выписка

из протокола заседания Пленума Губкома РКСМ от 26 сентября 1923 г.

Слушали: об использовании ... тов. Бубекина.

Постановили: тов. Бубекина взять для работы в Губернский комитет. Назначить председателем Губбюро Детской коммунистической группы» [23].

Работа В.М. Бубекина в Пензе была тесно связана с Александром Васильевичем Косаревым. Они не только хорошо знали друг друга, но и были друзьями. Вместе с Косаревым Владимир Бубекин входил в редколлегия молодежи газеты «Знамя ленинца».

В Пензе В.М. Бубекин исполнял обязанности заведующего политпросветотделом губернского комитета комсомола. Особое внимание как заведующий политпросветотделом Бубекин обращал на воспитательную работу среди только что вступивших в комсомольский союз: «Следует мобилизовать всю энергию, все средства на обслуживание молодых комсомольцев, повернуться лицом к ним. Задача воспитания новичков есть одна из важнейших и труднейших задач, стоящих в данное время перед комсомолом» [24]. Для новичков была составлена специальная программа занятий, ключевым моментом которой были вопросы истории партии и большевизма, в частности борьбы с троцкизмом: «Нельзя закрывать глаза на те опасности, которые вытекают из недостаточного знакомства части Союза с историей борьбы большевизма с проявлением оппортунизма, в частности и в особенности, троцкизма, и недостаточного проникновения в сущность троцкизма, понимания его вреда» [25]. Как заведующий политпросветотделом Бубекин занимался проведением антирелигиозного праздника «Вознесение», организацией Международного Юношеского дня и много другого [26].

В апреле 1925 г. В.М. Бубекин вступил в партию [27].

По поводу даты отъезда В.М. Бубекина из Пензы пока нет достаточной ясности. Так, местный краевед О. Савин пишет, что 15 сентября 1925 г. секретариат губкома партии рассмотрел (одновременно с А.В. Косаревым) вопрос «об отзыве т. Бубекина в распоряжение ЦК. Было принято решение: «с отзывом т. Бубекина согласиться». Но больше двух месяцев Владимир Михайлович еще находился в Пензе. 15 ноября приветствовал делегатов XVII губернской конференции РКП(б) от коммунистического Союза молодежи...» [28]. В документах Государственного архива Пензенской области подпись В.М. Бубекина как секретаря встречается в документах 1926 г. Сам Бубекин в анкете указывает, что с сентября 1925 г. работает в Челябинске [29].

Из Челябинска в 1930 г. В.М. Бубекина переводят в Москву, где судьба его вновь сводит с А.В. Косаревым. Закончился провинциальный период жизни Бубекина, начался столичный, связанный с «Комсомольской правдой».

В 1937 г. Владимир Михайлович Бубекин был арестован. Военной коллегией Верховного суда СССР был осужден на 10 лет лишения свободы. В 1940 г. умер, находясь в заключении.

В 1956 г. посмертно реабилитирован. В 1956 г. восстановлен в рядах КПСС. Пленум ЦК ВЛКСМ 1956 г. отменил постановление пленума от 1937 г. об исключении Бубекина из состава ЦК как неправильное.

Заключение. Судьба В.М. Бубекина – обычная и страшная для того времени нашей страны. Но нам нельзя отказываться от прошлого, забывать его. Напротив, необходимо исследовать те трагические страницы объективно, чтобы не допустить их повторения.

Примечания:

1. Спасский уезд – один из уездов Тамбовской губернии, в 1923 г. был передан в состав Пензенской губернии. В 1925 г. Спасск переименован в город Беднодемьяновск и уезд стал называться Беднодемьяновским.

2. Савин О. Жизнь – горение // Молодой ленинец. 1975. 20 мая. С. 3.
3. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 38. Оп. 1. Д. 114. Л. 11.
4. ГАПО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 114. Л. 9.
5. ГАПО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 114. Л. 13.
6. Королева Л.А., Мику Н.В., Молькин А.Н. XI конференция Российского Коммунистического Союза Молодежи Спасского уезда // История и археология. Март 2014. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://history.snauka.ru/2014/03/922> (дата обращения: 31.03.2014).
7. ГАПО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 114. Л. 31.
8. ГАПО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 114. Л. 31.
9. ГАПО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 114. Л. 35.
10. ГАПО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 114. Л. 32.
11. ГАПО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 99. Л. 16.
12. ГАПО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 99. Л. 17.
13. ГАПО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 84. Л. 65.
14. ГАПО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 84. Л. 84.
15. ГАПО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 114. Л. 122.
16. ГАПО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 114. Л. 141.
17. ГАПО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 84. Л. 85.
18. ГАПО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 99. Л. 21.
19. ГАПО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 99. Л. 22.
20. ГАПО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 114. Л. 173.
21. ГАПО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 84. Л. 76.
22. Савин О. Жизнь – горение // Молодой ленинец. 1975. 20 мая. С. 3.
23. ГАПО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 84. Л. 79.
24. ГАПО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 189. Л. 80.
25. ГАПО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 250. Л. 70.
26. Королева Л.А., Королев А.А., Молькин А.Н. Международный юношеский день в Пензенском регионе // История и археология. Март 2014. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://history.snauka.ru/2014/03/939> (дата обращения: 31.03.2014).
27. ЦА ВЛКСМ. Ф. 6. Оп. 7. Д. 17. Л. 1.
28. Савин О. Жизнь – горение // Молодой ленинец. 1975. 20 мая. С. 3.
29. ЦА ВЛКСМ. Ф. 6. Оп. 7. Д. 17. Л. 1.

References:

1. Spasskii uezd – odin iz uezdov Tambovskoi gubernii, v 1923 g. byl peredan v sostav Penzenskoi gubernii. V 1925 g. Spassk pereimenovan v gorod Bednodem'yanovsk i uezd stal nazyvatsya Bednodem'yanovskim.
2. Savin O. Zhizn' – gorenje // Molodoi leninets. 1975. 20 maya. S. 3.
3. Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti (GAPO). F. 38. Op. 1. D. 114. L. 11.
4. GAPO. F. 38. Op. 1. D. 114. L. 9.
5. GAPO. F. 38. Op. 1. D. 114. L. 13.
6. Koroleva L.A., Miku N.V., Mol'kin A.N. KhI konferentsiya Rossiiskogo Kommunisticheskogo Soyuza Molodezhi Spasskogo uezda // Istoriya i arkheologiya. – Mart 2014. - № 3 [Elektronnyi resurs]. URL: <http://history.snauka.ru/2014/03/922> (data obrashcheniya: 31.03.2014).
7. GAPO. F. 38. Op. 1. D. 114. L. 31.
8. GAPO. F. 38. Op. 1. D. 114. L. 31.
9. GAPO. F. 38. Op. 1. D. 114. L. 35.
10. GAPO. F. 38. Op. 1. D. 114. L. 32.
11. GAPO. F. 38. Op. 1. D. 99. L. 16.
12. GAPO. F. 38. Op. 1. D. 99. L. 17.
13. GAPO. F. 38. Op. 1. D. 84. L. 65.
14. GAPO. F. 38. Op. 1. D. 84. L. 84.
15. GAPO. F. 38. Op. 1. D. 114. L. 122.
16. GAPO. F. 38. Op. 1. D. 114. L. 141.
17. GAPO. F. 38. Op. 1. D. 84. L. 85.
18. GAPO. F. 38. Op. 1. D. 99. L. 21.
19. GAPO. F. 38. Op. 1. D. 99. L. 22.
20. GAPO. F. 38. Op. 1. D. 114. L. 173.
21. GAPO. F. 38. Op. 1. D. 84. L. 76.
22. Savin O. Zhizn' – gorenje // Molodoi leninets. 1975. 20 maya. S. 3.
23. GAPO. F. 38. Op. 1. D. 84. L. 79.
24. GAPO. F. 38. Op. 1. D. 189. L. 80.
25. GAPO. F. 38. Op. 1. D. 250. L. 70.

26. Koroleva L.A., Korolev A.A., Mol'kin A.N. Mezhdunarodnyi yunosheskiy den' v Penzenskom regione // Istoriya i arkheologiya. Mart 2014. № 3 [Elektronnyi resurs]. URL: <http://history.snauka.ru/2014/03/939> (data obrashcheniya: 31.03.2014).
27. TsA VLKSM. F. 6. Op. 7. D. 17. L. 1.
28. Savin O. Zhizn' – gorenje // Molodoi leninets. 1975. 20 maya. S. 3.
29. TsA VLKSM. F. 6. Op. 7. D. 17. L. 1.

УДК 94 (470.4)

Владимир Михайлович Бубекин и Пензенский край

¹ Лариса Александровна Королева

² Алексей Александрович Королев

³ Виктор Викторович Зинченко

¹ Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация
доктор исторических наук, профессор
440028 г. Пенза ул. Титова 28 / 440060 г. Пенза ул. Рахманинова 20-234
E-mail: a-koro@yandex.ru

² Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация
доктор исторических наук, профессор
440028 г. Пенза ул. Титова 28 / 440060 г. Пенза ул. Рахманинова 20-234

³ Институт высшего образования Национальной академии педагогических наук Украины, Украина
доктор философских наук, профессор
04053 г. Киев ул. Артема 52 / А

Аннотация. В статье рассматривается начальный период жизни – в Пензенском крае главного редактора газеты «Комсомольская правда» Владимира Михайловича Бубекина (1904–1940 гг.), типичного представителя советской эпохи 30-х годов XX в. В.М. Бубекин с 1920 г. работал в Спасском уездном комитете комсомола - заведующим военно-спортивным отделом, ответственным секретарем; публиковал материалы в уездной газете «Плуг и молот». Бубекин участвовал в проведении «комсомольских святок», флотнедели, конференций РКСМ; организации агитколлективов и т.п. В 1923 г. Бубекина перевели на работу в губернский комитет Пензы. Он выполнял обязанности заведующего политпросветотделом губернского комитета комсомола Пензы, входил в редколлегию молодежной газеты «Знамя ленинца». В Пензе началась дружба Бубекина с А.В. Косаревым, будущим первым секретарем ЦК ВЛКСМ. С 1925 г. Бубекин работает в Челябинске, откуда в 1930 г. его переводят в Москву. В 1937 г. В.М. Бубекин был осужден на 10 лет лишения свободы. В 1940 г. умер, находясь в заключении.

Ключевые слова: СССР; Пензенская губерния; Спасский уезд; Российский коммунистический союз молодежи; Владимир Михайлович Бубекин.

Historical Way of Sochi Development: From Resort to Olympic Games Host City

Irina N. Markaryan

Sochi branch Russian State Social University, Russian Federation
Plastunskaya street 151/1, Sochi city, Krasnodar Krai, 354000
PhD (Economy), Associate Professor
E-mail: 2703_irina@mail.ru

Abstract. The article traces historical way of destination development from resort to Winter Olympic Games host city, discloses the unusual method of natural resources use both for resort treatment and winter sports development. The characteristic of unique natural and climatic conditions and curative factors of the resort, such as mineral springs, landscapes, climate, Esto Sadok, Roza Khutor, Krasnaya Ployana, Laura ski resorts is presented. The article analyzes sports facilities and the use of Sochi as a center for athletes' rehabilitation. The future use of Olympic facilities, both exhibition, shopping and entertainment and business centers is revealed. The zone of international hospitality will enable Sochi to develop as international resort.

Keywords: resort; curative factors; Olympic Games; recreational resources; investment attractiveness; destination; alpine climatic resort; Krasnaya Polyana; mountain and coastal cluster.

Введение. Современный интерес к городу Сочи сложился исторически, в силу специфики природно-климатических условий, сочетания теплого моря и горных вершин Западного Кавказа. Данная территория имеет уникальный по своему компонентному набору рекреационный потенциал, который позволил курортному городу стать Олимпийской столицей.

Интерес к развитию города Сочи связан не только с проведением предстоящей зимней Олимпиады в 2014 году, эта местность в своем историческом ракурсе всегда притягивала тех, кто хотя бы раз здесь побывал.

В «Известиях Министерства Земледелия и Государственных Имуществ» России от 29 сентября 1902 года о Сочи писалось: «Чудный, дивный, прелестный уголок – Сочи. Кто только хоть раз вливал аромат здешной природы, вдыхая свежий жизнедательный воздух Черного моря, тоть никогда не забудеть те дивные дни, которые он провел въэтомъ очаровательном уголке...».[7, с. 1] Известный путешественник, профессор, географ и ботаник, исследователь климата почв, растительности Сочинского района в начале XX века (А.Н. Краснов, 1862-1914гг.), в 1900 году написал: «...Нет места во всей Российской империи, которое могло бы с Сочи сравниться, и разве только приатлантические Пиренеи и Западная Франция имеют что-либо подобное. Сочи – это наши Тулуза, Биарриц, Бордо, - но оно во многом выше их, так как оно теплее и живописнее» [8, с. 4].

Сочинский территориально-рекреационный комплекс имеет уникальный по своему компонентному набору рекреационный потенциал, который в историческом развитии поселения использовался по-разному, но всегда неизменным оставались: отдых, лечение, туризм, спорт, событийные и культурные мероприятия.

Прослеживая исторический путь развития Сочи, можно отметить, что официальное упоминание о нем начинается с 21 апреля 1838 года, когда было заложено военное укрепление-форт Александрия, через год переименованное в форт Навагинский [5, с.2]. Эта местность не сразу стала дестинацией, привлекательной для отдыха и туризма. Место было заболоченным, леса непроходимы, спуски к морю оползневые и обрывистые, местные горские племена настроены воинственно. Но постепенно всё менялось к лучшему. Были найдены целебные источники типа Мацеста, построено Новороссийско-Сухумское шоссе в конце XIX века, а в начале XX (в 1916 г.) пришел первый поезд на станцию Сочи.

Но местность ещё не стала курортом, нужно было осушить болота, построить на море причалы, научиться сельскому хозяйству в особых климатических условиях.

В конце XIX– начале XX века посад Сочи и прилегающие к нему земли приобретают значение курортной местности [6, с. 85]. Здесь строятся дачи, гостиницы, лечебницы, открываются первые санаторно-курортные учреждения, закладываются сады и парки. В этот же период начинает функционировать и курорт Мацеста с сероводородными источниками.

Газета «Сочинский листок» за 1913 год об открытии курорта Мацеста писала: «15 сентября 1902 года происходило освещение ванного здания около Мацестинских серных источников близ Сочи. Таким образом можно сказать, зародился первый курорт на Черноморском побережье Кавказа, первый в Черноморской Губернии» [7, с. 1]. Впервые Сочи, как будущую климатическую станцию, в 1882 году описал доктор К.С. Бахутов. Русское правительство обратило свое внимание на Сочи только после 1894 года, когда здесь побывал министр земледелия и государственных имуществ России А.С. Ермолов (1846-1917 гг.). Именно он положил начало Сочи как курорту, так как обратил внимание

русского императора, что данный участок земли «представляет все удобства для устройства на нем курорта и санаторий» [9, с. 41].

В 1895 году в Сочи прибывает член Государственного Совета, министр Земледелия и Гос. Имуществ, гофмейстер Н.С. Абаза (1837-1900 гг.), в качестве председателя комиссии по устройству побережья [10, с. 100].

По Высочайшему повелению была образована особая комиссия, направленная на Черноморское побережье Кавказа в 1898 году с целью выбора на нём мест наиболее пригодных для устройства курортов. В состав комиссии вошли известные ученые того времени и специалисты: метеоролог и географ, профессор А.И. Воейков, профессора Ф.И. Пастернацкий, А.И. Лебедев и горный инженер М.В. Сергеев. Результаты этой работы были обобщены и представлены в Петербурге в декабре 1898 года, на Первом Всероссийском Съезде деятелей по климатологии, гидрологии и бальнеологии [10, с. 101].

Издатель путеводителей С.И. Васюков в своей книге «Край гордой красоты. Кавказское побережье Черного моря. Природа, характер и будущее русской культуры» в 1903 году написал: «... в Сочи климат мягкий, хотя и влажный. Иногда здесь декабрь месяц напоминает май, даже в декабре цветут розы и другие дикорастущие растения... Летом в Сочи очень влажно и жарко. Лучшие месяцы – август, сентябрь и ноябрь. Погода великолепная, дождей мало, воздух сравнительно сухой, роскошный воздух, которым не надышишься... Дорога на Поляну не только полна грандиозности, но и поражает грозным величием» [11, с. 136, 137, 145].

Все эти мероприятия, наряду с выгодными географическими условиями, пробудили в российской публике интерес к Черноморскому побережью в районе Сочи и предопределили его развитие как курортной местности.

Увеличение количества курортников объясняет и быстрый рост числа гостиниц и меблированных комнат. Уже к 1902 году их насчитывалось тринадцать.

В 1904 году министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов вступил в переговоры с потомственным дворянином А.В. Тарнопольским о строительстве курорта в Сочи. Для этой цели были выделены земли на берегу моря за рекой Сочи. Сооружение грандиозного курортного комплекса началось летом 1906 года. Курорт, получивший название «Кавказская Ривьера», открылся в июне 1909 года [12, путеводитель].

К моменту открытия курорта здесь находились две четырехэтажные гостиницы, театр, кафе и ресторан, имелись собственный водопровод, канализация и электрическое освещение. Через год, в 1910 году был построен ещё один трехэтажный корпус, а так же водосветоэлектролечебница, через два года был построен четвертый корпус. Курорт «Кавказская Ривьера» вмещал свыше 250 номеров и имел все удобства, врачей по специальностям, прекрасный парк, ванны, купальни, читальню, бильярдную, театр. «Такого роскошного и гигиенического учреждения, - говорилось в одном из путеводителей того времени, - нет нигде более на берегах Черного моря» [13, с. 1-6]. Дачами застраиваются и другие соседние территории: Дагомыс, Уч-Дере, Мацеста, Хоста, Адлер [14, с. 78].

В XX веке город активно развивался, получил статус всесоюзной здравницы, федерального курорта; 10 февраля 1961 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР его границы расширились от 30 км вдоль Черного моря до 145 км [15, с. 1].

Современная площадь города 3505 км², население 433 тыс. человек (по состоянию на 1 января 2012 года). Город состоит из четырех районов, 11 сельских и одного поселкового округа. С 1959 года Сочи является членом Всемирной федерации породненных городов. В настоящее время у курорта 8 зарубежных городов-побратимов: Челтенхэм (Великобритания), Ментон (Франция), Римини (Италия), Эспо (Финляндия), Лонг-Бич (США), Трабзон (Турция), Пярну (Эстония), Вэйхай (Китай). Многие места города носят названия городов-побратимов: «Аллея Челтенхэма» на Мацесте, «Аллея мэров» у здания Администрации города, «Поляна мэров» в парке «Дендрарий» и др. [18, с.68]

Указом Президента Верховного совета СССР от 8 мая 1980 г. город Сочи награжден Орденом Отечественной войны I степени за вклад медицинских работников, всех жителей города в дело Победы в годы Великой Отечественной войны [16, л.1].

Организация Объединенных Наций присвоила городу почетное звание «Посланец мира» [17, л.1].

Законом Краснодарского края, субъектом федерации, в подчинении которого находится город – курорт, от 01.04.2004 г. № 679-кз определен новый статус курортной дестинации – городской округ город-курорт Сочи [18, с. 68].

5 июля 2007 года в 3 часа 23 минуты по московскому времени глава МОК Жак Рогге объявил, что столицей Олимпийских игр в 2014 году будет город Сочи [19, с. 120].

В апреле 2006 года Россия подает в Международный Олимпийский Комитет заявку на проведение Олимпиады-2014 в городе Сочи. В штаб-квартиру МОК в Лозанну было передано 30 компакт-дисков с информацией об олимпийском проекте в России. Конкурентами Сочи были шесть городов: Зальцбург (Австрия), София (Болгария), Хака (Испания), Бакуриани (Грузия), Пхенчхан (Корея) и Алма-Ата (Казахстан). В июне того же года стало известно, что Сочи вошел в число трех городов которые оценочная комиссия МОК выбрала в качестве наиболее реальных кандидатов на проведение Олимпийских игр. Кроме Сочи, в тройку вошли австрийский Зальцбург и южно-корейский Пхенчхан.

В июне 2006 года на федеральном уровне была принята программа «Развитие города Сочи как горноклиматического курорта (2006–2014 гг.)». Программа предусматривала строительство на территории Сочи множества комфортных отелей, отвечающих современным мировым стандартам, спортивных объектов как для летних, так и для зимних видов спорта, развитие транспортной инфраструктуры и многое другое. [20, Программа (2006–2014 гг.)]

В чем же особенности Сочи как горноклиматического курорта, позволившие ему стать Олимпийской столицей?

Климат Сочи – один из наиболее благоприятных во всей Европе. Город находится примерно на одной параллели с климатическими и горными курортами мирового уровня Варна (Болгария), Сараево (Босния), Торонто (Канада), Саппоро (Япония), Шеньян (Китай), и всемирно известной французской Ривьерой.

Погода дарит Сочи 300 солнечных дней в году, поэтому и курортный сезон здесь длится круглый год.

Курортный округ – Большой Сочи относится к зоне влажных субтропиков, являясь наиболее северным районом этой климатической зоны во всем мире, единственным в России. Южное расположение района, наличие незамерзающего моря, отрогов Главного Кавказского хребта в прибрежной зоне от 300 до 1000 м, оказывают существенное влияние на климат. Длительность безморозного периода в районе Сочи составляет 8–10 месяцев. Число дней с сильным ветром (15 м/с и более) составляет 15–20 дней в году. В Сочинских горах средняя температура летом составляет +23°С, а зимой опускается до 10°С мороза (район Красной Поляны). Устойчивый снежный покров, достигающий глубины 3–5 м, сохраняется в горах более 5 месяцев в году. [22, с. 428] Эти условия весьма благоприятны для занятий зимними видами спорта и является предпосылкой для развития в районе Эсто-Садок, Роза Хутор, Красная Поляна, Лаура-горно-климатического курорта и центра лыжного спорта и туризма.

Город-курорт Сочи неоднократно, используя уникальные природно климатические условия, выдвигал свою кандидатуру на проведение зимних Олимпийских игр в 1998 и 2002 годах, а в 2007 году, как говорилось выше, стал столицей проведения XXII зимних Олимпийских игр и XI Паралимпийских игр 2014 года. [17, Олимпиада]

Вместе с климатом основным природным лечебным фактором курорта являются минеральные источники: сульфидные, хлоридно-натриевые (Мацеста), йодобромные (Кудепста), гидрокарбонатные хлоридно-натриевые (Волконские), мышьяковистые углекислые (Чвижепсе), хлоридногидрокарбонатно-натриевые (Мамайка), щелочные фтористые воды (Пластунские) и другие. В Сочинском регионе существует более 50 источников минеральных вод бальнеологического и питьевого профиля. Наиболее широко сейчас используются сероводородные и йодобромные воды. Применение в практике курортологии питьевых минеральных вод позволило курорту Сочи значительно расширить перечень заболеваний, успешно поддающихся лечению [24, с. 144].

В Сочи для питьевого лечения в настоящее время в промышленном розливе используются воды четырех месторождений: Пластунское (минеральная вода «Пластунская»), Мамайское (минеральная вода «Сочинская»), Волконское (минеральная вода «Лазаревская»), Чвижепсинское (минеральная вода «Чвижепсе»). Минеральные воды такого состава, как в источниках месторождения Чвижепсе, обнаружены на территории Краснодарского края только в районе Сочи. Кроме того, на сегодняшний день открыто ещё 23 участка перспективных для добычи различных по составу минеральных вод [18, с. 64].

Курорт Сочи так же обладает значительными запасами лечебных грязей. Имеретинское месторождение иловых лечебных грязей занимает площадь около 400 тысяч м². Запасы – более 2,5 млн тонн. Адлерские грязи обладающие хорошей теплоудерживающей способностью и высокой пластичностью. Наиболее известные месторождения подобного типа имеются в старейшем российском курорте Старая Русса, Хаапсалу, Садгороде.

Опытные врачи-курортологи, применяя самое современное медицинское оборудование, новейшие методики в сочетании с уникальными природными факторами, получают значительные результаты и успешно решают важнейшую государственную задачу по оздоровлению граждан России и ближайшего зарубежья.

Выполняя эту задачу, превращая Сочи в круглогодичный курорт мирового уровня, в городе уже сейчас действует три питьевых бювета, из них один санаторный и два муниципальных.

Первый такой питьевой бювет был построен в 2007 году в санатории «Металлург» на базе местных лечебных минеральных вод, затем в 2009 году на территории пансионата «Адлер курорт» построили второй бювет, на строительство которого было истрачено 32 млн рублей.

Воды завозятся из минеральных источников Чвижепсе (типа нарзан) и Пластунская (щелочная), объемом около одной тонны воды ежедневно. Эти виды минеральных вод напоминают бюветы Кавказских Минеральных вод России. Перед началом нового курортного сезона в 2010 году открылся ещё один бесплатный муниципальный питьевой бювет. На средства спонсоров в курортном парке «Ривьера» в центре города построен павильон с минеральной водой. Мощность от одной до трех тысяч м³ воды в день. Ежедневно специальные цистерны привозят в парк свежую минеральную воду «Пластунская», богатую биологически активными компонентами, такими как фтор, йод, бром, кремний и др. Они оказывают полезное действие по регулированию восстановительных и обменных

процессов в организме человека. В ближайшее время планируется строительство ещё четырех бьюетов.

Природно-климатическая привлекательность Сочи довольно высока, большая часть его территорий не затронута антропогенной деятельностью, является неповрежденной окружающей средой Сочинского национального природного парка и Кавказского государственного природного биосферного заповедника.

Большое значение для развития Сочи как горно-климатического и бальнеологического курорта, центра горнолыжного спорта и туризма имеет использование ландшафтов в лечебных и эстетических целях. При рекреационной оценке ландшафта следует учитывать, что пейзаж не только фон, на котором происходит путешествие рекреантов, но и явление, имеющее огромное самостоятельное значение. Иногда значительные качества ландшафта выступают на первое место [25, с. 267].

Основной продукт города Сочи – это здоровье человека, определяющий его место в Российском территориальном разделении труда. Санаторно-курортная среда на базе многообразных рекреационных ресурсов – основная отрасль города.

Согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2007 года «О программе строительства олимпийских объектов и развитии города Сочи, как горноклиматического курорта» к 1 января 2008 года была завершена реализация федеральной целевой программы «Развитие г. Сочи как горноклиматического курорта (2006–2014)» и начался новый этап развития Сочи – подготовка к Олимпийским и Паралимпийским играм 2014. Утверждается новая Программа строительства олимпийских объектов и развитие города Сочи как горноклиматического курорта [2, с. 1].

Программа предусматривает строительство 206 объектов, из них 30 непосредственно связаны с проведением спортивных соревнований, 176 объектов являются объектами инженерной и туристической инфраструктуры и предназначены для развития города Сочи как горноклиматического курорта.

Прибрежный кластер:

- «Большой ледовый дворец» для хоккея с шайбой;
- Олимпийский стадион «Фишт» - церемония открытия и закрытия игр, награждение спортсменов. Церемония награждения будет проходить на специально созданной для этих целей площадке – «MedalsPlaza», расположенной в центре Олимпийского парка, в 300 метрах от стадиона «Фишт»;
- Ледовая арена «Шайба» - соревнование по хоккею с шайбой «Олимп» и по следж-хоккею в рамках Паралимпийских игр;
- Кёрлинговый центр «Ледяной куб»;
- Дворец зимнего спорта «Айсберг» для фигурного катания на коньках и соревнований по шорт-треку;
- «Адлер-Арена» - конькобежный центр для проведения соревнований по скоростному бегу на коньках;
- Олимпийская деревня площадь 76 га, транспортное сообщение связывает её со спортобъектами, - пешая прогулка составляет 10 минут;
- Главный медиа-центр, площадью 19,9 га с самостоятельным транспортным молотом, парковкой на 1000 машиномест, антенным помещением, с механической зонной. Объект включает в себя международный вещательный центр площадью 50 тыс. м² и Главный пресс-центр. Объект максимально вмещает от 10 до 12 тысяч представителей вещательных компаний, прессы и фотографов;
- Отель МОК – для размещения представителей Международного Олимпийского комитета и проведения сессии МОК, 5-звездный отель «Radisson Blue Resort & Congress Centre Sochi». Отель расположен в Имеретинской низменности, вдоль променада на первой береговой линии, в непосредственной близости от объектов Олимпийского парка, трасы «Формула-1» и Олимпийской деревни.

Горный кластер:

- Горнолыжный центр «Роза Хутор» расположен на хребте Аибга. На базе центра будут проходить все горнолыжные соревнования. Общая протяжённость Олимпийских горнолыжных трасс составит 9 км;
- Комплекс для соревнований по лыжным гонкам и биатлону «Лаура» расположился на гребне и склонах хребта Псехако в 6,5 – 10 км северо-восточнее поселка Красная Поляна. Комплекс состоит из двух отдельных стадионов с зонами старта и финиша, двух отдельных систем трасс для лыжных гонок и биатлона общей протяженностью более 15 км, стрельбищ и зон для подготовки к соревнованиям. Коньковой круг лыжной трассы будет уходить на 80 метров вниз относительно стадиона, из последних 1700 метров трассы 1200 метров будет занимать подъем, разница высот составит 85 метров;

- Комплекс для прыжков с трамплинов «Русские горки», расположен на северном склоне хребта Аибг. Состоит из самых современных олимпийских трамплинов К-95 и К-125. Трамплины гармонично вписываются в окружающий ландшафт, а прыгуны будут защищены от порывов бокового ветра;

- Центр санного спорта «Санки». В этом центре планируется проводить соревнования по бобслею, скелетону и санному спорту;

- Экстрим-парк «Роза Хутор» - к востоку от плато Роза Хутор пройдут соревнования по сноуборду и фристайлу. Уникальные снежные условия в сочетании со специализированными трассами для лыжного ски-кросса, акробатике, сноуборда-кросса, параллельного слалома-гиганта, гарантированно сделают этот объект постоянным местом проведения соревнований самого высокого мирового уровня;

- Горная Олимпийская деревня – расположится в непосредственной близости от горнолыжного центра, фристайл-центра и сноуборд-парка. Спортсмены будут жить в комфортабельных номерах гостиниц, апарта-отелях и коттеджах, построенных в альпийском стиле;

- Дополнительная горная деревня, расположена в непосредственной близости (500–800 м) от комплекса для соревнований по лыжным гонкам и биатлону, что обеспечит проживание спортсменам на той же высоте, где будут проходить соревнования;

- Олимпийская медиа-деревня является частью спортивно-туристического комплекса «Горная карусель» на высоте 540 метров и 960 метров над уровнем моря. Олимпийская деревня включает в себя гостиницы, апарта-отели и горный вспомогательный медиа-центр.

В период подготовки к Олимпийским играм построен Международный аэропорт города Сочи «Адлер» (2010) с пропускной способностью 2500 пассажиров в час (2012), 3800 пассажиров в час (2013).

В прибрежном кластере построены и модернизированы 17 объектов транспортной инфраструктуры:

- Совмещенная автомобильно-железнодорожная магистраль Адлер – «Альпика-Сервис», протяженность 48 км из них 10,7 км ж/д тоннелей, 6,8 км авто тоннелей;

- Дублер курортного проспекта – главной магистрали города Сочи – 4-х полосная трасса протяженностью 16,2 км;

- Железнодорожное полотно Туапсе-Адлер станет двухпутным, что позволит 127 пригородным поездам в сутки курсировать на Олимпийские объекты;

- Начнут курсировать двухэтажные купейные вагоны повышенной вместимости «Москва-Адлер», 64 спальных места, СВ – 30 спальных мест, штабной вагон – 50 спальных мест, двухэтажные вагоны рестораны на 50 посадочных мест.

2 октября 2007 г. правительством создается Государственная корпорация «Олимпстрой», главной задачей которой является начало осуществления процедур по выбору инвесторов по проектированию и строительству санно-бобслейной трассы и биатлонного комплекса, расположенных в горном кластере; проведение экспертизы и выбора земельных участков по сноуборд-парку и горной Олимпийской деревне; управлению всеми работами, связанными с проектированием, строительством, реконструкцией и эксплуатацией олимпийских объектов в Сочи. Имущество госкорпорации было сформировано за счёт взносов Федерального Центра, Краснодарского края, города Сочи и добровольных пожертвований. До 2014 года «Олимпстрой» планируется выделить для освоения 186 млрд. рублей [1].

Для жителей Сочи, Олимпиада – это не только и не столько две недели спортивных соревнований, сколько возможность поднять качество жизни на совершенно новый уровень за счет кардинального улучшения городской инфраструктуры.

Город по-настоящему пользуется высоким интересом среди инвесторов. По рейтингу инвестиционной привлекательности российских городов, составленному деловым журналом Форбс по 18 показателям, город Сочи занял девятое место в первой десятке, все остальные города, кроме Сочи – столицы субъектов РФ с населением не менее миллиона человек.

Для Сочи Олимпиада – это большой стимул для привлечения частного капитала. Все четыре горнолыжных курорта: Эсто-Садок, Роза-Хутор, Красная Поляна и Лаура строятся только за счёт частных инвесторов. Гостиницы так же строятся за счёт частных инвесторов. К 2014 году город получит дополнительно к уже имеющимся, 42 тыс. новых современных гостиничных мест. Развитие инфраструктуры гостеприимства в Олимпийском Сочи невозможно без должного уровня профессионализма персонала здравниц и отелей.

В городе реализуется программа, повышающая квалификации по трём основным стандартам: профессиональные компетенции, иностранный язык и олимпийское гостеприимство.

На начало мая 2013 года обучение прошли 1452 человека, до конца года сертификаты получили ещё 2789 человек. Шло обучение и тренеров-преподавателей по программе: «Олимпийское гостеприимство», где было обучено более 200 человек. Занятия вели специалисты из Великобритании, Швейцарии и других стран, а так же отельеры из Москвы и Санкт-Петербурга.

Взросшие требования к гостиничному обслуживанию, потребовали проведения классификации средств размещения. К летнему сезону 2013 года обязательную классификацию прошли 426 объектов емкостью 29230 номеров, в том числе 126 крупных и три сотни малых средств размещения. В работе у аккредитованных организаций в настоящее время находятся 95 объектов средств размещения.

Таким образом к концу 2013 года санаторно-курортный и туристский комплекс города Сочи будет иметь 556 классифицированных средств размещения различной категории [25, Пресс-служба Оргкомитета]

Международный Олимпийский Комитет планирует использовать часть из них – порядка 160 объектов для размещения клиентских групп.

Классификация средств размещения гарантирует гостям Олимпиады высокий уровень сервиса, качественное обслуживание, безопасность проживания, питания и предоставление различных дополнительных услуг.

В соответствии с требованиями федерального законодательства обязательную классификацию проходят все объекты размещения, включая и выходящие из реконструкции, и объекты нового строительства.

Прием гостей в летний курортный сезон текущего года осуществляли 155 крупных средств размещения – это санатории, гостиницы, пансионаты и более 300 мини-гостиниц. После реконструкции открылись санаторий «Актер», «Металлург», отель «Рэдиссон Лазурная». Планируется ввести в эксплуатацию новые гостиницы: «Pullman», «Mercure» категории 4 и 5 звезд соответственно.

К сентябрю 2013 года завершили ремонтные работы военные санатории ЦВС «Сочи», «Адлер», санаторий «Зеленая роща». До конца года планируется завершение работ по реконструкции оздоровительного комплекса «Дагомыс», корпуса санатория «Золотой колос», гостиниц «Сочи Плаза» и «Жемчужина», санатория «Мыс видный», «Электроника», корпуса «Коралл» санаторно-курортного объединения «Адлер – курорт». Помимо этого, к Играм ведется строительство 35 новых объектов горного, прибрежного и городского кластеров, строится Олимпийская деревня на горнолыжном курорте «Роза Хутор» и две медиа-деревни в «Горной карусели» (3049 номеров).

После Игр курорту Сочи останется в наследство 50 уникальных, новых, отелей, которые будут работать под маркой и управлением сетевых мировых компаний. Они дадут практически половину номерного фонда: было в городе около 27 тысяч номеров, а к Играм строится ещё 20 тысяч. Многие старые отели получают новое рождение.

Усовершенствование инфраструктуры города очень важно для создания в Сочи круглогодичного курорта мирового уровня.

При поддержке правительства РФ в Сочи идет активное развитие новой транспортной инфраструктуры, модернизируются инженерные коммуникации, возводятся современные спортивные сооружения, которые в дальнейшем после проведения игр будут служить современной тренировочной базой для спортсменов из России и стран Ближнего зарубежья.

Сочи – лучшее место для реабилитации спортсменов, особенно в период «низкого» сезона, с октября по апрель. Материально-техническая база спортивного туризма имеет все необходимое: стадионы, футбольные поля, теннисные корты, яхт-клубы, тренажерные залы, спортивные площадки, развитую инфраструктуру, мощную лечебно-диагностическую базу и уникальные природные ресурсы, способствующие быстрому восстановлению жизнедеятельности организма.

Одним из самых перспективных районов является горный курортный поселок Красная Поляна, расположенный на высоте 600 метров над уровнем моря и в 40 км от побережья. Его называют русская Швейцария. Это горноклиматический курорт с большим будущим, которое начинается сегодня, с реализации градоэкологической концепции развития Красной Поляны – центра зимних Олимпийских игр.

Естественные природные условия Красной поляны: снег, горные вершины, мягкая зима – позволяют развиваться этому региону как зимнему курорту. Идет активное строительство новых лыжных трасс, подъемников, отелей и других элементов туристской инфраструктуры.

Любители экстремальных горных лыж могут подняться на вертолетах к вершинам гор, достигающим в этом районе 2000 метров. Красная Поляна привлекательна и для любителей сплавов по горным рекам. В горах температура воздуха падает на 6°С каждые тысячу метров. Если на побережье температура +25°С, то на высоте 3000 метров она будет не выше +7°С. В связи с этим Красная Поляна является уникальным местом для проведения XXII зимних Олимпийских и XIII Паралимпийских игр [18, с. 67].

В Сочи проводится клубный чемпионат мира по бильярду, международная велогонка, регата, ралли, чемпионат России по маунтинбайку, международные выставки-ярмарки; в 2018 году город участвует в проведении чемпионата мира ФИФА по футболу, подписан контракт на проведение российского этапа соревнований «Формула – 1».

Сочи считается летней курортной столицей и в период «высокого» летнего сезона в городе проводятся выступления лучших театральных и музыкальных коллективов. По случаю празднования

«Год до Олимпиады в Сочи» по всей России прошли большие праздничные шоу, в городе состоялось грандиозное представление в ледовом Олимпийском дворце.

Олимпийские объекты Сочи строились «с чистого листа», и это дало возможность учесть те ошибки, которые были допущены при прошлых играх, и создать такую инфраструктуру и логистику, при которых было бы удобно и гостям и местным жителям.

Все объекты, строящиеся для игр, имеют постолимпийское наследие. Эксперты по туризму считают, что город Сочи «удвоит свои туристские возможности» [21, Олимпиада]. Все олимпийские спортивные объекты проектировались с учетом двойного назначения. Сразу после игр один из ледовых дворцов станет выставочным центром: запроектированы залы для конференций, экспозиций, встреч, переговоров. Огромный медиа-центр станет торгово-развлекательным центром. Будет разбит «Европарк» уровня Баден-Баден. Три ледовых дворца останутся спортивными объектами, где будут проходить церемонии открытия и закрытия игр, а в 2018 году – матчи Чемпионата мира по футболу. Строится трасса «Формула – 1», на прибрежном Олимпийском кластере строится прекрасная набережная и 5 км великолепных пляжных территорий. В Сочи никогда не было горнолыжных трасс, сегодня они уже есть в районе Красной Поляны. Оба кластера: горный и прибрежный соединены совмещенной (авто-ж/д) дорогой; 50 новых отелей будут работать под маркой и управлением сетевых мировых компаний, они дадут почти половину номерного фонда мирового уровня комфорта.

При музее истории города-курорта Сочи создан Олимпийский музей, где представлены вещи и награды спортсменов Олимпиады. Одновременно он будет и филиалом Олимпийского музея в Лозанне.

Активно в горном кластере проводятся тестовые соревнования, начиная с февраля 2011 года: этап Кубка Европы по горнолыжному спорту. Он стартовал 18 февраля 2011 года на Красной Поляне, районе горного кластера «Роза Хутор». Соревнования были приурочены к открытию и проверке в деле первого Олимпийского объекта Сочи-2014 – горнолыжного комплекса «Роза Хутор». От МОК присутствовал председатель Международного олимпийского комитета Жан-Клод Килли. Трассы «Роза Хутор», по предварительным оценкам горнолыжного спорта, в техническом плане являются одними из самых сложных в мире, так как проложены в верхних возможных параметрах по предельному перепаду высот и имеют предельные уклоны наклона.

Зона старта у мужчин в скоростном спуске расположена на отметке 2045 метров над уровнем моря, у женщин – 1735 метров. В супергиганте у мужчин соревнования начинаются на отметке 1592 метра, у женщин – 1560 метров; скорость порядка 110 км/час. Для всех трасс предусмотрена одна зона финиша, расположенная на высоте 960 метров над уровнем моря.

В ходе соревнований тестировались все системы обеспечения, необходимые для проведения такого рода соревнований: снегооснежение, активной и пассивной безопасности, логистическая система, медицинского и транспортного обеспечения.

Для женской сборной команды России по горнолыжному спорту Красная Поляна стала главной Тренировочной базой.

К 2007 году в Сочи не осталось ни одной отрасли, которой бы не требовалось модернизация. Это и энергетика, и экология, транспортная логистика, благоустройство, социальная сфера. Олимпиада дала курорту шанс на возрождение как мировой дестинации: центра, горнолыжного спорта и туризма, круглогодичного бальнеологического и питьевого курорта.

Построено 360 км дорог и мостов, введены в эксплуатацию 3 многоуровневых развязки (будет 8), продолжается строительство двух автомагистралей – совмещенной автодороги и следующей очереди Дублера Курортного проспекта – главной артерии города. Проложено 200 км железнодорожного полотна, 22 тоннеля, 480 км газопроводов низкого давления, 151 км газопровода высокого давления проложенного по дну моря. Построены сочинская и адлерская электростанции, 550 км высоковольтных линий электропередачи. Построены новые очистные сооружения в Красной Поляне и Адлере, готовятся к запуску Бзугинские. Полностью сооружен заново центральный коллектор, построено 600 км инженерных сетей. Решены вопросы и социальной сферы: построено 4 новых школы, 7 детских садов, 74 соцобъекта отремонтировано; построены две многопрофильные больницы: в Красной Поляне и Дагомысе, поликлиника в с. Веселом (прибрежный кластер), заработала новая специализированная инфекционная больница в Дагомысе; к концу года будет введен в эксплуатацию новый травма-хирургический корпус на 300 коек в городской больнице № 4 с диагностическим центром. В прибрежном кластере (Адлер) возводится хирургический корпус городской больницы № 6.

Открыт Российский международный олимпийский университет РМОУ в центре города – это уникальное высшее учебное заведение. Кроме учебного корпуса комплекс зданий университета будет включать в себя несколько гостиниц для студентов. Здесь же появится крупнейший на Юге России конференц-зал на 1100 мест. Университет будет готовить специалистов для различных видов спорта и работы в Олимпийском комитете не только России, но и многих стран мира. Зона международного гостеприимства будет полностью готова к декабрю 2013 года. И уже сейчас, начиная с 2012 года остро стоит вопрос о приобретении билетов на Олимпиаду – 2014.

В сентябре 2012 года американская компания «JetSetSports» стала эксклюзивным продавцом туристских пакетов на Олимпиаду 2014. У них есть право не только обеспечивать проживание в Сочи, но и вкладывать в этот пакет билеты на спортивные мероприятия, остальные организации могут предложить только питание и размещение, а билеты на спортивные мероприятия турист должен покупать сам.

Все мероприятия, которые проводились за годы подготовки к Олимпиаде, были направлены на развитие Олимпийского духа, гостеприимства, любви к спорту. Девиз Сочинской Олимпиады оптимистичен: «Сочи – ВПЕРЕД!!!» Это нужно Сочи, это нужно России!

Заключение. Анализируя путь военного укрепления к городу-курорту, всероссийской здравнице, а потом как горно-климатического курорта и столицы Олимпийских и Паралимпийских игр, необходимо отметить, что Сочи всегда оставался привлекательной дестинацией в разные этапы своего исторического развития, и мы надеемся, что в своей статье нам удалось проследить эти пути и наметить будущее этого уникального места Планеты.

Примечания:

1. Указ Президента РФ от 29.09.07 № 1308 «О Совете при Президенте РФ по развитию физической культуры и спорта, спорта высших достижений, подготовке и проведению XXII зимних Олимпийских игр и XI зимних Паралимпийских игр 2014 года в городе Сочи».
2. Постановление правительства РФ от 29.12.07г. № 991 «О программе строительства олимпийских объектов и развития города Сочи как горноклиматического курорта».
3. Закон Краснодарского края № 679-КЗ от 01.04.2004 г. «Об установлении границ муниципального образования город-курорт Сочи и выделении его статусом городского округа».
4. Постановление правительства РФ от 29.12.07 г. № 991 «О программе строительства олимпийских объектов и развития города Сочи как горноклиматического курорта».
5. АМИГКС, ф-2, оп. 1, д. 9, л.2 (ЦГВЧА, Ф-14719, оп. 3, д. 205, л. 18).
6. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь, том 61, СПб., 1900. С. 85.
7. МИГКС, оф- 13064/6 «Известия Министерства Земледелия и Государственных Имуществ» от 29 сентября 1902г. газета «Сочинский листок» № 162(1913), с.1.
8. МИГКС, оф- 12862/1-120, А.Н. Краснов «Географический очерк округа Сочи на Черноморском побережье» (1900 г.) с. 4.
9. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь, том 22, СПб: 1894, с. 41.
10. МИГКС, оф- 12830/1. Сочи: страницы прошлого и настоящего. Сочи, 2003. с. 100, 101.
11. Васюков С.И. Край гордой красоты. Природа, характер и будущее русской культуры. СПбургъ: Издание А.Ф. Девриена, 1903, с. 136-137, 145.
12. АМИГКС, ф-2, оп. 1, д. 144. Путеводитель «Курорт «Кавказская Ривьера» в Сочи», СПб. 1910.
13. АМИГКС, ф-2, оп. 1, д. 188. Г. Москвич. ПутеводительПо Кавказу. СПб.: 1911, л. 1, 2, 3, 4, 5, 6.
14. Швецова Е.А., Малюта Л.Е. Сочи олимпийский: как всё начиналось. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции: «Современные направления теоретических и прикладных исследований 2011». Том 10. Экономика Одесса, 2011. с.78.
15. МИГКС, оф-13048/18. Газета «Адлерская правда», №19 (3291) от 12.02.1961 г. с. 1.
16. МИГКС, оф-12668/2. Грамота. Указом Президиума ВС СССР от 8 мая 1980 г. Сочи награжден орденом Отечественной войны I степени, 1.1.
17. МИГКС, оф-9275 Диплом ООН о присвоении Сочи звания «Посланец мира», 1 л.
18. Малюта Л.Е., Маркарян И.Н. История Краснодарского края и города-курорта Сочи: монография. Краснодар: АНО «Центр социально-политических исследований «Премьер»», 2011. с. 64, 67, 68.
19. МИГКС, оф-12758/1-45. Газета «Сочи» № 21 (869), июль 2007, л. 120
20. АМИГКС, фонд временного хр.; д. 86 Программа «Развитие города Сочи как горноклиматического курорта (2006-2014 гг.)».
21. АМИГКС, фонд временного хр.; д. 87, Олимпиада.
22. Агафонова В.А., Малюта Л.Е. Конкурентоспособность рекреационного продукта курорта Сочи. II международный альманах. Выпуск 5. Сборник статей преподавателей, аспирантов, магистров и студентов/ под редакцией А.А. Колужного, М.В. Воронцовой – Таганрог-Актюбинск, 2009, С. 428.
23. Видищева Е.В., Потапова И.И. Особенности формирования имиджа города Сочи. Известия Сочинского государственного университета. 2009. №3. С. 82-87.
24. МИГКС, оф-13064/6 Сочи – Мацестгинский курорт 140 лет. Сочи, 2012, с. 144.
25. Ветитнев А.М. Курортное дело: учебное пособие /А.М. Вититнев, Л.Б. Журавлева. М., 2008, с. 267.
26. Пресс-служба оргкомитета «Сочи+2014». Sochi 2014.com/media@sochi2014.com/

References:

1. Ukaz Prezidenta RF ot 29.09.07 № 1308 «O Sovete pri Prezidente RF po razvitiyu fizicheskoi kul'tury i sporta, sporta vysshikh dostizhenii, podgotovke i provedeniyu XXII zimnikh Olimpiiskikh igr i XI zimnikh Paralimpiiskikh igr 2014 goda v gorode Sochi».
2. Postanovlenie pravitel'stva RF ot 29.12.07g. № 991 «O programme stroitel'stva olimpiiskikh ob"ektov i razvitiya goroda Sochi kak gornoklimaticheskogo kurorta».

3. Закон Краснодарского края № 679-KZ от 01.04.2004г. «Об установлении границ мунитсипал'ного образованиа город-курорт Сочи и выделении его статусом городского округа».
4. Постановление правител'stva RF от 29.12.07г. № 991 «O programme stroitel'stva olimpiiskikh ob'ektov i razvitiya goroda Sochi kak gornoklimaticheskogo kurorta».
5. AMIGKS, f-2, op. 1, d. 9, l.2 (TsGVChA, F-14719, op. 3, d. 205, l. 18).
6. Brokgauz F.A., Efron I.A. Entsiklopedicheskii slovar', tom 61, SPb., 1900, s. 85.
7. MIGKS, of- 13064/6 «Izvestiya Ministerstva Zemledeliya i Gosudarstvennykh Imushchestv» ot 29 sentyabrya 1902g. gazeta «Sochinskii listok» № 162(1913), s.1.
8. MIGKS, of- 12862/1-120, A.N. Krasnov «Geograficheskii ocherk okruga Sochi na Chernomorskom poberezh'e» (1900 g.) s. 4.
9. Brokgauz F.A., Efron I.A. Entsiklopedicheskii slovar', tom 22, SPb: 1894, s. 41.
10. MIGKS, of- 12830/1. Sochi: stranitsy proshlogo i nastoyashchego. Sochi: 2003, s.100, 101.
11. Vasyukov S.I. Krai gordoi krasoty. Priroda, kharakter" i budushchnost' russkoi kul'tury. SPburg": Izdanie A.F. Devriena, 1903, s. 136-137,145.
12. AMIGKS, f-2, op. 1, d. 144. Putevoditel' «Kurort «Kavkazskaya Riv'era» v Sochi», SPb. 1910.
13. AMIGKS, f-2, op. 1, d. 188. G. Moskvich. Putevoditel' Po Kavkazu. SPb.: 1911, l. 1, 2, 3, 4, 5, 6.
14. Shvetsova E.A., Malyuta L.E. Sochi olimpiiskii: kak vse nachinalos'. Sbornik nauchnykh trudov po materialam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: «Sovremennye napravleniya teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy 2011». Tom 10. Ekonomika Odessa, 2011. s.78.
15. MIGKS, of-13048/18. Gazeta «Adlerskaya pravda», №19 (3291) ot 12.02.1961 g. s. 1.
16. MIGKS, of-12668/2. Gramota. Ukazom Prezidiuma VS SSSR ot 8 maya 1980 g. Sochi nagrazhden ordenom Otechestvennoi voiny I stepeni, 1.1.
17. MIGKS, of-9275 Diplom OON o prisvoenii Sochi zvaniya «Poslanets mira», 1 l.
18. Malyuta L.E., Markaryan I.N. Istoriya Krasnodarskogo kraia i goroda-kurorta Sochi: monografiya. - Krasnodar: ANO «Tsentri sotsial'no-politicheskikh issledovaniy «Prem'er»», 2011. s.64,67, 68.
19. MIGKS, of-12758/1-45. Gazeta «Sochi» № 21 (869), iyul' 2007, l. 120
20. AMIGKS, fond vremennogo khr.; d. 86 Programma «Razvitie goroda Sochi kak gornoklimaticheskogo kurorta (2006-2014 gg.)».
21. AMIGKS, fond vremennogo khr.; d. 87, Olimpiada.
22. Agafonova V.A., Malyuta L.E. Konkurentosposobnost' rekreatsionnogo produkta kurorta Sochi. II mezhdunarodnyi al'manakh. Vypusk 5. Sbornik statei prepodavatelei, aspirantov, magistrrov i studentov/ pod redaktsiei A.A. Kolyuzhnogo, M.V. Vorontsovoi – Taganrog-Aktyubinsk, 2009, s. 428.
23. Vidishcheva E.V., Potapova I.I. Osobennosti formirovaniya imidzha goroda Sochi. Izvestiya Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. №3. S. 82-87.
24. MIGKS, of-13064/6 Sochi – Matsestinskii kurort 140 let. Sochi: izd. BFK «Matsesta», 2012, s. 144.
25. Vetitnev A.M. Kurortnoe delo: uchebnoe posobie /A.M. Vititnev, L.B. Zhuravleva. M.: KNORUS, 2008, s. 267
26. Press-sluzhba orgkomiteta «Sochi+2014». Sochi 2014.com/media@sochi2014.com/

УДК 94

Исторический путь развития Сочи: от курортного города к Олимпийской столице

Маркарян Ирина Николаевна

Российский государственный социальный университет филиал в г. Сочи, Российская Федерация
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Пластунская, 151/1
Кандидат экономических наук, доцент
E-mail: 2703_irina@mail.ru

Аннотация. В статье прослеживается исторический путь развития дестинации от города-курорта к Олимпийской столице зимних игр. Раскрывается необычность использования природных ресурсов как для санаторно-курортного лечения, так и для развития зимних видов спорта. Характеризуются уникальные природно-климатические условия и лечебные факторы курорта: минеральные источники, ландшафты, климат, горнолыжные курорты – Эсто-Садок, Роза Хутор, Красная Поляна, Лаура. Дается анализ материально-технической базы для спортивного туризма и использования Сочи как центра реабилитации спортсменов. Раскрывается будущее использование олимпийских объектов, как выставочных, торгово-развлекательных и деловых центров. Зона международного гостеприимства позволит стать Сочи международным курортом.

Ключевые слова: курорт; лечебные факторы; олимпиада; рекреационные ресурсы; инвестиционная привлекательность; дестинация; горно-климатический курорт; Красная Поляна; горный и прибрежный кластеры.

UDC 94(460).085

Innovations of Spanish Shipbuilding of the Regency's period

Nicholas W. Mitiukov

Izhevsk State Technical University, Russian Federation
426000, Izhevsk, Studentcheskaya st., 7
Kama Institute of Humanitarian and Engineering Technologies
426000, Izhevsk, Vadim Sivkov st., 12
Academico-correspondiente Real Academia de la Mar (España), Dr. Sc., Associate Professor
E-mail: nico02@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the innovation component of the Spanish shipbuilding programs of the first decade of the Regency period (1887-1898). It is shown that despite the objective difficulties with the construction of new ships, innovations in the industry in Spain was given great importance. Due to the nature of foreign policy the late 1880-s new military shipbuilding had clearly colonial orientation with a focus on high-speed cruiser. Problems of foreign and domestic policy of the earlier 1890-s not given the opportunity to fully implement the program of military shipbuilding, tightening it until the 1910-s, which was one of the reasons for the defeat in the Spanish-American War.

Keywords: Spain; history; regency; shipbuilding; naval policy.

Введение. До недавнего времени не одно поколение отечественных испанистов воспитывалось на тезисе В.И. Ленина об испано-американской войне, что молодой американский хищник победил одряхлевшего испанского. В связи с этим технический аспект испанского судостроения отличался поверхностными и исключительно эмоциональными оценками, об общей устарелости испанского флота, наличием большого процента в нем деревянных кораблей и т.д. Более взвешенные суждения базировались лишь на технической периодике второй половины XIX века (справочников Джейна, Брасея, альманахов "Военные флоты и морская справочника книжка" под редакцией Великого князя Алексея Николаевича, журналов "Engineering", "Морской сборник" и др.) и немногочисленных исследованиях, того же периода.

В связи с этим инновации испанского судостроения, и аспекты технического превосходства над американцами даже не рассматривались. Тем временем, начиная с 1970-х гг., появились фундаментальные исследования испанских историков, основанные на архивных документах, с которых в этот период был снят гриф ограниченного доступа, заставившие по новому взглянуть на военно-морскую политику Испании. Как оказалось, она имела весьма существенную инновационную составляющую, оставившую заметный след в развитии мировых военно-морских вооружений. В связи с этим задачей данной работы является рассмотрение технического аспекта программ испанского военно-морского строительства периода 1887–1898 гг. через призму военно-технических инноваций.

Материалы и методы. В качестве источниковой базы использовались следующие группы источников. Архивные данные, в первую очередь испанского Archivo de Bázan, как ранее не публиковавшиеся, так и уже введенные в научный оборот другими авторами. Во-вторых, это аналитические работы испанских историков, А.Р. Родригес Гонсалес, А. Анка Аламилло, Х.Л. Коэльо Лильо и др., как опубликованные в виде их фундаментальных работ, так и неопубликованные рукописи, предоставленные автору в личной переписке. Третья группа источников – периодические издания, в первую очередь официальные органы испанского морского министерства журнал "Revista General de Marina", бюллетень "Colección legislativa de la Armada" и др.

Работы отечественных историков, как правило, уделявшие внимание политическим аспектам испанского судостроения, и национально-освободительным вопросам, в технической области выглядят весьма поверхностными и нередко содержат ошибки, переходящие из издания в издание. Работы американских авторов также имеют весьма проблематичную ценность, ввиду явного небрежения испанскими данными (в начале XX в. американцы предприняли серьезные усилия по публикации первичных документов по испано-американской войне: рапорты командиров, официальные отчеты и т.п., доступных испанских документов, чем создали иллюзию системности у современных американских авторов).

При реконструкции событий автор использовал проблемно-хронологический метод, позволивший изучить проблему исследования в последовательном развитии, а также основы логики, предполагая, что каждое решение испанского руководства имело целью получить определенные политические дивиденды.

Обсуждение. В наследство от правления Изабель II Испании достался четвертый по численности флот мира, уступавший лишь Англии, Франции и Италии. Однако испанская военно-морская политика того времени, «политика экспедиций», привела к его крайнему обветшанию. Война в Африке, Мексике, Санто-Доминго и на Тихом океане практически всегда проходила по

одному сценарию: создавалась эскадра, из того, что было под рукой, которая посылалась в этот дальний уголок земного шара. А там она, лишенная должного ухода, постепенно приходила в негодность. Окончательный крест в надеждах на статус великой морской державы поставило «бедствие шестидесятых» (карлистские войны, кантонистская инсургенция и восстания на Кубе и Филиппинах). Но самое важное, что за этими внутренними и внешними «разборками» испанцы упустили промышленную революцию семидесятых.

Хотя на бумаге главную морскую мощь ведущих государств составляли все те же броненосцы с большими орудиями главного калибра и машинами на угле, они претерпели кардинальные изменения: броня стала стальной, орудия – не только нарезными, но и казнозарядными, а машины – двойного и даже тройного расширения, обеспечив большие скорости. К счастью в Испании находились умы, трезво оценивавшие изменившиеся реалии, и вопрос так радикально, как в России, нужен или не нужен стране флот, не поднимался. А поскольку понимание необходимости реформ распространялось до самых верхов власти, бюджет был готов финансировать, поэтому вопрос нового судостроения отдавался на откуп морякам – как лучше всего использовать имеющиеся у страны возможности. Начало 1880-х гг. прошло под знаком дискуссии в выработке единой военно-морской политики, и пока ее не приняли, три испанских казенных арсенала в Ферроле, Карраке и Картахене, чтобы сохранить свои мощности и кадры, занимались достройкой уже морально устаревших кораблей.

Испанское военно-морское сообщество разделилось по принципу, на какой класс боевых кораблей сделать упор в новой судостроительной программе: броненосцев или крейсеров. За этими формулировками стояли сторонники и противники колониальной политики: тяжелые и неповоротливые броненосцы идеально подходили для обороны своих берегов, а крейсера, с их высокой скоростью и дальностью плавания – для действия в заморских территориях. Правительство дало понять, что не будет давить на моряков, предоставив им самим право выбора. Поэтому проекты судостроительных программ, разрабатываемых в последние годы жизни короля Альфонсо XII, носили явный отпечаток предпочтений того или иного морского министра. Из наиболее существенных разработок периода с 1880 по 1886 г. следует выделить следующие планы судостроения:

- вице-адмирал Павия (1881 г.): 6 броненосцев, 6 броненосных крейсеров, 14 минных крейсеров, 26 канонерских лодок, 4 транспорта. Стоимость: 250 млн. песет, срок – 10 лет.
- вице-адмирал Антекера (1884 г.): 6 броненосцев 1 ранга, 6 броненосцев 2 ранга, 10 броненосных крейсеров, 28 крейсеров, 16 миноносцев, 6 транспортов.
- вице-адмирал Беранхер (1886 г.): 11 крейсеров 1 ранга, 6 крейсеров 2 ранга, 16 минных крейсеров, 138 миноносцев, 12 канонерских лодок, 1 транспорт [12, 13].

Как видно, программы Павии и Антекеры имеют явную примирительную тенденцию, направленную на развитие сбалансированного флота, а программа Беранхера, большого поклонника идей французской "Молодой школы", имеет явную крейсерскую направленность.

Вторым ключевым моментом военно-морской политики этого периода, заложенным в фундамент судостроительных программ периода регентства, стал вопрос о месте судостроения, на который большое влияние оказывали политические предпочтения кабинета министров, находившегося в данный момент у власти. Сейчас существуют разные точки зрения на эффективность их мер, пытаясь одних объявить патриотами, а на других сложить всю ответственность за "позор 1898 г.". Но следует отметить, что обе позиции были направлены на благо Испании, различаясь лишь в деталях. Так либералы выступали за распределение заказов на новые корабли за границей. Их доводы выглядели вполне очевидными: за меньшую цену флот получал более качественные боевые единицы. В противоположность им консерваторы предлагали сосредоточить судостроение на национальных верфях. В этом случае бюджетные ассигнования вели к модернизации национальной промышленности и через это к частичной разрядке социальной напряженности в испанском обществе. Вероятно, первым из морских министров, попытавшимся найти соломоново решение в политических битвах, стал Антекера, заказавший головной корабль своей программы броненосец «Пелайо» в Тулоне, чтобы затем произвести его копирование на испанских арсеналах (подробнее ситуацию с заказом «Пелайо» автор рассмотрел в работе [15]).

Если в вопросах места нового судостроения позиции либералов и консерваторов принципиально расходились, то в области артиллерии они проявляли весьма сомнительное единодушие. В основе решений стал принятый единый регламент на морскую артиллерию, причем, линейка принятых в Испании калибров базировалась на испанской модели Онтория [7]. Для начала 1880-х это стало эффективным политическим (поддержка национального производителя) и техническим мероприятием. Если бы этот регламент сразу внедрили в жизнь, из испанского флота удалось бы искоренить разнокалиберность и разнотипность артиллерийского вооружения. Например, в начале 1880-х практически одновременно для вооружения новейших крейсеров закупили несколько разных систем одного калибра (120-мм и 152-мм орудия Круппа и Армстронга в дополнение к уже имевшимся системам того же калибра), имевшие разный боезапас, разную конструкцию и т.д. Так что можно лишь посочувствовать тыловым службам этого периода в их

постоянных проблемах с пополнением боезапаса, комплектующими деталями и с обучением персонала. В целом абсолютно правильную меру сгубило отсутствие должного бюджетного подкрепления. Орудия старых систем так и остались на вооружении, а эйфория от испанского орудия, соответствующего лучшим мировым стандартам осталась вплоть до середины 1890-х гг., когда оно уже окончательно устарело из-за бурного развития артиллерии в этот период (автор в своих работах неоднократно затрагивал эту тему, анализируя ее на конкретным системам, например, подобный анализ 100-мм орудия Онтория и пришедшего ему на замену орудия Гарсия де Ломаса проанализировано в [17]).

Коренной поворот испанской военно-морской политики последовал в 1885 г., когда практически одновременно прошли три важных события: Каролинский кризис, отставка кабинета министров и смерть короля Альфонсо XII.

Осенью 1885 г. Германия заняла один из островов Каролинского архипелага. Хотя в это время немцы еще не обладали сильным флотом, а у Испании по-прежнему сохранялись остатки бывшего корабельного могущества, стало понятно, что если не принять срочные меры, найдется много желающих ухватить кусок от испанских колониальных владений. Следствием этого стал так называемый «Пакт Эль Пардо», когда консерваторы и либералы решили объединить свои усилия в деле укрепления военно-морского могущества [13].

Успехи испанской дипломатии этого периода привели к тому, что в мае 1887 г. был заключен испано-итальянский союз, гарантировавший «Status quo» в бассейне Средиземного моря. И сейчас если бы Франция решила его оспаривать, ей пришлось противостоять не одинокой Испании, а объединенной мощи Тройственного союза. В результате моряки смогли сосредоточить усилия нового судостроения на решении колониальных проблем.

10 октября 1886 г. портфель морского министра в испанском правительстве достался контр-адмиралу Рафаэлю Родригесу Ариасу (Rafael Rodríguez Arias). На первый взгляд, высшую должность во флоте досталась посредственности: он не обладал ни героическим прошлым Антекеры, ни горизмой Беранхера. Но, как оказалось, Р. Родригес Ариас имел другие немаловажные для этой должности качества, а именно склонность к риску и возможность находить компромисс.

Анализируя деятельность своих предшественников, адмирал Родригес Ариас сделал вывод, что надо начать с конца. Ведь и Антекера, и Песуэлла, и Беранхер, начинали свою деятельность с критики предшественников, и попытки разработать с нуля судостроительный закон в соответствии со своим видением испанской военно-морской политики. А учитывая ставшее плохой традицией непродолжительное пребывание кабинета у власти, на пробивание проекта судостроительного закона через бюрократические структуры у них уже не оставалось времени.

Поэтому Родригес Ариас взял за основу только что разработанный проект судостроительного закона своего предшественника Хосе Марии Беранхера и заменил ее четвертую статью. В оригинальной редакции она гласила, что изменение типов строящихся и заказываемых кораблей может быть произведено только посредством нового судостроительного закона. Родригес Ариас далее вместо точки поставил запятую и добавил: *«или когда этого потребуют прогресс и новые технические успехи военного кораблестроения – по утверждению Совета Министров и Технического комитета флота»* [13]. Надо ли говорить, что после этого все предыдущие статьи, рассчитывающие необходимое количество крейсеров и миноносцев, просто теряли всякий смысл. Всегда можно было сослаться на то, что прогресс уже потребовал отказ от этих кораблей в пользу других! Интересно отметить, что предсовмина Кановас, большой любитель флотских тем, проконсультировался о программе с французскими адмиралами. И те, видя в ней развитие идей «Молодой школы», разумеется, похвалили ее создателей. В то время как представители традиционной школы видели возможность пересмотреть классы и типы кораблей уже в процессе раздачи заказов.

В итоге, после мастерски проведенной кулуарной борьбы, а также ссылаясь на недавно прошедший Каролинский кризис, Родригес Ариас добился своего. В сессии, состоявшейся 22 декабря 1886 г., 82 голосами «за» и одиннадцатью «против», проект приняли за основу для нового судостроения, а утвержденный королем 12 января 1887 г., он приобрел силу закона (здесь и далее – текст королевский декретов опубликован в бюллетене "Colección legislativa de la Armada" за соответствующую дату. Кроме того, текст закона 12 января 1887 г. опубликован в [9]).

По программе судостроения предполагалось в десятилетний срок с 1887 по 1897 г. выделять ежегодно по 19 млн. песет. Эти суммы распределялись следующим образом:

- одиннадцать крейсеров 1 ранга (три 4500 т., 21 уз., восемь 3200 т., 21 уз.) – 61 млн. песет;
- шесть крейсеров 2 ранга (1500–2500 т., 23 уз.) – 15 млн. песет;
- четыре минных крейсера (1100 т., 21 уз.) – 8 млн. песет;
- 96 миноносцев 1 ранга (100–200 т., 24 уз.) – 57,6 млн. песет;
- 42 миноносцев 2 класса (60–70 т., 24 уз.) – 16,8 млн. песет;
- транспорт (3000 т.) – 2,5 млн. песет;
- 12 канонерских лодок (шесть 500 т., 18 уз., шесть 350 т., 18 уз.) – 15 млн. песет;
- 16 торпедных канонерских лодок (250 т., 16 уз.) – 12 млн. песет;

- 20 катеров (14 уз.) – 2 млн. песет.

Тем временем Родригес Ариас продолжал свое дело, и менее чем через год Испания увидела его видение судостроительной программы. Королевский декрет 13 октября 1887 г. подтверждал строительство уже начатых крейсеров: 4500-тонных «Лепанто» и «Альфонсо XIII» и 1000-тонного «Маркес де ла Энсенада» [5]. Но вместо одного 4500-тонного и восьми 3200-тонных крейсеров программы Беранхера предполагалось теперь строить шесть 6500–7000-тонных. Нечто подобное произошло и с более мелкими кораблями. «Полчища» миноносцев (за исключением четверки типа «Ариете»), уступили место второй «визитной карточке» программы Родригеса Ариаса – минным крейсерам. При этом интересно его объяснение столь экстравагантного шага: миноносцы, дескать, быстро устаревают, поэтому их необходимо серийно строить лишь перед непосредственным началом боевых действий [13]. Таким образом, к концу года стало ясно, что Испания будет строить шесть небывало больших для нее броненосных крейсеров (к этому моменту самый крупный крейсер, построенный на Пиренеях, имел водоизмещение не больше 3500 т) и 10 минных крейсеров.

С высоты сегодняшнего дня испанского адмирала легко критиковать, тем более что все вышло как в известной черномырдинской поговорке: «хотели как лучше, а получилось как всегда». Но для конца 1880-х гг. подобные меры казались вполне логичными и обоснованными. Так сравнивая проект 7000-тонной «Инфанты Марии Тересы» с «Пелайо» видно, что на бумаге она не слишком уступает в защите и вооружении, значительно превосходя в скорости и автономности. Единственное явное преимущество «Пелайо» заключалось в продолжении броневых поясов до оконечностей. Но всего через несколько лет система бронирования «Инфанты Марии Тересы», или по американской терминологии схема «все или ничего», станет классической.

Так что специалисты Технического комитета флота вполне знали что делали. Это особенно ярко становится видно при рассмотрении сил потенциальных противников, которые могли предвидеться у испанских крейсеров. Подписание испано-итальянского договора означало, что в случае войны в Европе Испания будет лишь одна из стран коалиции. Поэтому ее «личные» враги ограничивались соперниками заморских территорий. В Карибах традиционным противником были Соединенные Штаты, а на Филиппинах – Япония и Китай (тогда еще не переживший поражение в японо-китайской войне).

Самый лучший американский крейсер того времени «Балтимор», соответствовал своими характеристиками уровню уже построенной «Рейны Рехенте», так что «Инфанты Марии Тересы» его решительно превосходили по всем параметрам. Оставались броненосцы «Техас» и «Мэн», чем-то превосходящие, а в чем-то уступающие испанцам, но в этом случае их можно было задавить числом. Относительно Японии, ее броненосный флот, состоявший из устаревших броненосцев, брать в рассмотрение не приходится, а что касается крейсеров, то самые крупные из них также едва достигали 4500-тонной отметки и опять-таки более соответствовали уровню «Рейны Рехенте». И, наконец, Китай. Его флот располагал небольшими крейсерами как броненосными, так и бронепалубными, но ядро состояло из двух броненосцев. Однако, их 305-мм орудия, грозные на бумаге, к концу 1880-х гг. уже практически устарели.

Второй козырь Родригеса Ариаса – минные крейсера также в настоящее время жестоко критикуется как мертворожденный тип. Но в то время это был единственный тип мореходного торпедного судна! Опыт маневров с коллекцией миноносцев всех ведущих производителей, собранной Испанией в первой половине 1880-х гг. показал, что и корпус у них слабоват, и мореходность никакая, да и максимальную скорость они развивают лишь в «тепличных» условиях. В итоге, применение своего главного оружия – торпеды миноносцами возможно лишь как исключение, но не правило [2]. Что интересно, опыт войн начала 1890-х гг. лишь доказывал правоту испанского адмирала. Оба случая потопления броненосцев в этот период на счету именно минных крейсеров: 23 апреля 1891 г. чилийский броненосец «Бланко Энкалада» потоплен торпедами «Альмиранте Конделла» и «Альмиранте Линча», а 7 сентября 1893 г. бразильский броненосец «Акидабан» отправлен на дно минным крейсером «Жуство Сампайо» [13, Р. 249].

Стоимость программы с учетом модернизации арсеналов планировалась 225 млн песет. Часть суммы предполагалось погашать бюджетом метрополии по 19 млн ежегодно, а еще 35 млн должны дать колонии. Впрочем, уже на стадии планирования расходов авторов закона ждало глубокое разочарование. Во-первых, в конечном итоге требуемых денег у колоний так и не нашлось. А во-вторых, за основу при выкладках бюджета метрополии были выбраны, финансово благополучные и относительно стабильные годы второй половины 1880-х гг. Реально, уже начиная с начала 1890-х, наполняемость бюджета оставляла желать лучшего, а потом инсургенция в колониях привела к неуклонному снижению год от года доходной части. В результате выполнение программы проходило с все большим финансовым напряжением [13, Р. 256-258]. Если казенные адмиралтейства смогли пережить эти потрясения, фактически заморозив строительство, то для частных волна неплатежей обернулась банкротством.

Следующее «ноу-хау» программы Родригеса Ариаса заключалось в пункте 9, гласившем: *«Правительству разрешается производить строительство на судостроительных заводах национальных, или иностранных заводов, если последние захотят обосноваться в Испании»* [9].

Первоначально во время парламентских дебатов автор программы предполагал, что после перевооружения казенных arsenалов им достанутся все заказы на новое судостроение. Но он успокоил другие сектора экономики: *«корабли, строящиеся на арсеналах, национальная промышленность должна будет обеспечить металлургическим материалом, машинами и прочими важными механизмами, которые не уместно строить непосредственно на арсеналах. Это даст основание для строительства и разработки различных испанских фабрик, которые в настоящее время способны производить комплектующие, и которые могут упасть духом, если не получат своего развития без такого ценного конкурса»* [13, Р. 266-267].

И так, установка правительства, что претворение в жизнь программы будет происходить за счет национальной промышленности, прозвучала ясно и отчетливо. Этим достигалось сразу три цели. Первая, стратегическая – гарантированная поставка кораблей, вне зависимости от политических интриг, вторая, интересы престижа – корабли носят флаг государства, в котором они построены, и третья, промышленная – в ходе претворения программы национальная промышленность получает толчок к развитию.

Между тем, обследование состояния дел на арсеналах показало, что они и без того сверх меры загружены работой. Только из крупных кораблей в этот момент достраивались три крейсера типа «Рейна Кристина» и два типа «Рейна Рехенте». Поэтому отдавать заказы сразу на два крейсера каждому арсеналу было бы весьма опрометчиво. Но и состояние частной промышленности не давало повода для энтузиазма. Поэтому Родригес Ариас пошел на рискованный шаг по привлечению иностранных инвестиций под новое судостроение. В Испании подобная практика делалась впервые.

Понимая всю опасность подобного шага, он заявлял: *«было бы уместным не подталкивать и насильственно не насаждать в Испании [частную судостроительную промышленность], но этим шагом мы страхуем наше будущее от возможных потрясений»* [13]. В связи с этим и возник пункт о том, что любая иностранная фирма может ожидать получения заказа, если откроет филиал в Испании.

Частный капитал с большой надеждой следил за перипетиями парламентских баталий, пока упомянутый Королевский декрет 13 октября 1887 г. не расставил все по своим местам. В соответствии с ним, три новых крейсера доставались трем казенным адмиралтействам, а тендер еще на три предполагалось разыграть в ходе конкурса между *«национальными или иностранными фирмами, которые должны были открыть филиал в Испании и пользоваться услугами испанских подрядчиков, или зарубежных в том случае, если не появятся предложения национальных фирм»* [9]. Срок для предъявления заявок устанавливался в три месяца. Окончательные требования к конкурсантам были опубликованы 28 декабря 1887 г.

Хотя участие в тендере могли принимать национальные или смешанные предприятия, признавалось, что не все материалы могут быть произведены в Испании. Для защиты интересов испанского капитала и наемной рабочей силы, устанавливалось ограничение, что *«в строительстве следует использовать испанцев не менее чем три четверти»* [9]. Конкурсант мог предложить заявку как на один, так на два или на все три крейсера, минимальный уставной капитал устанавливался в один миллион песет. Платежи предполагалось проводить отдельными взносами, которых устанавливалось не менее шести.

Критерии для оценки заявок в порядке значимости оговаривались следующие: сроки постройки, цена, прочность корпуса, простота механизмов, скорость и дальность плавания. Для надзора за строительством предполагалось организовать специальную комиссию министерства, чтобы исключить использование дефектных материалов. Кроме того, оговаривалась возможность внесения изменений в проект уже в стадии достройки.

В итоге на конкурс поступило девять заявок, в следующей последовательности. «С. Murrieta y Cía.» (Великобритания), «Oswald Mondannt and Co.», «Martínez de las Rivas y Ch.M. Palmers», «La Vizcaya», «Otero, Gil y Cía», «Thames Iron Works» (Великобритания), «I. and G. Rennie Ltd.» (Великобритания), «Vila Hnos. y Cía.» и «Factoría Naval Gaditana» [3].

Из представленных испанских фирм реальным опытом обладали лишь «Otero, Gil y Cía», построившая до этого на добровольные пожертвования миноносец «Эхерсито». Вторая фирма, «Vila Hnos. y Cía.» в свое время была довольно крупным предприятием, закрывшимся в 1874 г. в связи с переходом на металлическое судостроение. После серии неурядиц и коренной перестройки с учетом возможностей уже стального судостроения, предприятие повторно открылось в 1888 г., в ожидании флотских заказов. Все остальные компании существовали более на бумаге.

Изначально наиболее перспективной виделась заявка «Нервионской верфи», порожденной деловым союзом испанца Хосе Мартинеса де лас Риваса (José Martínez de las Rivas) и британца Чарльза М. Пальмерса (Charles M. Palmers). Первый был владельцем сталелитейного завода в Бильбао, а второй представлял интересы объединения британских фирм «Ярроу», «Брауна» и «Каммеля» из Шеффилда.

Не обошлось и без экзотики, так барселонский бизнесмен Алехандро Волгемут (Alejandro Wolgmueth) выступил с предложением на базе «гражданского арсенала» Барселоны создать военный арсенал.

18 мая 1888 г. группа кадисских предпринимателей объединились для создания судостроительного завода. В процессе строительства предполагалось плотно использовать возможности и кадровый потенциал соседнего арсенала Карраки. Определенную силу группе придавало соглашение с ведущим испанским производителем машин и механизмов – барселонской фирмой «Maquinista Terrestre y Marítima» (МТМ), которая вскоре подписала соглашение по сотрудничеству с французской фирмой «Chantiers et Ateliers de la Gironde», превратившись практически в монополиста на поставки главных машин флоту и баскской «La Vizcaya».

На внеочередном собрании 2 января 1888 г. кадисцы и барселонцы решили заявиться с уставным капиталом в 7,5 млн песет на аренду арсенала Карраки (2 млн вносила «Factoría Naval Gaditana», остальное – МТМ). В случае выигрыша тендера, акционеры обязались сохранить и расширить возможности арсенала, а также построить новый док для приема кораблей длиной 130 м. Все штатные должности и оклады работников арсенала предлагалось сохранить, производя их, разумеется, теперь из фондов компании. Кроме того, акционеры обязались не использовать иностранную рабочую силу в количестве превышавшем испанцев.

Сохраняя преемственность традиций арсенала Карраки, акционеры запрашивали треть всех заказанных кораблей эскадры, с обязательством закончить уже начатое арсеналом строительство. Даже были определены ежегодные субсидии: по 800 тыс. первые пятнадцать лет, и потом по 400 тыс.

Трудно сказать, насколько заявка кадисских предпринимателей соответствовала реальному положению дел, но выбор конкурсной комиссии был практически единогласным – Нервионская верфь. Бывшие соперники чрезвычайно болезненно восприняли свой проигрыш. Слишком сильно ассоциировались нервионцы с английским капиталом. Не добавил популярности верфи и тот факт, что по предварительному соглашению, подрядчиком на изготовление машин для заказанных крейсеров должна была выступить барселонская МТМ, а на некоторые механизмы – сеvilская «Портилья». Однако после победы в конкурсе завод в одностороннем порядке отказался исполнять договоренности и самостоятельно изготовил все требовавшееся оборудование. Это привело к раздражению так называемого «патриотически настроенного» общественного мнения и чрезвычайной непопулярности нервионцев в прессе.

Но особенно болезненно на проигрыш в конкурсе отреагировали в Кадисе и Галисии. 30 августа 1888 г. наиболее солидная газета Кадиса «Дьярио де Кадис» вышла с передовицей «Фатальное известие», в котором прямо заявлялось: «*После такой предварительной работы и таких иллюзий на благоприятные известия, состоялось правосудие, решившее в пользу других... После этого мы не можем с покорностью и хладнокровием воспринять этот полный провал, крушение и истинную катастрофу, которая неизбежно наступит*» [4]. В городе экстренно собралось Провинциальное собрание, в Мадрид понесся поток протестующих телеграмм. Закрылось ряд магазинов, сорвалось большинство публичных представлений, везде появились плакаты и пасквили, а часть провинциальных и муниципальных чиновников начали угрожать отставкой. Кадисские власти даже начали готовить специальную парламентскую комиссию во главе с сенатором Завалой, чтобы оспорить правомочность принятого решения. Напряжение достигло такой силы, что расквартированные в округе войска и флот были приведены в состояние полной боевой готовности.

В результате, министерство пошло на компромисс, вовремя вспомнив о поправке принятой Родригесом Ариасом, и в программе появился седьмой крейсер в 7000 т. Определенную легитимность подобному пересмотру придавало следующее обстоятельство. Раздавая заказы между тремя главными адмиралтействами, испанцы постепенно пришли к тому, что практически все корабли во флоте строились сериями кратными трем. Впрочем, это не создавало больших тактических сложностей, ведь и главных военно-морских баз также было три. Между тем, в составе флота числились два устаревших броненосца «Витория» и «Нумансия», которые предполагалось подвергнуть коренной перестройке. А поскольку в результате всех пертурбаций они должны были «дорости» до уровня броненосного крейсера, седьмой корабль как раз и довел бы количество кораблей этого класса до девяти.

Формальное начало для заказа седьмого крейсера программы положили Королевские декреты 24 сентября и 3 октября 1888 г. Первый гласил, что вместо предполагаемого по закону большого количества миноносцев следует заказать еще один крейсер в 7000 т., а второй – заказ на строительство передавал кадисской судовой верфи. Для этой цели 10 января 1889 г. выделялся кредит в 14,98 млн. песет.

Но еще раньше, сразу после неудачи в конкурсе из 27 акционеров новообразованного общества «Factoría Naval Gaditana» 24 изъявили желание выйти из бизнеса. Но три брата Вея-Мурхия (Алехандро, Хуан и Мигель) решили довести начатое дело до конца и, начиная с этого момента, временное товарищество переросло в общество «Братьев Вея-Мурхия» («Вея-Мурхия Эрманос» – Veя-Murguía Hermanos). В последующем верфь несколько раз меняла свое название, став сначала «Эчеварриеттой и Ларринагой» (Echevarrieta y Larrinaga), а потом «АО Кадисская судовой верфь» (Astilleros de Cádiz, S.A.). Именно под названием «Вея-Мурхия» она и фигурировала в упомянутом декрете 3 октября 1888 г.

Решение правительства стало неожиданностью, как для Кадиса, так и для других кабинетов министерства. И уже совсем скоро, не без участия прессы, Технический комитет Морского

министерства принял постановление, что фирма не обладает требуемыми мощностями, а смета, заложенная в проект явно чрезмерная. Тем не менее, 17 марта 1890 г. фирма представила второе, более детально проработанное предложение, которое приняли, дав зеленый свет кадисской постройке. Немаловажную роль в этом возможно сыграло и благоприятное настроение общественного мнения. В отличие от нервионской верфи, «Вея-Мурхия» с самого начала рассматривалась как чисто испанское творение, этаким гений испанской нации. Причем, если консерваторы смотрели с тревогой на «нервионское» творение либералов, то благожелательное мнение о кадисцах совпадало у тех и у других.

Тем не менее, несмотря на работы по строительству и расширению верфи, она сильно уступала тому же Нервионскому заводу. Достаточно упомянуть, что на «Вея-Мурхия» отсутствовал док! Не располагал завод и сильной промышленностью в округе: в отличие от индустриального севера, юг по-прежнему оставался преимущественно аграрным.

Пока шли взаимные препирательства и традиционная бюрократическая волокита, подписание контракта было отсрочено. А в 1891 г. случились два события, заставившие отказаться от копирования типа «Инфанта Мария Тереза» в пользу более крупного корабля.

Во-первых, в Великобритании прошла научная конференция, посвященная оценке текущего состояния военно-морских вооружений, с приглашением практически всех ведущих кораблестроителей и лиц из адмиралтейства. Большого внимания удостоились крейсера типа «Орландо», проект которых положили в основу «Инфанта Марии Терезы», причём в основном звучали нелестные отзывы. Например, отмечались слабое горизонтальное бронирование, чрезвычайная уязвимость крейсеров от фугасных снарядов и т.д. Итоги конференции вызвали большой интерес в Испании – центральное издательство Мадрида даже опубликовало перевод материалов для ознакомления с ними испанских офицеров.

Во-вторых, из США дошли тревожные вести, что американцы строят новый корабль, превосходящий по своим характеристикам испанские аналоги. Незамедлительно на верфь Крампа, где сооружался крейсер «Нью-Йорк», командировали несколько специалистов. Итогом их поездки стал подробный доклад в Морском министерстве. Участник командировки мичман Мануэль Самоса писал: *«Этот крейсер [«Нью-Йорк»] мы могли бы сравнить с нашей «Бискайей»... но американский крейсер в лучшую сторону отличается по защите от фугасных снарядов, что заслуживает достаточно пристального внимания, особенно после опытов в Тулоне с «Белликесом» [устаревший французский корабль, расстрелянный во время учений, показавших высокую эффективность фугасных снарядов – Н.М.]. Мы это упоминаем для того, чтобы компетентные люди изучили сей факт, и учли его при строительстве новой эскадры»* [14]. Хотя «американец» уступал по массе бортового залпа, безоговорочно превосходил по массе выстреливаемого в минуту металла. Так что следовало доработать проект «Инфанта Марии Терезы» с целью усиления бронирования и увеличения скорострельной артиллерии. Инициатором подобного пересмотра выступил морской министр адмирал Беранхер, теперь уже сам воспользовавшись оговорками закона Родригеса Ариаса.

Работа над техзаданием и конкурсом на лучший проект броненосного крейсера осложнялось наличием заранее определенного победителя. Фарс ситуации заключался в том, что работы в Кадисе уже начались, были задействованы и подрядчики. Например, в начале мая 1891 г. барселонское предприятие МТМ уже произвело отливку заготовки под корпус паровой машины. Тем не менее, дискуссия в министерстве получилась довольно жаркая. В стенограммах заседания Консультативного комитета во многих местах фразы подправлены и дополнены, что нехарактерно для испанского документооборота того времени. Многие цифры по несколько раз переправлены [1]. На итоговом заседании 15 апреля 1891 г. была принята окончательная редакция технического задания, с изменениями по вооружению: *«Консультативный совет Флота постановил проект броненосного крейсера 7000 т и 13 000 л.с., (контракт на строительство которого в размере 14 380 тысяч песет достался братьям Вея Мурхия из Кадиса), исправить на боевой корабль 9235 метрических тонн водоизмещения, двойного дна, клеточной схемы, имеющий две машины тройного расширения суммарной мощностью 15 000 л.с. при естественной тяге и радиусом действия не менее 12 000 миль на экономической скорости»* [1].

Таким образом, испанцы получали решительное преимущество над американцами для ведения крейсерских операций. В случае полного претворения в жизнь судостроительной программы они могли выставить три однородные эскадры с ходом свыше 20 узлов, каждая из которых состояла бы из крейсера-флагмана водоизмещением 9000 т., двух броненосных крейсеров типа «Инфанта Мария Тереза» по 7000 т. и одному 4500-тонному бронепалубному крейсеру типа «Рейна Рехенте». Умелыми и активными действиями на коммуникациях, подобных операциям «Алабамы» во время гражданской войны в США, они смогли бы заставить американцев заключить мир на испанских условиях. Противостоять им могли бы лишь броненосные крейсера «Нью-Йорк» и «Бруклин» и несколько бронепалубных, имевших сопоставимую скорость. Тихоходные американские броненосцы, необходимые для защиты собственных берегов, из-за ограниченной дальности плавания к крейсерским операциям привлечь вряд ли бы не удалось.

Министерству пришлось пересмотреть первоначальное техническое задание и на минный крейсер [16, 18]. Родоначальник этого типа «Деструктор», построенный фирмой Томпсона имел скорость 22,5 узла – максимально возможную для корабля таких размеров. Однако в ходе его испытаний в Испании возник законный вопрос, а имеет ли смысл такая скорость? В работе Х.Р. Гарсия Мартинеса [6] довольно подробно цитируется рассекреченный рапорт капитана 1 ранга Сигисмундо Бермехо, руководившего торпедными стрельбами «Деструктора». Всего в программе испытаний на 21-узловом ходу произвели четыре выстрела. Половина пусков (пуски № 17 и 18) оказались неудачными, поскольку вода, попала в аппарат. Причины неисправности видели в неудовлетворительно закрывающихся крышках торпедных аппаратов. Кроме того, ось аппарата находилась всего в 0,8 м от ватерлинии и при полном ходе она неминуемо заполнялась водой от носового буруна.

Больше всех пришлось поволноваться в пуске № 19. В этот раз вместо штатного выхода, торпеда просто сошла по трубе и вывалилась наружу. Набегающим потоком воды ее подмяло под корпус, приведя в негодность. Кораблю пришлось остановиться и убирать поврежденную торпеду. Зато в этот день выстрел № 20 на скорости 16 узлов прошел без нареканий. Из-за инцидента с пуском № 19, на следующий день предварительно четыре раза была испытана пневматика аппаратов, и лишь только поле этого перешли на стрельбу учебными торпедами. Оба выстрела на скорости 16 узлов прошли без нареканий.

Исходя из программы испытаний, были сделаны важные выводы. На скорости в 16 узлов все пуски были удовлетворительными, а на скорости 20-22 узла только в двух случаях торпеда вышла из аппарата, при этом лишь один раз в штатном режиме. В связи с этим максимальная скорость при пуске ограничивалась 16-ю узлами, а после каждого выстрела следовало проводить контрольную продувку для удаления попавшей в аппарат воды. Таким образом, создавалась парадоксальная ситуация – главное оружие «Деструктора» высокая скорость и торпеда оказались несовместимыми.

Разумеется, результаты экспериментов в Испании не получили широкой огласки, но ими руководствовались высшие чины при выдаче технического задания на следующие минные крейсера. Так если в программе судостроения Родригеса Ариаса фигурировали 96 миноносцев с дальностью плавания 1500 миль и скоростью 24 узла, стоимостью по 600 тыс. песет («Деструктор» обошелся в 800 тысяч) [6]. То уже в более взвешенном проекте, опубликованном в статье Клаудио Лаго де Лансона [8], упоминалось об эсминцах водоизмещением в 500 т. и ценой по полутора млн. песет: 2 в первой очереди, два во второй и два в третьей. Точно такая же численность предполагалась для 350-тонных миноносцев, стоимостью в 1 млн. И, наконец, 200–250-тонные миноносцы в 700 тыс. планировалось 4, 6 и 6 соответственно. В итоге министерство построило 5 единиц типа «Темерарио» водоизмещением 570 т, «Нуэва Эспанью» в 630 т, «Филипинас» в 750 т, и три типа «Дон Альваро де Басан» в 830 т. Интересно, что проектная скорость всех их не превышала 20 уз. (реально те же 16–18) [5]. Но даже в таком более скромном варианте ничего подобного американцы в составе своего флота к началу испано-американской войны не имели. Все имевшиеся в строю американские миноносцы ориентировались исключительно на прибрежную оборону.

Следующим типом кораблей, в котором Испания обогнала своих американских оппонентов, стали подводные лодки. В 1887 г. была построена первая по-настоящему боевая субмарина Исаака Пералы, обогнав в этом американцев почти на десятилетие [10]. Морское министерство отказалось принимать ее на вооружение, но причины этого состояли вовсе не в политических интригах, а в недоработанности конструкции. Среди пунктов, сформулированных в министерском задании 19 декабря 1888 г. в ходе испытаний оказались невыполнены всего два: погружение на максимальную глубину 30 м и учебная атака корабля в районе Гибралтара. В последнем случае требовалось перейти собственными силами в надводном положении из Кадиса до Альхесирасской бухты. Но увы, испытания лодки в Кадисской бухте показали невозможность ни первого ни второго. Не все гладко прошло и в ходе «успешных» июньских атак: так из-за дефекта балластного клапана лодка просто чудом не утонула. Поэтому в заключении комиссии и говорится, что идея подводного плавания не зашла дальше опытов и экспериментов: лодка в целом не годилась для ведения боевых действий – обладала слишком малой автономностью и плохой мореходностью. Это делало возможным ее применения лишь в "тепличных" условиях. Впрочем, министерство было вполне готово сделать следующий логический шаг. 11 ноября 1890 г. выходит приказ Морского министра о сдаче лодки к порту, а Исааку Пералу рекомендовалось заняться проектированием новой более крупной лодки водоизмещением в 120 т. К сожалению, к этому времени здоровье изобретателя уже не позволило заняться совершенствованием своего детища и он, получив звание старшего лейтенанта, выходит в отставку (подробнее история с лодкой Пералы анализировалась автором в работах [19, 20]).

Подводя итог испанской судостроительной активности первого десятилетия периода регентства, следует отметить, что, несмотря на явный инновационный уклон, с выполнением программы возникли многочисленные технические трудности, сопровождавшиеся организационными и экономическими проблемами. Даже несмотря на техническую поддержку Великобритании, испанская промышленность оказалась не готова к столь обширному судостроению. В 1894 г. специальная парламентская комиссия, обследовав строящиеся корабли, пришла к выводу, что программа 1887 г. провалилась. Из-за многочисленных задержек и дефектов в строительстве все

планируемые суммы оказались потраченными, но программа находилась в стадии далекой от выполнения. Принятый либеральным правительством «мирный» бюджет также не способствовал скорейшему окончанию работ – даже находящиеся в строю корабли не получали должного содержания. Количество батальонов морских пехотинцев сократили с двенадцати до трех, навсегда похоронив идею профессиональной колониальной армии.

1895 г. принес новые проблемы. Мало того, что в этот год практически одновременно погибли три крейсера, начавшаяся инсургенция на Кубе и Филиппинах потребовала пересмотра даже тех небольших сумм, которые выделялись Морскому министерству. Хотя программа экстраординарного усиления сил в колониях была исполнена в рекордные сроки, это были в основном малые канонерки, абсолютно непригодные в случае войны с внешними противниками.

Новое правительство Кановас дель Кастильо, пост Морского министра в котором снова занял все тот же адмирал Беранхер, пыталось изменить существующее положение, но время уже было упущено. Сделав упор на иностранных поставщиков, в 1897 г. принимается новая судостроительная программа. По ней предполагалось построить: броненосец, двенадцать крейсеров 1 ранга, тринадцать второго, 100 миноносцев 1 ранга, 50 второго; транспорт, 32 канонерские лодки и 20 катеров. Из всего этого амбициозного судостроения за рубежом удалось купить: в Италии один крейсер 1 ранга "Кристобаль Колон", в Великобритании – шесть миноносцев, а также капитально отремонтировать и модернизировать все броненосцы, включая совершенно устаревшие «Витория» и «Нумансия» (к сожалению, ни на одной работы не удалось завершить к началу испано-американской войны). Из мелких судов были куплены три транспорта и несколько буксиров. В Англии построили два плавучих дока, предназначенные для адмиралтейств Гаваны и Кавите. К сожалению, переговоры о покупке в Италии крейсеров «Варезе» и «Карло Альберто», а в Австрии броненосцев «Вьен» и «Будапешт» окончились безрезультатно.

Итогом усилий адмирала Беранхера стало абсолютно популистское решение. Не имея возможности реально увеличить силу испанского флота, он сделал это на бумаге, введя новую классификацию кораблей и судов. 18 августа 1895 г. вышел в свет Королевский декрет о новой классификации кораблей, где единственным критерием, определяющим класс корабля, стало водоизмещение [21]:

- броненосцами 1 ранга стали называться все боевые корабли с водоизмещением большим 9000 т.;
- броненосцами 2 ранга – от 6000 до 9000 т.;
- крейсера 1 ранга – от 2000 до 6000 т.;
- крейсера 2 ранга – от 800 до 2000 т.;
- крейсера 3 ранга – от 500 до 800 т.;
- канонерки 1 ранга – от 300 до 500 т.;
- канонерки 2 ранга – от 100 до 300 т.;
- канонерки 3 ранга – от 20 до 100 т.;
- катера – все боевые суда, меньшие 20 т.;
- миноносцы 1 ранга – минные корабли от 100 до 500 т.;
- миноносцы 2 ранга – меньшие 100 т.

Таким образом, получалось, что все испанские корабли были на одну ступень выше по классификации, чем их зарубежные аналоги: крейсера стали броненосцами, а канонерки – крейсерами.

Естественно, что такая подтасовка не могла дезинформировать военно-морских специалистов, и потому была направлена исключительно на создание общественного мнения. Но, как показали дальнейшие события, для общественного мнения это оказался троянский конь. Действительно, если в официальных сводках сообщают, что испанский крейсер уничтожен американской канонеркой, то на простого обывателя подобное известие производит тягостное впечатление. А фактически, канонерка в 300 т. уничтожена канонеркой в 1500 т.

Всего на нужды флота в 1892–1893 финансовых годах ассигновано 29,7 млн песет, из которых 5,8 млн пошло на новое судостроение, в 1893–1894 гг. – 22,4 млн, а в 1894–1895 гг. – 23,4 млн [13]. Таким образом, вместо сильного и сбалансированного флота, предполагавшийся после претворения программы судостроения Родригеса Ариаса, Испания встретила испано-американскую войну с одним броненосцем и пятью броненосными крейсерами, явно уступая в вооружении и бронировании пяти броненосцам, шести мониторам и двум броненосным крейсерам американского флота. Испанцы имели неоспоримое преимущество в автономности и скорости перед своими американскими оппонентами, что оказалось бессмысленным в выбранном сценарии войны...

Заключение.

1. В отечественной и американской литературе сложилось искаженное представление об испанском военном судостроении периода регентства. Для отечественной литературы это объясняется давлением марксистской идеологии о невозможности победы в войне государства с более отсталой общественно-экономической формацией, из-за чего в работах советских историков акцентируется устарелость материальной части флота. Американские историки также оказались не

заинтересованными в объективной оценке, имея тенденцию к преувеличению испанских возможностей, чтобы подчеркнуть грандиозность первой победы своего «Нового флота» над некогда великим государством.

2. Анализ программ испанского судостроения позволяет утверждать, что в целом к 1898 г. Испания обладала совершенным и вполне сбалансированным флотом, по ряду параметров превосходя американский флот. Испанский флот имел весьма существенную инновационную составляющую.

3. Ввиду особенностей внешней политики Испании конца 1880-х гг. все новое военное судостроение имело явно колониальную ориентацию с упором на быстроходные крейсера. Проблемы внешнеполитического и внутриполитического характера начала 1890-х гг. не дали возможности в полной мере претворить программу военного судостроения, затянув ее до 1910-х гг., когда в строй испанского флота вступили уже морально устаревшие корабли.

Примечания:

1. Archivo General de Marina «Álvaro de Bazán» (Ciudad Real): «Buques Historiales» Leg. 1176, Núm 245; «Contratos y escrituras» Leg. 5477, Núm L; «Expedientes Personales» Leg. 620, Núm 27; «Buques (Cuaderno de Bitácora)» Leg. 1177, Núm 164.
2. Bermejo S. Maniobras y ejercicios de tropederos // Revista General de Marina. 1888. T. 23. P. 527–569.
3. Colección legislativa de la Armada. 1889. P. 293.
4. Diario de Cádiz. 30 de agosto 1888.
5. Estado General de la Armada para el año de 1898. Madrid: Imprenta del Ministerio de Marina, 1898.
6. García Martínez J. R. Cazatorpedero «Destructor» // El «Destructor» de Villaamil el primer torpedero contratorpedero. Madrid: Centro Marítimo y Naval Casto Méndez Núñez, 2009.
7. García Parreño J. Las armas navales españolas. Madrid: Empresa nacional Bazan, 1982. 312 p.
8. Lago de Lanzón C. La escuadra en proyecto // Revista General de Marina. 1887. T. 20. P. 273–303.
9. Ministerio de Marina. Ley // Revista General de Marina. 1887. T. 20. P. III–X.
10. Mitiuckow N.W. Pierwsze okręty podwodne Hiszpanii i Stanów Zjednoczonych // Okręty Wojenne. 2002. № 3. S. 6–11.
11. Coello Lillo J.L., Rodríguez González A.R. Buques de la Armada Española. A través de la fotografía (1849–1900). Madrid: Aqualarga, 2001.
12. Rodríguez González A.R. El plan naval de Rodriguez Arias de 1887 y sus antecedentes // Revista General de Marina. 1985. T. 209. P. 81–109.
13. Rodríguez González A.R. Política naval de la restauración (1875–1898). Madrid: Editorial San Martín, 1988. 522 p.
14. Somoza M. Una visita al arsenal de Cramp and Sons // Revista General de Marina. 1891. T. 29. P. 334–349.
15. Анка А.А., Митюков Н.В. Испанский броненосец «Pelayo». СПб: Изд-во «ЛеКо», 2004. 56 с.
16. Митюков Н.В. «Деструктор» и мировое судостроение // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2012. № 5. Ч. 1. С. 128–131.
17. Митюков Н.В. 100-мм орудие Гарсия де Ломаса // Клио. 2011. № 8. С. 119–121.
18. Митюков Н.В. Минный крейсер «Деструктор». М.: Морская коллекция, 2012. 32 с.
19. Митюков Н.В. Подводная лодка Исаака Пералы и мировое судостроение // Военный сборник. 2013. Т. 1. № 1. С. 4–12.
20. Митюков Н.В., Порцева Л.П. Подводная лодка Исаака Пералы – памятник военно-морским инновациям Испании конца XIX века // Гуманитарное знание в XXI в.: значение, тенденции и перспективы. Новосибирск: Изд-во СибАК, 2013. С. 8–25. (ISBN 978-5-4379-0347-6).
21. Ministerio de marina // Revista General de Marina. 1895. T. 37. P. 255.

References:

1. Archivo General de Marina «Álvaro de Bazán» (Ciudad Real): «Buques Historiales» Leg. 1176, Núm 245; «Contratos y escrituras» Leg. 5477, Núm L; «Expedientes Personales» Leg. 620, Núm 27; «Buques (Cuaderno de Bitácora)» Leg. 1177, Núm 164.
2. Bermejo S. Maniobras y ejercicios de tropederos // Revista General de Marina. 1888. T. 23. P. 527–569.
3. Colección legislativa de la Armada. 1889. P. 293.
4. Diario de Cádiz. 30 de agosto 1888.
5. Estado General de la Armada para el año de 1898. Madrid: Imprenta del Ministerio de Marina, 1898.
6. García Martínez J. R. Cazatorpedero «Destructor» // El «Destructor» de Villaamil el primer torpedero contratorpedero. Madrid: Centro Marítimo y Naval Casto Méndez Núñez, 2009.
7. García Parreño J. Las armas navales españolas. Madrid: Empresa nacional Bazan, 1982. 312 p.
8. Lago de Lanzón C. La escuadra en proyecto // Revista General de Marina. 1887. T. 20. P. 273–303.
9. Ministerio de Marina. Ley // Revista General de Marina. 1887. T. 20. P. III–X.
10. Mitiuckow N.W. Pierwsze okręty podwodne Hiszpanii i Stanów Zjednoczonych // Okręty Wojenne. 2002. № 3. S. 6–11.

11. Coello Lillo J.L., Rodríguez González A.R. Buques de la Armada Española. A través de la fotografía (1849–1900). Madrid: Aqualarga, 2001.
12. Rodríguez González A.R. El plan naval de Rodriguez Arias de 1887 y sus antecedentes // Revista General de Marina. 1985. T. 209. P. 81–109.
13. Rodríguez González A.R. Política naval de la restauración (1875–1898). Madrid: Editorial San Martín, 1988. 522 p.
14. Somoza M. Una visita al arsenal de Cramp and Sons // Revista General de Marina. 1891. T. 29. P. 334–349.
15. Anca A.A., Mitiukow N.W. Ispanskiy bronenosets «Pelayo». S-Peterburg, 2004. 56 p.
16. Mitiukow N.W. «Destructor» i mirovoe sudostroenie // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologia i iskusstvovedenie. 2012. № 5. Part. 1. P. 128–131.
17. Mitiukow N.W. 100-mm orudie García de Lomas // Klio. 2011. № 8. P. 119–121.
18. Mitiukow N.W. Minnyi kreiser «Destructor». Moskva, 2012. 32 p.
19. Mitiukow N.W. Podvodnaya lodka Isaaka Perala i mirivie sudostoenie // Voennyi sbornik. 2013. T. 1. № 1. P. 4–12.
20. Mitiukow N.W., Portseva L.P. Podvodnaya lodka Isaaka Perala – pamatnik voenno-morskim innovatsiyam Ispanii kontsa XIX veka // Gumanitarnoe znanie v XXI v.: znachenie, tendentsii i perspektivy. Novosibirsk, 2013. P. 8–25. (ISBN 978-5-4379-0347-6).
21. Ministerio de marina // Revista General de Marina. 1895. T. 37. P. 255.

УДК 94(460).085

Иновации испанского судостроения периода регентства

Николай Витальевич Митюков

Ижевский государственный технический университет, Российская Федерация
426000, Ижевск, ул. Студенческая, 7
Камский институт гуманитарных и инженерных технологий
426000, Ижевск, ул. Вадима Сивкова, 12
Член-корреспондент Королевской морской академии (Испания), д-р техн. наук, доцент
E-mail: nico02@mail.ru

Аннотация. В работе дается анализ инновационной составляющей программ испанского судостроения первого десятилетия периода регентства (1887–1898 гг.). Показано, что несмотря на объективные трудности со строительством новых кораблей, инновациям в отрасли в Испании уделялось большое значение. Ввиду особенностей внешней политики конца 1880-х гг. новое военное судостроение имело явно колониальную ориентацию с упором на быстроходные крейсера. Проблемы внешнеполитического и внутривнутриполитического характера начала 1890-х гг. не дали возможность в полной мере претворить программу военного судостроения, затянув ее до 1910-х гг., что стало одной из причин поражения в испано-американской войне.

Ключевые слова: Испания; история; регентство; судостроение; военно-морская политика.

UDC 94

Measuring the Famine: Consumption Level in 1933

Sergey A. Nefedov

Ural Federal University, Russian Federation
Doctor of Historical Sciences, Professor
E-mail: hist1@ya.ru

Abstract. The question of territorial-fixed coverage of the 1933 famine is a matter of dispute between Ukrainian and Russian historians. While the latter believe that the famine was localized in Ukraine only, the latter claim it also covered wide areas in Russia, in particular, the Northern Caucasus, the Volga River basin, and the Central Chernozem District. To solve this problem, the author involves data from nourishment studies conducted by the State Planning Committee of the USSR in 1933. This data does not include information on the Northern Caucasus, but demonstrates that the most catastrophic situation among other regions was in Ukraine.

Keywords: famine; 1933; Ukraine; Russia; food consumption level; nourishment studies.

Введение. Вопросу о масштабах голода 1933 года в СССР посвящена обширная литература. В работах Р. Дэвиса и С. Уиткрофта, Н. А. Ивницкого, В. В. Кондрашина, С. В. Кульчицкого, Р. Таугера [1] и других авторов рассмотрены вопросы касающиеся, в первую очередь, размеров урожая зерновых, величины потерь при уборке и объема хлебозаготовок. Сопоставление этих величин дает возможность определить количество оставшегося в деревне хлеба и масштабы продовольственного дефицита в отдельных областях. Однако вопрос о размерах территории, пораженной голодом и интенсивности его в различных областях породил дискуссию между украинскими и российскими историками. Если первые считают, что голод был локализован на Украине, то вторые утверждают, что он охватил также обширные области России, в частности, Северный Кавказ, Поволжье и Центрально-Черноземный район.

Материалы и методы. Помимо данных о размерах урожая, которые используют многие авторы, существуют и прямые данные о потреблении продуктов питания по областям СССР. Речь идет, прежде всего, о данных бюджетных обследований, имеющиеся в фондах Российского государственного архива экономики (РГАЭ). Эти данные приводятся в бюллетене Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) Госплана «Бюджеты колхозников за 1933 и 1934 годы» [2]. Частично эти данные – а именно, данные о потреблении хлеба по 7 регионам – воспроизводятся в книге Р. Дэвиса и С. Уиткрофта [3]. Однако потребление крестьян, разумеется, не ограничивалось хлебом, поэтому представляет интерес проанализировать динамику потребления по полному набору продуктов.

Вопрос о репрезентативности бюджетных данных. Может вызвать некоторое удивление, что в голодном 1933 году ЦУНХУ проводило обследования питания и фиксировало масштабы голода – хотя, конечно, соответствующие материалы имели гриф «Не подлежит оглашению». Бюджетные обследования проводились в Белоруссии, в четырех российских регионах (Московской, Ленинградской, Центрально-Черноземной областях и в Средне-Волжском крае), и в двух областях Украины (Киевской и Одесской). Было обследовано следующее количество крестьянских хозяйств: в Белоруссии – 770, в Московской области – 980, в Ленинградской – 700, в ЦЧО – 1050, в Средне-Волжском крае – 980, в Киевской области – 560, в Одесской – 700. К сожалению, на Северном Кавказе, бюджетные обследования не проводились и мы лишены возможности судить о ситуации в этом регионе. Хозяйства колхозников отбирались механически, путем жеребьевки; они разбрасывались по районам конкретной области пропорционально удельному весу отдельных районов в населении области. Расходы продуктов питания регистрировались самими колхозниками один раз в десять дней; эти записи ежемесячно проверялись инструкторами. Поступление продуктов питания регистрировалось дважды – самим колхозником в день поступления и инструктором на основании отчетов данного колхоза. Кроме того, в колхозы периодически выезжали работники областных управлений народно-хозяйственного учета, которые проверяли всю работу колхозников и инструкторов [4].

ЦУНХУ анализировало степень репрезентативности выборки, сравнивая данные по тем колхозам, в которых находились обследуемые хозяйства («бюджетным» колхозам) со средними данными по всем колхозам области. Результаты такого сравнения приводятся в таблице 1.

Отклонение характеристик бюджетных колхозов от средних величин, которые принимаются за 100 %

Область, край, республика	Посевные площади на 100 душ в 1933 г.	Урожайность зерновых в 1933 г.	Число рабочих лошадей на 100 га посева в 1933 г.	Выдача зерна на 1 трудодень в 1933 г.	Выдача зерна на 1 трудодень в 1934 г.
Ленинградская	104,3	97,3	81,7	91,2	97,0
Московская	95,9	103,4	110,4	94,5	77,5
ЦЧО	101,5	104,4	102,3	95,6	112,6
Средне-Волжский	116,4	97,1	91,8	105,3	99,0
БССР	101,3	101,6	95,5	99,3	89,3
Киевская	111,7	91,3	104,8	101,6	90,7
Одесская	104,8	100,4	118,4	100,4	79,6

Источник: РГАЭ. Ф. 1562 Д. Оп. 77. Д. 5а. Л. 3-5.

Рассмотрение сравнительных данных позволяет сделать вывод, что колхозы, в которых располагались обследованные хозяйства, не выделялись из основной массы колхозов. Р. Дэвис и С. Уиткрофт считают эту выборку репрезентативной [5], и действительно, если бы обследования проводились в нормальных условиях, то с этим выводом можно было бы согласиться. Однако в 1930-х годах условия не были нормальными, и существует вероятность, что после получения данных из обследованных хозяйств, они могли быть приукрашены в угоду вышестоящему начальству. Наиболее детальным исследованием проблемы достоверности результатов бюджетных обследований 1930-х годов является работа Е. Д. Твердюковой [6]. Е. Д. Твердюкова не дает окончательного решения этой сложной проблемы, но полагает, что «при проведении обследований вряд ли речь шла о сознательном завышении уровня жизни трудящихся» [7]. Можно добавить, что данные бюджетных обследований о потреблении хлеба увязывались в хлебофуражных балансах с данными о реальном намоте зерна, полученными из годовых отчетов колхозов. Таким образом, если бы данные о потреблении были существенно преувеличенными, то балансы бы не сходились [8].

Эти аргументы, однако, не вполне характеризуют конкретную ситуацию 1933 года, когда в районах массовой смертности репрезентативность выборки могла быть нарушена просто в результате смерти некоторых участников бюджетных обследований. Представляется очевидным, что для таких районов (главным образом, для Украины) данные бюджетных обследований являются завышенными. Вопрос – насколько? Как мы увидим далее, по бюджетным обследованиям уровень потребления на Украине был таким, что человек при условии выполнения легкой работы мог прожить только 90-100 дней. Если предположить, что уровень потребления был завышен, скажем, на 20 %, то расчеты показывают, что в этом случае погибло бы все население Украины – даже те, кто не выполнял никакой работы. Иными словами, чрезвычайно низкий уровень потребления, который дают данные бюджетных обследований, сам по себе служит опровержением предположения о значительной завышенности этих данных.

Таким образом, мы разделяем мнение Е. Д. Твердюковой, что при всех возможных неточностях «в совокупности они (бюджеты – С. Н.) все же дают правильное представление о динамике доходов и расходов населения» [9]. В данном случае особенно важно, что бюджеты дают представление не только о повременной, но и о территориальной динамике. Поскольку мы не имеем другого столь подробного источника о потреблении в 1930-х годах, то, как отмечает Е. А. Осокина, «бюджеты представляют незаменимый источник» [10]. В книгах Р. Дэвиса, С. Уиткрофта и Е. А. Осокиной достоверность бюджетов не ставится под сомнение и авторы оперируют этими данными без каких-либо оговорок.

Данные о потреблении продуктов питания. Бюджетные данные о потреблении продуктов колхозниками в 1932-1934 гг. (за исключением данных о потреблении хлеба) до сих пор не публиковались, поэтому мы считаем необходимым привести здесь подробные сведения о потреблении всех видов продуктов (см. табл. 2 и 3).

Таблица 2

**Потребление продуктов питания колхозниками в I и II полугодиях 1933 года
(в граммах на душу населения в месяц)**

		Ленинградская	Московская	ЦЧО	Средне-Волжский край	БССР	Киевская	Одесская
Хлеб и мука в переводе на хлеб	I	20537	19506	11511	15688	11242	6222	7222
	II	19647	18731	11374	16960	12203	13146	15652
Крупа и бобовые	I	1003	805	1526	1459	996	2177	1502
	II	874	870	1509	1625	1046	2190	1309
Картофель	I	13891	16974	19490	7821	28715	9171	3669
	II	20674	22399	20652	12673	34406	12022	6478
Овощи и корнеплоды	I	4244	4687	6652	2627	4069	7917	9101
	II	5593	6943	10853	4788	4853	6960	12644
Сахар, конфеты	I	190	192	31	18	46	48	89
	II	140	129	100	29	52	111	134
Масло растительное	I	34	31	51	9	20	43	121
	II	28	25	20	5	14	42	51
Бахчевые	I	1	0	24	370	0	932	601
	II	139	17	1741	1376	98	3290	2121
Мясо всякое	I	1179	900	588	320	1192	401	378
	II	1103	899	444	448	999	389	269
Сало	I	36	12	40	8	485	182	31
	II	25	15	16	5	357	79	16
Рыба	I	347	70	39	63	115	105	421
	II	261	73	41	55	119	155	209
Молоко цельное	I	9377	8482	6956	5954	8361	4471	5626
	II	9960	10125	10463	7273	10288	8198	6179
Молоко снятое	I	904	387	326	1987	1037	255	475
	II	969	151	707	1919	1098	629	717
Сметана	I	111	47	39	89	110	28	25
	II	85	27	65	38	107	95	92
Масло коровье	I	50	9	16	42	16	6	55
	II	36	11	26	42	15	26	114

Источник: РГАЭ. Ф. 1562 Д. Оп. 77. Д. 5а. Л. 91-92.

Таблица 3

**Потребление продуктов питания колхозниками в I и II полугодиях 1934 года
(в граммах на душу населения в месяц)**

		Ленинградская	Московская	ЦЧО	Средне-Волжский край	БССР	Киевская	Одесская
Хлеб и мука в переводе на хлеб	I	19341	19007	13864	16828	13184	15591	18060
	II	20631	18813	13167	17992	13042	13935	14112
Крупа и бобовые	I	1248	1617	2899	2704	1432	2446	2652
	II	1004	1106	2097	1818	1095	2035	1993
Картофель	I	18363	20075	15631	12743	28614	8150	3433
	II	18592	23136	22423	15758	38750	17522	6093
Овощи и корнеплоды	I	5037	6849	10460	2916	3264	6226	8198
	II	6875	7743	10467	5690	5840	8400	11467
Сахар, конфеты	I	220	218	82	66	91	141	212
	II	253	256	130	64	66	320	230
Масло	I	74	52	88	18	16	63	148

растительное	II	47	45	35	9	31	75	109
Бахчевые	I	6	0	71	152	0	234	781
	II	341	25	1793	2689	161	3844	4820
Мясо всякое	I	954	942	403	355	1168	438	476
	II	873	926	426	401	750	282	676
Сало	I	88	11	24	2	433	167	142
	II	18	19	160	4	248	99	85
Рыба	I	348	84	70	102	165	196	409
	II	326	135	72	110	163	188	410
Молоко цельное	I	10277	9760	8034	6174	10092	6188	4292
	II	11385	11791	10980	7929	12204	9933	5093
Молоко снятое	I	758	728	973	2955	1087	602	524
	II	815	483	1217	3122	1627	1298	684
Сметана	I	82	52	59	44	145	95	91
	II	92	73	66	65	159	168	117
Масло коровье	I	34	15	24	68	18	19	73
	II	49	16	41	80	29	64	124

Источник: РГАЭ. Ф. 1562 Д. Оп. 77. Д. 5а. Л. 91-92.

Можно подсчитать энергетическую ценность указанного набора продуктов. Для определения калорийности продуктов мы используем данные справочника «Нормальный состав пищи и пищевое значение продовольственных продуктов» [11] и данные ФАО [12] (которые в табл. 4. выделены курсивом).

Таблица 4

Калорийность продуктов, принимаемая при расчете потребления (ккал/кг)

Продукты	ккал/кг	Продукты	ккал/кг
Мука ржаная	2955	Мясо в среднем	<i>1742</i>
Мука пшеничная	3285	Сало	<i>6470</i>
Крупа и бобовые	3378	Рыба в среднем	<i>860</i>
Картофель	<i>670</i>	Молоко цельное	<i>635</i>
Овощи	<i>204</i>	Молоко снятое	<i>370</i>
Сахар	3875	Сметана	<i>2482</i>
Масло растительное	<i>8517</i>	Масло коровье	<i>7795</i>
Бахчевые	200	Фрукты	<i>560</i>

Для определения калорийности фигурирующего в табл. 2 и 3 «хлеба и муки в переводе на хлеб» мы использовали стандартный метод, применявшийся при обследованиях 1930-х гг., а именно: ржаной хлеб переводился в муку из соотношения 1 кг хлеба = 0,715 кг муки, пшеничный хлеб – из соотношения 1 кг хлеба = 0,785 кг муки [13]. Отсюда можно подсчитать, что калорийность ржаного хлеба принималась ЦУНХУ равной 2113 ккал, пшеничного хлеба – 2579 ккал. Это немного больше, чем величины калорийности, используемые статистиками 1920-х годов [14]. Кроме того, статистики 1920-х годов, по-видимому, несколько занижали калорийность картофеля - поэтому в данном случае мы используем при подсчетах более современные данные ФАО. Это приводит к тому, что при пересчете калорийности пищевых наборов 1920-х годов по нашей методике мы получим немного большие цифры, чем те, которые указывались статистиками 1920-х годов: например, для обследования февраля 1924 года в Воронежской губернии мы получим 3391 ккал в день вместо 3311 ккал по данным ЦСУ (то есть на 2,5% больше) [15].

Пользуясь данными табл. 4, можно найти калорийность используемого в бюджетных сводках условного «хлеба». Как показывают обследования 1920-х годов, в российских областях и в Белоруссии крестьяне потребляли почти исключительно ржаной хлеб [16]. На Украине потреблялся и белый хлеб, и, если учесть доли потребления ржаного и пшеничного хлеба [17], то получим, что принимаемая в расчетах калорийность употреблявшегося на Украине хлеба равна примерно 2188 ккал/кг.

Используя эти значения калорийности упомянутых в таблице продуктов, получим общую калорийность продуктового набора.

Уровень потребления колхозников в 1933-1934 гг. в сравнении с уровнем потребления крестьян в 1924 г. (ккал/день)

Область, край, республика	1933		1934		Губерния, республика	1924
	I	II	I	II		февраль
Ленинградская	2251	2325	2323	2412	Ленинградская	2881
Московская	2156	2267	2342	2392	Московская	2956
ЦЧО	1686	1809	1983	2099	Воронежская	3391
Средне-Волжский край	1660	1927	2021	2151	Самарская	2676
БССР	1965	2172	2177	2366	БССР	2898
Киевская	1149	1809	1893	2082	УССР	3040
Одесская	1072	1767	2017	1788		

Источник: подсчитано по табл. 2, 3, 4.

Можно отметить, что Р. Дэвис и С. Уиткрофт дают подсчитанную по другому (но тоже использующему бюджеты) источнику [18] цифру калорийности потребления сельского населения в Одесской области в декабре 1932 года – 1176 ккал/день [19]. Как видно из табл. 5, эта цифра близка к нашим расчетам.

Приведенные таблицы потребления продуктов в 1933-1934 гг. дают возможность сравнить их с недавно опубликованными данными о потреблении в 1937-1940 гг. [20], а также с имеющимися в официальных справочниках данными о потреблении в 1920-е гг. В табл. 5. для сравнения помещен сделанный по той же методике расчет калорийности продуктового набора по данным обследования питания в феврале 1924 года [21]. ЦСУ СССР в 1920-х годах считал, что средним условиям крестьянской жизни и работы удовлетворяет норма в 3750 кал на взрослого «едока» [22]. Среднестатистическая «душа» потребляет в 1,4 раза меньше «едока», следовательно, минимальная норма для сельской души составляет 2680 ккал в день. Принятая Всемирной организацией здравоохранения минимальная норма среднедушевого потребления продовольствия существенно ниже: она составляет 2300–2400 ккал на человека в день [23]. Примерно на таком уровне находится потребление пищи в современных Индии и Пакистане. В 1924 году в СССР крестьяне питались намного лучше: калорийность продуктового набора составляла от 2900 до 3400 ккал в день (за исключением еще не оправившейся от голода 1922 года Самарской губернии). На этом фоне картина потребления в 1933 году представляется подлинной катастрофой: в I полугодии, во время голода на Украине, потребление составляло около 1100 ккал на человека в день или 1540 ккал на взрослого «едока». Известно, что для простого поддержания жизни (без каких-либо затрат на мышечную деятельность) взрослому мужчине требуется 1600 ккал [24], а при самой легкой работе – в 1,4 раза больше, то есть 2240 ккал; в этом случае появляется дефицит в 700 ккал. Энергетические запасы организма взрослого мужчины оцениваются в среднем в 165 900 ккал; по данным физиологов, можно израсходовать 40–45 % этих резервов, прежде чем наступит гибель организма [25]. Простой расчет показывает, что в условиях украинского голода 1933 года выполняющий легкую работу взрослый мужчина мог прожить только 90–100 дней.

В Средне-Волжском районе и в ЦЧО ситуация была не столь трагической: при среднем потреблении около 1700 ккал на «едока» приходилось 2380 ккал, что было достаточно для выполнения легкой работы. Однако сельские работы во время посевной компании требовали значительно больших энергетических затрат, поэтому большая часть населения в этих регионах страдала от голода или от недоедания.

Что касается Московской и Ленинградской областей, то данные бюджетов свидетельствуют о том, что в этих областях не было голода; средний уровень потребления здесь примерно соответствовал минимальной норме ВОЗ.

Как показывают данные табл. 5, во второй половине 1933 года положение на Украине улучшилось и потребление увеличилось примерно до 1800 ккал на душу населения. Голод отступал постепенно и от него страдала еще значительная часть населения. В 1934 году во всем бедствующем регионе, на Украине, в Поволжье, потребление поднялось примерно до 2000 ккал на душу – это было все еще существенно меньше нормы ВОЗ. И конечно, питание крестьян не могло сравниться с «благословенными» временами нэпа, когда уровень потребления достигал 3000 ккал.

Таково положение с потреблением крестьян. Каково было питание рабочих? Материалы бюджетных обследований о потреблении рабочих в 1932–1933 гг. имеются в известной работе Е.А. Осокиной [26]. Однако сравнение данных бюллетеня ЦУНХУ «Бюджеты рабочих» [27] с данными, приводимыми в книге Е.А. Осокиной [28], показывает, что автор книги приводит лишь размеры приобретения рабочими продуктов питания, не учитывая продукты, поступившие из приусадебных хозяйств рабочих [29]. Между тем, выращенный на своем участке картофель имел

существенное значение для питания рабочих семей. В приводимой ниже таблице мы суммировали поступление продуктов из всех источников и подсчитали общую калорийность продуктового набора.

Таблица 6

**Уровень потребления семейных рабочих в СССР
(в граммах на душу населения в месяц (ккал/день)**

	февраль 1925 г.	I кв. 1933 г.	I кв. 1934 г.	весь 1933 г.	весь 1934 г.
Мука и хлеб в переводе на муку	13771	12393	14254	13691	14420
Крупа	1316	1120	1046	1053	982
Прочие хлебные продукты	123	364	439	329	360
Картофель	8758	7881	11710	10593	13964
Овощи	3063	2911	3932	6209	6750
Мясо	4207	1219	1145	1162	1098
Сало	271	29	33	20	36
Рыба	861	743	644	979	823
Молоко	4797	2167	2783	3618	4291
Прочие молочные продукты		127	146	342	288
Масло коровье	197	37	101	96	155
Яйца (шт.)	3	8	7	38	31
Масло растительное	357	86	74	77	56
Сахар	775	556	615	543	620
Кондитерские изделия	49	552	512	394	509
Фрукты	209	91	150	294	609
Калорийность (ккал/ день)	2523	1956	2263	2194	2391

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 1934. Л. 8, 25; Состояние питания городского населения СССР в 1924-25 сельскохозяйственном году// Труды ЦСУ СССР. Т. 30. Вып. 3. С. 76-77.

Для сравнения в табл. 6 приводятся также данные о потреблении в феврале 1925 года; причем калорийность во всех случаях подсчитана по единой методике, описанной выше. Данные табл. 6 говорят о том, что кризис отразился и на городском населении: в I квартале 1933 года потребление семей рабочих упало до 1956 ккал на душу. Однако в целом оно оставалось значительно более высоким, чем в сельской местности; при этом нужно учитывать, что в обычные годы потребление горожан по калорийности было меньше, чем потребление крестьян [30]. Это, в частности, видно из сравнения калорийности питания в городе и в деревне в 1924–1925 годах (см. табл. 5 и табл. 6). В 1934 году потребление семей рабочих несколько возросло, но не достигло уровня 1925 года. При этом после кризиса резко изменилась структура питания: потребление мяса уменьшилось в четыре раза, а потребление хлеба увеличилось.

Выводы. Таким образом, данные бюджетных обследований показывают, что эпицентром голода была Украина. Хотя область голодомора распространялась на Поволжье и Центрально-Черноземный район, потребление здесь было в полтора раза выше, чем в Киевской и Одесской областях (к сожалению, бюджетные обследования не дают данных по Северному Кавказу). Что касается Москвы и Ленинграда, то в столицах имели место лишь небольшие продовольственные затруднения; потребление поддерживалось на удовлетворительном уровне.

Примечания:

1. Davies R., Wheatcroft S. The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931-1933. New York: Palgrave Macmillan, 2004. 555 p.; Ивницкий Н. А. Голод 1932-1933 годов в СССР. М.: Собрание, 2009. 286 с.; Кондрашин В. В. Голод 1932-1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008. 518 с.; Кульчицкий С. В. Украинский голодомор как геноцид // Современная российско-украинская историография голода 1932-1933 гг. в СССР. М.: РОССПЭН, 2011. С. 107-194; Tauger M. V. Natural disaster and human actions in the Soviet famine of 1931–1933. The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. Pittsburgh, PA : Center for Russian and East European Studies, University Center for International Studies, University of Pittsburgh, 2001. 63 p.

2. Российский государственный архив экономики (далее - РГАЭ) Ф. 1562 Д. Оп. 77. Д. 5а.

3. Davies R., Wheatcroft S. Op. cit. P. 504.

4. РГАЭ. Ф. 1562 Д. Оп. 77. Д. 5а. Л. 1-2.

5. Davies R., Wheatcroft S. The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931-1933. New York: Palgrave Macmillan, 2004. P. 506.

6. Твердюкова Е. Д. Материалы бюджетных обследований рабочих и служащих в СССР в 1930-е годы: вопросы источниковедческого анализа // Россия в XX веке: проблемы политической, экономической и социальной истории. Сб. статей / Под ред. М.В. Ходякова. СПб.: Исторический факультет Санкт-Петербургского ун-та, 2008. С. 359-371.
7. Там же. С. 368, 369.
8. Нефедов С. А. К проблеме надежности советской урожайной статистики 1920–1930-х гг. // Клио. 2012. № 10. С. 54-59.
9. Твердюкова Е. Д. Указ. соч. С. 369.
10. Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. М.: РОССПЭН, 2008. 351 с.
11. Нормальный состав пищи и пищевое значение продовольственных продуктов // Труды ЦСУ. Т. 22. Вып.1. М., 1925. С. 33-44.
12. FAOSTAT [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://faostat.fao.org/site/368/DesktopDefault.aspx?PageID=368#ancor> (дата обращения 12.01.2014)
13. См., например: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 734. Л. 1-60.
14. См.: Нормальный состав пищи... С. 40.
15. Состояние питания сельского населения СССР. 1920-1924 // Труды ЦСУ. Т. 30. Вып. 2. М., 1928. С. 118.
16. Там же. С. 140.
17. См.: там же.
18. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 77. Д. 18.
19. Davies R., Wheatcroft S. Op.cit. P. 283.
20. Нефедов С. А. Продовольственное потребление советских трудящихся в 1930-е гг. // Вопросы истории. 2012. № 12. С. 71-78; Нефедов С. А. Уровень жизни в сталинскую эпоху: питание уральцев // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 222-230.
21. Состояние питания... С. 140.
22. Там же. С. 50.
23. См., например: Naiken L. 2002. FAO Methodology for Estimating the Prevalence of Undernourishment. Paper Presented at International Scientific Symposium on Measurement and Assessment of Food Deprivation and Undernutrition, Rome, Italy. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fao.org>. (дата обращения 12.01.2014).
24. Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации. Методические рекомендации МР 2.3.1.2432 -08. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.detnadzor.ru/docs /phis_nom_08.pdf](http://www.detnadzor.ru/docs /phis_nom_08.pdf) (дата обращения 12.01.2014).
25. Волович В.Г. Человек в экстремальных условиях природной среды. М.: Прогресс, 1983. С. 23.
26. Осокина Е. А. Указ. соч.
27. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 1934. Л. 8.
28. Осокина Е. А. Указ. соч. С. 333.
29. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 1934. Л. 8, 25
30. Лосицкий А. Динамика потребления хлебных продуктов в СССР в связи с реконструкцией питания // Статистическое обозрение. 1927. № 12. С. 17-25.

УДК 94

Измерение голода: уровень потребления в 1933 году

Сергей Александрович Нефедов

Уральский федеральный университет, Россия
 Доктор исторических наук, профессор
 E-mail: hist1@ya.ru

Аннотация. Вопрос о территориальном распространении голода 1933 года является предметом спора украинских и российских историков. Если первые считают, что голод был локализован на Украине, то вторые утверждают, что он охватил также обширные области России, в частности, Северный Кавказ, Поволжье и Центрально-Черноземный район. Автор привлекает для решения этого вопроса данные обследований питания, которые проводил Госплан СССР в 1933 году. Эти данные не содержат информации по Северному Кавказу, но показывают, что среди других регионов наиболее катастрофической обстановка была на Украине.

Ключевые слова: голод; 1933 год; Украина; Россия; уровень потребления пищи; обследования питания.

UDC 94(57)"16/18"

Community Organization of Siberian Coachmen in Late XVI – XVII Centuries *

Oleg V. Semenov

Ural Federal University Russia's first President Boris Yeltsin, Russian Federation

PhD (History)

E-mail: helg2008@list.ru

Abstract. The article, basing on the wide range of archival data, mostly introduced into scientific use for the first time, studies communal (secular and church) organization of Siberian coachmen in late XVI – XVII centuries. The paper touches upon the issue, concerning the time of its establishment, thoroughly characterizes the structure, functions and officials. The features of interrelation between coachmen 'world' and state and other corporate communities of the region are showed. The conclusion that, despite the dependence on the authorities, the processes of bureaucratization and the growth of the villeinage trends, common for the country, coachmen played significant role in the social life of Siberia is made. They intensively protected their interests and forced the government to consider them.

Keywords: mail staging post; coachmen's driving; coachman; community; parish; starosta; foremen; voivode; Siberia.

Введение. Поход казаков под руководством Ермака Тимофеевича положил начало включению в состав Московского государства Сибири. На «неизведанные земли» хлынул поток переселенцев. В большинстве это были выходцы из черносошного Поморья, которые приносили с собой развитые традиции самоуправления [1]. Основными корпоративными сообществами края стали «миры» крестьян, служилых и посадских людей. Они оформились уже у первого поколения переселенцев. Существовали общины и узкопрофессионального характера. К ним можно отнести ямщиков. Несмотря на то, что последние играли важную роль в жизни «закаменных» территорий, их мирская организация не изучена до сих пор. Настоящая статья отчасти восполняет данный пробел.

Материалы и методы. Используются методы локальной истории и истории повседневности. Работа опирается на широкий круг источников, содержащихся в архивах Москвы (РГАДА) и Санкт-Петербурга (Архив СПб ИИ РАН, СПФА РАН). Большинство из них впервые вводится в научный оборот.

Обсуждение. Система ямской гоньбы за пределами Уральского хребта оформилась по воле правительства, нуждавшегося в установлении качественной связи с далекой окраиной. С конца XVI в. на главной транспортной артерии региона последовательно возникают Верхотурский (1600 г.), Туринский (1600 г.), Тюменский (1601 г.), Демьянский и Самаровский ямы (конец 1620-х – начало 1630-х гг.). Их основание происходило по общей схеме. Центральными или местными властями назначался «приборщик» (обычно из детей боярских), который в уездах европейской России или (и) на месте набирал «охочих людей». Добровольцам предоставлялась денежная «подмога» с «крепкой порукой», бесплатные подводы до места назначения и лошади с «гонейным припасом». Их также могли снабжать провиантом и семенами. По прибытии на место ямщики поступали в распоряжение назначенного воеводой «стройщика», который занимался их расселением [2].

Каждый сибирский ям состоял из 50 вытей (паев, жеребьев) – служебных и хозяйственных единиц. В обязанность ямщиков входила фактически круглогодичная транспортировка казенной документации, грузов и следовавших по государственным нуждам людей. Для этого они держали лошадей с «гонейной рухлядью» (санями, телегами, седлами и т.д.), а для передвижения по воде – суда «с веслы и з бечевами и со всякою судовою снастью». На Демьянском и Самаровском ямах зимой использовались также нарты с собаками. Гоньба осуществлялась по нескольким направлениям. Со временем, ввиду дальнейшего освоения Сибири, их количество, а также интенсивность перевозок возрастали.

Ямщики составляли особую группу населения, занимавшую промежуточное положение между тяглецами и приборными служилыми людьми. С одной стороны, они находились на государственной службе, за которую получали жалованье и наделялись определенными льготами. С другой, почти сразу же (за исключением самаровцев) были лишены окладов хлебного обеспечения и переведены «на пашню» [3]. В свободное от гоньбы время ямщики занимались земледелием, животноводством, промыслами и торговлей, сыграв заметную роль в деле хозяйственного освоения Сибири. Их привлекали к несению многочисленных повинностей и платежу общегосударственных налогов. Соборное Уложение 1649 г. устанавливало штраф за «бесчестье» ямщика в том же размере, что и за посадского человека «меньшей статьи» – 5 рублей [4].

* Статья подготовлена в рамках фундаментальной темы «Кавказ в диалоге цивилизаций: механизмы глобальных изменений (опыт XVIII–XIX вв.)».

Население каждого сибирского яма составляло общину. Это нашло отражение в терминологии источников. К примеру, в одной из челобитных конца 1688 г. верхотурские ямщики подчеркивали, что «вместо беглых... гонбу оганивают миром» [5]. При необходимости собирался сход, на котором обсуждались важнейшие вопросы местной жизни. Решения принимались большинством голосов. Здесь же избирались должностные лица, размещавшиеся в «ямской (земской, мирской) избе» [6]. Выборы вне схода считались нелегитимными [7]. Органы самоуправления возглавлял староста. Его ближайшими помощниками были десятники (до 5-ти человек на ям). Эти должностные лица представляли слободу перед внешним миром (могли подать коллективную челобитную), контролировали очередность отправления ямщиками гоньбы [8], отпускали подводы [9], взымали с проезжавших лиц прогонные деньги [10], взвешивали провозимую путниками кладь [11], судили население яма по мелким правонарушениям, принимали участие в процедуре выдачи «охотникам» жалованья [12], боролись с их бегством [13], заботились о пополнении опустевших паев [14], следили за исправным несением общинниками государственных и мирских повинностей [15], вели загонные книги и т.д.

Ямской староста и десятники регулярно переизбирались. Обычно (хотя и не всегда) срок их службы составлял 1 год. При смене они отчитывались перед «миром». По-видимому, в порядке замещения общинных должностей существовала очередность [16]. Неясно, предоставлялись ли старостам и десятникам какие-то льготы [17]. Согласно устоявшемуся мнению, мирские посты занимали лица зажиточные, поскольку их функционирование было сопряжено с тяготами и материальной ответственностью. В современных работах, посвященных истории черносошного крестьянства, отмечается, что данное правило соблюдалось не всегда [18]. Это подтверждают материалы, относящиеся к ямщикам. Так, отправлявший в 1622/23 г. обязанности туринского ямского старосты Б. Терентьев, в 1623/24 г. владел 1 четью «доброй» пашни, 1 четью перелого «в поле, а в дву потому ж» и санными покосами на 40 копен [19]. Должностные лица общины не всегда пользовались авторитетом среди рядовых собратьев. В октябре 1690 г. верхотурский ямщик И. Шестоперов публично оскорблял и бил «по щекам» в «земской избе» старосту В. Чиреншикова [20]. В свою очередь, широкий круг дел создавал благодатную почву для злоупотреблений. В конце XVII в. под сыск угодил бывший ямской староста П. Паламошный. Он обвинялся в том, что в 1697/98 г. два дня «держал за подводами» следовавших через Верхотурье в Москву тюменского городничего И. Голенецкого «с товарищи». Необходимые средства передвижения староста предоставил лишь после получения взятки (в размере 26 алтын 4 денги) [21].

Текущее делопроизводство «мира» находилось в руках «ямского писчего дьячка». Он утверждался сходом и содержался на средства общины. Значение дьячка усиливалось благодаря тому обстоятельству, что староста и десятники могли быть неграмотными [22]. Помимо несения непосредственных обязанностей, он подрабатывал на стороне, составляя акты частного характера. На ямах в европейской части России действовали также дворники. Они содержали постоянный двор, в котором размещались ожидавшие подвод путники. К сожалению, в Сибири следов этих должностных лиц нам пока обнаружить не удалось.

Важную роль в жизни традиционного общества играла религия. С целью удовлетворения духовных потребностей и коллективного культового общения православное население страны объединялось в приходы – низшие церковно-административные единицы, представлявшие собой окормлявшиеся в одной церкви (часовне) общины верующих. «За Камнем» конфессиональные «миры» типологически были близки к поморским и на протяжении XVII в. сохраняли широкую автономию. У демьянских и самаровских ямщиков по центру и территории они совпадали со светскими общинами. Что касается религиозных сообществ жителей остальных сибирских ямов, то, скорее всего, они носили смешанный характер, включая в себя представителей разных социальных групп [23].

Как правило, приход оформлялся по инициативе населения, которое обращалось к епархиальным властям с просьбой о возведении храма или часовни [24]. Нередко культовый объект сооружался на средства мирян. Порою по их челобитной необходимую сумму (или ее часть) выделяло государство. После завершения строительных работ верующим выдавалось разрешение на освящение здания и начало богослужений.

Высшим распорядительным органом религиозной общины являлся приходской сход [25]. На нем утверждались священно- и церковнослужители, с которыми заключался устный или письменный договор [26]. Если его условия не выполнялись, прихожане смещали неугодное духовенство. Клир получал жалованье. В одних случаях его выдавали миряне, в других, по просьбам населения, денежная и натуральная руга предоставлялась государством. Это, несомненно, ослабляло зависимость причта от паствы [27].

Церковь играла значительную роль не только в религиозной жизни. В приходском храме верующие целовали крест на верность новому монарху [28]. Здесь же будущих ямщиков приводили к присяге, зачитывали касавшиеся всего «мира» объявления, обсуждали челобитные, хранили документы [29] и казну [30]. В церковной трапезной нередко собирались сходы светской общины, решались вопросы суда и управления, устраивались коллективные пиры (братчины или кануны) и т.д. Сфера деятельности священников не ограничивалась контролем над нравственным состоянием

паствы. Как лица грамотные и авторитетные (к сожалению, не всегда), они вместе с другими членами причта принимали живейшее участие в решении далеких от религии задач. Например, вскоре после основания Демьянского и Самаровского ямов власти поставили вопрос о прекращении выплаты ямщикам натурального жалования и переводе их на службу «с пашни». Осенью 1642 г. из Тобольска в низовья Иртыша выехали дозорщики, которым на месте предписывалось «взять... попов и старост, и ямских охотников лутчих людей, и ясачных остяков», и вместе с ними «досмотрить и измерить» земли под пашни и сенокосы [31]. По крестьянским слободам Сибири известно, что священники и мирские старосты управляли населенным пунктом вместо отлучившегося приказчика. Также они разбирали конфликтные ситуации среди прихожан (причем, не только делам по духовным), подписывали мирские челобитные, «выборы» и т.д. [32]. Что касается церковных дьячков, то они последовательно или одновременно могли быть писцами светской общины [33].

Во главе конфессиональной общины стоял церковный (приходской) староста. Он выбирался сходом на определенный срок из числа «добрых и прожиточных» прихожан [34]. Староста отстаивал интересы религиозного «мира» перед местным клиром и церковными властями. Под его руководством содержался и ремонтировался храм. Он же заведовал и распоряжался приходской казной [35] и хозяйством, следил за укомплектованностью церкви кадрами духовенства. Большое внимание старосты уделяли тому, чтобы храм был обеспечен «потребями», за которыми ямщикам регулярно приходилось ездить в европейскую Россию [36].

Должностные лица светской и религиозной общин тесно взаимодействовали между собой [37]. В конце 1693 г. туринские ямщики во главе с церковным старостой Ф. Чичкановым и ямским старостой Н. Кизыловым подали челобитную с просьбой о помощи в восстановлении сгоревшей Троицкой церкви и обеспечении ее необходимой утварью [38]. Нередко церковные старосты привлекались к делам, выходящим за рамки собственно приходской жизни. Так, в 1690 г. самаровские ямщики жаловались на чинимые проезжими лицами злоупотребления. К их челобитной «вместо» ямского старосты Д. Логинова, десятников и рядовых ямщиков «по их велению староста церковной Максимо Михайлов руку приложил» [39].

Община оставалась одним из наиболее устойчивых социальных институтов эпохи Средневековья и Нового времени. Она регулировала социально-экономическую, общественно-бытовую, семейную и религиозную жизнь значительной части общества. В ее существовании было заинтересовано не только население, но и государство: «мир» поддерживал правопорядок, гарантировал поступление налогов и выполнение своими членами повинностей. На протяжении XVII в. в масштабах всей страны происходила неуклонная трансформация системы самоуправления в низовое звено бюрократического аппарата. Эта тенденция проявлялась во все более бесцеремонном нарушении государством мирской автономии [40] и наделении должностных лиц общины новыми казенными полномочиями [41]. Дуализм общинной организации в полной мере проявлялся и у ямщиков. Он усиливался благодаря тому обстоятельству, что ямской «мир» был образованием искусственным, созданным по воле властей. При необходимости последние могли поставить точку в его существовании: так было с общиной тюменских ямщиков в ходе ликвидации в 1623 г. Тюменского яма [42]. Система связи «за Камнем» с самого начала была поставлена под пристальный контроль со стороны местной администрации [43]. Именно воеводы отвечали за исправное функционирование ямов, заботились об их пополнении, поддерживали действующие и искали новые пути сообщения, являлись для ямщиков более высокой судебной инстанцией, защищали их от притеснений сторонних лиц, контролировали процесс ведения мирской документации и т.д. На удаленных от Тобольска Демьянском и Самаровском ямах (которому оба населенных пункта подчинялись) действовали ямские приказчики. Располагая широкими полномочиями, они напоминали «воевод в миниатюре» [44]. Вмешательству государства в дела «земли» способствовало само же население, неизменно обращавшиеся к властям за помощью и посредничеством в решении различных (в том числе внутриобщинных) вопросов. В ряде случаев отдельные ямщики, радея о личных выгодах, выступали против решений «мира» и заручались поддержкой администрации [45]. Эволюция общинной организации приводила к отчужденности должностных лиц органов самоуправления. Видимым проявлением этого стал рост числа их злоупотреблений по отношению к остальным членам общины. Например, в 1688/89 г. староста К. Шелепов ложно оформил кабалу в размере 3-х рублей за «неотпускную» «усольскую» подводку на верхотурских ямщиков Переваловых [46]. В противоправных действиях мирского руководства все чаще оказывалась замешанной фигура воеводы. В начале 1673 г. следовавший из Тобольска в Москву патриарший подьячий С. Семенов не смог получить на Туринском яме подводку. После месяца ожидания (от которого он «обдолжал большими долги и вконец разорился») часть средств передвижения ему все-таки предоставили. При этом две лодки оказались «худые», из-за чего подьячий имущество «перемочил». По всей видимости, причиной подобных злоключений был сговор ямского старосты В. Осколкова с воеводой И.В. Суздальцевым, сводившим с Семеновым счеты [47].

Впрочем, несмотря на зависимость от администрации, ямские «миры» принимали активное участие в социальной жизни Сибири. Пользуясь правом непосредственного обращения к верховной власти (правом челобитья), они отстаивали свои интересы в отношениях с другими корпоративными сообществами и государством. Москва, в силу бытовавших на «восточной окраине» условий,

прислушивалась к голосу «земли» [48]. При необходимости сибиряки выказывали редкостную сплоченность. В октябре 1686 г. в столицу была доставлена «заручная челобитная» «туринских всяких чинов людей» (ямщиков, служилых, посадских, пашенных и оброчных крестьян) с просьбой «впредь в Туринску не быть» детям боярским И. и Ф. Шарыгиным. «Градские жители» обвиняли братьев в многочисленных «обидах, налогах и утеснениях», от которых «многие» из них «разорились до конца». В частности, Шарыгины избивали людей, отбирали у них лошадей и сенокосы, незаконно производили и продавали вино. В последующем им инкриминировали порчу воеводы И.И. Дурново, от которой тот скончался. Был проведен сыск. По его итогам руководство Сибирского приказа приняло решение: Шарыгины следовало бить кнутом и вместе с семьями выслать «на вечное житье» в Красноярск [49]. Оказывали ямщики влияние и на систему местного управления. В 1686 г. в результате коллективного обращения населения Туринска и уезда (ямщиков, духовенства, служилых и посадских людей, крестьян, «ясачных татар») правительство продлило срок службы воеводы М.И. Алфимова, который управлял «вправду» и «обид» не чинил [50]. В начале 1690-х гг. туринские ямской, посадский и крестьянский «миры» добились смещения ненавистного воеводы Б.А. Челищева [51].

Если мирные средства не помогали, то ямщики прибегали к радикальным формам протеста. В 1673 г. верхотурский ямской «мир» отказался выполнять требование воеводской администрации об отправке в Чусовскую слободу кормщиков и гребцов, необходимых для обслуживания экспедиции Я.Т. Хитрово по поиску серебряной руды. Свою позицию ямщики объясняли тем, что «преже сего» они по Чусовой и Каме не гоняли и соответствующих предписаний из Москвы не получали. Одновременно община подчеркивала заботу о государственных интересах: в условиях интенсивной гоньбы и неполной укомплектованности яма, отправка на столь отдаленное расстояние и неопределенный срок значительного числа ее членов могла ухудшить общее качество перевозок. Встретив организованное сопротивление, воевода Ф.Г. Хрущев «с товарищи» ограничились арестом трех «лутчих» ямщиков и обратились за распоряжениями в Сибирский приказ [52].

Заключение. Таким образом, в конце XVI – XVII вв. жизнь и деятельность сибирских ямщиков опиралась на развитую систему самоуправления. Несмотря на выраженный дуализм и зависимость от местной администрации, ямские «миры» ревностно оберегали свои интересы и зачастую действовали вполне самостоятельно как в отношениях с остальным населением края, так и с государством. При этом власти пока еще вынуждены были с ними считаться.

Примечания:

1. В Сибири укоренилось немало поморских традиций не только благодаря тому, что большинство переселенцев происходило с Русского Севера, но также вследствие близости социально-экономического строя двух регионов (господство системы государственного феодализма).

2. Подробнее об основании сибирских ямов см.: Семенов О.В. Верхотурский ям в конце XVI – XVII вв.: история возникновения и функционирования // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2009. Вып. 7. Ч. 1. С. 15 – 18; Он же. История Демьянского яма в XVII в.: возникновение и первые годы существования // Известия Уральского государственного университета: Гуманитарные науки. История. Филология. Искусствоведение. Екатеринбург, 2009. № 3(65). С. 152–156; Он же. Из истории первых лет существования Самаровского яма // Мининские чтения: Труды участников международной научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (24 – 25 октября 2008 г.). Нижний Новгород, 2010. С. 443–446; Он же. Система регулярного сообщения на территории Тюменского уезда в первой четверти XVII в. // Документ. Архив. История. Современность: Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2010. Вып. 11. С. 75 – 77; Он же. Демьянские против самаровских // Родина: российский исторический журнал. 2012. № 7. С. 88.

3. За верхотурскими, туринскими, тюменскими и демьянскими ямщиками сохранили лишь денежное жалованье.

4. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 370. Л. 40; Соборное уложение 1649 года (Текст. Комментарии). Л., 1987. С. 37.

5. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1071/1. Л. 47.

6. Государственный архив Пермской области (далее – ГАПО). Ф. 321. Оп. 1. Д. 170. Л. 7 об.; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1130. Л. 336, 336 об.; Оп. 3. Стб. 1260. Л. 291; Стб. 1409. Л. 15, 102; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 86. Л. 78, 82; Оп. 2. Стб. 370. Л. 39; Стб. 531. Л. 46; Стб. 611. Л. 87, 89.

7. Проживавшие в конце 1669 г. на Тагиле верхотурские ямщики Т. Перевалов «с товарищи» говорили о невозможности выбрать из своей среды десятника «без совету» со старостой и остальными членами общины (РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 178. Л. 8).

8. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 178. Л. 2–3.

9. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 560. Л. 417, 418–419; Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 272. Л. 49.

10. «За Камнем» прогоны были введены в конце 1680-х гг. (Семенов О.В. Организация профессиональной ямской гоньбы в Зауралье и Сибири в XVII в.: введение прогонов // Гуманитарная академическая наука Урала: приоритеты и перспективы исследовательского поиска: материалы Всероссийской научной конференции, 17 – 18 июня 2013 г. Екатеринбург, 2013. С. 200–207).

11. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 531. Л. 46 – 47, 65; Стб. 611. Л. 87.

12. В одних случаях староста и десятники лишь контролировали процесс предоставления ямщикам воеводой или ямским приказчиком жалованья, в других – самостоятельно раздавали его «всем налицо» в ямской избе (см.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 983. Л. 355 – 356, 480; Стб. 1260. Л. 291; Стб. 1409. Л. 14, 15, 102; Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 542. Л. 86–87).
13. Архив Санкт-Петербургского Института истории Российской Академии наук (далее – Архив СПб ИИ РАН). Ф. 28. Оп. 1. Стб. 976. Л. 1; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 348. Л. 179, 180, 181, 182; Стб. 983. Л. 340; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 127. Л. 370.
14. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 97. Л. 104, 105–106; Стб. 167. Л. 287–289.
15. Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Стб. 1172. Л. 6.
16. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 178. Л. 8
17. По наблюдениям М.М. Богословского, в XVII в. в Поморье «миры» платили старостам найм (Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1. С. 314).
18. Борисов В.Е. Ирбитская слобода в XVII веке: социальная структура и повседневные отношения в локальном сообществе: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. С. 118, 123 – 124.
19. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 561, 584 об.
20. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 370. Л. 39.
21. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 531. Л. 44, 45, 46–47, 48–50, 51, 64–65, 67; Стб. 611. Л. 86–88, 89–90.
22. Неграмотность должностных лиц общины приводила к пагубным последствиям. Осенью 1642 г. тобольский письменный голова С.У. Баскаков осуществлял поиск земель под пашни и сенокосы для жителей Самаровского яма. Находившимся с ним ямскому старосте С.Т. Ершу «с товарищи» содержание составленного при этом дозорного списка осталось неизвестным, поскольку они читать не умели. Тем не менее, мирские представители разрешили приложить к документу «в свое место руки». Вскоре выяснилось, что отведенные Баскаковым земли для использования не годились (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 448. Л. 40–41, 43–46, 64–66, 85).
23. Основная причина этого заключалась в особенностях расселения ямщиков. Демьянский и Самаровский ямы располагались обособленно, на значительном удалении от других русских населенных пунктов. Их ближайшими соседями были ясачные инородцы. Верхотурский, Туринский и Тюменский ямы находились при городах, причем, местные ямщики активно заселяли посад и уезд. В свою очередь, представители иных социальных групп обзаводились дворами в ямских слободах.
24. На Демьянском и Самаровском ямах культовые сооружения возникли если не сразу, то уже вскоре после основания этих поселений. Демьянцы «поставили» церковь Николая Чудотворца с приделом Алексея человека Божия. Самаровские ямщики какое-то время довольствовались часовней. К началу 1640-х гг. они возвели Никольскую церковь, которая в дальнейшем превратилась в придел храма Покрова Богородицы (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 389. Л. 119; Кн. 640. Л. 3; Оп. 3. Стб. 448. Л. 6, 15 об.; Стб. 689. Л. 56; Стб. 990. Л. 175, 178; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1607; Шашков А.Т. Самаровский ям и его жители в XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 69).
25. На Демьянском и Самаровском ямах приходской сход совпадал со сходом светской общины, с той лишь разницей, что председательствовал на нем не ямской староста, а церковный.
26. Приходская церковь считалась укомплектованной, если ее обслуживали священник, дьякон (или дьячок) и пономарь.
27. До конца XVII в. священно- и церковнослужителям Самаровского яма выплачивалась казенная руга. Вероятно, это объяснялось неблагоприятными природно-климатическими условиями в Обь-Иртышском междуречье (препятствовавшими развитию хлебопашества), а также непростым положением ямщиков, которые были не в состоянии содержать клир. На государственном обеспечении поначалу находился и штат Никольской церкви Демьянского яма. Однако уже в 1683 г. он «кормился» «от мирских людей ругою». В дальнейшем, ввиду тяжелого положения ямщиков, причт вновь перевели на казенное жалованье (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 389. Л. 119; Кн. 640. Л. 3, 5 об., 10; Оп. 3. Стб. 990. Л. 172–174, 175, 177, 178, 179, 180; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1607, 1637).
28. В марте 1676 г. в церквях своих ямов демьянцы и самаровцы присягали царю Федору Алексеевичу (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 355, 364–365 об.).
29. Община бережно хранила документы. Во второй половине 1680-х гг. находившиеся в Москве верхотурские ямщики жаловались на злоупотребления выдельщиков. При этом они предъявили список «з государевы грамоты» 1641/42 г., которая запрещала взимать натуральный оброк с их окладных пашен. Интересно, что попытки обнаружить документ (вероятно, его черновик) в Сибирском приказе, успехом не увенчались (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1071/3. Л. 101).
30. Мирской казной заведовали староста и десятники. Она пополнялась посредством внутриобщинных сборов и займов на стороне.
31. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 448. Л. 7 – 8.
32. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 448. Л. 15 об.
33. В конце 1670-х – начале 1680-х гг. церковным дьячком на Самаровском яме служил В.Ф. Арефьев. В источниках последующего времени он упоминается как ямской дьячок.
34. На Русском Севере срок службы церковного старосты мог достигать нескольких лет. По наблюдению Н.Д. Зольниковой, в XVIII в. аналогичная ситуация наблюдалась в Сибири

(Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1912. Т. 2. С. 42; Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990. С. 101, 102).

35. Приходская казна считалась не только собственностью церковной организации, но также являлась страховым, запасным фондом «мира»: при необходимости церковный староста предоставлял займы светской общине необходимую сумму (Покровский Н.Н. Томск 1648 – 1649 гг. Воеводская власть и земские миры // Покровский Н.Н. Российская власть и общество: XVII – XVIII вв. Новосибирск: Наука, 2005. С. 103, 139).

36. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 957. Л. 138 – 139 об., 503 – 503 об., 504 – 504 об.; Кн. 1130. Л. 273 об.; Оп. 3. Стб. 689. Л. 56; Стб. 712. Л. 150; Стб. 897. Л. 255; Стб. 953. Л. 59 – 59 об.; Стб. 1021. Л. 38, 83.

37. В Поморье и на Северо-западе России должности старост церковной и светской общин иногда совмещались в одном лице (Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 2. С. 43; Тимошенкова З.А. Приходские церкви и крестьянский мир на Северо-западе России во второй половине XVII – начале XVIII в. // Средневековая и Новая Россия: сборник научных статей. СПб., 1996. С. 477).

38. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1260. Л. 3, 7.

39. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 990. Л. 181.

40. Подавление мирской автономии происходило как в результате целенаправленной политики властей, так и вследствие их злоупотреблений.

41. См.: Семенов О.В. Становление и эволюция системы местного управления на Урале во второй половине XV – первой половине XVII в. Екатеринбург, 2006. С. 224–255.

42. Семенов О.В. «От ямской гоньбы велено отставить» // Родина: российский исторический журнал. 2010. № 10. С. 74 – 75.

43. Зависимость сибирских ямщиков от местных властей усиливало то, что, в отличие от многих своих собратьев по европейской части страны, они не имели уставных грамот, предоставлявших широкие судебные-административные и податные привилегии.

44. Подробнее о ямских приказчиках см.: Семенов О.В. Ямские приказчики в Западной Сибири в XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2011. № 1. С. 7–10.

45. Семенов О.В. Отношение сибирских ямщиков к деятельности воеводы Ю.Я. Сулешева // Проблемы истории России. Вып. 10: Исторический источник и исторический контекст. Екатеринбург, 2013. С. 190–191.

46. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 86. Л. 80–89.

47. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 7. Л. 6, 7, 10–11.

48. Тезис об абсолютном подчинении в XVII в. мирских организаций Сибири государству убедительно опровергли В.А. Александров и Н.Н. Покровский (Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII веке. Новосибирск, 1991. С. 141).

49. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 983. Л. 111 – 114, 118, 130, 147 – 148, 153.

50. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 936. Л. 277 – 278.

51. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Стб. 389. Л. 45 – 46, 49 – 50.

52. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (далее – СПФА РАН). Ф. 21. Оп. 4. Кн. 3. Л. 229 об. – 231 об., 235 об. – 236 об.

Jews and Their Social Status in the Society of Siberia in XIX Century

Vladimir N. Shaidurov

National Mineral Resources Mining University “Gornyi”, Russian Federation
PhD, Associate Professor

Abstract. Individual Jewish communities formed due to administrative exile and independent replacement in Siberia in the first quarter of the 19th century. Until 1824, they existed within the general Russian legal framework. However, since December 1824, foundation was laid for “prohibitory” laws concerning Siberian Jews. In Nicholas I’s reign, this practice was continued; the scarce Jewish population, living in Siberian provinces, had access only to specific social classes. The mid-19th century brought about the initiation of the process to emancipate the Jewish, that involved Siberia as well. Bourgeois reforms undertaken by Alexander II contributed to rejecting the segregation policy and legally converging various social groups. Based on legal and record keeping documents, this article will analyse the evolution in the civil status of the Jewish population outside the pale of settlement (as illustrated in the case of Western Siberia).

Keywords: Siberian Jews; Second Siberian Committee; N.N. Muraviev-Amurskiy; social classes (*soslovie*); exiled settlers; state peasants; middle class urbanites (*meshchane*); merchants; honorary freemen; Cossacks.

Введение. До начала XX в. Россия оставалась сословным государством. Принадлежность к сословиям была определена законодательством, которое фиксировало права и обязанности. Сословная политика в отношении евреев на протяжении XIX в. как в общегосударственном, так и региональном измерении эволюционизировала от дискриминационной при Николае I к либеральной при Александре II.

Материалы и методы. Работа основана на совокупности нормативно-правовых актов, опубликованных во втором издании Полного собрания законов Российской империи, Своде законов Российской империи, и делопроизводственных документах из фондов Государственного архива Российской Федерации (фонд Департамента полиции Министерства внутренних дел) и Российского государственного исторического архива (фонд Второго Сибирского комитета).

Использование комплекса источников позволяет проанализировать с позиций регионального и ситуационного подходов эволюцию гражданско-правового статуса еврейского населения Сибири в XIX в. как сквозь призму российского законодательства, но и посредством правоприменения правовых норм в отношении сословного статуса данной группы населения.

Обсуждение. К сожалению, данная проблема не являлась предметом специального исследования специалистов. Ее отдельные аспекты нашли свое отражение в работах общероссийского (Левитатс [1], Клиер [2]) и регионального характера (Кальмина [3], Шайдуров [4], Норкина [5]). Эти исследования позволяют восстановить не только общий ход событий, но и проследить специфику их реализации в различных регионах Российской империи.

Результаты. Хозяйственная деятельность евреев в Империи зависела, в первую очередь, от сословной принадлежности. В Сибири еврейское население формировалось за счет прибывавших ссыльных и немногочисленных самовольных переселенцев. В дальнейшем одним из источников пополнения еврейских общин в регионе стала армия. В результате в сибирских губерниях появились различные группы еврейского населения. Чиновники формально делили его на тех, кто имел право на проживание в Сибири на 1837 г., ссыльных и потомков первых двух категорий. Однако на деле сословная структура выглядела достаточно запутанной.

Несомненно, самой крупной группой были ссыльные. Однако приписка к сословиям ссыльных, поселенцев и их потомков в первой половине XIX в. была достаточно запутанной, что обуславливалось особенностями их положения. Положение ссыльных и их потомков было определено лишь в 1822 г. «Уставом о ссыльных» О евреях упоминается в Уставе в ст. 195, в которой говорится о распределении на разряды «ссыльных, сосланных на поселение». Евреи были отнесены к четвертому разряду и числились наряду с «дворовыми людьми» и «людьми малоспособными к работе». В этом состоянии они должны были, как и другие, «пробыть 8 лет, по истечении коих они могли вступать в мещане и цеховые на общих правилах» (ст. 340); «евреям, выслужившим положенные сроки беспорочно, предоставляется наряду с другими, свобода записываться, где пожелают, по всем Сибирским губерниям и областям, как в городах, так и в селениях с ведения начальства» (ст. 401) [6].

Правда, существовавшая на тот момент практика законоприменения, предусматривала и значительное сокращение сроков пребывания на поселении в разряде цеховых. Это относилось, в первую очередь, к евреям, принявшим христианство. Так, по определению Пятого Департамента Правительствующего Сената, в 1827 г. было предписано отправлять евреев в Сибирь, не разрешая им по пути следования приписываться ни в какое сословие. По прибытии же в Сибирь их по-прежнему

записывали в цеховые, но размещали в качестве послабления условий существования в городах; кроме того, срок пребывания в состоянии цеховых слуг был сокращен для них до четырех лет [7].

Что касается потомства сосланных в Сибирь, то детей ссыльно-поселенцев должны были записывать в ревизию (ст. 404), а детей каторжных – в крестьяне в ближайших от мест каторжных работ волостях (ст. 262) [8].

В 1834 г. за евреями было признано право причисляться в купеческие гильдии. Основанием для рассмотрения этого вопроса стали обращения Берковича и Каминера, переданные в Сибирский Комитет, которым было выработано соответствующее положение. Согласно этому документу, подобное право получили евреи из числа ссыльнопоселенцев по истечению срока ссылки и их дети, добровольно пришедшие в Сибирь за своими родителями. Однако, здесь же была установлена норма, ограничивавшая развитие еврейской торговли в Сибири: окончательное решение о причислении евреев в купеческие гильдии в Сибири оставалось за Министерством финансов [9].

В 1840 г. подобная практика была запрещена. Но к этому времени, по данным Еврейского комитета, на этом основании было причислено к купечеству в Сибирских губерниях 19 евреев [10]. Одновременно с этим был введен запрет на переход ссыльнопоселенцев в городские сословия, в том числе мещанство и цеховые. Таким образом, для подавляющей части еврейского социума Сибири был открыт только разряд государственных крестьян. Подобная запретительная мера была принята в общем духе решения еврейского вопроса в Сибири. Но она не затрагивала тех, кто проживал в регионе до 1837 г., и их потомков.

Во второй половине 1840-х гг. отбывшие срок поселения евреи, а также их дети стремились причислиться к мещанским обществам и получить, таким образом, право проживать в городах и заниматься ремеслом. Право причисления к обществам было возложено на губернские Казенные палаты. Правда, Томская и Тобольская палаты по-разному трактовали некоторые правовые нормы, чем облегчали либо препятствовали переходу евреев из разряда государственных крестьян в городское сословие. Так, например, чиновники Тобольской казенной палаты считали, что «крестьяне из евреев, которым по ст. 1736 т. XIV Устава о ссыльных дозволено остаться в Сибири, не могут быть за силой Высочайше утвержденного 11 ноября 1847 г. [11] Положения Комитета министров перечисляемы в городские сословия» [12]. В то же время служащие Томской казенной палаты полагали, что «упомянутым Положением Комитета министров воспрещается только возводить евреев в купечество, но что перечисление их из одной местности в другую, или из крестьян в мещане, должно быть допустимо на основании общих законоположений» [13].

Столь разное толкование законодательных актов привело к череде обращений евреев в Совет Главного управления Западной Сибири. В своих прошениях они указывали на то, что в городах (Томске, Тюмени и др.) намеревались заниматься не торговлей, а мастерством. Совет предпочитал не брать на себя ответственность в решении этих вопросов и апеллировал к столичным чиновникам. К принятию решений по различным проблемам оказывались привлеченными министерства финансов, государственных имуществ и внутренних дел, которые имели свое видение ситуации. Надо отметить, что первые два министерства продолжали рассматривать евреев в Сибири как хозяйственный субъект, тогда как последнее стояло на уже ставших традиционными запретительных позициях.

Подобная ситуация сохранялась до 1855 г., пока не был опубликован манифест «О Всемилостивейшем даровании народу милостей и облегчений», который предусматривал в п. XV (2) возможность причисления ссыльнопоселенцев в разряд государственных крестьян и высшие городские сословия. Обязательным условием должно было быть согласие на то Экспедиции о ссыльных.

Таким образом, по отношению к правам сосланных в Сибирь евреев первоначально не было никаких правовых ограничений; на них распространялось действие общего для всего ссыльного населения законодательства. На этом основании они могли оказаться в разряде государственных крестьян либо купцов. В дальнейшем ситуация начала развиваться для еврейского населения региона крайне неблагоприятно, что было связано с общей установкой, нацеленной на сокращение его численности.

Во второй половине 1850-х гг. еврейский вопрос в Сибири сохранял свою нерешенность. В столичных учреждениях (департаментах Сената, министерства внутренних дел, министерства финансов и пр.) продолжалась работа по толкованию правоприменения законов относительно еврейского населения региона. Это было связано с необходимостью упорядочить правовую сферу, к чему стремились и губернские чиновники, и сами евреи, направлявшие многочисленные запросы и отношения в Петербург.

Надо сказать, что власти оказались в это время заложниками ситуации: с одной стороны, они выступали за соблюдение буквы и духа законов конца 1830-х гг., нацеленных на искоренение еврейского населения в Сибири; с другой стороны, административная ссылка евреев в этот период сохраняла свое значение и являлась одним из основных источников пополнения общины. Ситуация еще более запутывалась с формальным делением евреев на три категории в регионе: тех, кто проживал в Сибири до 1837 г., и их потомков, ссыльнопоселенцев и их потомков. Это отразилось на

правах различных групп приписываться в разные сословия во второй половине 1850-х – начале 1860-х гг.

Как уже отмечалось выше, к середине XIX в. сибирские евреи причислялись преимущественно в разряд государственных крестьян. В первые же годы правления Александра II отмечается определенная либерализация сословной политики в отношении данной группы населения.

Так, 23 февраля 1857 г. появился сенатский указ, регламентировавший порядок причисления евреев в состав сибирского купечества [14]. С этого момента только причисленные окладом к сибирским губерниям иудеи имели право на общих основаниях записываться в купеческие гильдии. Купеческое состояние распространялось на всех членов семьи, в том числе на сыновей. При этом была сделана одна существенная оговорка: норма не распространялась на ссыльнопоселенцев. Появление этого документа значительно расширило круг лиц, имевших право на причисление к купечеству. Однако уже в 1858 г. эта норма была пересмотрена в сторону ужесточения.

В 1858 г. Сибирский комитет рассматривал дело евреев Захерова и Зельковича, которые просили разрешения записаться в мещанские общества Томска и Тюмени соответственно [15]. К тому моменту они уже де-факто проживали в указанных городах и занимались ремеслом, но де-юре были причислены к разряду государственных крестьян. С их причислением не могло возникнуть проблем, если бы они не были потомками ссыльнопоселенцев, которым это причисление было запрещено Уставом о ссыльных и прочими нормативными актами. Главное Управление Западной Сибирью, министры внутренних дел и финансов сочли возможным подобное причисление. Таким образом, был создан прецедент, оформленный в виде Высочайше утвержденного Положения [16]. С этого момента потомки ссыльнопоселенцев из числа евреев получили право записываться в мещанское сословие сибирских городов, заниматься ремеслом, вести разрешенную мещанам торговлю. Однако причисление в купеческие гильдии для них по-прежнему было недоступно [17]. Тем не менее, этот документ способствовал узаконению положения тех из сибирских евреев, которые к тому моменту проживали в городах и занимались ремеслом и мелочным торгом.

До конца 1858 г. для евреев была доступна еще одна сословная категория – казачество. Распространение на евреев во второй половине 1820-х гг. рекрутской повинности привело к их появлению среди рядового состава и нижних чинов в армии и на флоте. Часть из них вынужденно приняла крещение, но некоторые продолжали оставаться иудеями.

Нарушение Военного либо Морского устава влекло за собой различные наказания: от телесных до отправки в части Отдельного корпуса внутренней стражи и высылки в Сибирь. Как показывает статистика, ежегодные отправки в Западную и Восточную Сибирь «порочных из нижних чинов» были достаточно многочисленными. Так, только в 1858 г. несколькими партиями было отправлено за Урал около 5 тыс. [18]. По прибытии на новое место службы они зачислялись в сибирское казачество.

Эта мера в полном объеме применялась и к направляемым сюда евреям. В том же 1858 г., по данным военного министра, во всех партиях их насчитывалось до 400 чел. [19]. Таким образом, евреи из числа военных становились казаками, получая все права и обязанности, приписанные Сибирскому казачьему войску. Надо отметить, что последнее в середине XIX в. было чрезвычайно многонациональным. Это было связано с действовавшим на тот момент законодательством, согласно которому в него могли быть приписаны представители различных конфессий, включая язычников [20].

Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский в своем отношении на имя Сибирского комитета высказался против сохранения подобной практики, мотивируя это тем, что власти всегда стремились «сократить по возможности еврейское население в тамошнем крае, которое и без того довольно значительно от высылки евреев за преступление» [21].

Изначально военное министерство в лице министра Н.О. Сухозанета выступило против введения подобной меры. Основанием для этого стал именной Высочайший указ от 26 августа 1856 г., согласно которому «в отправлении рекрутской повинности [евреи] сравнены с прочими сословиями» [22]. По Высочайше утвержденному Расписанию, приложенному к приказу по военному ведомству от 22 апреля 1857 г., евреи должны были поступать в строевую службу во все войска, за исключением гвардии, а также учебных и образцовых войск [23]. Кроме того, ведомство указало и на тот факт, что в числе казаков Восточной Сибири, кроме христиан, есть мусульмане и язычники, «по сему нет достаточного повода отменять назначение порочных нижних чинов из евреев в Восточную Сибирь для обращения в казачье сословие» [24]. Таким образом, у военных не было законных оснований для отказа евреям в праве служить в казачьих частях. К тому же часть евреев, отправленных в Сибирь, уже находилась на марше. Некоторые сводные команды, как отмечалось в документах военного министерства, уже прошли не только Пермь, но и Тобольск.

В этой ситуации Муравьев-Амурский продолжал настаивать на введении запретительных мер. Понимая, что возвращение евреев в Европейскую часть будет стоить дорого, он предложил включить их в состав воинских частей Западной Сибири и записать в казачье сословие только тех, «которые примут крещение; что же касается до остающихся в своем законе, то они будут или употреблены на службу или приселены к какой-либо части казачьих войск, где сие окажется наиболее возможным по местным обстоятельствам» [25].

Таким образом, запретительный подход, на котором настаивал представитель сибирской администрации, оказался в противоречии с действовавшими на тот момент правовыми нормами.

Правда, он действовал вполне последовательно относительно собственных взглядов на еврейский вопрос в рамках Сибири: нельзя превращать Восточную Сибирь в регион высокой концентрации евреев-правонарушителей. Это касалось, как мы видели ранее, вопроса о равномерном распределении ссыльных между двумя частями Сибири. Это нашло свое выражение и в сословном аспекте. При этом следует указать, что Муравьев-Амурский, исходя из интересов региона, был сторонником поселения в Сибири и на Дальнем Востоке евреев из числа промышленников и торговцев для активной экономической колонизации данной территории.

Последнее слово оставалось за Сибирским комитетом, который запретил с 1859 г. отправлять нижних чинов еврейского происхождения из частей Отдельного корпуса внутренней стражи в Сибирь с зачислением их в казацье сословие [26].

Запретительные меры не были распространены на тех евреев, которые к тому моменту уже были причислены в сибирское казачество. А потому во второй половине XIX – начале XX вв. в Западной и Восточной Сибири было достаточное количество иудеев и выкрестов, записанных в это сословие. Они, соответственно, имели права и обязанности. Согласно Положению о Сибирском казацком войске (1846 г.), «лица, однажды поступившие в войсковое сословие и их потомство, остаются в войске навсегда» [27]. Отдельно в Положении были прописаны права и преимущества казаков. Так, они имели право «в свободное от службы время производить торговлю и промышленность внутри и вне войсковых пределов» (§ 103). Правда, открытым остается вопрос об использовании евреями этой нормы. В то же время на них, как и прочих казаков, распространялись и обязанности, сводившиеся к содержанию в исправности дорого, мостов, гатей и перевозов на войсковых землях; выполнению местных обязанностей при переходе воинских команд, ремонтов и казенных транспортов через войсковые земли; сопровождение арестантов (§ 321).

Это Положение имело силу закона от Урала до Северо-Западного Китая до начала 1850-х гг. В марте 1851 г. по инициативе Муравьева-Амурского было разработано и принято Положение о Забайкальском казацком войске [28]. В нем также была прописана норма, согласно которой лица, единожды приписанные к войсковому сословию, оставались в нем вместе с потомками навсегда (§ 12). Из этого следует, что те из евреев, которые были высланы до 1859 г. в регион и записаны в казачество, оставались в дальнейшем в этом сословии без изъятия.

В 1863 г. для евреев, в том числе проживавших в Сибири, был облегчен доступ в ряды потомственных почетных граждан. До этого момента, согласно Уставу о состояниях (ред. 1857 г.), они могли быть причислены в это сословие лишь «в особенно важных случаях, когда они принесли особенную пользу государству» [29] либо прослужив не менее 15 лет в должности ученого еврея при генерал-губернаторах [30]. Теперь же, по представлению Еврейского комитета, на получение потомственного почетного гражданства могли рассчитывать те из евреев, которые пробыли в первой купеческой гильдии 10 лет и во второй гильдии 20 лет [31]. Разумеется, этой нормой могли воспользоваться, в первую очередь, те еврейские купцы, которые проживали в Европейской части России, т.к. в сибирских губерниях на середину 1860-х гг. таковых не было. Но введение данной правовой нормы стало для некоторых из торговцев хорошим стимулом для изменения своего статуса посредством ведения экономической деятельности.

По-прежнему одной из многочисленных категорий сибирского еврейства являлись потомки ссыльнопоселенцев. В середине XIX в. это уже были и те, кто пришел со своими ссыльными родителями на поселение, и те, кто родился в Сибири. Как мы уже отмечали выше, они были поражены в отдельных правах в сравнении с детьми свободно проживавших в регионе евреев. Но постепенно шел процесс сглаживания различий между ними, что было, вероятно, вызвано к жизни стремлением чиновников унифицировать правовой статус евреев, чтобы не вносить дополнительную путаницу в процесс правоприменения.

В апреле 1866 г. было опубликовано Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета [32], которым были внесены изменения в права детей ссыльнопоселенцев из евреев и тех евреев, которые были сосланы на поселение без лишения прав состояния, т.е. были оставлены в своих прежних сословиях. Этим документом, принятом на основании мнения министра финансов, было разрешено указанным лицам записываться в податные сословия и купечество. По-прежнему она не была распространена на ссыльнопоселенцев.

Заключение. Таким образом, к середине 1860-х гг. для значительной части еврейского населения Сибири оказались открытыми податные сословия (крестьянство, мещанство), а также купечество. Кроме того, произошло относительное облегчение получения потомственного почетного гражданства. Поражение в правах распространялось лишь на тех, кто был водворен на поселение. Но и они по истечении срока поселения получали равные с остальными права. Расширение сословных прав повлекло за собой активное включение евреев в различные сферы экономической жизни Сибири (золотопромышленность, винокурение, откупа, торговля и т.д.), которые ранее для них были закрыты.

Примечания:

1. Levitats I., 1943. The Jewish Community in Russia, 1772–1844. Columbia University Press, pp: 298.
2. Klier J., 2000. The origins of the «jewish question» in Russia, 1772–1825. Moscow. Gesharim, pp: 352

3. Kalmina L., Kuras L., 2001. A History of exiles: The Jews of Buryatia: East European Jewish Affairs. Volume 31, Issue 1, pp: 49-60.
4. Шайдуров В.Н. Евреи, немцы, поляки Западной Сибири XIX – начала XX в. СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2013. – 260 с.
5. Norkina E., 2013. The origins of anti-Jewish policy in the Cossack regions of the Russian Empire, late nineteenth and early 20th century. East European Jewish Affairs. 43 (1), pp: 62–72.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Д-2. Оп. 76а. Д. 2025. Л. 4 об.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1149. Оп. 1 – 1827 г. Д. 76. Л. 4.
8. ГА РФ. Ф. 102. Д-2. Оп. 76а. Д. 2025. Л. 4 об.
9. Полное собрание законов Российской империи. Издание второе (ПСЗ – II). СПб., 1832. Т. 9. № 6875.
10. РГИА. Ф. 383. Оп. 18. Д. 23388. Л. 50.
11. ПСЗ – II. Т. 22. № 21701.
12. РГИА. Ф. 383. Оп. 18. Д. 23388. Л. 4 об.
13. РГИА. Ф. 383. Оп. 18. Д. 23388. Л. 4 об.
14. ПСЗ – II. Т. 32. Ч. 1. № 31538.
15. РГИА. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 17. Стлб. 534.
16. ПСЗ – II. Т. 33. Ч. 2. № 33702.
17. ПСЗ – II. Т. 33. Ч. 2. № 33702.
18. РГИА. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 17. Стлб. 748.
19. РГИА. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 17. Стлб. 748 – 749.
20. РГИА. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 17. Стлб. 749.
21. РГИА. Ф. 1265. Оп. 7. Д. 274. Л. 2.
22. РГИА. Ф. 1265. Оп. 7. Д. 274. Л. 7.
23. РГИА. Ф. 1265. Оп. 7. Д. 274. Л. 7.
24. РГИА. Ф. 1265. Оп. 7. Д. 274. Л. 7.
25. РГИА. Ф. 1265. Оп. 7. Д. 274. Л. 2.
26. ПСЗ – II. Т. 33. Ч. 2. № 33970.
27. ПСЗ – II. Т. 21. Ч. 1. № 21671. С. 589.
28. ПСЗ – II. Т. 26. Ч. 1. № 25039.
29. Устав о состояниях. Ред. 1857 г. Ст. 597.
30. Устав о состояниях. Ред. 1857 г. Ст. 598.¹
31. ПСЗ – II. Т. 38. Ч. 1. № 39158.
32. ПСЗ – II. Т. 41. Ч. 1. № 43169.

References:

1. Levitats I., 1943. The Jewish Community in Russia, 1772 – 1844. Columbia University Press, pp: 298.
2. Klier J., 2000. The origins of the «jewish question» in Russia, 1772 – 1825. Moscow. Gesharim, pp: 352
3. Kalmina L., Kuras L., 2001. A History of exiles: The Jews of Buryatia: East European Jewish Affairs. Volume 31, Issue 1, pp: 49-60.
4. Shidurov V.N., 2013. Jews, Germans, Poles in Western Siberia in the 19th – 20th century. St. Petersburg, Nevsky Institute of Language and Culture Publ., pp: 260.
5. Norkina E., 2013. The origins of anti-Jewish policy in the Cossack regions of the Russian Empire, late nineteenth and early 20th century. East European Jewish Affairs. 43 (1), pp: 62 – 72.
1. State Archives of the Russian Federation (hereinafter SARF). F. 102. D-2. Op. 76a. D. 2025. L. 4 об.
2. Russian State Historic Archives (hereinafter RSHA). F. 1149. Inv. 1 – 1827 g. F. 76. L. 4.
3. SARF. F. 102. D-2. Inv. 76a. F. 2025. L. 4 об.
4. The complete collection of laws of the Russian Empire. Edition II (PSZ – II). Т. 9. № 6875.
5. RSHA. F. 383. Inv. 18. F. 23388. L. 50.
6. PSZ – II. Т. 22. № 21701.
7. RSHA. F. 383. Inv. 18. F. 23388. L. 4 об.
8. RSHA. F. 383. Inv. 18. F. 23388. L. 4 об.
9. PSZ – II. Т. 32. Ch. 1. № 31538.
10. RSHA. F. 1265. Inv. 13. F. 17. Stlb. 534.
11. PSZ – II. Т. 33. Ch. 2. № 33702.
12. PSZ – II. Т. 33. Ch. 2. № 33702.
13. RSHA. F. 1265. Inv. 13. F. 17. Stlb. 748.
14. RSHA. F. 1265. Inv. 13. F. 17. Stlb. 748.
15. RSHA. F. 1265. Inv. 13. F. 17. Stlb. 749.
16. RSHA. F. 1265. Inv. 7. F. 274. L. 2.
17. RSHA. F. 1265. Inv. 7. F. 274. L. 7.

* Работа выполнена при финансовой поддержке УрФУ в рамках реализации Программы развития УрФУ для победителей конкурса «Молодые ученые УрФУ».

18. RSHA. F. 1265. Inv. 7. F. 274. L. 7.
19. RSHA. F. 1265. Inv. 7. F. 274. L. 7.
20. RSHA. F. 1265. Inv. 7. F. 274. L. 2.
21. PSZ – II. T. 33. Ch. 2. № 33970.
22. PSZ – II. T. 21. Ch. 1. № 21671. S. 589.
23. PSZ – II. T. 26. Ch. 1. № 25039.
24. Ustav o sostojanijah. Red. 1857 g. St. 597.
25. Ustav o sostojanijah. Red. 1857 g. St. 598.
26. PSZ – II. T. 38. Ch. 1. № 39158.
27. PSZ – II. T. 41. Ch. 1. № 43169.

УДК 94

Евреи и их место в социальной структуре сибирского общества в XIX в.

Владимир Николаевич Шайдуров

Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», Российская Федерация
Кандидат наук, доцент

Аннотация. В первой четверти XIX в. в Сибири в результате административной ссылки и самостоятельного переселения сформировались отдельные еврейские сообщества. До 1824 г. их существование находилось в общероссийском правовом поле. Но с декабря 1824 г. было положено начало «запретительному» законодательству о сибирских евреях. В период правления Николая I эта практика была продолжена, для немногочисленных евреев, проживавших в сибирских губерниях, были открыты лишь отдельные сословия. В середине XIX в. был начат процесс эмансипации еврейского населения, который затронул и Сибирь. Буржуазные реформы Александра II способствовали отказу от политики сегрегации и сближению в правовом отношении различных групп населения. На основании законодательных и делопроизводственных документов нами будет проанализирована эволюция гражданско-правового статуса еврейского населения вне черты оседлости (на примере Западной Сибири).

Ключевые слова: евреи Сибири; Второй Сибирский комитет; Н.Н. Муравьев-Амурский; сословия; ссыльнопоселенцы; государственные крестьяне; мещане; купцы; почетные граждане; казаки.

UDC 94

Siberian Polonius as a Result of National Policy of the First Half of the XIX Century

Vladimir N. Shaidurov

National Mineral Resources Mining University "Gornyi", Russian Federation
PhD, Associate Professor

Abstract. The historical science of Russia and Poland attaches great attention to the study of Polonius establishment and development outside the traditional place of residence. Polish communities emerged due to the realization of penal policy by the state, starting from late XVIII and, especially, in the second half of the XIX century. Siberia was one of the regions, which sheltered the significant amount of immigrants from Poland. But historiography attaches principal attention to the study of Poland community in the second half of the XIX century, despite the shortage of the data of the initial period of its establishment in certain Siberian provinces. The article solves the research problem by detecting the major features of establishment and development of Siberian Polonius within the framework of the national policy in under-reform period, using materials of different archives.

Keywords: Polish community; Siberia; national policy; Nikolay I; Polish revolts; exile; police surveillance; household activities.

Введение в проблему исследования. В отечественной исторической науке на протяжении длительного времени отмечается устойчивый интерес к формированию полиэтничного сибирского социума. История формирования и экономическая, социально-политическая деятельность отдельных национальных общин рассматривалась в работах историков различных направлений как в дореволюционного, так и советского периода. Однако полного отражения в научной литературе общины Сибири до сих пор не получили.

Одна из историографических особенностей заключается в том, что подавляющее большинство исследователей обращали внимание на несколько аспектов: решение «польского вопроса» в правление Николая I и Александра II, место и роль поляков в национально-освободительном и революционном движении, поляки в ссылке и на каторге. Но, как правило, эти вопросы рассматривались на общегосударственном уровне, изучение проблем формирования и развития территориальных польских сообществ оставалось вне поля зрения историков.

Сибирская колония имеет достаточно длительную историю. Правда, в историографическом отношении польская община Сибири значительно уступает по изученности, например, немецкой и еврейской общинам региона. При изучении имеющейся литературы мы приходим к выводу о том, что российские и польские ученые основное внимание уделяли изучению второй половины XIX в., и крайне мало работ по сибирско-польской тематике предшествующего периода. Тем не менее, можно выделить ряд работ, в которых авторы обращались к различным аспектам жизни поляков в дореформенный период (Максимов, 1900; Герасимов, 1918; Шостакович, 1995; Филь, 2002; Скубневский, 2009; Шайдуров, 2009; Шостакович, 2009 и др.). Из них необходимо выделить, в первую очередь, работу С.В. Максимова «Сибирь и каторга», которая выдержала несколько изданий и была до конца 1950-х гг., по словам Б.С. Шостаковича, исследованием, к которому обращались все последующие поколения исследователей (Шостакович, 1995 : 33).

Постановка проблемы и методы ее решения. В нашей статье мы определим основные этапы формирования колонии Западной Сибири, выделим их специфику, проанализируем особенности гражданско-правового статуса поляков, охарактеризуем основные источники их материального благосостояния и виды хозяйственной деятельности, в которые они были включены, в первой половине XIX в.

Работа основана преимущественно на архивных документах из фондов Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург) и Государственного архива Тобольска (Тобольск) и опубликованных источниках (законодательные акты, уставы, воспоминания). Из последних следует упомянуть воспоминания Ю. Ручиньского, опубликованные в 2009 г. под названием «Конарцик», в которых автор описал движение польских ссыльных конца 1830-х – начала 1840-х гг. через всю Сибирь в Нерчинские заводы и их жизнь в условиях каторги и ссылки.

Обсуждение. Первые поляки появились в сибирских городах в XVII в. Преимущественно это были военнопленные эпохи русско-польских войн. Исследователи отмечают наличие приказной переписки, касавшейся вопроса о пленных поляках, литовцах, «немецких людях», черкасах и евреях (Фельдман, 2005 : 21). Одним из первых поляков, оказавшихся в Сибири, стал Никифор Черниговский, упоминаемый в сибирских летописях (Максимов, 1900 : 326). Его имя связано в источниках с освоением Амура.

По условиям Деулинского перемирия 1619 г. и Андрусовского мира 1667 г. (Московские трактаты 1667 и 1672 гг.) между Россией и Речью Посполитой производился обмен военнопленными и возвращение поляков на Родину [1]. Это привело к тому, что полония в Сибири появившись ненадолго, к началу следующего столетия практически исчезла. Этому способствовала и политика, проводимая русскими властями в отношении польских и литовских пленных, оказавшихся в Сибири: вместе с московскими стрельцами они поступали в казачество и в этом сословии, по словам С.В. Максимова, «исчезали бесследно» (Максимов, 1900 : 327). Правда, некоторые из них оставили свой след в сибирской истории XVII в. Например, Юрий Крыжановский был в 1677 г. ясачным сборщиком у тунгусов. Его незаконные действия настолько взбудоражили местное население, что они осадили Охотск. Последовавшее за этим событием следствие вскрыло многочисленные злоупотребления Крыжановского, после наказания кнутом он был сослан в даурские остроги (Там же).

В конце XVIII – середине XIX в. рост численности поляков в регионе был связан, в первую очередь, с ссылкой участников освободительного движения. Этот период может быть разделен на несколько этапов.

Первый этап пришелся на середину 90-х гг. XVIII в.: именно в это время часть польских конфедератов была сослана в Сибирь и оказалась в Нерчинских заводах. Так, например, декабрист Н. И. Лорер в своих воспоминаниях писал о генерале С. Р. Лепарском, который в 1791 г. будучи поручиком сопровождал польских арестантов. Он так хорошо исполнил это поручение, что имя его с того времени сделалось известным по всей армии (Лорер, 1988 : 406-407). Уже в первый месяц царствования Павла I была начата амнистия, означенная именным указом от 29 ноября 1796 г., согласно которому предписывалось освободить всех попавших под «наказание, заточение и ссылку по случаю бывших в Польше замешательств» [2]. Ответственность за исполнение монаршей воли была возложена на Сенат, который, в свою очередь, должен был сделать соответствующие распоряжения губернаторам и земским начальникам. Однако, как показала практика, не все бывшие конфедераты получили возможность вернуться на прежнее место жительства или покинуть Россию. Иногда требовалось вмешательство из Петербурга. Так, например, по распоряжению генерал-прокурора Сената А.Б. Куракина в 1797 г. из сибирской ссылки были освобождены некоторые участники восстания 1794 г. Правда, некоторых из них, в том числе Иосифа Терясевича, тобольские власти разыскивали по всей губернии [3].

В период правления Александра I поляки продолжают ссылаться в Сибирь. Правда, этот этап в формировании колонии имел свою особенность, которая заключалась в том, что большинство сосланных уроженцев Царства Польского принадлежало к числу «обыкновенных преступников, осужденных за уголовные преступления» (Максимов, 1900 : 340).

На 1830-е гг. пришелся новый приток поляков в Сибирь. Как и прежде, он был связан с насильственным переселением, но теперь уже участников Польской войны 1830-1831 гг. и членов различных тайных обществ, действовавших на территории Царства Польского после его подавления, например, «Содружества польского народа» (Шостакович, 2009 : 304).

Именно в это время формируется законодательная база для политической ссылки. Так, появился ряд документов, определявших дальнейшую судьбу участников восстания 1830-1831 гг. Важнейшими из них были постановление «Об окончательном уничтожении состава бывшей польской армии» от 14 февраля 1832 г., указ «О бунте, происшедшем в трех уездах Виленской губернии, и о суждении всех дворян или шляхты, принявших участие в сем бунте, военным судом по Полевому Уголовному Уложению» от 22 марта 1831 г., «Положение о пленных и добровольно переходящих польских чинах» от 31 мая 1831 г. Кроме того, на поляков, подвергшихся наказаниям за участие в Ноябрьском восстании и национально-освободительном движении 1840-1850-х гг., распространялись правила 1826 г., которые были переработаны и дополнены в декабре 1834 г. Означенные документы определили дальнейшую судьбу поляков-военнопленных: их надлежало отправить в военную службу в Сибирские линейные батальоны, а мальчиков определить в военные кантонисты [4].

На время плена и следования к месту службы военнопленные обеспечивались казенным денежным и продовольственным обеспечением, размер которого зависел от воинского звания до событий 1830 г. Вполне очевидно, что такое решение преследовало исключительно прагматическую цель – поставить в удаленные сибирские и кавказские гарнизоны солдат, физически способных нести тяжелую службу в суровых климатических условиях (Самович, 2011 : 163). В 1839 г. денежное довольствие ссыльных на этапе составляло 6 грошей в день. В условиях сибирской дешевизны на продукты питания это позволяло не голодать. Так, этапу конарщиков 1839 г. в количестве 8 чел. получаемых денег хватало на то, чтобы каждый получал «с утра кружку молока с булкой, на обед – борщ или суп с крупой и с мясом, приготовленный в таком количестве, что хватало и на ужин» (Ручинский, 2009 : 337).

В этот период гражданско-правовой статус каторжан и поселенцев из числа поляков определялся «Уставом о ссыльных» (ред. 1822 г.) и их положение ничем не отличалось от других.

Положение ссыльных и каторжан из числа поляков после 1830 г. зависело не только от меры наказания, но и прежнего социального статуса. Необходимо отметить, что почти 2/3 сосланных за политические преступления, по данным Максимова, принадлежали к числу дворян (Максимов, 1900 :

342). Так, например, немногочисленная группа участников восстания была выслана в Сибирь на поселение сроком на 5 и более лет, но без лишения сословного статуса и конфискации имущества. По истечении срока поселения они имели возможность поселиться в губерниях Европейской России. Эта мера затронула, в первую очередь, знатное шляхетство.

Более многочисленной была другая категория сосланных. В нее входили поселенцы, ранее принадлежавшие к различным сословиям (шляхетству, мещанству, крестьянству), но лишённые состояния и приговоренные к конфискации имущества. По своему статусу данная категория была наиболее ущемленной в правах, а положение этой группы поселенцев было наиболее тяжелым в Западной Сибири, где, по данным Максимова, «им не позволяли, по силе закона, выезжать за предел 10 верст от деревни или города, в которых указано их водворить» (Там же). Но бывшие шляхтичи оказались в этой массе в более привилегированном положении, что отразилось в получении ими от правительства денежных сумм в размере 57 руб. ежегодно, а старики и калеки могли рассчитывать на сумму в 114 руб./год (Там же). Правда, получить причитающиеся им деньги поляки могли с большим трудом. Постоянная зависимость от благосклонности губернских властей, в воле которых было выплатить пособие или нет, нивелировало их условное превосходство над бывшими мещанами и крестьянами, которые таковых пособий не были удостоены.

«Устав о ссыльных» в его многочисленных редакциях подробно регламентировал положение данной категории ссыльных. Так, предписывалось водворять поселенцев в селения старожилов либо во вновь образованных казенных поселениях (ст. 673) (Устав о ссыльных, 1857). В более выгодном положении оказывались те из сосланных, которые были распределены в старожильческие селения. Старожилы имели право взять такого поселенца на жительство, получая за него в течение четырех месяцев полплаката арестантского содержания (ст. 677) (Там же). Размер так называемой арестантской дачи (денежное содержание арестанта в сутки) ежегодно пересматривался Министерством финансов [5], а потому не был фиксированным.

Администрация была заинтересована в прикреплении поселенцев к новому месту жительства любой ценой. Так, поселянам, вступившим в брак, полагалось выплатить в случае женитьбы на ссыльной 15 руб. серебром на домообзаводство безвозмездно и такую же сумму в виде ссуды на общих основаниях (ст. 766). Женщины же свободного состояния в случае брака с ссыльным получали поощрение в сумме 50 руб. серебром (Там же).

Срок пребывания в разряде поселенцев был определен в 10 лет (ст. 682). Лишенные права состояния и сосланные в административном порядке получали возможность после отбытия определенного срока причислиться в разряд государственных крестьян. Однако возвращение на прежнее место жительства в Европейскую Россию бывшим поселянам был запрещен. «Устав о ссыльных» (изд. 1857 г.) определил, что лица, вышедшие из разряда ссыльнопоселенцев, «имеют свободу водвориться, где пожелают, по всем Сибирским губерниям и областям, кроме так называемой Сибирской линии и областей Семипалатинской и Сибирских киргизов, как в городах, так и в селениях, с ведома и разрешения местного начальства» (ст. 728) (Устав о ссыльных, 1857).

Истечение срока пребывания в разряде поселенцев не приводило к автоматической смене гражданско-правового статуса. В разделе «О содержании ссыльных в местах назначения» «Устава о ссыльных» была прописана норма обязательной приписки к какому-либо из крестьянских обществ. Иначе и быть не могло, т.к. освобожденный вновь переходил в податное состояние и обязан был платить как общегосударственные, так и местные подати и повинности в полном объеме. Для включения в разряд государственных крестьян необходимо было получить письменное согласие на то конкретного крестьянского общества (ст. 734) (Там же). В дальнейшем приемный приговор фиксировался у местного начальства и передавался в губернскую Казенную палату для включения вновьявленного общинника в расклад податей. Но и за сам приемный приговор кандидат должен был заплатить значительную сумму. Некоторые сибирские историки отмечали «дороговизну приемных приговоров» (Соловьева, 1981 : 72).

Кроме того, для отбывших ссылку, но не получивших право вернуться на прежнее место жительства, была открыта возможность записаться в мещанство либо заниматься торговой деятельностью. Правда, разрешение на причисление в эти сословия зависело от благосклонности местных властей: в течение 10 лет поселенцы должны были «не нарушать ничем благонамеренности, не провиниться перед начальством» (Устав о ссыльных, 1857).

Исключение вчерашних шляхтичей, мещан, крестьян из своих сословий изменило их фискальные отношения с государством. По прибытии в Сибирь и водворении на новом месте жительства на них распространялись особые налоговые положения. Так, в первое трехлетие они были освобождены от уплаты всех податей, а в последующие семь лет они должны были уплачивать половинный оклад подушных и оброчных денег. Правда, местные земские и волостные подати на них не возлагались. Другой особенностью налоговой политики в отношении поселенцев было взимание с них ежегодно 15 коп. серебром в так называемый экономический капитал ссыльных, средства из которого направлялись на содержание старых и увечных ссыльных (ст. 751) (Там же).

В феврале 1838 г. сибирские власти приступили к наделению ссыльных поляков 15-десятичными земельными наделами. Основанием для этого стало распоряжение, последовавшее от руководителя III Отделения графа А. Х. Бенкендорфа генерал-губернатору Западной Сибири

П. Д. Горчакову. В соответствии с этим, «последовавшее в 1835 году Высочайшее повеление об отводе поселенным в Сибири государственным преступникам ... пахатной земли близ мест их жительства» следовало распространить и на «поселенных польских мятежников» [6].

Ответственность за проводимые мероприятия была возложена Горчаковым на Тобольскую Казенную Палату. Последняя обратилась с запросом в Тобольскую экспедицию о ссыльных с просьбой представить данные о поселенных в губернии поляках. В июне 1838 г. в Хозяйственное отделение Тобольской Казенной Палаты поступил «именной список о всех польских мятежниках, поселенных в Тобольской губернии с 1832 года» [7].

Для чего властям необходимо было реализовать этот проект? Ответ на это можно найти во внутренних документах, которые дублировали петербургские циркуляры. Так, в записке Хозяйственного отделения Тобольской Казенной Палаты было указано, что это необходимо для того, «дабы предоставить им через обрабатывание оной средства к удовлетворению нужд хозяйственных или облегчению будущей судьбы детей их прижитых в Сибири» [8].

Наделение земель должно было прикрепить государственных преступников к Сибири. Надо сказать, что эта идея нашла поддержку у самих польских поселенцев. Так, в Тобольскую Казенную Палату поступил рапорт Курганского Земского Суда, в котором сообщалось о просьбе поляков-поселенцев Смолинской волости наделить их землей в одном месте [9]. В дальнейшем эта просьба была удовлетворена. Надо сказать, что полякам достался земельный участок, который ранее был выделен сосланным декабристам Розену, Лореру, Бриггену и Назимову, которые к тому моменту выбыли из Курганского округа [10]. Так незамысловато возникала в сибирских регионах преемственность между различными группами политических ссыльных разных времен.

Что касается потомства сосланных в Сибирь, то детей ссыльно-поселенцев, рожденных до осуждения родителя, следовало оставлять в прежнем гражданском состоянии (ст. 767) (Устав о ссыльных, 1857). Тех же детей, которые были прижиты на поселении местные власти должны были записывать в ревизию (ст. 767), а детей каторжных – в крестьяне в ближайших от мест каторжных работ волостях (ст. 768) (Там же).

В 1840-х – 1850-х гг. власти продолжают направлять в Западную Сибирь польских ссыльных. Как правило, это были члены тайных обществ или молодые люди, принимавшие участие в антиправительственных выступлениях. Например, в 1857 г. в Тобольскую губернию оказались сосланными за организацию крестьянского бунта в Киевской губернии бывшие дворяне студент Киевского университета Св. Владимира Иосиф Розенталь и Антоний Скворонский [11]. Первоначальный приговор к 6,5 годам каторжных работ в крепостях был заменен им на поселение в отдаленных местностях сибирских губерний. И это был не единичный случай.

Уже к концу 1830-х гг. поляки были рассеяны по всей Сибири. Среди них оказались не только ссыльные, но и те, кто перебрался за Урал по долгу службы. Это были пока еще немногочисленные военные. Немало ссыльных находилось в Тобольске. Здесь же присутствовали и чиновники-поляки. Ссыльный Ю. Ручинский в своих мемуарах, например, упоминает чиновников особых поручений при генерал-губернаторе Западной Сибири князе Горчакове Кузьминского и небезызвестного А.Ф. Козелло-Поклевского (Поклевского-Козелл) (в тексте он упоминает его как Кожелло-Пахлевского) (Ручинский, 2009 : 330). Последний с 1834 г. занимал различные должности в Томском губернском правлении, а с 1836 г. состоял в штате генерал-губернатора Западной Сибири. Поляками были офицеры сибирского этапа, лавочники, ремесленники. Сосланные в Восточную Сибирь оказались в Нерчинских заводах и служили солдатами в местном батальоне и инвалидной роте, некоторые были определены в каторжные работы. «Разнородная среда польских ссыльных определила их дальнейшую судьбу. Так, некоторые переженились на местных девушках и навсегда стали сибиряками; других нужда заставила пойти в батраки к крестьянам; немногочисленным ремесленникам было легче, т.к. их продукция находила сбыт на местном рынке» (Там же : 385). Это замечание современника свидетельствует о трансформации национальной идентичности, т.к. некоторые ссыльные предпочли влиться в сибирский социум, приняв нормы и законы его существования. Но в то же время оставалась часть польских ссыльных, которые не оставляли надежды вернуться на Родину, а потому стремились сохранить отдельные элементы национальной и религиозной польской жизни.

Делопроизводственная документация, отложившаяся в архивных фондах Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), позволяет определить динамику численности польского населения в 50-60-е гг. XIX в. по общему количеству католиков в крае [12]. Так, по данным Второго Сибирского комитета, на 1852 г. в городах Западной и Восточной Сибири (без Тобольска) проживало ок. 6250 католиков, которые имели 2 приходские церкви в Иркутске и Томске. При этом самая крупная католическая община была приписана к томскому приходу (2,4 тыс. чел.) [13]. Разумеется, это приблизительные сведения, включавшие в себя как ссыльных, так и свободное население.

Говоря о столь значительном числе поляков в Сибири, мы сталкиваемся с вопросом об их хозяйственной жизни и деятельности. К сожалению, источников по этому вопросу очень мало. Это было связано с тем, что в соответствии с действовавшим законодательством «осужденные к ссылке в каторжную работу или на поселение, как лишенные всех прав состояния, не могли

приобретать никакого недвижимого имущества в собственность» (ст. 773). Правда, это не ограничивало их в праве владения имуществом. Но в этом случае акты на покупку земли и домов совершались на имя Экспедиции о ссыльных (ст. 774-775) (Устав о ссыльных, 1857). Включенность польских ссыльных в экономическую жизнь Сибири объясняется и тем, что недвижимость могла оформляться на жен, которые сохраняли свое свободное состояние в случае следования на мужьями в ссылку. В иных случаях предприятия могли быть оформлены на сибирских промышленников, которые выступали в качестве своеобразной ширмы. Как бы то ни было, немногочисленные источники позволяют нам осуществить реконструкцию этого явления.

О жизни бывших конфедератов и ссыльных второй четверти XIX в. в сибирской ссылке сохранились лишь косвенные свидетельства. Так, С.В. Максимов писал в своей работе о том, что потомки барских конфедератов были рассеяны по всей Сибири. В Западной Сибири около Семипалатинска находились две деревни, образованные последними (Максимов, 1900 : 337). Волостной голова Пановский в Тарском уезде Тобольской губернии имел дедом конфедерата, в самой Таре у торгующих мещан братьев Грабианских был поляком отец; в казаках Западной Сибири: Костылецкие, Яновские, Хлыновские и др. (Там же).

Оказавшись в Сибири, ссыльные старались устроить свой быт, найти источники для существования. Это им вполне удалось. Высокий образовательный уровень польских поселенцев позволил им включиться в качестве вспомогательного персонала в производственную и торговую деятельность. Корпоративность способствовала устройству их в качестве писцов в заводских конторах и волостных правлениях. Некоторым в 1840-е гг. удалось получить разрешение поступить на государственную службу. Правда, в этом случае поляки занимали низшие канцелярские должности. Так, например, ссыльный 1832 г. Павел Цеплинский исполнял в 1844 г. должность канцеляриста, о чем сообщалось в бумагах Омского полицмейстера [14]. Друг Адама Мицкевича Адольф Янушкеич в то же время числился канцеляристом Канцелярии пограничного начальника в г. Омске [15]. Прав был С.В. Максимов, который писал в конце XIX в., что «там, где удавалось укрепиться одному, находилась возможность к обеспечению другого поляка» (Там же : 347).

Выше мы уже писали о землеустроительной кампании конца 1830-х гг., которая охватила сибирские губернии. Правда, размах ее был незначительным. В Тобольской губернии, например, по именному списку местной Экспедиции о ссыльных земельный надел полагался 41 поляку-мятежнику [16]. Анализ списка приводит к выводу, что из общего количества только 17 человек в течение 1832-1838 гг. не меняли места жительства с момента прибытия в Тобольскую губернию [17]. Постоянная смена места жительства приводила к обнищанию ссыльных. Полученные от Казны земельные наделы становились для них потенциальным источником дохода, т.к. землеустройство велось вблизи населенных пунктов, к которым они были приписаны. Так, например, поляки вполне могли сдавать в аренду эти земли старожилам под выпас или сенокос.

Большой популярностью в среде сибирских промышленников пользовались поляки-техники, способствовавшие внедрению различных технических новшеств. Невольно они оказались включенными в процесс становления и развития различных отраслей обрабатывающей промышленности. Так, поляки обратили внимание на продукцию кедрового промысла, широко распространенную в Западной и Восточной Сибири.

Более успешно дело по производству кедрового масла пошло у поляка Михала Морачевского. Сам он до ссылки в Сибирь в 1831 г. был поручиком Аренбургского батальона внутренней охраны. Оказавшись в Ишиме, он вскоре женился на богатой вдове (Филь, 2002 : 11). Полученный в приданое капитал, вероятно, и был направлен на устройство маслобойни. Продукция его маслобойни попала в Москву и вызвала большой интерес местных торговцев (Максимов, 1900 : 347). В 1859 г. Морачевский с семьей покинул Сибирь, его предприятие прекратило деятельность.

Производство кедрового масла и его продажа в Европейскую Россию дало полякам Западной Сибири хороший доход. О размахе промысла свидетельствует тот факт, что на маслобойне поляка Савичевского в деревне Шембелик Иркутской губернии было произведено масла в 1859 г. на 12 тыс. руб. (Там же : 348).

Спрос на подобный товар в России был громадный, т.к. это масло добавлялось в оливковое (деревянное), которое использовалось в лампадах в церквях и домах православного населения. До этого момента оливковое масло разбавляли суррогатным (в основном сурепным), но сибирское кедровое масло оказалось более подходящим по своим качествам.

Поляки основали в Сибири сыроварни, мыловарни, занимались производством свечей и сигар из монгольского и нерчинского табака. Свой вклад они внесли в развитие пчеловодства и коневодства. Занятие земледельческими и ремесленными промыслами позволило им обеспечить безбедное существование своим семьям. Правда, предприятия эти редко переживали своих основателей. Это было связано с позицией, занятой поляками. Для большинства из них производство того или иного товара нечасто носило рыночный характер, а должно было обеспечить привычный образ жизни. Поэтому продукция расходилась преимущественно в кругу выходцев из западных губерний.

Основная масса польских ссыльных начала 1830-х гг., особенно старики, записанные по возрасту на основании «Уставу о ссыльных» в неспособные, испытывали финансовые трудности и

жили за счет помощи близких. Например, упоминавшийся выше декабрист Лорер, отбывавший во второй половине 1830-х гг. ссылку в г. Кургане, в своих воспоминаниях писал о ссыльном князе Кириане Воронецком, проживавшем там же, которого он именовал «бедняком, достойным жалости» (Лорер, 1984 : 172). Для других же источником существования становилась финансовая помощь родных, оставшихся на Родине. Так, в архивных фондах сохранились расписки польских ссыльных, которым через полицию передавались присылаемые денежные средства и посылки [18].

Не имея возможности устроиться в Сибири, они незамедлительно пользовались правом вернуться на Родину.

Потомки же барских конфедератов и костюшковцев оказались более успешными. Они были вполне зажиточными и уважаемыми. Некоторые из них, как мы видим, служили выборными, другие смогли попасть в разряд чиновников. Столь комфортное существование ссыльных и их потомков не способствовало распространению в их среде тотального устремления на Родину. Поэтому, как считал С.В. Максимов, «указ Павла на значительное число ссыльных не произвел никаких впечатлений» (Максимов, 1900 : 339). Подобная ситуация повторилась в середине 1810-х гг., когда в Сибирь пришло известие о разрешении полякам-военнопленным, служившим в армии Наполеона, вернуться на Родину: «из 900 человек, служивших в кавалерии и поступивших в сибирские казаки ... остались добровольно навсегда в казаках 160 человек» (Там же).

Оставшиеся в Сибири поляки, оказались связанными с новым местом жительства и семейными узами, т.к. многие из них женились на сибирячках. Их потомки уже в первом поколении плохо владели польским языком, некоторые же и вовсе не умели говорить по-польски, считая себя коренными сибиряками. Таким образом, возникшая в конце XVIII – начале XIX вв. полония оказалась в Западной Сибири ассимилированной.

Выводы. Таким образом, в течение первой половины XIX в. в Западной Сибири шел процесс формирования польской общины. Главным источником ее пополнения являлась ссылка участников антиправительственных выступлений и военнопленные. По своему социальному составу сибирские поляки были преимущественно дворянами, но лишенные личных и потомственных прав и привилегий они оказались в результате причисленными к категории государственных крестьян. Этот статус за ссыльными в николаевское время власти стремились закрепить наделением их земельными наделами, но земледелие не стало основным источником существования поселенцев. Используя свои личные качества и относительно лояльное отношение сибирской администрации, многие в дальнейшем получили право поступить на государственную службу, другие жили за счет тех денежных средств, которые получали от родственников или государства.

Амнистия первых лет правления Александра II привела к тому, что ссыльные были восстановлены в своих прежних правах и получили возможность вернуться на Родину. Это привело к значительному оттоку поляков из Западной Сибири, но уже десятилетие спустя сибирская полония резко возрастет за счет новых ссыльных участников восстания 1863 г.

Примечания:

1. Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ РИ). – I, Т. 1, № 398.
2. Там же. – I, т. 24, № 17585.
3. Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив Тобольска (далее ГУТО ГАТ). Ф. 329. Оп. 13. Д. 14.
4. ПСЗ РИ – II, т. 6, № 4444.
5. Кононова Л.П. Участники польского восстания 1863-1864 гг. в архангельской ссылке // <http://do.gendocs.ru/docs/index-316193.html> (Электронный ресурс. Режим доступа 22.03.2013 г.).
6. ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 20. Д. 65. Л. 1.
7. Там же. Л. 5-5 об.
8. Там же. Л. 14 об.
9. Там же. Л. 18-18 об.
10. Там же.
11. ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 35. Д. 58. Л. 1-3.
12. Поляки составляли среди католиков Сибири от 70 до 80%.
13. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1265. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.
14. ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 1. ОЦ. Д. 25. Л. 3.
15. Там же. Л. 17.
16. ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 20. Д. 65. Л. 5.
17. ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 20. Д. 65. ЛЛ. 6-10.
18. ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 20. Д. 65. ЛЛ. 25.

УДК 94

**Сибирская полония как результат национальной политики
первой половины XIX века**

Владимир Николаевич Шайдуров

Национальный минерально-сырьевой Университет «Горный», Российская Федерация
Кандидат наук, доцент

Аннотация. В исторической науке России и Польши большое внимание уделено изучению формирования и развития полонии вне традиционного места проживания. Польские общины активно формировались в результате реализации карательной политики государства с конца XVIII века и особенно во второй четверти XIX века. Одним из регионов, принявшим значительную часть выходцев из польских земель стала Сибирь. Однако в историографии основное внимание традиционно уделено изучению польской общины во второй половине XIX века, тогда как исследований по начальному периоду ее становления в отдельных сибирских губерниях крайне мало. В статье решена исследовательская задача: на основании материалов различных архивов определены основные особенности формирования и развития сибирской полонии в рамках национальной политики в дореформенный период.

Ключевые слова: польская община; Сибирь; национальная политика; Николай I; польские восстания; ссылка; полицейский надзор; хозяйственные занятия.

UDC 908

Adats and Their Influence on the Social Structure and Legal Relations in the Community of Highland Peoples in Late XIX Century *

Elena S. Shavlokhova

Academy of Marketing and Social Technologies – IMSIT, Russian Federation
Dr (History), Professor

Abstract. The article raises the question of entering the Caucasus into the composition of the Russian Empire and multiple problems and tasks, requiring the solution in the late 19th century. Of interest were the data of how the self-administration of the different population categories in the second half of the 19th century was realized, when the question came up of the highland nobility rights equalization with the rights of the Russian noblemen, for what the considerable part of the highland aristocracy strove vigorously. The description of class gradation of the highland societies, such as Kabardinian, Adygei, Ossetian is given. Caucasian noblemen were nothing more than the petty liegemen of the princes. By the end of the 19th century the class division preserved its value only in everyday life: each family name bore the stamp of its origin.

Keywords: adats; highland peoples; customs of the Caucasian peoples; Kuban and Tersk region; estates; class gradation; princes; Caucasian noblemen.

Введение. В конце XIX в. при окончательном вхождении Кавказа в состав Российской Империи правительство поставило перед собой множество проблем и задач, которые требовали незамедлительного решения. Одной из задач была связана с определением прав высших сословий горских обществ для «...того, какие из горских сословий могли бы быть признаны соответствующими разрядам высшего сословия, существующего в Империи» [1, с. 1]. Правительство предприняло ряд мер связанных с изучением обычаев кавказских горцев. Были собраны сведения об их социальных отношениях и общественном строе. Интерес представляли сведения о том, каким образом осуществлялось самоуправление различных категорий населения во второй половине XIX века, когда остро встал вопрос об уравнивании прав горского дворянства с правами российских дворян, этого добивалась большая часть горской знати.

Материалы и методы. В статье мы опирались на теоретические положения видных представителей отечественной исторической мысли о государственном строительстве в России, политике российского государства в сфере управления национальными территориями, о месте и роли его институтов в реализации конкретных планов по утверждению влияния центральной власти в регионах. Методологическую основу составили основополагающие принципы научного познания: объективность, историзм и системность, которые предопределили комплексное использование ряда общенаучных и специальных подходов к построению анализа проблемы и ее составных элементов. В работе доминировал конкретно-исторический подход, в рамках которого каждый метод в отдельности использовался для решения определенных задач. Сравнительно-исторический метод и метод ретроспективного анализа позволили выявить основные факторы и компоненты интеграционных процессов между Россией и Северным Кавказом. Проблемно-хронологический метод дал возможность выделить главные аспекты анализа эволюции взаимоотношений между центральной властью и органами местного управления. Метод детализации событий и явлений способствовал раскрытию региональных особенностей проблемы. В данной статье полезными следует признать методы анализа смежных дисциплин: институциональный, структурно-функциональный, социально-психологический, этнологический и другие, применение которых в комплексе существенно облегчило достижение поставленной цели.

Обсуждение. На основании Положения Кавказского Комитета 4 декабря 1864 года во Владикавказе была учреждена временная Комиссия для разбора личных и поземельных прав туземного населения Терской области. Спустя пять лет, и Указом от 30 декабря 1869 года она была переориентирована в Комиссию для изучения сословных прав горцев Кубанской и Терской областей. Она работала над следующими вопросами и решала задачи касающиеся определения сословного строя горских племён и обществ для того, чтобы понять какие из горских сословий могли бы быть приравнены к высшему сословию, и соответствовали бы существующему в Империи. Важно было определить главные и второстепенные признаки, которые характеризовали каждое это сословие,

* Издание статьи осуществлено при финансовой поддержке РГНФ в проекта проведения научных исследований «Развитие государственного управления национальными регионами в России в конце XIX–XX века (на примерах Северного Кавказа)», проект № 14-11-23006.

как они отличались от низших классов по понятиям и преданиям горцев, и привести к одному знаменателю, значение, придаваемое этим сословиям российской администрацией на Кавказе.

Комиссия собирала статистические сведения о количестве семейств и лиц мужского пола в каждом племени и обществе, претендовавших на принадлежность к высшим горским сословиям. В процессе своей работы Комиссия занималась составлением проекта правил, в которых описывались доказательства на принадлежность лица к каждому из высших горских сословий.

Согласно этнологическим и статистическим данным того времени, в горских обществах существовала следующая сословная градация:

1) горские князья, сосредоточившие в своих руках всю полноту гражданской, военной, судебной и административной власти;

2) свободные общинники — непосредственные производители;

3) зависимое население [2].

Княжеское достоинство передавалось только родом либо браком, на что указывает ряд исследователей. Еще в конце XVIII в. Дж. Рейнегт писал о том, что у на Кавказе знатный человек не мог иметь равные права с князем, данными правами обладал только князь от рождения, т.е. по крови. В XIX в. такое положение не только сохранилось, но и закрепилось в адатных нормах. Так, в сведениях о народных преданиях и обычаях горских народов, собранных войсковым старшиной А.А. Кучеровым в начале 40-х гг. XIX в., записано, что если женщина выходит замуж за знатного человека, то она принимает на себя его положение, сама же не может передать своего положения ни мужу, ни детям. В случае если она разводится, и до брака принадлежала к высшему сословию, то сохраняет его. В кабардинских адатах, опубликованных Ф.И. Леонтовичем в Одессе в 1882 г., тоже говорится о таких же особенностях горского общества. В случае заключения неравного брака дети, рождённые в нём, не обладали привилегиями княжеского сословия и не имели права на наследство. По этому поводу исследователь Кавказа К. Кох отмечал, что «в Западной Черкесии, конечно, этот предрассудок больше не действует, но на востоке, особенно у кабардинцев и бесленеевцев, на происхождение обращают очень большое внимание» [3 с. 349]. В Кабарде выделялись четыре княжеские фамилии Бекмурзиных, Кайтукиных, Мисостовых и Атажукиных. Они происходили от правителя Инала (XVI в.) и после его смерти территория Кабарды была разделена на уделы его сыновьями Атажукою, Мисостом и Кайтукою. [4, с. 345]. Согласно статистике проводимой во второй половине XIX в. в Кабарде насчитывалось 23 княжеских семейств [5, с. 184–185, 201–202], [6, с. 6]. В нормах адата говорится, что выделяется главенствующее положение князей. Князь считается главой своего народа и начальником его вооружённых сил. Народ должен его почитать как высшего по происхождению. Лицо, которое по каким-то обстоятельствам покусится на жизнь князя, будет непременно истреблено вместе со всей семьей. На народном собрании князь занимает первое место, и последнее слово в решении вопроса будет за ним. Решение суда исполняется по обычаям (адату). У князя есть еще одна привилегия в этом вопросе, он может, принять кого-нибудь под своё покровительство или ускорить разбирательство.

Описывая жизнь кабардинского народа, П.С. Потёмкин отмечал, что «князь может сделать со своим подданным что угодно, взять все его имущество, отобрать всех его ясырей или пленников и продать их, даже может, отнять его дочь или жену».

Князья занимались вопросами, связанными с внутренними делами адыгов. Они имели право объявить войну, заключить мир. Также были наделены правом судить. Превышение полномочий могло привести к тому, что обиженный свободный адыг мог уйти из княжеского аула и искать защиты другого владельца. Свобода на выбор места жительства также отражалась в адатах. Она отражалась в следующем, если уздень обиделся на князя и получал достаточно средств, он мог переселиться от князя на другое место. Князь не мог без оснований обидеть узденя. Существовали адатные нормы согласно которым уздени получали от князя так называемую узденскую дань, она включала в себя семейство крепостных, несколько сот баранов, часть земли и различные металлические хозяйственные принадлежности. В процессе внешних переговоров князья играли главенствующую роль. Они выступали от имени народа и заключали различные договора, в том числе и с Россией.

Выделяло князей как правящее сословие, то что по адату если что-то угрожало их имуществу или жизни, то совершивший это нес повышенную уголовную ответственность. За убийство простого свободного адыга платили кровью, она была равна 20 условным единицам; за убийство уорка (дворянина) — 42, а за убийство князя-пши — 100 [7, с. 43]. Необходимо отметить существование особенностей, которые были присущи данным отношениям при убийстве князя. В случае убийства князя, если убийца тоже являлся потомком княжеского рода, плата была кровью; если плата не была выплачена он, и его семья уничтожились, а их имущество подвергалось барантованию, т.е. разграблению. При ранении или оскорблении лиц княжеского сословия, а также в случае кражи их имущества также был установлен повышенный уголовный штраф.

Семейно-брачное право адыгов также говорит о том, что княжеские фамилии были отделены: браки заключались только внутри сословия. Княжеских фамилий в данный период было ограниченное количество, и часто случались национально-смешанные браки. На эти браки общество реагировало не так негативно, как на неравноправные. В. Кудашев писал, что кабардинские пши

очень ответственно и стрепетом относятся к чистоте своего рода, т.е. крови. Они совершали бракосочетания только внутри своего сословия или в среде ногайских султанов. В неравных браках детям не доставалось достоинство пши. Дети, рождённые в браке от неравноправных партнёров, не могли обладать правами высшего сословия и относились к особой прослойке адыгского общества.

Население, которое подчинялось князю обитало невдалеке от его жилья, на его землях, за это у населения были повинности в пользу князя: натуральную ренту и отработку. В связи с тем, что князья были верховными собственниками земли, они имели право распоряжаться ею по своему усмотрению (особенно в Кабарде). Они передавали её часть уоркам (дворянам) при условии, что они будут нести службу, что приводило к образованию четкой иерархической лестницы, котоя фиксировалась в различных источниках. Князь Берслану Кайтуковичу разделял высший слой адыгского общества и именно ему приписывается эта традиция. Деление проводилось достаточно условно. Низшие слои дворянства находились в подчинении у высших, а высшие — у князя.

Самыми большими правами и привилегиями в дворянской среде обладали тлекотлеши и деженуго (дижинуго). Данный факт имеет место даже в их наименовании: «деженуго» в переводе с адыгских языков означает «позолоченное серебро»; «тлекотлеш» - «рождённый от могущественного». Этот состав в дворянской среде находился в вассальной зависимости от князя, основой которой лежало право пользования княжескими землями.

Статистика на 1885 г., в Кубанской области к сословию тлекотлешей относилось 36 фамилий; деженуго - 3; в Кабарде соответственно 64 и 30. При этом сословие тлекотлешей состояло из трех основных фамилий: Тамбиевых, Куденетовых и Анзоровых. У других племён и народностей это сословие было представлено незначительно [8].

По социальному положению тлекотлеши и деженуго находились ниже князей. Плата за их кровь была также высока, но в браки они могли вступать только с равными по положению. В их подчинении находились дворяне более низших степеней, и свободное и зависимое население, которое проживало на их землях и исполняло повинности в их пользу. Важно отметить, что тлекотлеши обременялись различными обязанностями: они выходили с князем в военные походы, участвовали при осуществлении кровной мести, платили определённый обычаем платеж имуществом в его пользу. Самым низшим дворянским сословием были пшекау - уздени четвёртой степени, которые «не суть холопы, но и не равняются с настоящими узденями» [9]. По обычному праву адыгских народов пшекау должны были слушаться и выполнять все, что прикажет им князь, постоянно находиться рядом, внимательно следить за порядком в доме князя или уорка, которые стояли на более высокой ступени социальной лестницы. Они находились рядом со столом во время трапезы и подносили необходимые блюда на стол, разливали напитки и выполнять иные домашние работы [10]. Такое положение уорков не может являться основанием для отнесения их к высшему сословию. Они занимали срединное положение между высшим и средним сословием. И в связи с этим поэтому комиссия по разбору сословных прав горцев Кубанской и Терской областей не отнесла их к правящей элите адыгского общества.

Чтоб более точно характеризовать сословное устройство адыгов и организацию самоуправления в их среде, важно сравнить состояние этих сфер у различных народов Северного Кавказа. У карачаевцев и балкарцев в данное время сословное разделение было не так ярко выражено. К высшему сословию у карачаевцев относились бии, у балкарцев — таубии, представленные рядом фамилий. В Карачае - это Крымшамхаловы, Дудовы и Карабашевы; в Балкарии — Кучюковы, Балкароковы, Келеметовы и Барыбиевы. В общей сложности в 1885 году насчитывалось 89 семейств таубиев и 35 – биев [11].

Архивные документы хорошо показывают положение бийского сословия. В одном из них говорилось, что управляли всеми делами Карачая представители сословия биев, самым главным из них был народный валий и его представляла одна фамилия Крымшамхаловых. Все кто принадлежал к этому сословию, были во главе народного ополчения во время военных действий. Кроме того, биев (они сравнимы со старшинами в наших войсках) можно было сравнить с адыгскими пши, или представителями карачаевского народа во внешних переговорах. Следующим фактором, который выделял биев как сословие более высокого уровня, была уголовная пеня за убийство или оскорбление достоинства представителей данных фамилий. В их руках был сосредоточен суд и механизмы расправы, как и у адыгов.

Самой знатной карачаевские фамилией была фамилия, которая происходила от Карчи, она являлась родоначальником карачаевского народа. Другие важные патронимические союзы Карчи представлены фамилиями Коджаковых, Темирбулатовых и Магометовых. Происхождения этих фамилий от Карчи играл важную роль, и был фактом и говорил о родовитости бийского сословия. У адыгов в Карачае управляющая часть сословия не обладала правом частной собственности на землю, но в рассматриваемый период у них уже происходило овладение общинными землями и они единолично ею пользовались. Юридически эту землю все равно не оформили. Они обладали гражданской, военной, судебной и административной властью. Карачаевские бии обладали не только общинными землями, но и лично владели свободными общинниками, которые платили им повинности, данный факт был зафиксирован в адатах.

М.Д. Каракетов приводит интересные этнографические данные, они характеризуют социальные отношения в карачаевском обществе. Согласно обычаям, князь называл именем первенца семьи служившего у него узденя, в ответ на это узденская семья дарила ему овцу и телёнка. Охотник, который отправлялся на охоту, обязательно говорил об этом княжескому наблюдателю в селении. Когда он возвращался с охоты часть добычи, отдавал князю. Если князь не был предупрежден об этом, семья охотника платила штраф в размере одной десятой части скота и зерна. В случае смерти князя, уздени передавали часть продуктов семье, в чьем доме случилось горе, и оплакивали князя особым плачем.

Общество центральной Осетии к моменту прихода Комиссии было поделено на четыре сословия. К высшему сословию относились фамилии «стыр мыггаг» или «тыхджын мыггаг», что в переводе означает «большая фамилия». Эти фамилии были хорошо обеспечены материально, одевались богато. У них было лучшее вооружение и они, несомненно, пользовались почетом. Представители этих фамилий занимали важное место в социуме того периода. К ним обращались за советом, приглашали судить и примерять враждующих. Большинство населения входило в сословие фарсаглагов. Эта часть населения никому не платила податей, их можно внести в категорию осетинского крестьянства. Они помогали представителям больших фамилий в хозяйственных и строительных работах. В случае аренды земли фарсаглагом, он отдавал половину урожая хозяину. На низших ступенях сословной лестницы стояли немногочисленные кавдасарды и холопы. «Кавдасард» переводится с осетинского как «рожденный в яслях», то есть рожденный в кормушке для скота. Важно разделять подвластных кавдасардов и вольных кавдасардов. Подвластные кавдасарды – дети узданов от «вторых» браков, т.е. матерью кавдасарда была из бедной фарсаглагской семьи, из кавдасардов или отпущенных на волю холопов. После смерти отца кавдасард мог отделиться от братьев-узданов (детей рожденных от первой жены – знатного происхождения) и получить небольшую долю наследства. Нисшим и самым малочисленным сословием были холопы «кусаг». Ими становились пленники, купленные невольники и дети.

Заключение. Подводя итоги важно отметить, что кавказские дворяне были мелкими вассалами князей. Они были частью двора и княжеского совета. Были обязаны выплачивать налоги серебром или продуктами питания, и во время военных действий в определенной численности участвовали в процессе защиты своих территорий. Все их обязанности по отношению к своим князьям ограничивались обычаями. В решении земельных вопросов последним словом было слово князя.

После реформ, в процессе освобождения зависимых сословий на Кавказе Комиссией были разработаны особые правила проведения этой реформы, которые обязательно можно было применить к своеобразным отношениям, сложившимся в горском обществе. К концу XIX в. Деление на сословия сохранились, но распространялись только в быту: каждая фамилия относилась к определенному сословию.

Примечания:

1. Записка Министра внутренних дел, статс-секретаря Дурново Государственному секретарю от 18 марта 1895 г. № 3896. «О правах высших горских сословий в Кубанской и Терской областях». - Тифлис, 1885. - Приложение. С. 1
2. См.: Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 348. Оп 1. Д. 8. Л. 1-2.
3. Koch K. Reise durch Russland und nach dem Kaukasischen Isthmus in Jahren 1836, 1837 und 1838. Bd. I. - Stuttgart, 1843, С. 349.
4. Гарданов В.К. (Б.А.). Материалы по обычному праву кабардинцев. М., 1956, С. 315.
5. Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 2. - Одесса, 1883, С. 184-185, 201-202.
6. Люлье Л.Я. Учреждения и народные обычаи шапсугов и натухажцев. Черкесия. Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1990. С. 43.
7. О правах высших горских сословий Кубанской и Терской областей. Тифлис, 1885. С. 10-11.
8. Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Одесса, 1882. С. 231.
9. Гарданов В.К. Материалы по обычному праву кабардинцев. М., 1956. С. 351.
10. См.: О правах высших горских сословий Кубанской и Терской областей. Тифлис, 1885. С. 82-84.
11. Государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ГА РСО-Алания). Ф. 262. Оп. 1. Д. 70. Л. 38.
12. Агабекян Р.Л. Феномен неформальной занятости в российской экономике // Теория и практика общественного развития. Научный журнал. 2013. №1. С. 297-301.
13. Щупец, Е.С. История развития города Владикавказа: тенденции и особенности (1784–1917 гг.) [Текст] : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Пятигорск, 2003. 187 с.

References:

1. Note of the Minister of Home Affairs, Secretary of state Durnovo to the State Secretary as of March 18, 1895 nr. 3896. "On the rights of the highest highland estates in Kuban and Tersk Region". Tiflis, 1885. Appendix. Page 1

2. See: The state archive of Krasnodar Territory (SAKT). Archive 348. List 1. Document 8. Sheet 1-2.
3. Koch K. Reise durch Russland und nach dem Kaukasischen Isthmus in Jahren 1836, 1837 und 1838. Bd. I. - Stuttgart, 1843, Page 349.
4. Gardanov V.K. (B.A.). The materials on common law of Kabardinians. - M., 1956, Page 315.
5. Leontovich F.I. The adats of the Caucasian mountain dwellers. The materials on common law of the North and East Caucasus. Issue 2. - Odessa, 1883, Pages 184-185, 201-202.
6. Lyulie L.Ya. The institutions and people's customs of the Shapsugs and Natukhazhians. Circassia. The historic and ethnographic articles. – Krasnodar, 1990, Page 43.
7. On the rights of the highest highland estates in Kuban and Tersk Region. Tiflis, 1885. Pages 10-11.
8. Leontovich F.I. The adats of the Caucasian mountain dwellers. Odessa, 1882. Page 231.
9. Gardanov V.K. The materials on common law of Kabardinians. M., 1956. Page 351.
10. See: On the rights of the highest highland estates in Kuban and Tersk Region. Tiflis, 1885. Pages 82-84.
11. The state archive of the Republic of North Ossetia-Alania (SA RNO-Alania). Archive 262. List 1. Document 70. Sheet 38.
12. Agabekyan R.L. The phenomenon of informal employment in the Russian economy // Theory and practice of public development. Science journal. 2013. nr.1. Pages 297-301
13. Shchupets E.S. The history of Vladikavkaz city development: tendencies and peculiarities (1784-1917) [Text] : dissertation of the candidate of historic science: 07.00.02. Pyatigorsk, 2003. 187 pages.

УДК 908

**Адаты и их влияние на социальную структуру, и правовые отношения
в среде горских народов в конце XIX в.**

Елена Сергеевна Шавлохова

Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ, Российская Федерация
доктор исторических наук, профессор

Аннотация. В статье поднимается вопрос о вхождении Кавказа в состав Российской Империи и множестве проблем и задач, требующих разрешения в конце XIX в. Интерес представляли сведения о том, каким образом осуществлялось самоуправление различных категорий населения во второй половине XIX века, когда остро вставал вопрос об уравнении прав горского дворянства с правами российских дворян, чего настойчиво добивалась значительная часть горской знати. Описывается сословная градация горских обществ, таких как, кабардинские, адыгейские, осетинские. Кавказские дворяне были ничем иным, как мелкими вассалами князей. К концу XIX в. сословное деление сохранило своё значение только в быту: каждая фамилия несла на себе печать своего происхождения.

Ключевые слова: адаты; горские народы; обычаи кавказских народов; Кубанская и Терская область; сословия; сословная градация; князья; кавказские дворяне.

UDC 94

The Integration of Science, Higher Education and Economy as a Factor of Recovery and Modernization of Soviet National Economy During the First Post-WWII Decades (Case Study of the Activity of the Siberian Physical-Technical Institute (1945-1954))¹

Alexander N. Sorokin

National Research Tomsk State University, Russian Federation
PhD (History), associate professor
634050, Tomsk, Lenin Avenue, 36
E-mail: salexhist@mail2000.ru

Abstract. The article traces the development of the research activity of the largest scientific institute of the Eastern part of Russia – Siberian Physical-Technical Institute in the period between 1945 and 1954. The author analyzes the main currents of integration of science, education and production, characterize SPhTI's area of researches. Particular importance is given to the meaning of the integration of science, education and industry as a factor of recovery and modernization of Soviet national economy. This article is meant for all interested in history of Soviet higher education and on the whole in the Soviet period of Russian history.

Keywords: science; research; education; integration; modernization

Введение. В настоящее время в условиях перехода наиболее развитых в экономическом плане стран мира на качественно новый, инновационный уровень развития формируются модели национальных инновационных систем, направленные на максимальное использование имеющихся у государства конкурентных преимуществ. В России, наряду с сырьевыми ресурсами, наука и образование являются одними из исторически сложившихся преимуществ, которые всегда играли ключевую роль в обеспечении экономического роста и безопасности страны. Это обстоятельство актуализирует обращение к историческому опыту ускоренного развития страны в конце XIX–XX в. и определение ключевых «точек роста» на пути к «экономике знаний» в XXI в.

Сибирский физико-технический институт (СФТИ), созданный в 1928 г., стал первым крупным на востоке стране научно-исследовательским центром, как фундаментальной науки, так и прикладных исследований. С 1932 г. СФТИ входит в состав Томского государственного университета и является первым вузовским НИИ на востоке страны. Наряду с фундаментальными исследованиями по физике, математике, механике, кибернетике, радиоэлектронике в СФТИ решались и практические задачи, в рамках модернизации народного хозяйства страны.

Материалы и методы. Источниковая база исследования сложилась из архивных документов, извлеченных из Государственного архива Томской области (ГАТО), Центра документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО), архива Сибирского физико-технического университета. Это отчеты о работе томских вузов и научно-исследовательских учреждений, тематика научных исследований и т.п. Значительная часть этих документов напрямую связана с научно-исследовательской работой, проводимой в СФТИ.

Основу методологического инструментария составляют базовые принципы историзма, системности, которые позволяют дать максимально полную ретроспективу динамики предмета исследования в пространственно-временном континууме, не выпуская его из рамок социокультурного контекста. В работе широко использовались сравнительно-исторический и статистический методы, метод историко-социологического анализа.

Обсуждение. Истории организации и развития российской науки и высшего образования в XX – начале XXI вв. посвящено много исследовательской литературы. В этом плане особо следует выделить работы Л. Грэхэма, П. Джозефсона и И.Г. Дежиной, в которых характеризуются основы организации научной деятельности в СССР, анализируются проблем российской науки в 1990-е гг. и в настоящее время [1], [2], [3]. Современные проблемы интеграции науки, образования и экономики на микро- и макрорегиональном уровнях освещены в работах Amzad Hossain, Xiaoyan Wang, Jian Liu [4], [5]. Ретроспективно изучена проблема влияния власти и официальной идеологии на развитие научных исследований в СССР [6], [7], [8]. В меньшей степени изучены региональные аспекты проблемы интеграции науки, высшего образования и производства как фактора восстановления и развития народного хозяйства СССР в первое послевоенное десятилетие.

Результаты. Период с момента окончания войны и до начала 1950-х гг. связан с восстановительным этапом в истории Сибирского физико-технического института, основными задачами которого стали восстановление кадрового состава, довоенного объема тематики и

¹ Работа выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ / Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

финансирования исследований. Для решения данных задач требовалось длительное время, что можно объяснить затяжным характером восстановительного периода в стране в целом, вызванного организационными, материальными и бытовыми трудностями, ставшими логическим итогом длительной, кровопролитной войны, потребовавшей максимальной консолидации и напряжения сил страны. С другой стороны в связи с процессами реконверсии милитаризированной за годы войны промышленности Сибири и ускорения темпов её развития для восстановления народного хозяйства увеличивалась нагрузка на научно-образовательный комплекс [9, С. 67-70]. Тематика исследований, развитие научных направлений, подготовка кадров в научных и образовательных учреждениях Сибири напрямую увязывалась с первоочередными задачами народного хозяйства страны. Об этом красноречиво говорил в своем докладе, посвященном 20-летию СФТИ, директор института В.Д. Кузнецов: «В настоящее время мы должны заниматься проблемами не только сегодняшнего дня, но и обращаться к большим перспективным проблемам с расчетом на ближайшее будущее. <...> Нам необходимо укрепить тесную связь с научными работниками-практиками, перенести наши исследования из наших лабораторий на заводы...» [10, Д. 1870. Л. 100]. При этом, по мнению В.Д. Кузнецова, СФТИ должен играть роль консолидирующего центра развития и «насаждения» физической науки на периферии страны, повышения квалификации научных работников Сибири [11, Д. 90. Л. 7-8]. Как видно из последних слов, по прошествии определённого времени В.Д. Кузнецов несколько скорректировал свои взгляды на соотношение ролей науки и промышленности (хотя период дискуссий по этому вопросу давно уже был в прошлом)[12, С. 151].

В послевоенный период одним из основных направлений деятельности СФТИ являлась подготовка высококвалифицированных кадров для народного хозяйства страны. Важное значение в институте уделялось организации и контролю за качеством научной работы студентов физических факультетов ТГУ, которые проходили практику и выполняли курсовые и дипломные работы в лабораториях СФТИ.

Кроме того, студенты старших курсов активно привлекались к работам по оказанию помощи заводам и промышленным предприятиям Сибири. Об этом красноречиво говорит тот факт, что в 1951 г. 46 из 117 студентов физического факультета ТГУ, занимающихся научно-исследовательской деятельностью в СФТИ, выполняли научные работы в рамках хоздоговоров с промышленными предприятиями Сибири [11, Д. 95 а. Л. 22]. При этом, исследования, разрабатываемые студентами, имели важное значение для промышленности, а их результаты в кратчайшие сроки реализовывались на практике. Так, студенткой Г.Р. Бычковой под руководством научного сотрудника СФТИ В.А. Преснова и при содействии главного технолога завода «Сибкабель» Л.З. Реута и технолога цеха А.В. Оболенцова в лаборатории физики диэлектриков был разработан прибор для обнаружения дефектов в изоляции кабеля. Этот прибор значительно повышал качество электрического кабеля, а также во много раз ускорял процесс контроля готовой продукции, что дало возможность заводу увеличивать оборачиваемость оборотных средств. За разработанный прибор Г.Р. Бычкова получила премию Министерства высшего образования[13, Д. 1203. Л. 58]. В 1951 г. студенты-дипломники выполнили комплекс работ по исследованию манометрических пружин, латунных трубок и сталей, применявшихся в производстве на Томском заводе «Манометр», разработали методики производственных испытаний термических характеристик стекла, исследовали свойства слюды нового месторождения, стекла и кварца, употребляющихся в производстве некоторых заводов и ряд др. практически значимых работ[11, Д. 95 а. Л. 23]. В лаборатории дефектоскопии к активной помощи заводам были привлечены студенты В.Н. Детинко, И.Ф. Добровольский, Э.С. Воробейчиков и др. [14, С. 83]. Привлечение студентов к выполнению практически значимых для сибирской промышленности тем значительно повышало их уровень и навыки ведения научно-исследовательской работы. Впоследствии из числа упомянутых выше и других студентов многие продолжили заниматься научной деятельностью, стали известными талантливыми учеными и педагогами. Таким образом, за счет талантливых и отличившихся в научной деятельности студентов формировался кадровый состав института.

Тематика исследований, в основном, оставалась традиционной. Это исследования в области физики твердого тела, спектроскопии и люминесценции, электромагнитных колебаний и ионосферы [15, С. 7]. Данные исследования были весьма актуальными для обороны и народного хозяйства страны, а главное – позволяли обеспечить массовую подготовку квалифицированных физиков и инженеров-физиков [16, С. 153].

Значительная часть проводимых в институте исследований имела практическую направленность, а их результаты находили широкое применение на предприятиях Сибири. Однако уже в то время перед коллективом института стояли задачи развития новых научных направлений и расширения связей с производством.

Совместно с партийной организацией и руководством института была разработана программа укрепления научно-технических связей СФТИ с промышленными предприятиями Сибири, прежде всего г. Томска. Толчком для этого послужило решение партбюро СФТИ от 5 апреля 1948 г. об организации работы по помощи промышленности [17, Д. 4. Л. 5]. В результате, заместителем директора по научной части К.А. Водопьяновым, ученым секретарем К.В. Савицким и секретарем партбюро В.И. Даниловой была проведена большая организационная работа по формированию

бригад научных сотрудников, которые выезжали с целью ознакомления с проблемами и нуждами промышленности на предприятия и заводы г. Томска. В ходе этих выездов заведующие и научные сотрудники лабораторий беседовали с руководителями заводов, цехов, рядовыми инженерами, техниками, стахановцами, выясняли нужды заводов, возможные виды помощи, намечали характеристики и конкретные варианты тем заданий [14, С. 86]. Большую работу в этом направлении провели заведующий лабораторией дефектоскопии доцент А.Б. Сапожников и сотрудники лаборатории Б.П. Кашкин, Н.В. Мирошин, сотрудники лаборатории физики диэлектриков доценты К.А. Водопьянов, А.М. Вендерович, сотрудники лаборатории резания К.В. Савицкий, Г.Д. Полосаткин, В.Н. Кашеев, которые побывали на всех заводах Томска [13, Д. 1203. Л. 54].

В результате этого мероприятия были выяснены потребности и запросы томских предприятий, на основе которых происходил пересмотр планов научно-исследовательской работы лабораторий на последующие годы [14, С. 86]. В лабораториях института были составлены конкретные, с указанием сроков работы и исполнителей, планы научно-технической помощи промышленности, намечалось проведение ряда научно-технических совещаний научных работников института совместно с инженерно-техническими работниками г. Томска и др. городов Сибири [13, Д. 1203. Л. 55].

Сотрудники института принимали активное участие в решении многочисленных разнообразных научно-технических проблем и запросов со стороны промышленных предприятий Сибири. В качестве примера можно привести ряд конкретных разработок, выполненных сотрудниками СФТИ в 1949 г. Доцент Б.П. Кашкин успешно разработал и внедрил на заводе «Сибкабель» прибор по обнаружению мест обрыва и замыкания жил в кабеле. Прибор был сконструирован научным сотрудником СФТИ Н.В. Мирошиным под руководством доцента А.Б. Сапожникова [14, С. 109]. М.А. Кривовым и К.А. Водопьяновым были исследованы электрические свойства слюды Восточно-Сибирского месторождения для Нижне-удинской и Иркутской слюдяных фабрик и дано заключение о возможности их применения.

Основными формами научно-технических связей СФТИ с промышленными предприятиями были госбюджетные, хозяйственные работы и социалистические обязательства. В 1949–1951 гг. институтом было разработано 75 научно-исследовательских тем, выполненных по запросам различных промышленных учреждений многих городов Сибири. Основная часть крупных научно-исследовательских тем включалась в тематический план госбюджетных работ. Наряду с госбюджетной тематикой в 1950-е гг. получили распространение хозяйственные, заключаемые институтом с отдельными заводами и ведомствами на разработку интересующих их вопросов. Только в 1949–1951 гг. в рамках хозяйственных институтом было выполнено работ на общую сумму свыше 1 млн. руб. [11, Д. 95 а. Л. 2]

Широкое распространение в 1950-е гг. получили договора о социалистическом обязательстве. В рамках данных договоров, составляемых ежегодно, каждая лаборатория должна была выполнить определенное количество научных тем и разработок, имеющих практическое значение, проводить консультации и экспертизы, обучать специалистов промышленных предприятий [6, С. 94]. Конкретные результаты научных исследований в виде приборов и разработок, за исключением дорогостоящих работ, передавались заводам безвозмездно. Только в 1949–1951 гг. сотрудниками института было проведено свыше 900 консультаций и около 500 экспертиз для промышленных предприятий Томска, Новосибирска, Красноярска, Иркутска, Свердловска [11, Д. 95 а. Л. 21-23]. Социальные обязательства в послевоенный период стали одной из наиболее распространенных форм мобилизации высококвалифицированных специалистов на выполнение нужд и запросов народного хозяйства.

В целях укрепления научно-технических связей с промышленными предприятиями институтом при активной организационной и финансовой поддержке со стороны городской и областной партийных организаций регулярно организовывались региональные конференции с привлечением ученых и представителей промышленности Сибири.

Так, например, в 1947 г. на базе СФТИ была проведена Всесибирская научная конференция по физике твердого тела. На конференции с участием научных сотрудников вузов и НИИ Сибири, представителей партийных и промышленных организаций г. Томска обсуждались практически значимые проблемы физики твердого тела и физики резания металлов. С другой стороны, представители промышленных предприятий выдвинули для обсуждения и научной разработки ряд наиболее важных и значимых проблем производства [14, С. 84]. В результате работы конференции укрепились производственные связи института с промышленными предприятиями Сибири, были намечены конкретные мероприятия по решению важных для промышленности, транспорта и дальнейшего развития физики твердого тела задач. Конференция получила высокую оценку, а организаторам конференции была объявлена благодарность от имени министра высшего образования СССР С.В. Кафтанова [18, Л. 102].

Данные конференции способствовали укреплению производственных и коммуникативных связей ученых института с научным сообществом и представителями промышленности Сибири. При этом, активная организационная и финансовая поддержка со стороны партийных организаций города и области свидетельствовала о высокой значимости конференций в решении актуальных и практически значимых проблем народного хозяйства. Показательным является мнение руководства СФТИ о

значении этих конференций. Заместитель директора по научной работе К.А. Водошнянов и ученый секретарь института М.А. Кривов в отчете в обком ВКП(б) давали следующие характеристики проведенным в институте конференциям: «Ученые института, оказывая помощь промышленности Сибири, сами непрерывно обогащаются от непосредственной связи с производством, с практикой, что имеет важное значение для успешного выполнения научных вопросов большой теоретической важности, не скатываясь на путь только узко-прикладного значения» [14, С. 83]. Частота проведения, научная разнонаправленность, активное участие представителей научных и промышленных организаций Сибири в конференциях подтвердили высокий статус и значение СФТИ как единственного в то время на востоке страны центра научных исследований в области физики, подготовки высококвалифицированных кадров и оказания научно-технической помощи промышленности Сибири.

Заключение. В первое послевоенное десятилетие СФТИ смог восстановить кадровый состав, довоенный объем и тематику исследований. Дирекцией СФТИ в деятельности института были разработаны и последовательно претворялись в жизнь эффективные модели интеграции науки, образования и производства. В дальнейшем данная политика способствует разворачиванию крупномасштабных исследований в перспективных областях науки и техники, положит начало формированию новых научных школ и направлений, численному росту института, укреплению материально-технической базы исследований. Несмотря на все сложности восстановительного периода, СФТИ подтвердил свой статус одного из ведущих центров в области физических исследований и подготовки высококвалифицированных кадров и модернизации народного хозяйства страны.

Примечания:

1. Loren R. Graham. What Have We Learned about Science and Technology from the Russian Experience?, Stanford University Press, 1998.
2. Graham L., Dezhina I. Science in the new Russia: crisis, aid, reform. Indiana University press, 2008.
3. Josephson P. Totalitarian Science and Technology (Humanity Books, 2005), revised edition. Originally published Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press, 1996.
4. Amzad Hossain. Evolution of Mutual Knowledge-Based Economy in Regional Integration: An Experience from the Cooperation Council of Arab States of the Gulf // Journal of the Knowledge Economy. February, 2013.
5. Xiaoyan Wang, Jian Liu. China's higher education expansion and the task of economic revitalization // Higher Education. Vol. 62, No. 2 (August 2011). Pp. 213-229.
6. Josephson P.R. Lenin's Laureate: A Zhores Alferov's life in Communist Science. Cambridge MA: MIT Press, 2010. 307 p.
7. Holloway D. Stalin and the Bomb: The Soviet Union and Atomic Energy, 1939-1956. Yale University Press, 1994. 464 p.
8. Sorokin A.N. Interaction of academic community of Siberian physicists with authorities in the first post-war decade (Tomsk scientific and educational park case study) // Bylye Gody. 2013. 27 (1). PP. 120–125.
9. Водичев Е.Г. Высшая школа Сибири в 1946-1950-е гг.: неосуществившейся поворот к восточному вектору развития // Высшая школа в системе регионального научно-образовательного потенциала. Новосибирск, 2008
10. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р.-815. Оп. 1.
11. ГАТО. Ф. Р-1638. Оп. 1.
12. Костерев А.Г.. Научная биография В.Д. Кузнецова: дис. ... канд. ист. наук/ А.Г. Костерев–Томск, 2008.
13. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1.
14. Сибирский физико-технический институт в документах и материалах (1941–1978 гг.). Томск, 2006.
15. Потекаев А.И. Сибирский физико-технический институт имени академика В.Д. Кузнецова Томского государственного университета: история и современность. Томск, 2008.
16. Кессених А.В. Рецензия на книги: Сибирский физико-технический институт: История создания и становления в документах и материалах (1928-1941 гг.)/ Ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во НТЛ, 2005. 340 с.; Сибирский физико-технический институт: История института в документах и материалах (1941-1978 гг.) / Ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во НТЛ, 2006. 296 с. // Вопросы истории естествознания и техники. Москва, 2008. № 3
17. ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 4.
18. Архив Сибирского физико-технического института (СФТИ). Оп. 2. Д. 18.

References:

1. Loren R. Graham. What Have We Learned about Science and Technology from the Russian Experience?, Stanford University Press, 1998.
2. Graham L., Dezhina I. Science in the new Russia: crisis, aid, reform. Indiana University press, 2008.

3. Josephson P. Totalitarian Science and Technology (Humanity Books, 2005), revised edition. Originally published Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press, 1996.
4. Amzad Hossain. Evolution of Mutual Knowledge-Based Economy in Regional Integration: An Experience from the Cooperation Council of Arab States of the Gulf // Journal of the Knowledge Economy. February, 2013
5. Xiaoyan Wang, Jian Liu. China's higher education expansion and the task of economic revitalization // Higher Education. Vol. 62, No. 2 (August 2011). Pp. 213-229.
6. Josephson P.R. Lenin's Laureate: A Zhores Alferov's life in Communist Science. Cambridge MA: MIT Press, 2010. 307 p.
7. Holloway D. Stalin and the Bomb: The Soviet Union and Atomic Energy, 1939-1956. Yale University Press, 1994. 464 p.
8. Sorokin A.N. Interaction of academic community of Siberian physicists with authorities in the first post-war decade (Tomsk scientific and educational park case study) // Bylye Gody. 2013. 27 (1). PP. 120 – 125.
9. Vodichev E.G. Vysshaya shkola Sibiri v 1946-1950-e gg.: neosushchestvishcheyshy povорот k vostochnomu vektoru razvitiya // Vysshaya shkola v sisteme regional'nogo nauchno-obrazovatel'nogo potentsiala. Novosibirsk, 2008
10. Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti (GATO). F. R.-815. Op. 1.
11. GATO. F. R-1638. Op. 1.
12. Kosterev A.G.. Nauchnaya biografiya V.D. Kuznetsova: dis. ... kand. ist. nauk/ A.G. Kosterev – Tomsk, 2008.
13. Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Tomskoy oblasti (TsDNI TO). F. 607. Op. 1.
14. Sibirskiy fiziko-tekhnicheskii institut v dokumentakh i materialakh (1941-1978 gg.). Tomsk, 2006.
15. Potekaev A.I. Sibirskiy fiziko-tekhnicheskii institut imeni akademika V.D. Kuznetsova Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: istoriya i sovremennost'. Tomsk, 2008.
16. Kessenikh A.V. Retsenziya na knigi: Sibirskiy fiziko-tekhnicheskii institut: Istoriya sozdaniya i stanovleniya v dokumentakh i materialakh (1928-1941 gg.) / Red. S.F. Fominykh. Tomsk: Izd-vo NTL, 2005. 340 s.; Sibirskiy fiziko-tekhnicheskii institut: Istoriya instituta v dokumentakh i materialakh (1941-1978 gg.)/ Red. S.F. Fominykh. Tomsk: Izd-vo NTL, 2006. 296 s. // Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. Moskva, 2008. № 3
17. TsDNI TO. F. 115. Op. 4.
18. Arkhiv Sibirskogo fiziko-tekhnicheskogo instituta (SFTI). Op. 2. D. 18.

УДК 94

Интеграция науки, высшего образования и экономики как фактор модернизации народного хозяйства страны на примере деятельности Сибирского физико-технического института в первое послевоенное десятилетие (1945-1954-е)

Александр Николаевич Сорокин

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия
 Кандидат исторических наук, доцент
 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36
 E-mail: salexhist@mail2000.ru

Аннотация. Статья посвящена развитию научно-исследовательской деятельности крупнейшего научно-исследовательского института физического профиля на востоке страны - Сибирскому физико-техническому институту в 1945–1954 гг. Проанализированы основные направления интеграции науки, образования и экономики в научно-исследовательской деятельности СФТИ, охарактеризована тематика исследований. Особое значение уделяется значению интеграции науки, образования и производства как фактора восстановления и модернизации народного хозяйства страны. Статья предназначена для интересующихся историей высшей школы и науки России, а также советским периодом отечественной историей.

Ключевые слова: наука; образование; экономики; интеграция; модернизация.

UDC 37 (091) (47+57) «XIX/XX»

**Civil and Patriotic Education of Students by Means of Excursion Activities in Russia
in the Second Half of XIX – Early XX Centuries ***

¹Nadezhda V. Tarasova

²Elena A. Nikitina

³Olga V. Chernishova

⁴Tatiana V. Letapurs

⁵Svetlana V. Dumina

^{1,2,3,4}Southwestern State University, Russian Federation

305040, Kursk, October 50, 94

¹Lecturer

E-mail: nadia-79@bk.ru

^{1, 2} PhD, Assistant Professor

⁴ PhD, Assistant Professor

⁵Kursk Institute of continuing professional education (training and retraining), Russian Federation

305004, Kursk, Sadovaya, 31

Education specialists, PhD, Assistant Professor

Abstract. The article is concerned with the problem of civil and patriotic education of students by means of voluntary activity, presents historical and educational analysis of excursion activities as one of the major forms of volunteer work of schoolchildren in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries, determines its major goals and objectives. The paper, using archive data, attempts to consider excursion activity as one of the major forms of volunteer work, promoting patriotism development in rising generation. The opinions of innovative teachers of the examined period, who considered that excursions had great educational potential are characterized. The position of the Ministry of Education, concerning educational potential of excursions is examined.

Keywords: civil and patriotic education; volunteer activity; forms of volunteer work; excursion activities; Russian pedagogy and school.

Введение. Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, одной из первоочередных задач является гражданское образование и патриотическое воспитание молодежи, содействие формированию правовых, культурных и нравственных ценностей среди молодежи. Задачу позволит решить развитие добровольческой (волонтерской) деятельности молодежи, создание условий для деятельности молодежных общественных объединений и некоммерческих организаций.

Добровольческая деятельность на благо общества всегда рассматривалась как неотъемлемая составляющая проявления гражданско-патриотического самосознания личности. Одной из эффективных форм патриотического воспитания юношества второй половины XIX – начала XX вв. выступила экскурсионная работа, в основе которой заложена идея формирования любви и уважения к своему прошлому, историческому наследию своей Родины.

Материалы и методы. Исследование основано на материалах социологических, психологических и педагогических трудов отечественных авторов, изданных во второй половине XIX – начале XX веков, посвященных проблеме гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения; нормативной и учебно-программной документации Министерства народного просвещения России, относящейся к исследуемому периоду; публикациях в периодических изданиях – журналах «Русский экскурсант», «Русская школа»; материалы педагогических съездов.

Основные методы, которые были использованы при написании статьи, являются сравнительно-исторический, теоретический и ретроспективный анализ источников.

Обсуждение. Многие педагоги исследуемого периода понимали важность решения вопроса, касающегося развития экскурсионного дела в России. Пионерами данного направления выступили бывший директор Киево-Печерской гимназии В.И. Петр, директор Сумского реального училища Харьковской губернии А.С. Грицай, преподаватель 1-й гимназии Н.А. Горталова, директор Александровской учительской школы в Тифлисе Н.П. Захаров [4, с. 5; 5, с. 24].

Проблема экскурсионной работы часто рассматривалась при заседании комиссий, созданных при некоторых учебных округах Министерства народного просвещения. В их годичных отчетах отмечались ключевые моменты в решении данной проблемы. 2 августа 1900 году был издан циркуляр Министерства Народного Просвещения на имя попечителей учебных округов № 20185, который отменял циркуляр 1873 года, касающийся летней работы учащихся, и вместо них рекомендовал, устройство образовательных прогулок и путешествий [1; с.8].

9 марта 1902 году Министерство Путей Сообщения, издает специальный экскурсионный тариф № 6900 на проезд по железным дорогам учащихся, отправляющихся на образовательные экскурсии. По этому тарифу учащимся предоставлялось право на проезд в III-ем классе за плату, которая установлена по общему пассажирскому тарифу на детские билеты, причем в экскурсиях на расстояниях не превышающих 50 верст, предоставлялось право бесплатного проезда. Учащиеся размещались как в отдельных вагонах, так и при их небольшом числе, в отдельном купе [6; с.7].

Однако на практике этот льготный тариф при всех своих несомненных плюсах, вызывал некоторые неудобства и осложнения, особенно во время путешествия на пароходах и при почтовых сообщениях. Поэтому на рождественских каникулах в 1910-1911 учебного года Московской комиссией, под председательством В. И. Комарницкого и при участии директоров, инспекторов и преподавателей различных учебных заведений, был разработан ряд постановлений: «1) чтобы в экскурсию на условиях льготного тарифа, можно было брать учеников не только данного учебного заведения, но и других учебных заведений, имеющих право пользоваться экскурсионным тарифом; 2) чтобы минимальный состав экскурсионной группы определен был числом трех учеников при одном руководителе; 3) чтобы в экскурсиях на равнее с лицами педагогического персонала могли, на общих условиях, с правом пользования льготным тарифом, принимать участие и приглашаемые в экскурсии учебным заведением сведущие лица; 4) чтобы экскурсантам, вынужденным провести хотя бы одну ночь в вагоне, предоставлялось по возможности, каждому – отдельное спальное место; 5) чтобы экскурсантам было право продовольствоваться при остановках в железнодорожных буфетах на льготных условиях, одинаково со служащими на железных дорогах...» [13; с. 87-89].

После 1910 г. с целью развития экскурсионной работы уездными и губернскими земствами стали выделяться определенные средства, в сметах это была графа «ученические экскурсии». Саратовским уездным земством в 1914 и 1915 г. Было выделено для организации экскурсионной работы по 1000 рублей. В 1914 г. Пермское уездное земство выделило 500 рублей, а Нижегородское - 2000 рублей на «летние занятия по родиноведению» [9; с. 21].

К 1914 г. Ростовское уездное земство организовывало экскурсии почти в 50 % школ уезда. «Оно заблаговременно высылало во все школы анкеты, которые давали возможность выяснить перспективы предстоящего экскурсионного сезона, и затем выделяло средства прежде всего для школ, впервые совершавших экскурсии, а также расположенных в удаленных глухих районах уезда» [12; с. 11].

Таким образом, к концу 1890-х годов в России экскурсионная работа получила активное развитие. В различных периодических изданиях появляется все больше статей, в которых предпринимались первые попытки освещения вопросов теории экскурсионного дела.

В 1910 г. была издана книга «Школьные экскурсии», написанная преподавателями Петербургского лесного коммерческого училища под редакцией Б. Е. Райкова. В дальнейшем в России начинают издаваться три специальных журнала: в Москве «Экскурсионный вестник», в Ярославле «Русский экскурсант» и в Бендерах Бессарабской губернии «Школьные экскурсии и школьный музей».

В дальнейшем наибольшую популярность получил журнал «Русский экскурсант», главной целью которого стало: «раскрыть глаза подрастающих поколений на дивную картину нашей родины, дать им почувствовать все обаяние русской природы, приблизить их к бесконечно-любопытным сторонам ее многопланового быта... Облегчить деятельность экскурсионных организаций, служа как бы посредником между ними, который, обогащаясь опытом одних, мог бы передавать его другим...» [15; с. 3-4].

«Русский экскурсант» имел ряд разделов, где размещалась информация краеведческого характера, способная оказать значимую помощь при организации школьных экскурсий. Так, в «Справочном отделе» размещались сведения об интересных достопримечательностях отдельных губерний: «Архангельская губерния. По Сев. Двине характерные геологические разрезы; прекрасная стратиграфическая картина; особенно красиво место около порога Опоки; севернее – характерная картина алебастровых берегов; селения по берегам» [6; с.5]. В разделе «Движение экскурсий» рассматривались сообщения об организации экскурсионной работы в различных уголках нашей Родины. Также в журнале подробно освещалась работа съездов и совещаний. Интересны материалы 1-го Всероссийского съезда по улучшению отечественных лечебных местностей, который был проведен в Петрограде 7 – 11 января 1915 г. В его резолюциях отмечалось, что экскурсии – это дело государственной важности, которое способствует развитию коммерческого и промышленного предпринимательства, «а таковое же ознакомление иностранных туристов с Россией привлечет в нее иностранные производительные капиталы» [16; с.9].

«Одна поездка развивает больше, чем год учения по книгам в запертой и тесной комнате, так как юноше представляется возможность на деле проверить то, чему учился в школе, и приобретать сверх того массу познаний по тем отраслям науки, которые в учебный курс не входят» [14; с.26].

В заграничных поездках учащимся представлялась уникальная возможность знакомства не только с культурным наследием, но и со своими ровесниками, представителями молодежи западными и южными славянами. Вот, например, как описывает В. Петр заграничную экскурсию учеников Киево-Печерской гимназии в 1900 году: «Я счастлив, что молодые мои питомцы слышали

из уст иностранных славян то, что редко приходится слышать дома. Они должны были придти к убеждению, что у нас в России не все так плохо, как они привыкли слышать и читать, если неведомые им до сих пор люди где-то далеко за пределами России питают уважение и любовь к ней, к ее языку и религии» [11; с. 20-21]. А вот впечатления Л. Кунцкевича во время заграничной экскурсии в Краков, Прагу, Пильзен и Люблину в 1903 году: «Радужный, сердечный прием, какой нам был оказан нашими братьями, особенно чехами и словинцами, не поддается описанию. Это было настоящее братское свидание родственных народов! Все было так мило, так ново для нас, так полно очарования!» [7; с. 17].

Большинство педагогов, отмечало, что во время экскурсий устанавливаются искренние дружеские отношения между наставниками и детьми. Передовой педагог того времени Л. Кунцкевич писал: «Я убежден, что с этой стороны на ученические экскурсии можно смотреть, как на лучшую школу житейской обходительности и снисходительности, школу, вырабатывающую истинно гуманные отношения между молодежью» [8; с. 38].

Опыт показал, что для многих учебных заведений экскурсионная работа вызывала у учащихся живой интерес, и в целом давала весьма продуктивные результаты. Экскурсии «являлись для всего учебного заведения настоящим праздником, которого с нетерпением все дожидались и о котором потом долгое время вспоминали...» [14; с. 71].

Заклучение. Таким образом, экскурсионная работа в исследуемый период, во-первых, имела глубокое общеобразовательное значение. Экскурсии «научают наблюдать и понимать природу, сознательно воспринимать впечатления тех или других ее явлений» [14; с.57].

Во-вторых, ученические экскурсии во многом способствовали «установлению дружеских и искренних взаимоотношений, как между самими учащимися, так и между ними и педагогом. Находясь в новой обстановке, ничем не напоминающей атмосферу классов, обе стороны как-то сразу, как бы инстинктивно, изменяются, проявляя себя с новых сторон, которых раньше не было заметно» [14; с.59; 3; с. 82].

В-третьих, в экскурсиях виделся и огромный воспитательный потенциал, который выражался в развитии между учащимися чувства солидарности, самостоятельности, смелости, энергичности, наблюдательности, предприимчивости. «Хорошо устроенная экскурсия, поэтому служит школой общественной жизни, где незаметно для себя дети получают первые зачатки гражданского воспитания» [6; с.8].

Примечания:

1. Акимов П. Каникулярные занятия и развлечения учеников средне учебных заведений // Русская школа, 1901. № 1 – 4. С. 8-10.
2. Арепьев Н. Организация общеобразовательных экскурсий в средней школе. М., 1901. 22 с.
3. Беленцов С.И. Взаимоотношения школы и семьи на рубеже XIX–XX вв.: взаимодействие или взаимные претензии // Народное образование. 2005. № 2.
4. Беленцов С.И. Содержание, направления и формы проявления радикализма русской школьной молодежи во второй половине XIX – начале XX веков // Научные исследования в образовании. 2010. №2. С. 3-8.
5. Беленцов С.И. Педагогические факторы общественной нестабильности и юношеского радикализма в России во второй половине XIX – начале XX веков. Курск. 2005.
6. Крюков С.Н. Дети-граждане будущего (Детские клубы и площадки). Пенза: Тип. Пензенск. Совета солд. и крест. дет. 1917. 19 с.
7. Кунцкевич Л. Заграничная экскурсия воспитанников Киево-Печерской гимназии. Киев, 1903. 43 с.
8. Кунцкевич Л. Экскурсия на Кавказ и в Крым окончивших курс Киево-Печерской гимназии в 1898. Киев: Тип. И. И. Горбунова, 1900. 37 с.
9. Мезиер А. Экскурсионное дело и экскурсионная литература в 1914 г.// Русская школа. 1915. № 4. С. 5-39.
10. Об экскурсиях для ознакомления с родиной // Русский экскурсант. 1917. № 4–5. С. 43-51.
11. Петр В. О летних экскурсиях учеников Киево-Печерской гимназии. Киев, 1901. 56 с.
12. Роль земств в деле организации экскурсий // Русский экскурсант. 1914. № 1. С. 11-17.
13. Труды комиссии по организации экскурсий для учащихся и учащихся средних учебных заведений Московского округа с 28.XII.1910 по 6.I.1911/ Под общ. ред. В.И. Комарницкого. М., 1911. 223 с.
14. Ученические экскурсии. Спб.: Синодальная тип., 1912. 99 с.
15. Цель и задачи «Русского экскурсанта» // Русский экскурсант. 1914. № 1. С.3-4
16. Экскурсии – дело государственной необходимости // Русский экскурсант. 1915. № 2. С.9-14.

References:

1. Akimov P. Vacation activities and entertainment pupils medium schools / / Russian School, 1901. Number 1 - 4. S. 10.
2. Arepyev H. Organization of secondary tours in high school. M., 1901. 22 s.

3. Belentsov SI School and family relationships at the turn of the XIX - XX centuries.: Cooperation or mutual claims // Education. 2005. № 2.
4. Belentsov SI Content areas and forms of radicalism Russian school youth in the second half of the nineteenth - early twentieth centuries // Research in Education. 2010. № 2. S. 3-8.
5. Belentsov SI Pedagogical factors of social instability and youthful radicalism in Russia in the second half of XIX - early XX centuries. Kursk. 2005.
6. Kryukov SN Children are citizens of the future (children's club and playground). Penza: Type. PENZENSKAJA. Soldiers' Council. and a cross. acc. 1917. 19 s.
7. Kuntskevich L. Overseas tour pupils Kiev-Pechersk Gymnasium. Kyiv , 1903. 43 s.
8. Kuntskevich L. Excursion to the Caucasus and Crimea graduated course of Kiev-Pechersk Gymnasium in 1898. Kiev: Type. I. Gorbunov, 1900. 37 s.
9. A. Mezier Tour and excursion business literature in 1914 // Russian school. 1915. Number 4. S. 5-39.
10. Tours for discovering the birthplace // Russian Tripper. 1917. Number 4 - 5. S. 43-51 .
11. Peter V. On summer tours pupils Kiev-Pechersk Gymnasium. Kyiv, 1901. 56 s.
12. Zemstvoes role in organizing excursions // Russian Tripper. 1914. Number 1. S.11 -17.
13. Proceedings of the Commission on the organization of tours for teachers and secondary school students from the Moscow District on 28.XII.1910 6.I.1911 / Under total . Ed. VI Komarnicki. M., 1911. 223 s.
14. Student tours. SPB.: Synod type. 1912. 99 s.
15. The purpose and objectives «Russian tripper» // Russian Tripper. 1914. Number 1. S.3 -4
16. Excursions - a matter of national necessity // Russian Tripper. 1915. Number 2. S. 9-14.

УДК 37 (091) (47+57) «XIX/XX»

Гражданско-патриотическое воспитания учащейся молодежи посредством экскурсионной работы в России во второй половине XIX – начале XX вв.

- ¹ Надежда Владимировна Тарасова
- ² Елена Александровна Никитина
- ³ Ольга Викторовна Чернышова
- ⁴ Татьяна Васильевна Летапурс
- ⁵ Светлана Васильевна Дюмина

^{1,2,3,4} Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д.94

¹ Преподаватель
E-mail: nadia-79@bk.ru

^{2,3} кандидат психологических наук, доцент

⁴ кандидат филологических наук, доцент

⁵ Курский институт непрерывного профессионального образования (повышения квалификации и профессиональной переподготовки) специалистов отрасли образования,
305004, г. Курск, ул. Садовая, д.31
кандидат педагогических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматривается проблема гражданско-патриотического воспитания молодежи посредством реализации добровольческой (волонтерской) деятельности. Проводится историко-педагогический анализ экскурсионной работы, как одной из основных форм добровольческой деятельности школьников в России во второй половине XIX - начале XX веков. Рассматривается вопрос становления экскурсионного движения в России во второй половине XIX — начале XX вв., определяются его основные цели и задачи. В статье на основе архивного материала сделана попытка рассмотреть экскурсионную работу как одну из важнейших форм добровольчества, способствующей формированию и развитию у подрастающего поколения патриотизма. Охарактеризованы мнения педагогов-новаторов рассматриваемого периода, видевших большой образовательный потенциал в ученических экскурсиях, рассмотрена позиция Министерства народного просвещения в отношении воспитательного потенциала экскурсий.

Ключевые слова: гражданско-патриотическое воспитание; добровольческая деятельность; формы добровольчества; экскурсионная работа; русская педагогика и школа.

Population Censuses in Slovakia between 1919–1940 *

Pavol Tisliar

Faculty of Arts of Comenius University, Slovakia
 2 Gondova Str., 814 99 Bratislava
 Dr. (History), Ph.D., Adjunct Professor
 Email: pavol.tisliar@fphil.uniba.sk

Abstract. This paper analyzes the population census which took place in the territory of present-day Slovakia between 1919 and 1940, focusing on the organizational and logistical aspects. The paper also examines the publication of the results and discusses the current location of the primary documents and the degree to which they have been made available to the public.

Keywords: census; population; archives; Slovakia; 1919 to 1940.

Introduction. Population censuses have traditionally ranked among the most complex tasks undertaken by any government apparatus. First actual censuses in countries which administered the current territory of Slovakia were conducted relatively early, starting with censuses organized for military and taxation purposes at the end of the 18th century during the reign of Joseph II. First census of modern nature took place in the second half of the 19th century and it aimed not only to gather data necessary for the efficient administration of the country, but also to study population development in a scientific manner.

Materials and Methods. During the period in question, five censuses took place: in 1919, 1921, 1930, 1938 and 1940. Each of them marks an important milestone in the development of the population of Slovakia and thus deserves scholarly attention. However, due to the organizational and logistic issues, only two of these lend themselves to be analyzed in a detailed manner.

Discussion. The first population census after the formation of the Czechoslovak Republic was conducted in 1919 [1]. This census was extraordinary not only in its schedule, but also in its practical aspects since it served as a stress test of sorts for the new system of public administration. Its purpose was an important political one: the data gathered during the census was to be used by the Czechoslovak delegation at the 1919 Paris Peace Conference where one of the chief aims of Czechoslovakia was to justify its existence and negotiate the most favorable settlement regarding its borders. This affected Slovakia especially with respect to its southern borders which at that time were defined as the demarcation line between Czechoslovakia and Hungary. The census organizers wanted not only population figures, but they were also interested in finding out what the actual ethnic structure of contemporary Slovakia was. Reliability of data from the previous census of 1910 was put in question by the very nature of the census questions: a person's ethnicity was defined according to their native language and at the same time, one's native language could be the language one learned at school which was, in the case of non-Hungarian minorities, nearly always different than that spoken at home [2]. Slovak political leadership therefore felt it necessary to conduct a new census to address this lacuna in the contemporary knowledge of the number of people inhabiting the territory of Slovakia and their ethnicity [3].

The preliminary and extraordinary nature of this census is clearly visible in the choice of data gathered. The census only asked the most basic questions, primarily focusing on ethnicity and religion, but also literacy and the level of participation in the Great War.

As a negotiation tool, the census did not serve its purpose, since the results were not made available to the members of the peace conference delegation, nor for some time afterwards. The first set of preliminary results was published as late as the fall of 1921 under the title *Soznam miest na Slovensku dľa popisu ľudu* (*A survey of places in Slovakia based on a population census*) which only included the very basic characteristics [4] limited to the number of persons present, their gender, ethnicity and confession plus the total number of houses [5]. This survey was the only publication of the census data to ever see the light of day. The delay is all the more ironic since by that time, the results of the 1921 census had already been processed for more than six months and due to the nationwide nature of the census, they received much more attention in both professional circles and among the general public.

Those wishing to consult the data gathered in the 1919 census had to resort to studying the questionnaires themselves. These contain additional information on the age of respondents, languages spoken, literacy and the effect of the Great War on their households [6]. The full set of census documentation, however, was never gathered in one place. After the completion of data collection at the lowest level conducted by the processus district officials, the questionnaires themselves (the so-called 'house

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Добровольчество как средство патриотического воспитания школьников в России второй половины XIX — начала XX вв.» №12-36-01352, тип а2.

lists') were collated and sent to the provincial office. Archival material shows evidence of further processing of some partial data, especially township summaries, which were then used in compiling the lexical part of *Soznam miest*. These summaries were then collated by the Ministry Plenipotentiary for the Administration of Slovakia which was the primary institution in charge of the census. Very few of the original questionnaires have survived; one exception is the nearly complete set of questionnaires preserved in the records of the Nitra province.

The extraordinary census of 1919 did not seek to collect data in areas typically of interest to modern demography. One such notable omission is the data on employment. Originally, these types of questions were to be included in the questionnaires [7], but ultimately, practical considerations and time concerns won out. At the time of the preparation, it was not yet clear when would the data on ethnicity and population figures be needed [8]. These concerns ultimately proved to be needless as even in its truncated form, the census data could not be processed quickly enough and the Czechoslovak delegation at the Paris Peace Conference was forced to resort to using data from the 1910 census, appropriately corrected for the underlying ethnic bias [9].

Though the extraordinary census of 1919 failed to fulfill its primary purpose, it was far from a total failure. As material from the archives of the State Statistical Office in Prague shows, the logistical experience and the infrastructure established in the 1919 census proved to be indispensable during the next planned census which took place in 1921. From the point of view of preparation and overall logistics, the 1921 census could pick up where the 1919 census left off, especially when it comes to the primary collection of data by using lists compiled by census takers and by avoiding issues organizers were dealing during the extraordinary census in 1919 [10]. In addition to that, the 1919 census data were used to replace the 1921 data when a portion of the latter was lost by extrapolation [11].

One the major ways the 1919 census influenced the one in 1921 was the way in which data on ethnicity was gathered. The 1919 census broke with the tradition established by previous Hungarian censuses conducted since 1880 and instead of assigning ethnicity based on a person's first language, it opted for self-reported ethnicity. It was the first modern census to do so in reaction to the aforementioned political manipulation, i.e. counting – against all common sense and common usage – the language of schooling (i.e. Hungarian) as the children's native language. In an effort to avoid even the appearance of such a manipulation, the organizers of the 1919 census rejected this established practice and added the concept of self-reported ethnicity to the census questionnaires.

The 1921 schedule was the first of the scheduled censuses which continued the practice of ten-year census cycles established by the Austro-Hungarian government in the new republic. As a result, the 1921 census was much more extensive and detailed than the extraordinary 1919 census both in target (for example, it also gathered data on the economy) and scope: as a country-wide census, it was organized and administered by the State Statistical Office (*Státní úřad statistický Československé republiky*, established in 1919 [12]) which was also in charge of processing and publishing the data. The driving force behind the census was the renowned statistician and scholar of demography Antonín Boháč [13].

The final results of the first country-wide population census in Czechoslovakia conducted on February 15th 1921 were published between 1924 and 1927 in a dedicated edition of primary sources titled *Československá statistika* [14] published by the State Statistical Office. A separate volume containing the statistical lexicon of Slovak townships was published in 1927 [15] which summarized the results of the 1921 census. One year later, the State Statistical Office published an administrative lexicon of townships which concluded the analysis of the census data [16].

Turning now to the data gathered by the census, it is notable that while the 1921 was the first census to survey population's economic activity, it confined itself to broad categories. The questionnaire thus only asked about which industry the respondent worked in and not the specific employment or trade, nor did it ask about any secondary employment or trade, a practice considered standard starting with the next scheduled census in 1930. Ethnicity, however, was once again a major focus of the census, since this was the first country-wide census after the formation of Czechoslovakia and the data gathered was to serve as additional justification for the creation and continued existence of an independent Czechoslovakia. In practical terms, the census once again relied on self-reporting of ethnicity, but should a respondent prove unable to answer this question, the census taker would answer that question for the respondent based on the respondent's native language [17].

Even though by the 1920 Population Census Act, regularly scheduled censuses were to take place in five-year intervals, the next such census took place on December 1st, 1930 [18]. The frequency of population censuses thus adapted to the typical ten-year cycle and the legislative framework was updated accordingly [19]. This was largely due to the financial concerns as a five-year cycle ultimately proved untenable [20].

The figures from the 1930 census based on the data gathered in Slovakia were once again published in several volumes of *Československá statistika* [21] between 1934 and 1938. 1936 also saw the publication of a separate statistical lexicon of Slovak townships [22].

Having evaluated all aspects of the previous census, the State Statistical Office widened the scope of the census by including more data points. In addition to gathering data on the people physically present on the date of the census regardless of their relationship to the household, it also asked about those who permanently resided in the household in question (as is the current practice). However, only the former set of

data was actually published, in order to keep with the practice established by the previous censuses (which was also maintained in the next scheduled in 1940) and to facilitate comparison. The 1930 census also attempted – for the first time – to track the population movements by asking about the respondent's previous places of residence. The most important innovation introduced in 1930 was gathering data on fertility and related areas which aimed to gain insight into the population reproduction, but also provides a quite detailed picture of marital life. The 1930 census also added a number of combination data points in literacy and education and also asked about physical maladies and disfigurements and secondary employment. These innovations make the census as a unique population survey, not only due to the logistical challenges presented, but also due to the character of the data, especially that on fertility as this was the first modern census to gather the data of this type. The lead organizer of the 1930 census was again Antonín Boháč who ensured that the basic framework of the 1921 census was maintained, especially as far as the sensitive issue of ethnicity was concerned where the results were strongly influenced by improvements in the survey of household affiliation [23].

The nearly complete set of questionnaires and summaries from the 1930 census is fully available to researchers in the Slovak National Archives in Bratislava [24]. The questionnaires especially afford the scholars unique and invaluable data on respondents and the households they lived in, but also on the village, town and region they were a part of.

The remaining two censuses took place under atypical conditions and both surveyed only a part of what is now Slovakia. In late 1938, when a large part of present-day Slovakia was incorporated into the territory of neighboring countries (German, Hungary and Poland), the Ministry of Interior conducted a brief census which only aimed to count the number of people present and their nationality, religion, ethnicity and age. The results of this survey were published only as district-level summaries and included the number of households, nationality (i.e. affiliation with a particular country), religion, ethnicity and the total number of people physically present [25]. Having examined the surviving archival material related to this census, we can now confirm that it will not be possible to fully process and publish the results of this census. The questionnaires are now stored in district archives all over the country in a haphazard manner. Moreover, only parts of the original collections have survived in most archives as the rest often fell victim to mandatory disposal policies where only samples have been preserved [26] or the records were destroyed entirely [27]. Archives of the provincial administrations, currently stored in the collections of the state archives, only contain the township summaries which include population figures and their breakdown by ethnicity and religion. Same data, but on the local level, as well as age group data would be of immense value for modern demographic research, however, these have never been published and most likely haven't even been summarized, either.

When considering the nature and the outcome of this census, one must keep in mind the conditions under which it took place and its aims. On the one hand, territorial changes resulted in the need to reorganize public administration and thus updated statistical data would be needed, if only for the basic task of determining the location of the administrative centers. On the other hand, the speed with which the census was organized and a certain level of secrecy involved clearly show the political goals of the whole enterprise, especially with regard to ethnic minorities. The events of late 1938 significantly changed the ethnic landscape of Slovakia where by ceding the southern parts of the country (mostly inhabited by ethnic Hungarians), the relative number of persons with Slovak ethnicity increased and at the same time, the Hungarians ceased to be the largest ethnic minority. This role now fell to the Germans whose political leaders openly demanded a special legal status [28]. Paraphrasing the words of the prime minister at the time (and later the president of the wartime Slovak Republic) Jozef Tiso, the population census of December 31st 1938 took place so that the government would find out how many ethnic Germans there were and be ready for when their representatives demanded cultural autonomy [29]. Since the census was organized rather hastily, the government managed to catch political leaders of minorities by surprise, so that for example Franz Karmasin, the leader of the ethnic Germans, filed a protest criticizing the improper execution of the census and rejecting its results and not binding for the German minority [30]. In general, the organizers expected that a more impromptu census would avoid the usual political games and thus result in a more objective picture, but those hopes were quashed as soon as time came to publish the preliminary results. The political pressure the organizers were under is also the most likely reason why the data for individual townships never appeared in print and thus the original idea of creating an ethnic land registry of sorts never came to fruition. As a consequence, this census was quickly all but forgotten, partly also due to the next census, which took place under the auspices of the government of the new independent Slovak Republic (1939 – 1945).

The 1940 census organized by the State Statistical Office in Bratislava was to be the next schedule population survey and as such, it aimed to continue the ten-year cycle of censuses of the interbellum Czechoslovakia. Its organization, nature and the final analysis of the data by comparison to the previous censuses of 1921 and 1930 [31] also clearly speak to the intention of maintaining the practice established by the Czechoslovak State Statistical Office. However, the legal framework governing this census refused to recognize any link to the past – indeed the law itself under which the census took place insisted this was “*the first population census*”, meaning of course in independent Slovakia or rather its wartime incarnation (1939 – 1945) [32].

The statisticians of the period recognized the shortcomings of its 1938 predecessor, especially in the lack of any data which could be used in shaping the new country's economic, population and social policy. As in 1919, the lack of comprehensive data on the economic activity of the population was considered a major flaw which the 1940 census sought to remedy [33].

The 1940 census introduced and new and hitherto unseen feature best described as mandatory segregation of certain population groups. This affected the Jewish and the Roma (or, in contemporary parlance, Gypsy) communities members of which were originally obligated to report "their own ethnicity truthfully", i.e. prohibited from self-reporting as anything other than Jews or Roma, respectively. At the last minute, however, this requirement was dropped, but only for the Roma population. This approach to surveying ethnicity not only violated the practice established by the Czechoslovak State Statistical Office, but also extended state-sanctioned persecution of certain population groups into the preparation and final execution of the census. At the same time, the definition of ethnicity was narrowed and more closely tied to a person's native language [34]. In scope, this census could not reach beyond the post-Vienna Awards territory of Slovakia [35], but for a detailed analysis and comparison with previous censuses, this data can be supplemented by that gathered in the Hungary-controlled parts of Slovakia during similar censuses in 1938 and 1941 [36].

Original census materials including questionnaires and summaries officially dated December 15th, 1940 is currently preserved at the Slovak National Archives as a dedicated fonds [37]. As in the case of its 1938 predecessor, the data from the 1940 census has never been fully analyzed or published. First preliminary data was published in March 1941 [38], but that did not include the data gathered during the supplemental census conducted in January 1941. This preliminary data only contained population figures, total number of households for townships and a preliminary population figures for the Jewish community. Further, more detailed data was not published until after World War II and the restoration of Czechoslovakia. One likely explanation is that the government of the wartime Slovak Republic feared the reaction of the German community and so the publication of the data from the 1940 census followed the same scenario as in the case of its predecessor in 1938 [39]. Population and household figures for individual townships were published in a topographic lexicon of townships in 1942 [40]. The 1940 census data on age structure, of the entire population as well as district summaries of data on economic activity, ethnicity and religion only saw the light of day after the end of World War II [41].

Conclusion. Census years 1919 - 1940 provide an interesting source of information on the development of the Slovak population. They help us understand the current status of particular populations that directly proceeded.

References:

1. Tišliar P. *Mimoriadne sčítanie ľudu na Slovensku z roku 1919: Príspevok k populačným dejinám Slovenska.* / P. Tišliar. Bratislava: STATIS, 2007.
2. Ministry of the Interior of the Slovak Republic (henceforth: MVSR) – Slovak National Archives in Bratislava (henceforth: SNA), fonds of the Ministry Plenipotentiary for the Administration of Slovakia 1918 – 1928 (henceforth: MPS), shelf mark 10688/1919 Adm. Pres.
3. Tišliar P., ref. 1, p. 6 ff.
4. *Soznam miest na Slovensku dľa popisu ľudu z roku 1919.* Bratislava: Ministerstvo s plnou mocou pre správu Slovenska, 1920. (henceforth: *Soznam miest 1919*). This publication was antedated to 1920 1920, for details Mráz J. *Soznam miest na Slovensku dľa popisu ľudu z roku 1919* (review article). /J. Mráz // *Československý statistický věstník III*, volume 2. – 4., December 1921. P. 199–202.
5. *Soznam miest 1919*, ref. 4.
6. See for example MVSR – State Regional Archives for Nitra headquartered in Ivanka pri Nitre (henceforth: SA Nitra), fonds Nitra Province I., 1464 – 1922, 1919 census questionnaires.
7. SNA, fonds Private writings - Vavro Šrobár, 1900 – 1948 (henceforth: OFVŠ), inv. no. 47.
8. SNA, fonds MPS, shelf mark 10688/1919 Adm. Pres.
9. SNA, fonds OFVŠ, inv. no. 690; SNA, Private fonds - Fedor Houdek, 1848 – 1949 (henceforth: OFFH), inv. no. 221/1b.
10. For that purpose, census takers in Slovakia were surveyed and asked to provide feedback on the 1919 census. For details, see Mráz J. *O předběžném sčítání lidu na Slovensku roku 1919.* / J. Mráz // *Československý statistický věstník II*, volume 1.-2., December 1920 a February 1921, volume 3. P. 1–38 and 120–143.
11. The most typical example of this is the township of Krompachy. For details, see SNA, fonds Country Administration Office, 1928 – 1940, shelf mark 8659/1922 adm.; National Archives of the Czech Republic in Prague (henceforth: NAČR), fonds Ministry of the Interior – Old System, 1918-1938, shelf mark 72978
12. Act no. 49/1919.
13. NAČR, fonds of the State Statistical Office I, (1916) 1918 – 1946 (1950), shelf mark P-3541-1.
14. Data related to Slovakia was published in volumes 9, 22, 23 and 37.
15. *Štatistický lexikón obcí v republike Československej.* III. Díl. Slovensko. Praha: Státní úřad statistický, 1927.
16. *Administrativní lexikón obcí v republice Československé.* Díl II. Morava a Slezsko, Slovensko, Podkarpatská Rus. Praha: Státní úřad statistický, 1928.

* This work was supported by the Slovak Research and Development Agency under contract No. APVV-0199-12 "Historický atlas obyvateľstva Slovenska (18. – 1. pol. 20. storočia)" and the Ministry of Education grant VEGA č. 1/0176/11 "Populačná politika a populačný vývoj Slovenska v rokoch 1938 – 1945".

- ¹⁷. SNA, fonds MPS, shelf mark 2620/1921 pres.
- ¹⁸. Act no. 256/1920 §2 and Government decree no. 592/1920 which mandated the execution of the census.
- ¹⁹. Act no.47/1927 §1 and Government decree no. 86/1930 which governed the census.
- ²⁰. Act no.47/1920 §7.
- ²¹. Volumes 98, 104, 107, 113, 116, 126, 146, 151 and 153.
- ²². Štatistický lexikón obcí v krajine Slovenskej. Praha: Státní úřad statistický, 1936.
- ²³. For details see Šprocha B. Štruktúry obyvateľstva Slovenska v rokoch 1919 – 1940. / B. Šprocha, P. Tišliar. Bratislava: INFOSTAT, 2009. P. 102–103.
- ²⁴. SNA, fonds Population Census 1930.
- ²⁵. Územie a obyvateľstvo Slovenskej republiky a prehľad obcí a okresov odstúpených Nemecku, Maďarsku a Poľsku. Bratislava: Štátny štatistický úrad, 1939. P. 8–17.
- ²⁶. MVSR – State Regional Archives for Košice, Rožňava Field Office, fonds District Administration Dobšiná, 1938 – 1945, no. 336/1940 pres.
- ²⁷. On the other hand, there are a number of well-preserved collections, such as those in the archival fonds of District Administrations Poprad and Kežmarok. MVSR – State Archives in Levoča, Field Office Poprad, fonds District Administration Poprad, (1918) 1923 – 1945 (1949); fonds District Administration Kežmarok, (1921) 1923 – 1945 (1947).
- ²⁸. For details, see: „Tretia ríša“ a vznik Slovenského štátu. Dokumenty I. Eds.: M. Schvarc, M. Holák, D. Schriffel. Bratislava: ÚPN, 2008. P. 460–461, doc. no. 139.
- ²⁹. Ibidem.
- ³⁰. Ibidem, p. 547–550, doc. no. 158.
- ³¹. Data from 1930, 1921 and 1910 served as main points of comparison, see Lexikón obcí Slovenskej republiky. (henceforth: Lexikón obcí 1942). Bratislava: Štátny štatistický úrad, 1942.
- ³². Population Census Act no. 265/1940 of October 8th, 1940. The bill was under discussion since September 1940 by the office of the Prime Minister and the Ministry of the Interior which was in charge of the organizational and logistic aspects. For details, see SNA, fonds Ministry of the Interior of the Slovak Republic, 1938–1945, shelf mark 3091/40.
- ³³. Do konca roka má byť prvé sčítanie ľudu. Slovenská pravda, October 5th, 1940, p. 3.
- ³⁴. A great number of people, mostly members of ethnic minorities, filed a complaint alleging that the census taker would refuse their choice of ethnicity. The most typical justification given was the respondent's lack of knowledge of the language of the ethnic group in question. For details, see Tišliar P. Sčítanie ľudu z roku 1940: k niektorým aspektom organizovania a priebehu cenzu. / P. Tišliar // Život v Slovenskej republike. Slovenská republika 1939 – 1945 očami mladých historikov IX. Eds. P. Sokolovič. Bratislava: ÚPN, 2010. P. 25–35.
- ³⁵. SNA, fonds Ministry of the Interior, 1938 – 1945, shelf mark 1359/1941.
- ³⁶. The provisory census of 1938 in Hungary only affected the new territory and the data was published in Magyar statisztikai közlemények. 108 kötet under the title Az 1938. évi Felvidéki nép-, földbirtok- és állatösszeírás. Budapest: M.K. központi statisztikai hivatal, 1939. The next regularly scheduled census took place in 1941. Some basic data can be extracted from Magyarország Helységnévtára 1941. Budapest: M.K. központi statisztikai hivatal, 1942. See also A Felvidék településeinek vallási adatai (1880-1941) I. es II. kötet. Budapest: Központi statisztikai hivatal, 1999.
- ³⁷. SNA, fonds Population Census 1940. The length of the fileset is 670.5 standard meters.
- ³⁸. Predbežné výsledky sčítania ľudu: Slovenská republika má okolo 2,653.564 obyvateľov – V Bratislave žije 138.000 ľudí – Slovenské mestá podľa veľkosti. // Slovenská pravda, March 23rd, 1941, p. 1. For more details, see Štatistické zprávy, vol. 6, year II/1941, series A, 1.
- ³⁹. Schvarc M. Majorita – minorita. Vzťah Nemcov a Slovákov v rokoch 1939 – 1945 na príklade obce Handlová / M. Schvarc // Mičko, P. et al. Historické špecifiká stredného Slovenska v rokoch 1938 – 1948. Banská Bystrica: UMB, 2009. P. 65.
- ⁴⁰. Lexikón obcí 1942, ref. 31.
- ⁴¹. Zprávy Štátneho plánovacieho a štatistického úradu 1946. Bratislava 1946. P. 16–19. See also SNA, fonds State Planning and Statistical Office in Bratislava 1945 – 1951 (1952), no shelf mark; Štatistická príručka Slovenska 1947. Bratislava: Štátny plánovací a štatistický úrad, 1947. P. 6 ff. For more details, see also SNA, fonds State Planning and Statistical Office in Bratislava 1945 – 1951 (1952), no shelf mark.

УДК 93

Переписи населения Словакии в 1919-1940 годах

Павол Тишляр

Философский факультет Университета Коменского, Словакия
814 99, г. Братислава, ул. Гондова 2
д-р ист. наук, д-р философии, доцент
E-mail: pavol.tisliar@fphil.uniba.sk

Аннотация. Статья посвящена переписи населения Словакии в 1919-1940 гг. Рассматривает методику и систем реализацией конкретных переписи. Анализируются архивные документы и опубликований материал регулярных и чрезвычайных переписи населения.

Ключевые слова: перепись населения; 1919–1940; Словакия.

Foundation of the Colonization Institute in the USSR

Irina V. Voloshinova

National University of mineral resources «Mining», Russian Federation
199106, Saint-Petersburg, 21st line, 2
Associate Professor
E-mail: VIV10@yandex.ru

Abstract. In the article on basis of archival documents and state and party officials documents the history of the organization of science in the Soviet Union and the establishment in 1922 of the Colonization Institute, which was established in accordance with the resettlement problems in state system concerning the development of the national economy, is discussed.

Keywords: Colonization; relocation; land; agrarian overpopulation.

Введение. В России, вследствие «разрастания» на протяжении столетий территории страны государственная миграционная политика всегда играла важную роль, но переселенческое дело велось без научного обоснования, а также без учета его роли и влияния на хозяйство страны в целом и колонизируемых территорий в особенности. В дореволюционной России не было подобного центра в виде самостоятельного учреждения, занимавшегося научной разработкой землеустройства и колонизации. Литература по вопросам землеустройства и переселения не дала образцов систематической проработки землеустроительных и колонизационных проблем и не рассматривала их как части некоторого обособляющегося комплекса специальных научных исследований.

Материалы и методы. Источниковую базу статьи составляют исследования непосредственных участников и организаторов переселенческого дела, научные труды Государственного Колонизационного Института и др.

Сравнительно-исторический метод, используемый в исследовании, позволяет рассмотреть различные историографические явления в тесной связи с конкретно-исторической обстановкой и в их качественной эволюции.

Обсуждение. Полемика вокруг аграрного вопроса, развернувшаяся на рубеже XIX и XX вв., выдвинула на первый план проблему взаимоотношений города и деревни. Исследователи всего мира пытались определить корни миграционных процессов, выяснить причины и формы выселения из деревни. Множество работ в то время посвящалось проблеме «аграрного перенаселения» [1], одним из средств решения которого являлось переселение. Малоземелье и обнищание вынуждало крестьян Европейской части России переселяться за Урал. Эти причины определили и большие масштабы переселенческого движения в дореволюционное время.

Многочисленные исследования о переселении в ходе столыпинской аграрной реформы в России углубляли это направление в науке. «В работах дореволюционного времени заметно изживается старое отношение к переселению как к чему-то нежелательному, как к бесцельному бродяжничеству», - отмечал А.А. Кауфман [2], но переселенческая политика правительства не связывалась со сложными социально-экономическими и общественно-политическими процессами. В 1897 г. при МВД России было учреждено Переселенческое управление. Практика заселения окраин страны обусловила возникновения целого ряда переселенческих концепций, относящихся к выбору районов выхода переселенцев [3], к подбору их состава [4] и стимулированию переселений [5] и т.д. Но в целом, потенциальные возможности колонизации в России использовались очень мало. Особенностью дореволюционной России было то, что территориально неравномерное размещение промышленности дополнялось ее большой удаленностью от сырьевых баз. Административно-территориальное деление России находилось вне всякой связи с экономическими районами, с размещением производительных сил, национальным составом населения [6]. До первой мировой войны геологической съемкой было охвачено всего 13 % страны. Эти данные говорят о том, что в плане общегосударственного переселения не имели большого смысла, кроме как для самих переселенцев. Первая мировая война, а именно анализ ее результата – поражение России – показала острую необходимость скорейшего изучения масштабов страны, потребность в создании новых топливных баз, поиск месторождений, а самое главное создание прочного тыла. Война и последовавшие за ней революционные потрясения в значительной мере свели на нет наладившийся было в масштабах страны процесс организованного переселения, однако переселенческие органы продолжали успешно работать во время войны и революции, занимаясь устройством беженцев, распределением на работы военнопленных, поддерживали жизнеспособность заселенных местностей. «Переселенческое управление было единственным учреждением в составе бывшего министерства земледелия, не прервавшим ни на один день своей работы в октябрьско-декабрьские дни 1917 г.» – отмечалось в отчете о деятельности Переселенческого управления за первый год

Советской власти. «Октябрьский переворот наряду с разбродом многомиллионной уставшей армии по домам, бурная ломка хозяйственного уклада деревни, переделы земель, общее оскудение вызвали необычный рост переселенчества с первых же месяцев текущего года. В Сибирь потянулись не только жаждавшие земельного приволья крестьяне-хлеборобы. Тысячами повалили фабрично-заводские рабочие, отчасти под влиянием безработицы, отчасти соблазненные слухами про вольготное сибирское житье» [7].

В условиях первых трудных лет становления Советской власти, когда ощущалась острая нехватка продовольствия, восстановление довоенных посевных площадей приобрело особую остроту и актуальность. Одновременно принимались меры и по освоению богатейшего резерва неиспользуемых земель. Организация переселения крестьян на пустующие угодья была направлена на удовлетворение нужд и запросов той части крестьянства, которая длительное время не имела возможности улучшить свое положение, стремилась так или иначе овладеть свободными землями.

Однако переселение необходимо было проводить продуманно – не только исходя из нужд крестьянства, но и с той точки зрения, что миграционная политика должна опираться на экономическую, стратегическую и другие необходимости государства. Перед Академией наук стояла задача правильного распределения в стране промышленности и наиболее рационального использования ее природных и хозяйственных сил. В начале 1920 г. Г.М. Кржижановский написал работу «Основные задачи электрификации России», в которую, по замечанию Ленина, внес важное уточнение о том, что этот план является не техническим, а политическим или государственным. В плане ГОЭЛРО были блестяще воплощены принципы взаимосвязанности всех звеньев энергетического хозяйства, оптимизации баланса производства и потребления различных видов энергии в сочетании с возможностями добычи энергетических ресурсов. Основная научная концепция плана ГОЭЛРО состояла в рассмотрении народного хозяйства как целостной системы, ключевым звеном развития которой является электрификация страны. Идея плана заключалась в преимущественном развитии на базе электрификации тяжелой индустрии, в первую очередь черной и цветной металлургии, и связанных с ней отраслей топливной промышленности. План ГОЭЛРО был планом не только энергетики и электрификации, но и первым в мире планом комплексного развития народного хозяйства: «Нельзя не предвидеть, - указывалось в нем, - что рационализация нашей промышленности будет сопровождаться значительным географическим перемещением по стране, в целях возможного приближения обрабатывающей промышленности к основным источникам сырья и топлива или по соображениям общественного ее характера»[8].

Стихийно возрождавшееся переселенческое движение все в большей степени приобретало общесоюзное значение. Для изучения проблем колонизации и переселения и в соответствии с задачами землеустройства и переселения в системе государственных мероприятий по восстановлению и развитию народного хозяйства страны в апреле 1922 г. был образован Государственный Колонизационный научно-исследовательский институт (Госколонит)[9], который принадлежал к разряду тех научных учреждений, возникновение и развитие которых связано с первым десятилетием Советской власти.

Основными задачами Института, соответственно Положению о нем, являлись: 1) Определение значения землеустройства и переселения в системе государственных мероприятий по восстановлению и развитию народного хозяйства страны; 2) Выяснение основных начал и перспектив рационального освоения малообжитых и необжитых территорий; 3) Установление научно-обоснованных принципов в направлении колонизационной политики и построение колонизационного дела; 4) Организация научных исследований с колонизационной точки зрения подлежащих территорий; 5) Подготовка научных исследователей, преподавателей ВУЗов и специального персонала научно-квалифицированных работников колонизации

Уже через год институт имел свой перспективный план работ. Он охватывал два цикла основных (или теоретических) и прикладных исследований. Первый цикл включал в себя изучение вопросов экономики колонизации и переселений, естественно-научного исследования земельного фонда, колонизационно-миграционных процессов за границей, колонизационного законодательства. Во второй цикл входили вопросы сельскохозяйственной и промышленной колонизации, путей сообщения, землеустройства, оценки и организации государственных земельных имуществ. Таким образом, на начальном этапе существования Госколонита (апрель 1922 – февраль 1926 г.) научная работа в области истории колонизации была сосредоточена в первую очередь на исследованиях общетеоретического и методологического характера: определении основ политики и техники колонизационного дела; выяснении причин, форм и классификации миграционных процессов; исследовании основных типов миграционно-колонизационных процессов, их происхождении и характере [10]. В последующем область исследований была значительно расширена.

Госколониту пришлось изучать огромный комплекс вопросов, относящихся к колонизационно-миграционным процессам, учитывать и оценивать состояние отдельных отраслей народного хозяйства и их конъюнктуру, выяснять естественно-научные, экономические и демографические условия и перспективы развития разных районов, продумывать организационно-хозяйственные задачи по отраслям производства и районам страны, содействовать государству в построении планов последовательной колонизации во всей ее широте как в области сельского хозяйства, так и промышленности и путей

сообщения, всего плана переселений в целом и порайонно с одновременным учетом всех других факторов, ослабляющих избыточный земледельческий труд [11]. Специальному изучению подвергались вопросы экономической выгоды колонизации и заселения необжитых пространств. Сюда входило изучение экономических результатов колонизации и сопоставление их с исчислениями стоимости и фактическими издержками заселения необжитых районов; в частности изучение бюджетов переселенцев и исследование эволюции их благосостояния [12].

Изучение колонизационных процессов и методов, с помощью которых иностранными государствами осуществлялась колонизация новых стран, представляла практический интерес: сюда относились такие темы, как формы управления колониями, колонизационное законодательство, финансирование колонизации, оборудование колоний путями сообщения, насаждение в них промышленности, устройство гражданского быта переселенцев, специальные формы колонизации районов хлопкового пояса, северных стран. Особое значение имело изучение методов колонизации, применяемых в условиях аналогичных нашей стране [13].

Исследования Госколонита в области колонизации были построены на экономических проблемах, которые имели непосредственное отношение к построению организационно-хозяйственных планов. К ним в первую очередь относились: установление норм населенности, методов определения аграрного перенаселения и его размеров [14].

В 1924 г. по заданию Наркомата Земледелия Госколонит занялся разработкой вопроса об избыточном труде в СССР. В официальном обращении это поручение было сформулировано следующим образом: 1) «Выяснить картину распределения трудовых сил на территории Союза в сельском хозяйстве и промышленности в довоенное время и после революции; 2) установить по районам Госплана соответствие наличного труда и трудоемкости сельского хозяйства и промышленности в довоенное время и после революции; 3) выяснить в общей проблеме избыточного труда значение перемещения труда, как способа к ее разрешению, и 4) установить по возможности направление и степень напряженности главнейших потоков, по которым движется избыточный труд в поисках его приложения, как в смысле переселения из одних районов в другие, так и в смысле перехода из одной отрасли в другую» [15]. Заведующий отделом миграционных и колонизационных процессов Института Л.И. Лубны-Герцык, исследовавший этот вопрос и в дореволюционное время [16], возглавил работу Комиссии Госколонита по определению масштабов аграрного перенаселения. В первую очередь было решено проработать вопрос об избыточном труде только в сельском хозяйстве, так как в те годы в СССР оно было основной и доминирующей областью приложения труда. Комиссией были выбраны четыре района по Госплану: Северо-Западный, Западный, Центрально-промышленный и Центрально-Земледельческий. В результате проделанной работы «избыточное» сельское население по четырем обследуемым районам европейской части СССР было выявлено в количестве 14,25–18,9 млн человек, что составляло 37,8–50,2 % от общего числа трудоспособного сельского населения. В результате всех исследований Всесоюзным Переселенческим Комитетом и НКЗ РСФСР на основании заявок с мест была определен план переселенцев на десять лет с 1925-1935 гг. численностью 5200000 человек. В первое пятилетие намечалось землеустроить 1,2 млн. переселенцев, а для 4 млн. переселенцев последующего пятилетия заблаговременно изыскать и подготовить соответствующий земельный фонд [17]. В зависимости от этих планов определялись и масштабы переселенческих мероприятий в отдельных заселяемых районах.

Для достижения задач, поставленных перед институтом, изучались практически все вопросы, относящиеся к колонизации. Деятельность ГКНИИ проявилась в нескольких направлениях: рассмотрении ряда общих вопросов; выяснении естественно-исторических, экономических, демографических и национальных особенностей и перспектив территорий, подлежащих колонизации. Накапливался научный материал, увеличивался контингент работников, вовлекались в изучение новые районы, умножалось число тем. Вопросы переселений и колонизации, с одной стороны, переставали быть исключительно сельскохозяйственными и входили в сферы промышленности, рынков и транспорта, а с другой стороны, самым тесным образом сплетались с вопросами землеустройства.

Вся деятельность ГКНИИ делится на два периода: 1) апрель 1922 – февраль 1926 гг., когда институт действовал лишь в качестве Колонизационного Института и 2) с февраля 1926 г., то есть со времени преобразования Колонизационного института в Государственный научно-исследовательский институт Землеустройства и Переселения до октября 1930 г.

В 1926 г. в составе института был сформирован Землеустроительный сектор: его сотрудниками было проведено изучение земельных фондов и определено место государственных земельных имуществ (ГЗИ) во всей системе народного хозяйства, установлены формы и способы наиболее целесообразного использования их, дана оценка современного состояния и способности их служить колонизационно-переселенческим мероприятиям [18]. В результате произведенной работы в трудовое пользование только переселенцам к 1 октября 1926 г. было передано 1,5 млн га, которые на месте своего старого жительства оставили около 250000 га, в свою очередь увеличивших землепользование многих сотен тысяч дворов [19].

С 1925 г. в Институте велись разработка вопросов промышленной колонизации. Созданным Отделом промышленной колонизации была намечена программа работ, которая ставила задачей

детальное исследование возможностей условий и перспективных результатов промышленной колонизации таких районов, которые по существующему состоянию представляли бы реальные перспективы в смысле наличных или потенциальных промышленных фондов для колонизации [20]. С этой точки зрения промыслово-промышленная колонизация являлась функцией индустриализационных заданий и фактором индустриализации данного района.

Подготовительная работа, проведенная Государственным Колонизационным Институтом, позволила в конце 1924 г. поставить вопрос о возможности открытия переселения на ближайшую перспективу. 17 октября 1924 года Совет Труда и Обороне вынес постановление об учреждении Центрального Колонизационного Комитета (с 1925 г. переименован во Всесоюзный Переселенческий Комитет) и дал ряд директив по переселению [21]. В 1929 г. институт был выведен из состава учреждений Наркомпроса и передан в ведение Наркомзема РСФСР. В Центрально-черноземной области и на Урале были открыты его областные филиалы. В его активе насчитывалось проведение ряда экспедиций для изучения процессов и эффективности землеустройства и переселения в Сибири, на Урале, на Украине и Белоруссии.

В октябре 1930 г. институт был ликвидирован как самостоятельное учреждение. Считалось, что землеустройство стало ненужным как объект научного исследования, поэтому землеустроительный сектор был слит с научно-исследовательским Институтом экономики и организации социалистического земледелия, а земельно-городской и переселенческий секторы упразднены. Вопросы переселения перешли в ведение Госземтреста.

Закключение. Подводя итог деятельности научно-исследовательского института Землеустройства и Переселения, необходимо отметить серьезную научную ценность его трудов для обоснования переселенческой политики СССР. Деятельность Института распространялась на все вопросы, связанные с колонизационно-переселенческими проблемами: учитывалось и оценивалось состояние отдельных отраслей народного хозяйства, выяснялись экономические, демографические и национальные особенности и перспективы территорий, подлежащих колонизации. Деятельность Института содействовала государственным органам в установлении плана последовательной колонизации. Кроме разработки проблемы «аграрного перенаселения», Институт разработал проблему наиболее целесообразного предназначения государственных имуществ, с вовлечением их в хозяйственный оборот не только путем переселений, но и посредством аренды, дополнительного наделения землепользователей и концессий.

Благодаря деятельности Института с середины 20-х гг. началось осуществление планового переселения, были выработаны концепции и механизмы комплексного регулирования миграционных потоков, накоплен определенный опыт управления миграционными процессами. Тогда же были сформулированы основные направления государственной переселенческой политики и ее задачи; разрабатывались программы, которые стали решать миграционные вопросы в комплексе.

Примечания:

1. Пешехонов А.Б. Земельные нужды деревни и основные задачи аграрной реформы. СПб., 1905; Нефедов Г.Ф. Аграрный вопрос и закон народонаселения (к вопросу об аграрной реформе). Моршанск, 1906 и др.
2. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 2.
3. Грум-Гржимайло Г.Е. Описание Амурской области. СПб., 1894.
4. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 215.
5. Слюнин Н.В. Современное положение нашего Дальнего Востока. СПб., 1908.
6. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1956. Т. III.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 6. Д. 873. Л. 51. Об. Справка о деятельности Переселенческого Управления (Работа во время революции).
8. План электрификации РСФСР. М., 1920. С. 170.
9. Положение о Государственном колонизационном научно-исследовательском институте // Организация науки в первые годы Советской власти (1917-1925). Сб. документов. Л., 1968. С. 281-283.
10. Государственный Колонизационный Научно-исследовательский Институт. Его задачи, организация и деятельность. (Краткий отчетный очерк) // Труды ГКНИИ. М., 1924. Т. 1. С. 299-337.
11. Труды ГКНИИ. М., 1924. Т. 1: Ярилов А.А. Пути колонизационного строительства; Лубны-Герцык Л.И. О нормах населенности; Большаков М.А. К плану переселенческих мероприятий НКЗ на 1923/24 гг.; Кобозев П.А. Колонизация Дальнего Востока; Эвальд В. Колонизация Севера России и железнодорожное строительство.
12. Труды ГКНИИ. М., 1926. Т. II: Лубны-Герцык Л.И. О работах Комиссии ГКНИИ для исследования вопроса об избыточном труде СССР; Космачевский К.В. Государственные земельные имущества и их использование; Большаков М.А. К плану переселенческих мероприятий НКЗ на 1923/24 гг. // Труды ГКНИИ. М., 1924. Т. 1. С. 198-212.
13. Скорняков Е.Е. Колонизация пустынь США (как использовать практику США для колонизации пустынь в СССР) // Труды ГКНИИ. М., 1924. Т. I; Егоров Д.Н. Французская колониальная политика и колониальная литература 1924-1924 гг. // Труды ГКНИИ. М., 1926. Т. II.

14. Жуковский Ю.Г. Население и земледелие. СПб., 1907; Пешехонов А.В. Земельные нужды деревни и основные задачи аграрной реформы. СПб., 1905; Нефедов Г.Ф. Аграрный вопрос и закон народонаселения (к вопросу об аграрной реформе). Моршанск, 1906; Пестржецкий Д.И. Заселение окраин. СПб., 1908 и др.
15. Материалы по вопросу об избыточном труде в сельском хозяйстве СССР // Труды ГКНИИ. М., 1926. Т. III. С.20.
16. Лубны-Герцык Л.И. Земельный вопрос в связи с проблемой населенности. М., 1917.
17. Сахаров А.М. Перспективный пятилетний план переселения на земельные фонды общесоюзного значения // Вестник землеустройства и переселения. М., 1928. Кн.5. С.140-147.
18. Космачевский К.В. Народно-хозяйственное значение государственных земельных имуществ; Столяров И.Я. Оборудованные государственные земельные имущества (совхозы) // Труды ГНИИ Землеустройства и Переселения. М., 1928. Т.V.
19. Государственные земельные имущества и их использование / Под ред. К.В. Космачевского // Труды ГНИИ Землеустройства и Переселения. М., 1928. Т.V. С. 282-306.
20. Чиркин Г.Ф. Транспортно-промышленный колонизационный комбинат Мурманской железной дороги. Его возникновение, развитие и метод работ // Труды ГНИИ Землеустройства и Переселения. М.; Л., 1928. Т.IX; Овчинников Н.Я. Карело-Мурманское лесное хозяйство и его перспективы в связи с заселением края // Труды ГНИИ Землеустройства и Переселения. М.; Л., 1928. Т.X; Проблемы промышленно-промысловой колонизации // Труды ГНИИ Землеустройства и Переселения. М., 1930. Т.XI.
21. НКЗ РСФСР. Отдел переселения и колонизации. Переселенческое дело. Сборник декретов и распоряжений по переселению / Под ред. М.А. Большакова. М., 1927. С.55, 57.

УДК 93/94

Создание Колонизационного Института в СССР

Ирина Валерьевна Волошинова

Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», Россия
199106, Санкт-Петербург, 21-я линия, д.2
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: VIV10@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе архивных дел и документов государственных и партийных органов рассматривается история организации науки в СССР и учреждение в 1922 г. института Колонизации, созданного в соответствии с задачами переселения в системе государственных мероприятий по развитию народного хозяйства страны.

Ключевые слова: колонизация; переселение; землеустройство; аграрное перенаселение.

**Japanese in the Russian Far East (1900s – early 1930s):
Manpower problem on Kamchatka and Northern Sakhalin***

¹ Taisija V. Yudina

² Vladimir V. Bulatov

³ Ekaterina L. Furman

¹ Volgograd State University, Russian Federation
100, Universitetskij Ave., 400062, Volgograd
Dr. (History), Professor

E-mail: uvrprorektor@volsu.ru

² Volgograd State University, Russian Federation
100, Universitetskij Ave., 400062, Volgograd

Dr. (History), Assistant Professor

E-mail: vbulatov@rambler.ru

³ Volgograd State University, Russian Federation
100, Universitetskij Ave., 400062, Volgograd

PhD (historical), Assistant Professor

E-mail: histrus@volsu.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of manpower in the Russian Far East in the 1900s – early 1930s. The authors examine the total number of workers and employees at the concession enterprises, a percentage ratio of the Russian and foreign workers in the Far East fishery, coal and oil industries, their living and working conditions, salaries etc. The authors especially emphasized the role of Japanese fishery managers in the development of the Kamchatka fishery in pre-revolutionary Russia and in the USSR.

Keywords: workers and employees; Japanese tenants and concessionaries; the Russian Far East; the Russian Empire; the Far East Republic; the USSR; Japan; Kamchatka; Northern Sakhalin; fishery; oil industry; coal industry; timber industry.

Introduction. The problem of manpower in the Russian Far East is not new and the problem of providing the Far East region of Russia with labor remains unresolved. Legal and illegal labor migrants flow to the region from China, North Korea and the former republics of the USSR. Thus, this vast richest region of Russia has the same problems with national personnel which existed during the former periods of the Russian history.

Materials and methods. The main sources of this article were the published documents of the State Archive of the Russian Federation (GA RF), the Russian State Archive of Economy (RGAE), etc. The article uses important historiographical data, unpublished documents. The research used mainly the problem and chronological methods, enabling to arrange the events in chronological and problem order. The methodological principle of historicism also enables to study the problem of manpower in the Russian Far East.

Discussion. The Russian historical science has arranged a range of researches in the analysis of state concession and labor policy in the Russian Far East in the 1920s -1940s. For example, N.V. Marjasova studied the Soviet concession practice in the region in the 1920s -1930s [1]. In particular, S.V. Koshkareva traced the existence of the Japanese fishing concession on Kamchatka up to August 1945 [2]. A comprehensive theoretical and concrete historical analysis of the problems of using the Soviet and foreign workers and employees on the Far East oil and coal concessions was reflected in T.V. Yudina's monograph [3]. For their part, M.M. Zagorulko and V.V. Bulatov investigated the activities of Japanese fishery managers in the 1900s – early 1930s [4].

Results. For October 1, 1925 there were about 7 million workers in the Soviet Union [5]. Approximately, during the same period concessions in the sphere of production occupied slightly more than 26 thousand foreign and Soviet workers. In 1927/1928 economic year their quantity decreased to 21.5 thousand [6]. For October 1, 1928 there were 19.9 thousand concession workers and employees in the USSR [7]. It was obvious that the Soviet concession practice entered the fading period. Really, since 1929 the Soviet government did not sign any new concession contract and limited itself to renewal of separate old contracts. Only the concession relations with Japan showed both stability and progress. It is characteristic that any sort of the economic relations between the USSR and Japan since the beginning of the 1920s and up to August 1945 had deep political implication.

The foreign policy of the USSR fully could use the fact of existence of Japanese concessions in the region. The Soviet Union managed «to calculate» the closest links which existed between Japanese

---

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ); проект № 13-01-00111 «Рабочие на концессионных предприятиях в Российской империи и СССР (1900-1940-е годы)».

bureaucracy, military and business elites before and during World War II. In this regard, one document of the Soviet foreign policy department is remarkable. In 1925, the Soviet ambassador in Tokyo V.L. Kopp especially emphasized that “any large concession given to this or that considerable Japanese firm, will have the most direct and immediately being realized political value. At the closest texture of ruling bureaucracy with major industrial and financial companies of Japan, successful maneuvering in the field of our concession policy is the most paramount political task” [8].

In other words, the economic interests of a Japanese business elites seriously influenced the political and military leaders of “the rising sun country”. In turn, the Japanese leaders tried to observe those interests. It is enough to remember that in 1925 granting concessions to Japanese businesspersons on the Soviet territory was one of conditions of a diplomatic recognition of the USSR from the Japanese government. On January 20, 1925 the Soviet-Japanese Convention on the principles of relationship between two states was signed in Beijing. It concerned the spheres of economic cooperation either. The Soviet government agreed to provide concessions on operation of mineral, timber and natural resources of the USSR to Japanese citizens, companies and associations. The Japanese capital directed to the Soviet Far East. During 1925-1927, twelve concession contracts were concluded with Japanese legal entities and individuals. The Soviet government granted concessions to 7 Japanese firms in the fields of the oil and coal industry, gold mining and operation of timber areas [9]. Four concessions were concluded with fishing firms in 1928.

For January 1, 1937, there were only five concession enterprises in the Soviet Union. Four of them were Japanese: three acted in the oil and coal industry of Northern Sakhalin, and one concession operated water biological resources in the Kamchatka waters [10]. Even in March 30, 1944, Japanese concessions “Kita Karafuto Sekio Kabushiki Kaisha” (oil), “Kita Karafuto Koogio Kabushiki Kaisha” (coal) and “Nichiro Giogio Kabushiki Kaisha” (fishing) continued to appear in confidential Soviet statistics [11]. It is not casual. The powerful concern “Mitsubishi” which represented influential Japanese capital stood behind all those concessions. The concession “Nichiro Giogio Kabushiki Kaisha” on Kamchatka ended the USSR concession policy and practice. That concession was liquidated in August 1945 [12].

As a whole, it is obvious that during the period of the 1920s – the 1930s the Japanese capital focused its main interest on two branches of the Soviet Far East economy: a) fishery, catching of a crab and canning production on Kamchatka and b) oil and coal industry on Northern Sakhalin. From the economic point of view, cooperation with Japanese businesspersons was very productive for the USSR. In 1929 the total amount of the Japanese investments attracted in the Far Eastern region through concessions made 17.7 million rubles at once [13]. Investments of fishing concessionaires increased the general share of the state participation in financing of the Soviet Far East industry by 14.29 %. At the same time fiscal receipts from all Far East concessionaires made 9.52 % of the state capital investments in the regional industry. Thus, in 1929 the Soviet government got an opportunity to increase its program of investments into industrial development of the region by 25 % [14].

Other fact is also remarkable. Despite the course taken in the USSR on elimination of concessions, the total of concession workers in the country had to increase sharply. It is obvious that from the beginning of 1929 Japanese concessions concentrated the majority of concession workers in the USSR. According to the Japanese newspaper “Hakodate-simbun”, in 1929 the total of Japanese labor in economy of the Soviet Far East made 34.7 thousand people [15]. However, this number included not only persons who worked on Japanese fishing, mining and timber concessions. Japanese labor was used on sea and river fishing sites rented by Japanese on Kamchatka. The Soviet fishing organizations also used Japanese labor (7.4 thousand). Almost 1.1 thousand Japanese worked at the Soviet “crab catchers” (vessels) and 40 people worked in the Soviet timber industry. However, the vast majority of Japanese (25 thousand) worked on the Kamchatka fishing sites (concession or rented by Japanese fishery managers). Japanese workers in the Kamchatka fishery appeared long before the conclusion of concession contracts with Japanese firms in the fall of 1928. Simply since 1929 Japanese fishery managers began to combine rent and concession forms of operation of the Kamchatka water biological resources. Before, they annually rented there river and sea sites for fishing and crab catching. Japanese worked according to conditions of Russian-Japanese Fishing Convention signed in 1907. More than 70 % of all production of seafood in “conventional” Far East waters of pre-revolutionary Russia fell to the share of Japan. In 1923, Japan’s share even exceeded 90 % [16].

The 1907 Convention balanced the rights of Russian and Japanese anglers in questions of the taxation and fishing rules. Nevertheless, before and after the October revolution of 1917 weakness of technical equipment of Russian fishery managers was aggravated with absence of necessary quantity of national qualified fishing personnel in the Far East. Thus, the labor problem in the Soviet Far East fishery was not new. Before revolution, about 15 thousand anglers worked in the Kamchatka waters. Only 3 thousand (or 20 %) of them were Russians, and other 12 thousand (or 80 %) were Japanese. After revolution situation did not change. Fishing industry on the Kamchatka peninsula for 80 % was in hands of Japanese tenants. In 1925, 21.5 thousand anglers left to Kamchatka from Japan, and only 1.5 thousand ones left from Vladivostok (Russia). Thus, the share of Japanese workers made 93.5 %, and Russians – only 6.5 % [17].

Japanese and Russian fishery managers rented the Kamchatka river sites in mouths of the rivers flowing into the Sea of Okhotsk and the Bering Sea, and sea sites along the Kamchatka coast. The pre-revolutionary legislation of Russia allowed the Russian “river” tenants to employ Japanese workers. However, their quantity should not have exceeded one third of the total number of workers. That rule

continued to work in the mid-twenties but Soviet fishery managers broke it. The reason was simple. Employment of Japanese anglers was cheaper, and their share on the Kamchatka river fisheries reached 40, and sometimes 50 % of the total number of workers. Unlike river sites, on sea ones the Russian workers were not used at all. Moreover, they were used neither by Japanese tenants, nor by the Soviet joint - stock companies. By way of exception, Japanese involved the qualified Russian workers for processing red caviar in “the Russian way”, expecting to deliver the product on the Soviet market. However, their share did not exceed 5 %. On other sea sites, the Russian workers were absent. There were no Russian workers at all canneries of Japanese tenants [18].

In 1925 Soviet labor unions suggested increasing a share of the Russian workers on the Japanese tenants' sites: on sea sites -to 50 % and more, on river sites -to 75 %, at canneries -over 75 %. However, working conditions at Japanese tenants couldn't involve the Russian anglers. The working day proceeded 16–18 hours per day: from about 4 o'clock in the morning till 11 o'clock in the evening without days off and holydays. Canneries adhered to the same schedule also. The intensification of work was quite explainable. The sites and canneries were operated not all the year round but only during a season of a course of fish and crabs on Kamchatka (from June to September or from May to September). But on the Soviet fishing sites work did not stop and continued without week-ends and holidays either. At legislatively established 8-hour working day, overtime work was allowed. People worked for 14 hours a day. However, the lunch break made 3 hours, instead of 1.5 hours at Japanese [19].

Nevertheless, Japanese workers earned less, than the Russian workers though Japanese had higher qualification and worked more time. For a season of 1924 on the Soviet fishing sites a Russian worker earned near 240 rubles, and Japanese – 190 rubles. On fishing sites of Japanese tenants the salary was lower. Japanese employers didn't give out to the hired personnel any overalls, even when people had to work in ice water. Their living conditions were extremely wretched. Hired men usually huddled in the barracks constructed of straw. Premises at canneries were not better. They were constructed from thin and narrow boards, and the roofs were made of the same straw. For lodging for the night, there were rows of plank beds in barracks. At each Japanese cannery there was a doctor, and on fishing site there was a paramedic. Japanese physicians obviously used small number or absence of the Soviet medical personnel and took a payment from patients: frequently not money but “a fur equivalent” (skins of a fur animal). Those “fees” significantly supplemented their high monetary compensation [20].

Standards of the Soviet labor legislation in conventional waters of the USSR did not extend on Japanese tenants. For this reason, the Soviet labor unions offered at negotiations on the conclusion of the new Fishing Convention to bring up a question of application of standards of the Soviet Labor Code to Japanese workers and employees. Reaction of Japanese was sharply negative. As a result, the 1925 Moscow negotiations were interrupted and resumed only in 1928 [21]. Japanese coal concessionaires also opposed the standards of the Soviet labor legislation. In 1925, one of the Japanese coal managers declared difficulty of implementation of Soviet requirements to foreign and Russian workers on coal concessions on Northern Sakhalin [22].

Economic interests were behind protests of Japanese. They did not accept “overestimated”, in their opinion, requirements of the Soviet authorities and labor unions. They were afraid that execution of standards of the Soviet labor legislation concerning a salary, social payments, safety arrangements and financing of social infrastructure would cause increase of prime cost of their production and that would make it less competitive. The problem of a percentage ratio of the Russian and foreign workers on concessions continued to remain an important problem. All concession contracts in the USSR fixed the right for concessionaires to invite workers and employees from abroad. Thus, almost all contracts specified that the concessionaire could invite only skilled workers and employees. The number of foreigners often was defined as 15 % from each category of skilled workers. However, there were branch features. Concessions in the mining industry had the raised percentage indicator of the attracted foreign workers. For example, in 1927/1928 economic year the average percent of foreigners among workers and employees on all mining concessions in the USSR made 19.4 %. Regional features also had an effect. Any concession enterprise in the East of the USSR attracted more foreign labor. For example, Japanese concessionaires officially could have to 50 % of foreign workers. So, in 1927/1928 economic year among 1093 workers and employees of coal concession “Kita Karafuto Koogio Kabushiki Kaisha” the specific weight of foreigners made 39.9 %, and among 1484 workers and employees of oil concession “Kita Karafuto Sekio Kabushiki Kaisha” the corresponding indicator was expressed already in 56.5 % [23].

Under foreigners here meant not only Japanese, but also Chinese and Koreans. Large-scale attraction of labor in the Soviet Far East resulted from an acute shortage of Russian labor in the region and from a surplus of foreign manpower in the adjacent states with the USSR [24]. Another reason is important too. Qualification and quality of being available Russian labor left much to be desired. Concessionaires submitted applications to the Soviet bodies of labor which were engaged in recruitment. As a result, on coal and oil concessions of Japanese on Northern Sakhalin there were persons with the criminal past, alcoholics and hooligans. About 15-20 % of the hired Russian workers never worked earlier [25].

It is necessary to notice that regional authorities repeatedly attempted to limit penetration of foreign labor into the Far East economy. For example, during the Far East Republic existence in 1920-1922 the local timber concessionaires had the obligation to construct settlements with schools and hospitals “for the

Russian workers". Besides that, businesspersons had to involve not less than 50 % of Russians within the first 6 years of concession, and within the next years of contractual term – not less than 75 %. Such requirement for labor pursued the double aim. First, the high percent of the Russian workers gave the chance to the authorities to carry out colonization of the remote and undeveloped areas. Secondly, the high percent of the Russian workers could liquidate "dominations of yellow work" [26].

Nevertheless, in the mid-thirties it was impossible to observe the Russian workers on Japanese fishing concessions. The personnel problem in the Far East of the USSR remained sharp. In the conditions of chronic shortage of Russian population, the attraction of Japanese labor was the important factor of the regional economic development. Moreover, the Soviet tenants also proved broad attraction of Japanese labor and used the same arguments as earlier: shortage of national labor and absence of the qualified Russian workers. The authorities urged the Soviet fishing managers to organize resettlement of anglers ("instead of old men or hairdressers") from Astrakhan, from the Black Sea and from the Azov Sea. There was one positive experience of migration already. In 1928, groups of anglers from the Stalingrad province and Astrakhan were moved to the Far East as experiment. However, the vast majority of the Russian seasonal workers continued to be hired in the European part of the USSR among peasants, navies or carpenters. As a rule, those persons worked one season. Only several Russian workers had two years' fishing experience on the Soviet fishing sites on Kamchatka. Therefore, there was a constant growth of Japanese labor: 1928 – more than 4.9 thousand people; 1929 – about 8.5 thousand people; 1930 – more than 9.5 thousand people [27].

Japanese willingly worked on the Soviet fishing sites because the compensation there was higher than at Japanese fishing concessionaires or tenants. It was atypical for the Soviet concession practice. As a rule, the average monthly salary almost at all concession enterprises in the USSR was higher than at the one-branch Soviet state enterprises [28]. In 1928, at peak of the Soviet concession practice, that difference fluctuated from one to 60 % and tended to increase. However, Far East concessions showed the return. In 1931 on "Nichiro Gogio Kabushiki Kaisha" concession Japanese workers earned from 150 to 200 yens for 100 days. Their compatriots on the Soviet fishing sites received on the average for a season: 1928 – 347 yens; 1929 – 307 yens; 1930 – 470 yens [29]. The similar took place on North Sakhalin mining concessions. For example, in 1928 on "Kita Karafuto Sekio Kabushiki Kaisha" oil concession the rate of the 1st category made 1 ruble 29 kopeks. At the uniform Soviet enterprise ("Sakhalinest"), the same rate was equal to 1 ruble 70 kopeks [30].

There was an essential difference between Japanese fishing concessions and Japanese mining ones in a question of hiring of labor: the Russian personnel worked on Japanese oil and coal fields, but Japanese fishery concessionaires did not employ Russians. On the contrary, the Soviet state fishing organizations widely used work of Japanese.

However, working and living conditions of workers both at Japanese, and at the Soviet employers differed a little. For example, in 1932 the Soviet executives in the Far East fishery often could not provide a food for Japanese properly. On one of the Soviet enterprises, the Japanese workers remained without rice that was equivalent to deprivation of Russians of bread. There existed difficulties with granting separate housing to foreigners. Sometimes Japanese lodged together with families of the Russian workers. Sometimes there were intense relations between the Russian and Japanese workers. Japanese aggravated mutual misunderstanding at joint activity with ignorance of the Russian language, "except for the Russian foul language which Japanese used very widely". There were cases when Japanese worked more time than Russians did. Those careless national "workers" forgot that not only Japanese but also the Soviet labor legislation allowed overtime work during fishing seasons. The Soviet administration obviously could use a conscientious attitude of Japanese to work and gave them unskilled full-time job. "Misunderstanding" with Japanese were usual at calculations or at delivery of goods. The Soviet executives justified all those "defects". They said, "At capitalists, at Nichiro, people work in the worst conditions" [31].

"At capitalists" on the Sakhalin concessions situation was not iridescent. In the late twenties living conditions on Northern Sakhalin remained unsatisfactory in many respects. For example, there were absence of light, closeness and dirt in premises on the "Due" mine of a coal concession "Kita Karafuto Kogio Kabushiki Kaisha". The other enterprises had the worst conditions. Barracks on concessions were heated badly; there were no toilets, baths, laundries and a water supply system. However, the qualified Russian workers, the Japan administration and technicians lived in separate well-planned houses. However, on coal concession the "real" Japanese workers lived in quite comfortable conditions too. Poor quality of life surrounded Chinese employed by the concessionaire. The Soviet labor unions and bodies of labor fairly "declared war" to that. The Sakhalin concessionaires, in aspiration to derive the maximum profit, had to care about health of the workers. It was necessary to pay attention to women and teenagers occupied with hard physical work, and also to the persons performing overtime works. It was necessary to observe rules of labor protection and to warn traumas and mutilations. It was necessary to conduct scheduled maintenance and to allocate hospitals and out-patient clinics on concessions. At that time in the USSR deficiency of medical personnel was felt. For this reason employees of the "Due" mine of concession "Kita Karafuto Kogio Kabushiki Kaisha" used local physicians and local hospital. The concessionaire paid to the Soviet medical staff a salary, covered their expenses on utilities, organized a free food to them etc. [32].

Conclusion. History showed that difficulties with labor often directly resulted from absence of care of workers, from absence of the correct organization of work, from rejection of measures for improvement of

material living conditions of workers, from inability to organize training of skilled workers. Without care of personnel it is impossible to raise labor productivity and secure any success of implementation of various social and economic programs.

References:

1. Марьясова Н.В. Иностраннный капитал на Дальнем Востоке России в 20-30-е годы (концессии и концессионная политика Советского государства). Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2000. 168 с.
2. Кошкарева С.В. Советская концессионная политика на Северо-Востоке страны в 1920–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петропавловск-Камчатский, 2007. 25 с.
3. Юдина Т.В. Советские рабочие и служащие на концессионных предприятиях СССР в годы нэпа. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 444 с.
4. Загорулько М.М., В.В. Булатов Наркомземовские концессии: сельское хозяйство и водные промыслы. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2010. 488 с.
5. Юдина Т.В. Указ.соч. С. 92.
6. Иностраннные концессии в СССР (1920–1930-е гг.): документы и материалы / Под ред. проф. М.М. Загорулько. М.: Современная экономика и право, 2005. С. 484-485.
7. Юдина Т.В. Советские и иностраннные рабочие и служащие на концессионных предприятиях СССР в 1920-1930-е гг. // Власть. 2010. № 9. С. 120.
8. Иностраннные концессии в рыбном хозяйстве России и СССР (1920–1930-е гг.): документы и материалы / Под ред. проф. М.М. Загорулько, проф. А.Х. Абашидзе. М.: Современная экономика и право, 2003. С. 215.
9. Булатов В.В. Концессионные отношения в СССР. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. С. 128-129.
10. Иностраннные концессии в СССР (1920–1930-е гг.) ... С. 733-734.
11. Митюшкин С.С. Документы об иностраннных концессиях в СССР / С.С. Митюшкин // Советские архивы. 1969. № 2. С. 44-53.
12. Кошкарева С.В. Указ. соч. С. 25.
13. Булатов В.В. Концессионные отношения в СССР ... С. 144.
14. Марьясова Н.В. Указ. соч. С. 140.
15. Японская рабочая сила на Дальнем Востоке СССР // Рыбное хозяйство Дальнего Востока. 1929. № 1. С. 51-53.
16. Загорулько М.М., Булатов В.В. Указ.соч. С. 293, 299.
17. Там же. С. 342-343.
18. Там же. С. 343.
19. Иностраннные концессии в рыбном хозяйстве России и СССР (1920-1930-е гг.) ... С. 202-203.
20. Там же. С. 203.
21. Загорулько М.М., Булатов В.В. Указ. соч. С. 346-347.
22. Юдина Т.В. Советские рабочие и служащие на концессионных предприятиях СССР в годы нэпа. С. 29-30.
23. Иностраннные концессии в СССР (1920-1930-е гг.) ... С. 443, 486.
24. Юдина Т.В. Концессии и проблема занятости населения СССР в 1920-е гг. // Власть. 2008. № 10. С. 106-111.
25. Юдина Т.В. Советские рабочие и служащие на концессионных предприятиях СССР в годы нэпа. С. 104.
26. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 2. Д. 950. Л. 41-41 об.
27. Загорулько М.М., Булатов В.В. Указ. соч. С. 347, 349.
28. Юдина Т.В. Источники о социально-экономическом положении советских концессионных рабочих в 1920-е гг. // Отечественные архивы. 2011. № 5. С. 58.
29. Иностраннные концессии в СССР (1920–1930-е гг.) ... С. 490, 350.
30. Юдина Т.В. Советские рабочие и служащие на концессионных предприятиях СССР в годы нэпа. С. 190.
31. Иностраннные концессии в рыбном хозяйстве России и СССР (1920-1930-е гг.) ... С. 212-213.
32. Юдина Т.В. Советские рабочие и служащие на концессионных предприятиях СССР в годы нэпа. С. 221-222, 240.

УДК 94

Японцы на российском Дальнем Востоке (1900-е – начало 1930-х гг.): Проблема рабочей силы на Камчатке и Северном Сахалине

¹ Таисия Васильевна Юдина

² Владимир Викторович Булатов

¹⁻³ Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

400062, Волгоград, пр. Университетский 100

Доктор исторических наук, профессор

E-mail: uvgrprorector@volsu.ru

² Доктор исторических наук, доцент

E-mail: vbulatov@rambler.ru

³ Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: histrus@volsu.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме рабочей силы на Дальнем Востоке России в период 1900-х – начала 1930-х гг. Авторы приводят данные по общему количеству рабочих и служащих на концессионных предприятиях в СССР. Раскрывается процентное соотношение советских и иностранных рабочих в рыбном хозяйстве, угольной и нефтяной промышленности Дальнего Востока. Показаны жилищные условия рабочих, условия и оплата их труда и т.д. Особо авторы подчеркивают роль японских рыбопромышленников в развитии камчатского рыболовства в дореволюционной России и СССР.

Ключевые слова: рабочие и служащие; японские арендаторы и концессионеры; Дальний Восток России; Российская империя; Дальневосточная республика; Япония; Камчатка; Северный Сахалин; рыболовство; нефтяная промышленность; угольная промышленность; лесное хозяйство.

UDC 94 (470) «19»

Differentiation of Siberian Miners' Salaries in Late XIX – Early XX Centuries *

Vasilij P. Zinovyev

Tomsk State University, Russian Federation
634050, Tomsk Region, Tomsk, Lenin avenue, 36
Dr (History), Professor
E-mail: vpz@tsu.ru

Abstract. The work considers seasonal variations and differentiation of Siberian miners' salaries in late XIX – early XX centuries, proves that seasonal variations of salaries depended on the excess demand on labor in summer and the contraction of demand in winter, detects that salary differentiated, depending on workers' qualification, sex, age, nationality, industry, location of an enterprise. Such differences in Siberian miners' salaries were typical for early industrial period of the development of the society.

Keywords: salary; Siberian miners.

Введение. Заработная плата, ее номинал и реальное содержание, виды выдачи, формы оценки труда являются важнейшим показателем положения наемных рабочих. Сезонные колебания заработной платы и уровень ее дифференциации при этом являются важными показателями зрелости индустриального рынка труда в том или ином регионе мира или отдельной страны. Специально эта характеристика заработной платы исследователями рабочего класса России обычно не анализировалась, внимание привлекали только отраслевые, региональные и половозрастные различия в заработной плате [1. С. 100–112]. В предлагаемой читателю статье автор поставил целью путем исследования дифференциации заработной платы и ее сезонных колебаний сделать заключение об уровне развития капиталистических отношений в горной промышленности Сибири в конце XIX – начале XX в., степени формирования социальной идентичности наемных работников горной отрасли.

Методы и источники исследования. Основным источником для анализа заработной платы горнорабочих Сибири стали материалы горной инспекции – отчетности, переписки, результаты обследований рынка труда, труды горных инженеров и санитарных врачей, документы делопроизводства горнопромышленных предприятий, сведения сибирской периодики. Основными методами исследования стали сравнительно-исторический и статистический.

Исследование сюжета. Горная промышленность Сибири в конце XIX – начале XX в. имела ярко выраженный сезонный характер. В зимний период работы многие горные сокращались или прекращались вовсе. И хотя сезонность в горной промышленности имела тенденцию к снижению, рынок труда оставался нестабильным, так как сохранялась сезонность других отраслей производства – сельского хозяйства, строительства, многих промыслов [2. С. 37–39]. В зимний период в целом спрос на рабочие руки падал, падала и заработная плата работников. Заработная плата горняков Сибири испытывала влияние сезонных колебаний спроса на рабочие руки. В зимний период, когда рабочих рук требовалось немного, а предлагалось в избытке, заработная плата значительно снижалась. Весной, с уходом крестьян на полевые работы, возобновлением сезонных промыслов, в том числе и с оживлением золотопромышленности, цены на рабочие руки вновь поднимались. Так в Южно-Енисейском горном округе в 1898 г. рабочим платили в месяц на своём содержании такие суммы (в руб.): кузнецам зимой – 12–15 руб. в месяц, летом – 22–30 руб. в месяц, плотникам – 13–18 руб. и 22–30 руб., чернорабочим – 10–12 руб. и 18–27 руб., женщинам – 5–10 руб. и 12–20 руб. соответственно [3. Л. 73]

Сезонные колебания в оплате труда горняков были характерны для всего периода второй половины XIX – начала XX вв. Например, в Томском горном округе рабочие в месяц получали в 1895–1899 гг. летом 24 руб. в месяц, зимой – 14,4 руб. в месяц, в 1900–1904 гг. – 27,7 и 17,1, в 1905–1909 гг. – 35,4 и 19,8, в 1910–1914 гг. – летом 37,0 руб., зимой 21,8 руб. [4. С. 90].

Следовательно, летом на приисках рабочим платили почти в два раза больше, чем зимой. Аналогичной была картина на других предприятиях золотопромышленности, кроме Лено-Витимского района, где рабочих рук было достаточно, шахтные работы велись круглый год, и расценки менялись незначительно. Сезонные рабочие на приисках зарабатывали на 10–20 % выше, чем постоянные рабочие, в пересчёте на месяц [5. С. 149]. Следует отметить, что разница в летней и зимней оплате несколько снизилась к 1914 г.

На каменноугольных коях весной расценки также традиционно повышались, чтобы удержать рабочих. На Черемховских коях эта прибавка составляла 1 рубль на кубическую сажень выработки

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009 (проект «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности»).

дополнительно или 25 копеек премии за 1 куб. сажень выработки. Заработная плата повышалась, таким образом, на 15-17% Осенью она снижалась. Так на Черновских копиях Забайкалья в 1912 г. в сентябре поденный заработок составил 2 рубля, в октябре – 1 рубль 74 копейки, в ноябре – 1 рубль 54 копейки [6. Л. 476-477, 679]. В годы первой мировой войны в период нехватки рабочих рук сезонные колебания заработной платы г 1917 г. сошли на нет. Так, на Судженских копиях Л.А. Михельсона стоимость рабочего дня (суточной упряжки) горнорабочего составляла в январе 1914 г. 121 коп., в августе – 143, в декабре 133 коп., в январе 1915 г. – 139 коп, в августе – 170, в декабре – 153 коп., в январе 1916 г. – 155 коп., в августе 1915 г. – 251., в декабре – 226 коп., в январе 1917 г. – 239 коп., в августе – 864, в декабре – 1207 коп. Те же тенденции обнаружились и на остальных копиях Томской горной области [7. С. 66].

Дифференциация заработной платы на горных предприятиях имела четыре основных вида: по специальностям, квалификации, по полу и возрасту, по национальному признаку. В географическом отношении заработная плата также резко колебалась. Наиболее высокой она была в отдалённых таёжных районах, наиболее низкая - на горных предприятиях вблизи железной дороги и хлебных рынков. Как дифференцировалась заработная плата по специальностям можно судить по следующей таблице по результатам обследований рынка труда в Сибири в 1914 - 1916 г.

Таблица 1

Различия в заработной плате по специальностям на горных предприятиях Сибири в 1914 г. (в руб. в месяц)*

Специальность и	На золотодобыче	На каменно-угольных копиях	На горных заводах	Итого	
				Колебания	В среднем
Драгеры	80-145	-	-	80-145	112,5
Машинисты	45-80	28-78,4	31,0	28-80,0	54,0
Бурильщики	32,5-48,4	-	-	32,5-48,4	40,5
Забойщики	36-56	25-52,8	-	25-56	40,5
Крепильщики	31-64	30-68	-	30-68	49,0
Возчики	25-51	20-41,7	26,4-	20-51	35,0
Откатчики	20-41	15,2-30	-	15,2-41	28,1
Люковые	37	25,1-30	-	25,1-37	31,1
Ствольные	-	21,0-30,4	-	21-30,4	25,7
Ремонтёры	24-40	19-30	-	19-40	29,5
Плотники	30-72	24-66,5	25,4	24-72	48,0
Слесари	44,5-113	21-85,1	38,9	21-113	67,0
Кузнецы	23-83	21-60,0	29,3	21-83	52,0
Молотобойцы	28-55	21-50,8	16,2	16,2-55	35,6
Кочегары	15-55	18,6-32,7	36,0	15-55	35,0
Промывальщики	31-67	-	-	31-67	49,0
Литейщики	57,5	-	36,0	36-57,5	46,8
Чернорабочие	14-50	11,0-37,5	-	11-50	30,5
Сторожа	25-50	16,5-36,3	40,0	16,5-50	33,3
Конюхи	25-53	19-60	11,0	11-60	35,1
Женщины	3-28,3	5,5-20	-	3-28,3	15,7
Подростки	13-30	5,2-10	9,3	5,2-30	17,6

*РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 599. Л. 4-5; Д. 600. Л. 1-2; Д. 605. Л. 1-2; Д. 618. Л. 14-15, 19-20, 36-37; Д. 633. Л. 12; Д. 642. Л. 1-2; Д. 648. Л. 7-8; Д. 652. Л. 4-5; Д. 698. Л. 1-2; Д. 1251. Л. 3-4; Оп. 75. Д. 611. Л. 15-16; Д. 612. Л. 2-3; Д. 613. Л. 17-18; Д. 624. Л. 1-26; Д. 626. Л. 8-9; Д. 650. Л. 4-5; Д. 663. Л. 16-17; Положение рабочего рынка и условия промышленного труда в забайкалье в 1914-1915 гг. Иркутск, 1916. Вып. 1. С. 244-295.

Больше всего получали высококвалифицированные рабочие – драгеры, в среднем 112,5 рублей в месяц, затем слесари – 67 рублей, кузнецы – 52 рубля, машинисты – 54 рубля, плотники, промывальщики, литейщики – 47-49 рублей. Свыше 40 рублей в месяц получали также квалифицированные горные рабочие – забойщики, бурильщики, крепильщики. У прочих категорий рабочих месячный заработок не превышал в среднем 30-35 рублей. Средний заработок подростков равнялся 17,6 рублей, женщин – 15,7 рублей в месяц. Заработная плата рабочих одной специальности значительно колебалась в зависимости от места работы, квалификации, спроса на рабочие руки. Так машинисты на приисках получали не ниже 70 рублей в месяц, кроме приисков Лензото, где их месячный заработок не превышал 63 рублей. На копиях Копикуза, Судженских копиях заработок их равнялся 28–31 рублей в месяц, на Черемховских копиях – уже 38–65 рублей, на копиях Забайкалья 78,4 рублей. Значит с удалением на восток, где особо остро ощущался недостаток

квалифицированных рабочих рук, цены на них росли. Аналогичную тенденцию можно обнаружить в изменениях заработной платы слесарей, кузнецов, плотников. Квалифицированные рабочие получали в среднем в 1,5–2 раза больше, чем другие рабочие, рабочие основных горняцких профессий получали на четверть выше, чем чернорабочие.

Рабочие одной специальности на золотых приисках получали значительно больше, чем на каменноугольных коях, на заводах тем более. Так забойщики на золотых приисках и рудниках в месяц зарабатывали от 36 до 56 рублей, на коях – от 25 до 52,8 рублей, чернорабочие от 14 до 50 рублей и от 11 до 37,5 рублей соответственно и т.д. На золотых приисках подростки не получали ниже 10 рублей в месяц, а на коях этот показатель не превышал 10 рублей. Следует отметить, что квалифицированных рабочих на горных предприятиях края было немного. В 1914 г. их доля составляла 25,6 %, из них технических специалистов, получавших в среднем свыше 50 руб. в месяц насчитывалось 4,6 %. Рабочие ремесленных и основных горных специальностей составляли оставшиеся 21 %. Они получали в среднем от 40 до 50 руб. в месяц. Неквалифицированные и полуквалифицированные рабочие, которые составляли 74,4 %, зарабатывали в месяц в среднем от 28 до 35 руб.

На золотых приисках существовала значительная (в 1914 г. – 21,5 тыс. или чуть больше половины всех рабочих) группа рабочих, не имевших сколько-нибудь гарантированного заработка и не делившихся на профессиональные группы – кустари-золотничники. В советской исторической литературе они классифицируются как кустари, представители первой стадии развития капиталистической промышленности – простой капиталистической кооперации [8]. Эксплуатировались они соответственно раннекапиталистическими методами – путем скупки добытого ими золота и через получение арендной платы за золотоносные участки. Золотничные артели действовали в основном летом, преобладали они на приисках Восточно-Сибирской горной области. Число их резко возрастало дважды в 1870-е гг., с разрешением мелкой золотопромышленности, и в начале XX в., когда истощение богатых золотоносных пластов заставило золотопромышленников искать иных способов эксплуатации приисков. Таковым способом стали артели золотничников. Золотничниками являлись в основном иностранные рабочие – корейцы и китайцы. Золотничные артели в 7–15 человек работали либо от подрядчика с выплатой ему 10 % заработка, либо самостоятельно.

Золотничники получали плату со сданного в контору прииска золота от 1 до 4 руб. за золотник. В среднем за сезон они зарабатывали от 150 до 250 руб. или 25–41,5 руб. в месяц [8. С. 24]. То есть столько же, сколько неквалифицированные рабочие на приисках. Низкие заработки золотничников отмечали все исследователи горной промышленности дореволюционного периода. Е.Н. Коренев писал, что золотничникам платили за золотник меньше двух рублей, при этом вычитали плату за инвентарь и пользование машинами [9. С. 175-176]. В.С. Реутовский, окружной инженер Томского горного округа, отмечал, что наиболее низкие заработки у золотничников: «В большинстве случаев это настоящие пролетарии тайги, имеющие самый ничтожный заработок, равняющийся заработку домашней прислуги. На долю их годового рабочего приходится общий заработок не больше 96–102 руб., из которых, за исключением 72 руб. обыкновенных расходов на одежду, обувь и припасы, ему остается рублей 30. За уплатою же подати (7–10 руб.) и задатка (16–18 руб.) он может получить при расчете не более 10–15 руб. [10. С. 226]. Таких рабочих в округе он насчитал до 1/5 части.

Взявшись за разработку совершенно бедного золотом места, золотничники иной раз не получали ничего. Нелегальные артели старателей, так называемых «хищников» или «копачей» от золотничников отличались только юридически. Особенно это относится к старателям на нетронутых никем местах. «Хищничество этого рода – писал окружной инженер Витимского горного округа К.Н. Тульчинский – правильнее было бы называть вольной кустарной золотопромышленностью, да и сами рабочие называют себя «вольными старателями» [11. Л. 7]. Заработки такого рода кустарей определить трудно, также как определить их численность. Известно только, что «вольные старатели» присутствовали во всех золотопромышленных районах Сибири. В 1904 г. томские золотопромышленники писали губернатору, что хищники в Мариинском округе работают «партиями в 25 и более человек, селятся на приисках, строят казармы, приобретают скот и прочее, и вообще чувствуют себя хозяевами положения» [12. Л. 2]. Сильное развитие вольного старания было отмечено в 1910 г. в Алтайском и Красноярско-Ачинском уездах помощником окружного инженера Яковлевым. Он так описал работы «хищников»: орта с помпой для откачки воды, бутары, кайлы, свечи, тачки и прочее, на прииске 5 человек [13. Л. 18, 20].

Особенно развито вольное старание было в округах Восточно-Сибирской горной области – Западно-Забайкальском, Олёкминском, Зейском, здесь порой скапливалось в одном месте несколько тысяч вольных старателей, образовавших так называемые республики. Наиболее известная из них Желтугинская [14], менее известны Гилойская, Муйская, Жуинская, Чарская, Королонская. На Гилое в 1896 г. было до 3 тыс. вольностарателей, на Чаре в 1908–1909 гг. – от 1,4 до 2 тыс., на Муге в 1897 г. – до 500 вольностарателей [15. С. 109; 16. С. 569; 17. № 19. С. 191; № 20. С. 195; № 23. С. 233].

И.Ф. Садовников, в качестве межевого чиновника изъездивший всю Олекминскую тайгу, привёл описание работ на р. Жуе, где в 1908 г. было не менее 1000 вольностарателей. Из этого описания видно, что вольностаратели получали за золотник 3–3,8 руб. т.е. не больше, чем все

золотничники. Выработка в день составляла до 1,5 золотников, т.е. 3,5–5 руб. на человека. Однако цены, по которым вольностаратели получали товары и продукты, были на 40 % выше, чем на близлежащих приисках. К тому же нелегальное их положение обязывало давать взятки горным чинам. И.Ф. Садовников констатировал: «Жуя дает своим питомцам ровно столько, что они, немного работая, получают на содержание и изредка покутить» [18. С. 21–29]. Вольностаратели были выгодны золотопромышленникам и нещадно ими эксплуатировались. Они скупали золото, чем не гнушались даже крупнейшие компании такие как Лензото, продавали вольностарателям по очень высокой цене товары и продукты, использовали их как бесплатных разведчиков. Определение вольностарателей К.Н. Тульчинским как кустарей вполне справедливо.

Заработная плата рабочих колебалась не только в зависимости от специальности, отрасли и географического места работы, но и в зависимости от квалификации. Так, плотники высшей квалификации на приисках «Лензото» получали 2,40 руб., низшей – 1,40 руб. в день, кузнецы соответственно – 2,5 и 1,75 руб., монтеры – 3. и 2 руб., машинисты – 2,5 и 1,75 руб., и т.д. [19. Л. 49–56].

Дискриминация наблюдалась в отношении иностранных рабочих. За ту же работу они получали меньше, чем русские. Так, на горных предприятиях Забайкалья русский горнорабочий получал в день 1 р. 10 коп., иностранный – 1 руб.; землекоп – 1 р. 23 коп. и 1 р. 19 коп., кузнец – 1,8 руб. и 1,3 руб. [20. С. 207, 247–248, 250–251]. Русскому рабочему за золотник в конце XIX в. давали 3–3,5 руб., китайскому – до 2 руб. [21. С. 103; 22. Л. 8] Поэтому китайские рабочие усиленно конкурировали с русскими на рынке труда и постепенно вытеснили их из золотопромышленности на Амуре, Алдане и Забайкалье. По подсчетам главного управляющего делами компании Ельцова и Левашова С.И. Соколовского, поденный заработок китайского рабочего составил в 1910/11 г. – 1 руб. 03 коп., в 1911/12 г. 92 коп., в 1912/13 – 70 коп. Заработок русского рабочего за те же годы – 2 руб. 25 коп., 2 руб. 08 коп., 2 руб. 75 коп. [23. С. 23–24]. Л.Ф. Грауман, председатель правления Лензото в 1915 г. и 1916 г. распорядился назначить для китайских рабочих расценки на 20% ниже, чем русским [24. С. 36; 25. Л. 61]. На Зейских приисках в 1916 г. китаец зарабатывал около 1 руб. в день, русские же отказывались от работ при зарплате ниже 1,5 руб. в день. На каменноугольных копях Восточной Сибири в 1917 г. русский шахтер получал 3, 71 руб. в день, китайский – 2,82 руб. [2. С. 146].

Существовала дискриминация и в оплате женского труда. Сведений об этом немного, так как женский труд на горных предприятиях наравне с мужским применялся редко и для сравнений примеров почти нет. Однако редкие примеры убеждают в существовании дискриминации в заработной плате женщин и детей. Так в Черемховском угольном бассейне в 1902 г. мужчина сортировщик угля получал в среднем 212,5 руб. в год, женщина – 124 руб., подростки – 87,5 руб. [26]. На приисках Лензото расценки на женский труд не менялись в течение десятилетий [27]. В годы первой мировой войны предпринимателям в условиях нехватки рабочих рук пришлось отказаться от такой политики. Так правление Лензото в 1916 г. телеграфировало на прииски: «Немедленно рекомендуем использовать (в) полной мере женский труд (на) приисковых работах, сохранив (за) одинаковую работу одинаковую расценку (с) мужским трудом» [25. Л. 139]. В 1914 и 1916 гг. на Судженских копях труд откатчицы оплачивался наравне с мужским [28, Л. 4–6].

Заключение. Приведенные сведения позволяют сделать вывод о низком уровне развития горнопромышленного производства в Сибири дореволюционного времени. На это указывают значительные сезонные колебания заработной платы, резкие различия в оплате труда квалифицированных и основной массы неквалифицированных рабочих, повышение оплаты труда по восточному вектору, дискриминация в оплате труда женщин, иностранных рабочих. Вместе с тем можно отметить, хотя и слабую, тенденцию к выравниванию цен на рабочие руки, что указывает на постепенное формирование единого для горной промышленности Сибири рынка труда.

Примечания:

1. Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М., 1979. 288 с.
2. Зиновьев В.П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX – начало XX в. Томск, 2009. С. 37–39.
3. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 433. Оп. 1. Д. 277.
4. Зиновьев В.П. К расчёту реальной заработной платы приисковых рабочих Сибири (На материалах приисков Томского горного округа) // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 14, 1974. С. 90.
5. Зиновьев В.П. К вопросу об экономическом положении горнорабочих Сибири (1895–1914 годы) // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 8. С. 149.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 58. Д. 714. Л. 476–477, 679.
7. Шлаин Б.И. Западно-Сибирский углепромышленный район в 1914–1919 гг. // Горное дело. 1920. Т. 1. Приложение № 1. 73 с.
8. Овсянникова Н.Д. Развитие мелкой золотопромышленности. Положение золотопромышленников (вольностарателей) на золотых приисках Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Труды Иркутского госуниверситета, 1963. Т. 31. Сер. историческая. Вып. 4.
9. Корнев Е.Н. Очерк санитарно-экономического положения рабочих на золотых приисках Витимско-Олекминской системы Якутской области. Диссертация на степень доктора медицинских наук. СПб., 1903. 256, 4 с.

10. Реутовский В. Золотоносный район Томского горного округа // Вестник золотопромышленности. 1896. №11.
11. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 286. Оп. 1. Д. 42. Л. 7.
12. ГАТО. Ф. 426. Оп. 1. Д. 34.
13. ГАТО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 457. Л. 18, 20.
14. Лебедев А. Желтугинская республика в Китае // Русское Богатство. 1896. № 9. С. 143-171.
15. Горный журнал. 1897. № 1.
16. Вестник золотопромышленности и горного дела вообще. 1899. № 23.
17. Горные и золотопромышленные известия, 1899.
18. Садовников И.Ф. Приложение к систематическому указателю к карте золотопромышленного района Олекминского горного округа. СПб., 1909.
19. РГИА. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 792.
20. Положение рабочего рынка и условия промышленного труда в Забайкалье в 1914-1915 гг. Иркутск, 1916. Вып. 1.
21. Вестник золотопромышленности и горного дела вообще. 1901. № 6.
22. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 276.
23. Соколовский С.Н. О современном положении золотого промысла в Амурской области // Горные и золотопромышленные известия. 1915. № 1.
24. Ленские прииски. Сборник документов. М., 1937.
25. РГИА. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 806.
26. Труды заседания черемховских углепромышленников в г. Иркутске. 3-16 ноября 1903 года. Иркутск, 1904. С. 87.
27. Зиновьев В.П. Формы заработной платы горнорабочих Сибири в конце XIX – начале XX в. // Былые годы. 2014. № 1. С. 31(1).
29. РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 599.

References:

1. Kir'yanov Yu.I. Zhiznennyi uroven' rabochikh Rossii (konets XIX – nachalo XX v.). М., 1979. 288 s.
2. Zinov'ev V.P. Ocherki sotsial'noi istorii industrial'noi Sibiri. XIX – nachalo XX v. Tomsk, 2009. S. 37-39.
3. Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti (GATO). F. 433. Op. 1. D. 277.
4. Zinov'ev V.P. K raschetu real'noi zarabotnoi platy priiskovykh rabochikh Sibiri (Na materialakh priiskov Tomskogo gornogo okruga) // Iz istorii Sibiri. Tomsk, 1974. Vyp. 14, 1974. S. 90.
5. Zinov'ev V.P. K voprosu ob ekonomicheskom polozhenii gornorabochikh Sibiri (1895–1914 gody) // Iz istorii Sibiri. Tomsk, 1973. Vyp. 8. S. 149.
6. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). F. 37. Op. 58. D. 714. L. 476-477, 679.
7. Shlain B.I. Zapadno-Sibirskii uglepromyshlennyi raion v 1914-1919 gg. // Gornoe delo. 1920. T. 1. Prilozhenie № 1. 73 s.
8. Ovsyannikova N.D. Razvitie melkoi zolotopromyshlennosti. Polozhenie zolotopromyshlennikov (vol'nostaratele) na zolotykh priiskakh Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. // Trudy Irkutskogo gosuniversiteta, 1963. T. 31. Ser. istoricheskaya. Vyp. 4.
9. Korenev E.N. Ocherk sanitarno-ekonomicheskogo polozheniya rabochikh na zolotykh priiskakh Vitimsko-Olekminskoi sistemy Yakutskoi oblasti. Dissertatsiya na stepen' doktora meditsinskikh nauk. SPb., 1903. 256, 4 s.
10. Reutovskii V. Zolotonosnyi raion Tomskogo gornogo okruga // Vestnik zolotopromyshlennosti. 1896. №11.
11. Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti (GAIO). F. 286. Op. 1. D. 42. L. 7.
12. GATO. F. 426. Op. 1. D. 34.
13. GATO. F. 433. Op. 1. D. 457. L. 18, 20.
14. Lebedev A. Zheltuginskaya respublika v Kitae // Russkoe Bogatstvo. 1896. № 9. S. 143-171.
15. Gornyi zhurnal. 1897. № 1.
16. Vestnik zolotopromyshlennosti i gornogo dela voobshche. 1899. № 23.
17. Gornye i zolotopromyshlennye izvestiya, 1899.
18. Sadovnikov I.F. Prilozhenie k sistematicheskomu ukazatelyu k karte zolotopromyshlennogo raiona Olekminskogo gornogo okruga. SPb., 1909.
19. RGIA. F. 1418. Op. 1. D. 792.
20. Polozhenie rabocheho rynka i i usloviya promyshlennogo truda v Zabaikal'e v 1914-1915 gg. Irkutsk, 1916. Vyp. 1.
21. Vestnik zolotopromyshlennosti i gornogo dela voobshche. 1901. № 6.
22. GAIO. F. 135. Op. 1. D. 276.
23. Sokolovskii S.N. O sovremennom polozhenii zolotogo promysla v Amurskoi oblasti // Gornye i zolotopromyshlennye izvestiya. 1915. № 1.
24. Lenskie priiski. Sbornik dokumentov. М., 1937.
25. RGIA. F. 1418. Op. 1. D. 806.

26. Trudy zasedaniya cheremkhovskikh uglepromyshlennikov v g. Irkutske. 3-16 noyabrya 1903 goda. Irkutsk, 1904. S. 87.
27. Zinov'ev V.P. Formy zarabotnoi platy gornorabochikh Sibiri v kontse XIX – nachale XX v. // Bylye gody. 2014. № 1. S. 31(1).
29. RGIA. F. 37. Op. 67. D. 599.

УДК 94 (470) «19»

**Дифференциация заработной платы горнорабочих Сибири
в конце XIX – начале XX в.**

Василий Павлович Зиновьев

Томский государственный университет, Российская Федерация
634650, Томская область, г. Томск, проспект Ленина, 36
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: vpz@tsu.ru

Аннотация. Рассматриваются сезонные колебания и дифференциация заработной платы горнорабочих Сибири в конце XIX – начале XX вв. Показано, что сезонные колебания в заработной плате зависели от повышенного спроса на рабочие руки летом и пониженного в зимний период. Выяснено, что заработная плата дифференцировалась в зависимости от квалификации, пола, возраста работников, их гражданства, отрасли производства, местоположения предприятия. Такие различия в оплате горнорабочих Сибири были характерны для раннеиндустриального периода развития общества.

Ключевые слова: заработная плата; горнорабочие Сибири.